

DOI: 10.21209/2500-171X
DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3

ISSN 2500-171X
ISSN 2542-0070 (Online)

2017. Том 12, № 3

2017. Vol. 12, No. 3

Учёные записки

Забайкальского государственного университета

Серия «Социологические науки»

Scholarly Notes Of Transbaikal State University

Series Social Sciences

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Забайкальский государственный
университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Тел.: 8 (3022) 35-24-79
Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER

Federal State Budgetary
Educational Institution
of Higher Education
“Transbaikal State
University”

30 Aleksandro-Zavodskaya st.,
Transbaikal Territory, 672039, Russia

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

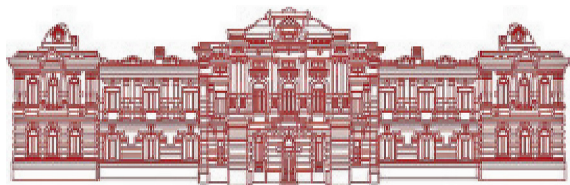
129 Babushkina st., Chita,
Transbaikal Territory, 672007, Russia
Tel. number: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.uchzap.com>

Учёные записки

Забайкальского
государственного
университета

Серия
«Социологические науки»

Scholarly Notes of Transbaikal State University

Series
Social Sciences

Uchenye Zapiski
Zabaikal'skogo
Gosudarstvennogo Universiteta
Seriya
Sotsiologicheskie Nauki

Научный журнал
Основан в 1957 г.
Выходит шесть раз в год

Scientific Journal
Founded in 1957
Published six times per year

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-54257 от 24.05.2013

Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней
доктора и кандидата наук: *социологические,
педагогические, биологические науки*

Редакция журнала руководствуется положением
Гражданского кодекса РФ по авторскому праву,
международными стандартами редакционной
этики, лицензией Creative Commons «Attribution»
 («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала
в «Пресса России» **42408**

Размещение и индексация журнала:
Научная электронная библиотека (РИНЦ),
CrossRef, Ulrich's Periodicals Directory,
Open Academic Journals Index,
IPRbooks, ИВИС, Citefactor, ВИНТИ РАН,
Университетская библиотека онлайн,
КиберЛенинка

Журнал представляет собой сборник оригиналь-
ных и обзорных научных статей, в которых освеща-
ются вопросы по теории и истории социологии, об-
суждаются результаты социологических и культуроло-
гических исследований и экспериментов в сфере
экономической, социальной, политической и духов-
ной жизни общества, как в России, так и за рубежом.

Материалы журнала будут интересны широкой
научной общественности, преподавателям вузов,
аспирантам, студентам, деятелям культуры и обра-
зования.

The journal is registered
by the Federal Supervision Service in the Field
of Communications, Information Technology
and Mass Communications (Roskomnadzor)

Registration certificate
ПИ № ФС77-54257 от 24.05.2013

The journal
is in the List of the leading refereed
scientific journals
and editions which publish the main results
of dissertations for academic degrees
of doctors and candidates of sciences: *sociological,
pedagogical, biological sciences*

The editorial board is guided by the provisions
of the Civil Code of the Russian Federation
on Copyright, international editorial
ethics standards, Creative Commons license
“Attribution” (“Attribution”) 4.0 world

Subscription index of the journal
in “Press of Russia” **42408**

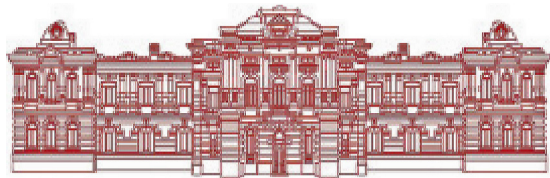
Journal indexing:
Russian Science Citation Index (RSCI),
CrossRef, Ulrich's Periodicals Directory,
Open Academic Journals Index,
IPRbooks, IVIS, Citefactor, VINITI RAS,
University library online,
CyberLeninka

The journal is a collection of original and review
scientific papers that highlight the issues on the theory
and history of sociology, discuss the results of socio-
logical and cultural studies and experiments in the eco-
nomic, social, political and spiritual life of the society
both in Russia and abroad.

The materials of the journal will be of interest to the
broad scientific community, university lecturers, gradu-
ate students, undergraduate students, employees in
the sphere of culture and education.

Учёные записки

Забайкальского
государственного
университета

Серия
«Социологические науки»

Scholarly Notes of Transbaikal State University

Series
Social Sciences

Uchenye Zapiski
Zabaikal'skogo
Gosudarstvennogo Universiteta
Seriya
Sotsiologicheskie Nauki

Редакционная коллегия

Выпускающий редактор

М. Б. Лига, доктор социологических наук,
профессор (Чита, Россия)

Члены редколлегии

Т. В. Бернюкевич, доктор философских наук,
доцент (Чита, Россия);

М. И. Гомбоева, доктор культурологии, профессор
(Чита, Россия);

С. И. Григорьев, доктор социологических наук,
профессор, член-корреспондент РАО
(Москва, Россия);

Л. Г. Гуслякова, доктор социологических наук,
профессор (Горно-Алтайск, Россия);

Е. Ю. Захарова, доктор философских наук,
доцент (Чита, Россия);

Л. Т. Нуркатова, доктор социологических наук,
профессор, член-корреспондент Казахской
академии наук (Астана, Казахстан);

Д. В. Сергеев, доктор философских наук, доцент
(Чита, Россия);

А. Явловский, доктор социологии (Варшава,
Польша)

Главный редактор

И. В. Ерофеева, доктор филологических наук,
доцент

Ответственный секретарь

Е. В. Седина, кандидат культурологии

Редактор О. Ю. Гапченко,
редактор перевода Е. В. Наказная,
вёрстка И. Н. Аргуновой,
дизайн обложки М. Р. Коптеловой

Подписано в печать 25.06.2017.

Дата выхода в свет 25.06.2017.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Arial».

Способ печати оперативный.

Усл. печ. л. 22,1. Уч.-изд. л. 17,9.

Заказ № 17140. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.).

Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»
672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

© Забайкальский государственный
университет, 2017

Editorial Board

Main Handling Editor

M. B. Liga, Doctor of Sociology,
Professor (Chita, Russia)

Editorial board members

T. V. Bernyukevich, Doctor of Philosophy, Associate
Professor (Chita, Russia);

M. I. Gomboeva, Doctor of Culturology, Professor
(Chita, Russia);

S. I. Grigoryev, Doctor of Sociology, Professor,
Corresponding Member of RAS
(Moscow, Russia);

L. G. Guslyakova, Doctor of Sociology, Professor
(Gorno-Altaysk, Russia);

E. Yu. Zakharova, Doctor of Philosophy, Associate
Professor (Chita, Russia);

L. T. Nurkatova, Doctor of Sociology, Professor,
Corresponding Member of KAS
(Astana, Kazakhstan);

D. V. Sergeev, Doctor of Philosophy, Associate
Professor (Chita, Russia);

A. Jawlowski, Doctor of Sociolody (Warszawa,
Poland)

Editor-in-chief

I. V. Erofeeva, Doctor of Philology,
Associate Professor

Executive Secretary

E. V. Sedina, Candidate of Culturology

Corrector O. Yu. Gapchenko,
Editor of the English Translation E. V. Nakaznaya,
Make-up I. N. Argunova,
Cover design M. R. Koptelova

Signed to print 25.06.2017.

Date of publication 25.06.2017.

Format 60 × 84 1/8. Offset paper. Headset "Arial".

Operative printing.

Conv. quires 22,1. Ed.-print quires 17,9. Order № 17140.

Circulation 1000 copies. (1 st factory 1–100 copies).

Free price

Printed by FSBEI HE "Transbaikal
State University"
672039, Russia, Chita, 30 Aleksandro-Zavodskaya st.

© Transbaikal State University, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СЕГОДНЯ

Ван Кзэнь. Социальное пространство становления языковых контактов России и Китая	6
Воротилкина И. М., Некозырева К. С. Имидж в профессиональной деятельности социального работника	13
Напсо М. Д. Современное общество как «общество спектакля»	23
Фирсов М. В., Юдина Т. Н., Черникова А. А. Особенности процессов инкапсуляции в условиях многовекторных координат российского общества	30
Фоканов Ю. В. Факторы развития диаспоры в глобализирующемся мире	41

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

Баксанский О. Е. Становление концепции техногенного общественного развития	46
Бернюкевич Т. В. Региональные культуры в контексте становления российской культуры	55
Головкин Н. В. Декларация академических свобод и полномочий: исторический контекст и основания академической свободы	60
Силантьева М. В. Философия культуры Николая Бердяева о перспективах «посткризисного мира»: методологические аспекты интеллектуальной модели «нового средневековья»	71
Эрдэнэев Э. Т. Качество жизни в концепциях постиндустриализма и трансгуманизма: сравнительно-сопоставительный анализ	80

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Виноградова Н. И. Социально-психологические условия профессионального развития будущих психологов образования	87
Захарова Е. Ю., Порш Л. А. Особенности тенденций феминизации образования в современном российском обществе	93
Лига М. Б., Щеткина И. А., Томских А. А., Клименко Т. К. Независимая оценка качества образования в Забайкальском крае: первые итоги	98
Субботина Н. Д. Применение суггестии в современных методиках обучения	111

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Лаврикова В. Н., Михайловская С. А. Вторичная занятость студенческой молодёжи Забайкальского края	122
Лотова И. П. Студенческая семья: современный портрет, характеристика основных проблем и пути разрешения	129
Шапеева А. В. Социологическая информация в управлении молодежной политикой	135

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Колесников А. С. Проблемы природы ума и сознания в решениях традиционной и современной буддистской мысли	141
Чэ Тунбо, Цзоу Хун. Влияние постулатов даосизма на развитие китайского общества	154

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Лях О. А., Лиханова В. В. Инновации в экскурсионной деятельности	160
Олейников С. В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства	169
Сметанина Т. А. Опыт традиционной культуры в становлении новой экологической этики	175
Щеткина И. А. Социокультурные детерминанты качества жизни	182

CONTENTS

RUSSIAN SOCIETY TODAY

Wang Kewen. Social Space for Forming Language Contacts Between Russia and China	6
Vorotilkina I. M., Nekozyreva K. S. Image in the Professional Activity of a Social Worker	13
Napso M. D. Modern Society as a “Performance Society”	23
Firsov M. V., Yudina T. N., Chernikova A. A. Features of Encapsulation Processes in Multivector Coordinates of Russian Society	30
Fokanov Yu. V. Factors of Diaspora Development in the Globalizing World	41

THEORY. METHODOLOGY

Backsanskiy O. E. The Origins of the Concept of Technogenic Social Development	46
Bernyukevich T. V. Regional Cultures in the Context of Russian Culture Formation	55
Golovko N. V. Declaration of Principles on Academic Freedom and Academic Tenure: Historical Background and the Principles of Academic Freedom	60
Silantieva M. V. Nikolai Berdyaev’s Philosophy of Culture about the Prospects of “Postcrisis World”: Methodological Aspects of “The New Middle Ages” Intellectual Pattern	71
Erdeneev E. T. Quality of Life in the Concepts of Post-industrialism and Transhumanism: Comparative Analysis	80

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Vinogradova N. I. Social and Psychological Conditions For Professional Development of Future Education Psychologists	87
Zakharova E. Yu., Porsh L. A. Features of Education Feminization Trends in Modern Russian Society	93
Liga M. B., Shchetkina I. A., Tomskih A. A., Klimenko T. K. An Independent Evaluation of the Quality of Education in the Trans-Baikal Region: First Results	98
Subbotina N. D. Suggestion Usage in Modern Teaching Methods	111

EMPIRICAL AND APPLIED RESEARCH

Lavrikova V. N., Mikhaylovskaya S. A. Secondary Employment of Student Youth in the Zabaikalsky Region	122
Lotova I. P. Student Family: A Modern Portrait, Characteristics of the Main Problems and Ways to Solve Them	129
Shapieva A. V. Sociological information in the Management of Youth Policy	135

SOCIOLOGY OF RELIGION

Kolesnikov A. S. The Problems of the Nature of Mind and Consciousness in the Decisions of the Traditional and Modern Buddhist Thought	141
Che Tongbo, Zou Hong. The Influence of Taoism Postulates on the Development of Chinese Society	154

SOCIOLOGY OF CULTURE

Lyakh O. A., Likhanova V. V. Innovations in Excursion Activities	160
Oleynikov S. V. Information Institutions in the Context of Socio-cultural Development of the State	169
Smetanina T. A. Experience of Traditional Culture in the Development of New Environmental Ethics	175
Shchetkina I. A. Sociocultural Determinants of the Quality of Life	182

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СЕГОДНЯ RUSSIAN SOCIETY TODAY

УДК 811.161.1=811.581'282.8

Ван Кэзэнь,
кандидат культурологии,
Наньчанский университет
(330031, КНР, г. Наньчан, провинция Цзянси,
Сюе Фу, № 999, р-н Хун Гутань),
e-mail: wkwcom@163.com

Социальное пространство становления языковых контактов России и Китая

Торговые связи, культурный обмен, войны и конфликты приводят к возникновению коммуникации между разными народами и обществами, неизбежно вызывая языковые контакты. Языковые контакты понимаются как разнообразные изменения, языковые явления одного из двух или более языков (разновидностей), вызванные продолжительным общением в посредственной, непосредственной, устной или письменной форме между говорящими на этих языках (разновидностях). В статье анализируется процесс становления, формирования русско-китайского пиджина во взаимодействии России и Китая. Выявляются причины возникновения русско-китайского пиджина; рассматривается социальное пространство существования русско-китайского пиджина; выявляются особенности русско-китайского пиджина, этапы его становления, формирования и исчезновения. Автор приходит к выводу, что кяхтинский русско-китайский пиджин и харбинский русско-китайский пиджин как результаты долгосрочных и частых контактов китайского и русского языков являются продуктом общения между китайскими и русскими народами. Харбинский пиджин был бытовым языком и охватывал разные слои населения, кяхтинский – возник и существовал на уровне материальной культуры, выполняя коммуникативную функцию. Методологическую основу исследования составляют системный, сравнительно-исторический, структурно-функциональный, ретроспективный подходы.

Ключевые слова: социальное пространство, язык, языковые контакты, русско-китайский пиджин

Вводная часть. На всём протяжении существования человечества язык был основой взаимодействия между людьми, народами, странами и его результатом. Возникновение языковых контактов приводит к появлению таких явлений, как заимствование языковых элементов, двуязычие, переключение кодов, смешение языков, языковое скрещивание, т. е. возникновение пиджинов и креольских языков.

В последние годы в отечественной и зарубежной науке возрос интерес к исследованию языковых контактов, что обусловлено процессами глобализации, активного взаимодействия различных видов культур, вызвавшими необходимость новой оценки их роли и места в современных процессах.

Актуализируют тему активно развивающиеся в последние годы контакты России и Китая как стратегических партнёров.

В данной связи исследование языков в условиях языковых контактов России и Китая, их роли в различных сферах жизнедеятельности имеет большое значение.

Автором описан процесс становления, формирования русско-китайского пиджина во взаимодействии России и Китая. Для реализации цели предполагалось решить следующие задачи: раскрыть причины возникновения, описать социальное пространство существования, выявить особенности русско-китайского пиджина; выделить этапы его становления, формирования и исчезновения.

Методологическую основу исследования составляют системный, сравнительно-исторический, структурно-функциональный, ретроспективный подходы. Для решения поставленных задач были использованы такие приёмы, как анализ и синтез, индукция и дедукция, историко-генетический.

Результаты исследования и их об- суждение. Развитие торговых контактов, обмена между Россией и Китаем привело к появлению пиджина, или контактного языка. Проанализировав этимологию слова «пиджин», Ян Цзе пришёл к выводу, что своим происхождением пиджин обязан русско-китайским отношениям конца XVII века [10]. По мнению учёного, для возникновения контактных языков необходимо массовое и длительное общение, невозможность изучить язык партнёра, политика правящей элиты. «Нерегулярные контакты, политика имперского Китая (государство всячески препятствовало проникновению чужеродного влияния на подданных императора поднебесной, считалось самодостаточным во всех смыслах и позволяло католическим миссионерам, которые прибывали в Китай в составе первых торговых экспедиций, заниматься проповеднической деятельностью только в ограниченных пределах) не позволили европейцам создать пиджин, несмотря на более раннее по сравнению с русскими проникновение на эту территорию (знаменитый венецианский купец-путешественник Марко Поло прожил в Китае в XIII веке более 17 лет, в конце XVI – начале XVII века здесь появились первые католические миссионеры)» [10, с. 66].

Пиджин возник в условиях, когда людям или группе людей было необходимо о чём-либо договориться, но у них не было общего языка [2]. Целью языкового контак-

та в данном случае является не изучение языков контактирующих групп, а установление взаимопонимания с целью решения практических проблем (торговли, обмена товарами, повседневного общения и др.).

В современной науке существуют различные трактовки понятия «пиджин». Так, Е. В. Перехвальская определяет пиджин как «редуцированный идиом, не имеющий коллектива собственных носителей, часто не воспринимающийся самими говорящими как “язык”; он служит вспомогательным средством коммуникации, спонтанно возникающим в стандартных коммуникативных ситуациях» [6, с. 4].

По мнению В. А. Виноградова, пиджин – «структурно-функциональный тип языков, не имеющих коллектива исконных носителей и развившихся путём существенного упрощения структуры языка-источника; используется как средство межэтнического общения в среде смешанного населения»¹.

В нашем понимании пиджин – контактный язык, возникающий в особых социально-экономических, политических и культурных условиях.

В современной науке изменились представления о причинах происхождения пиджина. Долгое время существовала точка зрения, согласно которой возникновение пиджина связывалось с колониальными захватами и войнами, а также с языковыми контактами между европейскими колонистами и афро-азиатскими народами. Однако существует группа пиджинов, которые не являются результатом колониальных войн. Считается, что такая группа пиджинов возникла в результате развития торговли, установления культурных контактов, проживания на одной территории. Пиджин имеет ограниченную лексику и простую грамматику, в большинстве случаев существует в устной форме. Пиджин существует до тех пор, пока существуют условия, вызывавшие его к жизни [9].

Общение между народами во время войн, конфликтов, торговли, эмиграции происходит с помощью языка, поэтому это общение неизбежно приводит к языковым контактам и оказывает языковое влияние. Термин «языковые контакты» был впервые использован А. Мартине, право на научное обоснование получил благодаря творчеству

¹ Виноградов В. А. Пиджины // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 374.

У. Вайнрайха [3]. В современном научном знании существуют разные теоретико-методологические подходы к трактовке понятия «языковые контакты»:

– языковые контакты представляют собой взаимовлияние между языками в результате контактирования коллективов, говорящих на этих языках (Го Гуси¹, Хэ Цзюяньфан, Сип Фуи, Цзи Хуян² и др.);

– разнообразные языковые явления в силу контактирования языков (У. Вайнрайх, Э. Хуаген и др.);

– языковое взаимовлияние и взаимодействие в процессе языкового контактирования (В. Ю. Розенцвейг, А. Е. Карлинский и др.).

В данной статье языковые контакты понимаются как разнообразные изменения, языковые явления одного из двух или более языков (разновидностей), вызванные продолжительным общением в посредственной, непосредственной, устной или письменной форме между говорящими на этих языках (разновидностях) [4, с. 64].

Исследователи Е. В. Перехвальская, В. И. Беликов, Е. А. Оглезнева, Н. А. Жданова и другие считают, что в процессе культурного и торгового обмена между Китаем и Россией возникли следующие виды русско-китайского пиджина:

– кяхтинский русско-китайский, появившийся во второй четверти XVIII века в пограничных городах – Кяхте и Маймачине;

– харбинский русско-китайский, возникший в конце XIX – начале XX века в Харбине.

В современной научной литературе выделяется новый вид русско-китайского пиджина – забайкальско-маньчжурский [10], который не получил широкого изучения. В. И. Беликов, поднимая вопрос о значимости исследования этого типа пиджина, обращает внимание на то, что «...специалисты проходят мимо этого материала, и дело не только в том, что русисты с ним сталкиваются редко (...) Главная причина – пренебрежение к “малограмотной речи”, “исковерканному” русскому языку» [1]. За прошедшее время в русской лингвистике ничего не изменилось, по крайней мере, статья Ян Цзе – пока единственный известный нам текст о зарождающейся новой версии русско-китайского пиджина.

Русско-китайский пиджин понимается нами как результат контактов русского и китайского населения, как средство, позволяющее населению общаться в процессе повседневной жизни.

При возникновении русско-китайского пиджина велико было влияние русского языка как языка страны, в экономическом отношении более развитой. Кроме того, как замечает Ян Цзе, чрезмерное влияние русского языка было определено тем, что в развитии и активизации торговли прежде всего были заинтересованы китайские купцы и мелкие торговцы [10].

Кяхтинский русско-китайский пиджин возник в процессе развития торговых отношений между китайскими и русскими купцами как язык торговли. Первым, кто написал о кяхтинском пиджине, был Е. Ф. Тимковский, назвавший его особым языком, представляющим собой «сильно испорченный русский – смешанное наречие, на коем производят важные коммерческие дела шааньсийцы на Кяхте с нашими купцами, которые никогда не учат китайский» [5].

Китайские торговцы в Маймачине умели говорить на русском языке (точнее, на русско-китайском пиджине). Говорили по-русски плохо, к тому же в Кяхте никто из русских торговцев не умел говорить на китайском языке. В годы Кяхтинской пограничной торговли русские и китайцы общались с помощью пиджина, что абсолютно не препятствовало успешному осуществлению русско-китайской Кяхтинской пограничной торговли [7]. Правительство династии Цин обращало внимание на то, чтобы в Маймачине китайские купцы говорили на русском языке при общении с русскими и не давали возможности русским учить китайский язык. Может показаться странным, что купцы, пребывая в Кяхте с самого открытия пограничного торгового пункта, с 1728 года, до сих пор не обращали внимания на китайский язык. Это было связано с тем, что китайский язык невозможно было изучить без хорошего учителя. В это же время китайцы, не обращая внимания на трудности изучения русского языка, издали постановление о том, что каждый человек, ведущий торговлю в Кяхте, должен был непременно ему обучаться. В каждой торговой лавке должен был находиться небольшой китайский словарь с русским переводом, написанный китайскими буквами [10, с. 69].

¹ Го Гуси. Курс Лингвистики. – Сиань, 1987. – 351 с.

² Цзи Хуян. Прикладная лингвистика. – Шанхай, 2004. – 192 с.

В 1689 году в Нерчинске был подписан договор о территориальном разграничении, а в 1727 году в Кяхте – о создании пункта приграничной торговли между двумя империями, что послужило легализации русско-китайской пограничной торговли. Кяхта и Маймачин стали русско-китайскими пограничными торговыми пунктами, возник кяхтинский русско-китайский пиджин.

В Нерчинский договор были вписаны статьи о торговле. Пятая статья Нерчинского договора включала следующее: со дня подписания договора люди с паспортами двух стран могут торговать на русско-китайской границе. В результате подписания данного договора Правительство династии Цин впервые определило торговые отношения с Россией, что позволяло русским караванам вести торговлю в Китае.

В 1728 году в Кяхтинский договор были внесены изменения. Была дополнена четвертая статья, которая стала включать следующие положения: разрешить Китаю и России торговать между собой; предоставить возможность каждые три года русским караванам приезжать в Пекин с не более чем 200 людьми; на реке Селенга в Кяхте и Маймачине начать строить дома для пограничной торговли; разрешить купцам торговать, при этом не взимать у них налоги; торговцам перемещаться только установленной дорогой, в ином случае их товары будут конфискованы.

После подписания Кяхтинского договора Кяхта благодаря удобному расположению стала русско-китайским торговым городом. Старый город принадлежал России, в Китае был построен новый город и впоследствии создан кяхтинский рынок – пограничный торговый рынок на границе Китая и России.

Айгунский договор (1858 г.), Тяньцзинский трактат (1858 г.) и Пекинский трактат (1860 г.), подписанные Россией с правительством династии Цин, открыли для русских торговцев вход в Китай. «Русско-китайский сухопутный торговый устав», подписанный Россией и Китаем в 1862 году в Пекине, изменил традиционную кяхтинскую пограничную торговлю. Если раньше русские торговцы могли вести торговлю только в пограничных районах, то после подписания данного устава русские торговцы получили право проникать во внутренний китайский район и закупать там товары.

В конце XIX века началось строительство КВЖД, что послужило причиной появления бытового харбинского русско-китайского пиджина, который активно использовался в повседневной жизни. Харбинский русско-китайский пиджин также стал контактным языком эмигрантов.

Становление харбинского русско-китайского пиджина связано с тремя волнами русской эмиграции:

- первая волна – строительство КВЖД;
- вторая волна – Русско-японская война;
- третья волна – Октябрьская революция и Гражданская война в России.

В XIX веке Россия расширяла зарубежные рынки. Для получения привилегии в строительстве железной дороги на Северо-Востоке Китая русское правительство настояло, чтобы Ли Хунчжан от имени правительства династии Цин подписал договор «о взаимопомощи при сопротивлении врагам». Согласно этому договору, Россия получала все преимущества при строительстве китайской Северо-Восточной железной дороги.

В дальнейшем Россия подписала ещё ряд контрактов с правительством династии Цин и получила право на создание банка, эмиссию бумажных денег в Китае, строительство Китайско-Восточной железной дороги в Харбине, открытие вдоль линии Китайско-Восточной железной дороги для русских и т. д. Эти права стали основой правовой защиты мигрантов из России в Харбине.

Строительство КВЖД привлекло на территорию Китая русских разных профессий: управляющие, проектировщики градостроительства, войска железнодорожной охраны, рабочие. Вскоре приехали русские купцы с целью инвестиций и менеджмента, священнослужители и представители других профессий. Они поселились вдоль линии Китайско-Восточной железной дороги – Харбине, Чанчуне, Цицикаре, Маньчжурии и других торговых портах. Большинство русских жили в Харбине – узле Китайско-Восточной железной дороги. В 1899 году число русских эмигрантов в Харбине существенно увеличилось. В 1903 году, когда Китайско-Восточная железная дорога была пущена в эксплуатацию, вдоль линии этой железной дороги стало проживать более 30 000 русских эмигрантов [10].

После начала Русско-японской войны число русских эмигрантов в Харбине

по-прежнему оставалось высоким. Харбин явился базой снабжения русских войск и невзирая на то, что после Русско-японской войны возвращение русских войск на родину привело к резкому снижению количества русских эмигрантов в Харбине, их число всё равно оставалось значительным.

В 1920–1922 годы, после поражения армии адмирала Колчака, Харбин встретил новую волну эмиграции, среди эмигрантов были дворяне, чиновники, офицеры, капиталисты, интеллигенты и т. д. Харбин стал самым крупным центром русского населения в Китае, поэтому именовался «Восточной Москвой».

В Харбине русские эмигранты занимались разными видами деятельности, в том числе промышленностью, торговлей, финансами, сервисом, литературой, искусством, культурой, образованием, прессой и книгоизданием. С расширением сферы их деятельности общение между ними и харбинскими китайцами становилось всё активнее [7]. Первое время у китайцев и русских эмигрантов не было общего языка. В целях устранения языкового препятствия харбинское население привнесло в свою речь транслитерированные русские выражения. В Харбине возник особый идиом – харбинский русско-китайский пиджин. Этот пиджин основан на русской лексике, в нём мало заимствованных слов из китайского языка [8]. Он характеризуется ограниченной лексикой и простой грамматикой, существует лишь в устной форме (письменная форма употреблялась только в вывесках и рекламах магазинов), представляет собой временное коммуникативное средство и является продуктом долгосрочного обмена между китайскими и русскими культурными группами.

В 1990-е годы XX века в связи улучшением отношений между Россией и Китаем появляется новый вид русско-китайского пиджина – забайкальско-маньчжурский. В это время возникает такая разновидность торговли, как челночество, субъектом забайкальско-маньчжурского пиджина становится новая социальная группа – челноки. Данный вид языкового контакта не стал предметом специального научного исследования, исключение составляет лишь ряд работ. Давая характеристику этому виду

контакта, Ян Цзе считает, что есть все основания называть его препиджином [10, с. 72]. По его мнению, это связано с тем, что данный языковой контакт существует всего пятнадцать лет. Кроме того, с китайской и российской сторон в речевое общение вступали, прежде всего, представители коренного населения близлежащих к границе населённых пунктов. В основной своей массе данное население обладало показателями смешения кодов: разговорных языков с местными диалектами, частичной интерференции языковой нормы, преобладания элементов просторечия в словаре участников коммуникации, – при этом изначально имели свою гомогенную языковую основу.

Заключение. Кяхтинский русско-китайский пиджин и харбинский русско-китайский пиджин как результаты долгосрочных и частых контактов китайского и русского языков представляют собой продукт общения между китайскими и русскими народами.

Существование кяхтинского и харбинского русско-китайского пиджина было объективно детерминировано историческими условиями. Замирание торговой деятельности на территории Кяхты и Маймачина, ухудшение политических отношений между Россией и Китаем в 50–60-е годы XX века, отъезд русских эмигрантов в другие страны, смерть старых жителей Харбина явились причинами того, что сфера использования пиджина резко сужалась.

Носителями кяхтинского русско-китайского пиджина были купцы, торговцы, он возник и существовал на уровне материальной культуры, выполняя коммуникативную функцию. Харбинский русско-китайский пиджин появился в период активного внедрения русских на территорию Китая. Это было продиктовано государственной политикой России. В первые десятилетия XX века развитие харбинского русско-китайского пиджина было связано с волной эмиграции, порождённой Октябрьской революцией и политикой советского государства. В это время на территорию Маньчжурии хлынуло большое количество русских представителей разных социальных слоёв. В отличие от кяхтинского русско-китайского пиджина, харбинский пиджин был бытовым языком и охватывал разные слои населения.

Список литературы

1. Беликов В. И. Отзыв о статье Ян Цзе «Забайкальско-маньчжурский препиджин: опыт социолингвистического описания» [Электронный ресурс] // Форум «Восточное полушарие», 2008. Режим доступа: <http://www.polusharie.com/index.php?topic=99606.0> (дата обращения: 19.02.2017).
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. О смешанном характере всех языков // Избранные труды по общему языкознанию. М.: АН СССР, 1963. Т. 1. С. 362–372.
3. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/1085797/> (дата обращения: 05.02.2017).
4. Ван Кэвэнь. Языковые контакты Китая и России // Учёные записки ЗабГУ. 2016. Т. 11, № 3. С. 62–67.
5. Жданова Н. А. Современный русско-китайский пиджин Забайкалья в структурно-системном и коммуникативном аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Улан-Удэ, 2016. 22 с.
6. Перехвальская Е. В. Сибирский пиджин (Дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.00.19. СПб., 2006. 33 с.
7. Сюй Лайди. Исследование языкового контакта. Харбин, 2014. 114 с.
8. Щерба Л. В. О понятии смешения языков [Электронный ресурс] // Архив петербургской русистики. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba8.htm> (дата обращения: 27.02.2017).
9. Юань Янь. Языковой контакт и языковая эволюция. Пекин, 2001. 130 с.
10. Ян Цзе. Забайкальско-маньчжурский препиджин: опыт социологического исследования // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 66–74.

Статья поступила в редакцию 10.03.2017; принята к публикации 18.04.2017

Библиографическое описание статьи

Ван Кэвэнь. Социальное пространство становления языковых контактов России и Китая // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 6–12.

Wang Kewen,
Cultural Studies PhD,
Nanchang University
(330031, China, Nanchang, Jiangxi,
Xue Fu, № 999, Hong GuTang Newly-Developed Area),
e-mail: wkwcom@163.com

**Social Space for Forming Language Contacts
Between Russia and China**

Commercial relations, cultural exchanges, wars and conflicts lead to the emergence of communication between different peoples and societies, inevitably causing language contacts. Language contacts are understood as various changes, language phenomena of one of two or more languages (varieties) caused by prolonged communication in a mediocre, direct, oral or written form between the speakers of these languages (varieties). The article analyzes the process of formation and development of the Russian-Chinese pidgin in the process of interaction between Russia and China. The article reveals the reasons for the emergence of the Russian-Chinese pidgin, considers the social space of the Russian-Chinese pidgin existence and describes the features of the Russian-Chinese pidgin, the stages of its formation, development and disappearance. The author comes to the conclusion that the Kyakhta Russian-Chinese pidgin and the Harbin Russian-Chinese pidgin that appeared as a result of long-term and frequent contacts of the Chinese and Russian languages are the products of communication between the Chinese and Russian people. The Harbin pidgin was the everyday language used by different segments of the population; the Kyakhta pidgin arose and existed at the level of material culture, performing a communicative function. The methodological basis of the research includes systematic, comparative-historical, structurally functional and retrospective approaches.

Keywords: social space, language, language contacts, Russian-Chinese pidgin

References

1. Belikov V. I. Otzyv o stat'e Yan Tsze «Zabaikal'sko-man'chzhurskii prepidzhin: opyt sotsiolingvisticheskogo opisaniya» [Elektronnyi resurs] // Forum «Vostochnoe polusharie», 2008. Rezhim dostupa: <http://www.polusharie.com/index.php?topic=99606.0> (data obrashcheniya: 19.02.2017).

2. Boduen de Kurtene I. A. O smeshannom kharaktere vseh yazykov // Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu. M.: AN SSSR, 1963. T. 1. S. 362–372.
3. Vainraikh U. Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problemy issledovaniya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.twirpx.com/file/1085797/> (data obrashcheniya: 05.02.2017).
4. Van Keven'. Yazykovye kontakty Kitaya i Rossii // Uchenye zapiski ZabGU. 2016. T. 11, № 3. S. 62–67.
5. Zhdanova N. A. Sovremenniy russko-kitaiskii pidzhin Zabaikal'ya v strukturno-sistemnom i kommunikativnom aspektakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Ulan-Ude, 2016. 22 s.
6. Perekhval'skaya E. V. Sibirskii pidzhin (Dal'nevostochniy variant). Formirovanie. Istoriya. Struktura: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.00.19. SPb., 2006. 33 s.
7. Syui Laidi. Issledovanie yazykovogo kontakta. Kharbin, 2014. 114 s.
8. Shcherba L. V. O ponyatii smesheniya yazykov [Elektronnyi resurs] // Arkhiv peterburgskoi rusistiki. Rezhim dostupa: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba8.htm> (data obrashcheniya: 27.02.2017).
9. Yuan' Yan'. Yazykovo kontakt i yazykovaya evolyutsiya. Pekin, 2001. 130 s.
10. Yan Tsze. Zabaikal'sko-man'chzhurskii prepidzhin: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya // Vo-prosy yazykoznaniya. 2007. № 2. S. 66–74.

Received: March 10, 2017; accepted for publication: April 18, 2017

Reference to the article

Wang Kewen. Social Space for Forming Language Contacts Between Russia and China // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 6–12.

Ирина Михайловна Воротилкина¹,

доктор педагогических наук, профессор,

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
(679015, Россия, ЕАО, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70а),

e-mail: btb-irina@rambler.ru

Ксения Сергеевна Некозырева²,

магистрант,

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
(679015, Россия, ЕАО, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70а),

e-mail: nekozyreva_ks_94_25@mail.ru

Имидж в профессиональной деятельности социального работника

В статье рассматриваются понятия имиджа с точки зрения разных авторов, его видовое разнообразие и основные компоненты. В результате исследований специалистов (С. А. Камболов, И. П. Тихонов, Е. Б. Перельгина и другие) была выстроена структура формирования имиджа, а также разработана модель имиджа социального работника с использованием элементов структурно-функциональной модели имиджа социального работника С. А. Камболова. Авторами была предпринята попытка показать структуру индивидуального имиджа социального работника как основу формирования профессионального имиджа. Показано значение имиджа в профессиональной деятельности социального работника. Представлен анализ исследования, цель которого – выявление роли имиджа в профессиональной деятельности социального работника. Отражены основные выводы и результаты исследования, а также приведены рекомендации по повышению уровня имиджа социального работника. В ходе работы было выявлено, что имидж играет важную роль и оказывает положительное влияние на профессиональную деятельность социального работника. Хорошо продуманный имидж социального работника помогает повысить доверие и устранить преграды, возникающие между ним и его клиентами.

Ключевые слова: имидж, социальный работник, индивидуальный имидж, личность, конгруэнтность

Вводная часть. В настоящее время проблема имиджа социального работника достаточно актуальна, и связано это прежде всего с его профессиональной деятельностью [2], которая направлена на оказание помощи определённым категориям граждан, по тем или иным причинам попавших в трудную жизненную ситуацию, где в зависимости от эффективности взаимодействия и оказания помощи социального работника клиентам и формируется имидж в его профессиональной сфере деятельности.

Термин «имидж» (от фр. или англ. *image*) в буквальном переводе на русский язык означает «образ, облик» [7, с. 5]. С точки зрения социальной психологии, имидж – это символический образ субъекта, создаваемый в процессе субъект-субъектного взаимодействия [Там же, с. 8].

В толковом словаре С. А. Кузнецова понятие «имидж» – это не только внутренний облик предмета, но и целенаправленно созданное мнение, представление, сложившееся в обществе о каком-либо человеке, предмете, товаре и т. д.³

И. П. Тихонов [10, с. 7], напротив, считает что имидж – это не то, чем человек является на самом деле, не совокупность его личностных характеристик, а образ, который создаётся в отношении этого человека у окружающих его людей, либо людей, создающих впечатление о нём с помощью различных средств.

Из приведённых выше понятий имиджа, взятых из разных областей знания, можно выделить наиболее общие черты. Имидж – это не что иное, как образ, облик, создаваемый в отношении кого-либо или чего-либо

¹ И. М. Воротилкина – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

² К. С. Некозырева структурирует материал, оформляет статью.

³ Толковый словарь. Имидж [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gufo.me/content_kuznec/imidzh-138039.html (дата обращения: 15.12.2016).

с целью популяризации данного объекта в обществе (С. А. Кузнецова, И. П. Тихонов) [Там же, с. 8].

По мнению И. П. Тихонова [Там же, с. 12], основными составляющими имиджа являются: внешний вид, «телесный» имидж, голос и речь. Внешнему виду, голосу и речи автор уделяет особое внимание, так как именно эти составляющие, по его мнению, формируют имидж. Если человек имеет ухоженный вид, о нём складывается положительное впечатление, он привлекает к себе внимание и располагает к себе людей, таким образом облегчается установление межличностного контакта, что делает процесс взаимодействия более эффективным. Голос и речь занимают немаловажное место в формировании имиджа. По тому, как человек говорит, выдерживает паузы, ставит ударения, можно определить уровень его образованности и профессионализма, место проживания.

Социальный работник общается с разными группами населения, разных возрастов. От коммуникативных возможностей социального работника во многом зависит успех его деятельности, что впоследствии также отражается на его имидже.

По мнению специалистов [4; 10], имидж социального работника – многослойное образование, состоящее как из нравственной надёжности социального работника, так и из его профессионализма, компетентности, гуманитарной образованности и психологических знаний.

Анализируя имидж социального работника, С. А. Камболов [4, с. 66] выделяет следующие компоненты имиджа социального работника: информационно-семиотический компонент (внешность, манера поведения, речь); личностно-ресурсный компонент (представление о личностных характеристиках); профессионально-гностический компонент (профессионально важные качества); ситуативно-интерактивный компонент (представление о реально складывающихся взаимоотношениях социального работника с клиентами).

Имидж социального работника находит отражение в работах В. Н. Келасьева [9, с. 36], который наиболее важные личностные качества социального работника выделил в следующие три группы:

1) профессиональные качества личности – это высокий профессионализм,

компетентность в решении разнообразных социальных проблем, высокий уровень образования и общей культуры (в т. ч. духовной), владение смежными специальностями и знаниями по педагогике, психологии, юриспруденции;

2) гуманистические качества личности – это доброта, любовь к людям, душевность, доброжелательность, чуткость, отзывчивость, желание принять чужую боль на себя, милосердие, человечность, чувство сострадания, эмпатия;

3) социальные качества личности – они включают коммуникабельность, организационные способности, умение правильно понять человека и поставить себя на его место, гибкость и деликатность, тактичность в общении, умение слушать, способность поддерживать другого и стимулировать его на развитие собственных сил, умение вызывать к себе доверительное отношение¹.

Образ социального работника строится на его индивидуальном имидже, зависящем от его профессиональных качеств. Стилль его поведения, личностные качества, ценностные ориентиры и интересы оказывают воздействие на тот образ, который он формирует. Практика показывает, что некоторые социальные работники прекрасно себя чувствуют в конфликтных ситуациях, другие в ситуациях взаимопомощи. Кто-то находит общий язык с замкнутыми в себе клиентами, кто-то более отзывчив к детям, кто-то более чутко относится к людям пожилого возраста. В связи с этим личностные качества социального работника играют главную роль в формировании его имиджа [3].

Для благоприятного формирования имиджа социального работника важно, чтобы он соответствовал основным его профессиональным качествам, таким как гуманность, ответственность, чувство собственного достоинства и уважение достоинства других, терпимость, вежливость, эмоциональная устойчивость, терпение и самообладание [8].

Методология и методы исследования. Анализ специальной литературы [9; 10] позволил нам выделить компоненты имиджа и выявить порядок формирования имиджа, его цель – что формируется, задачи – для

¹ Вишневский Ю. Р. Профессиональный имидж социальной работы и роль СМИ в повышении её престижа: информационно-аналитический отчёт / под ред. Ю. Р. Вишневского. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. – 100 с.

чего формируется, средства – чем формируется, методы – как формируется, принципы – в соответствии с чем формируется¹.

Результат формирования имиджа – положительно сложившееся мнение, привлечение внимания к данному объекту (рис. 1).

Рис. 1. Структура формирования имиджа

Fig. 1. The structure of image formation

Имидж оказывает большое влияние на профессиональную деятельность социального работника, и масштабы этого влияния будут зависеть от уровня сформированности индивидуального имиджа социального работника (рис. 2).

Индивидуальный имидж социального работника даёт общую картину представления о его профессиональной деятельности в целом и показывает влияние имиджа на эффективность его профессиональной деятельности. Под эффективностью обычно понимают поставленные цели и количе-

ство достигнутых результатов с минимальным уровнем потерь. Отсюда следует, что показатели эффективности деятельности социального работника будут зависеть от уровня удовлетворённости клиента работой специалиста [10].

Основным показателем эффективности деятельности социального работника будет являться его конгруэнтность (т. е. состояние, где слова человека будут соответствовать его действиям, внешний и внутренний образ будут соответствовать друг другу), качество предоставляемых услуг клиенту будет зависеть от профессионализма социального работника, его опыта работы и уровня подготовки. Если при работе социального работника с кли-

¹ Зазыкин В. Г. Имидж организации: структура и психологические факторы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/3967211/> (дата обращения: 25.11.2016).

ентом у него будет отсутствовать единство создаваемого образа, это будет являться главной преградой для достижения максимальной эффективности его деятельности. Имидж социального работника должен обладать множественной конгруэнтностью: он не должен противоречить внутреннему

самовосприятию социальным работником себя как личности, как профессионала, но в то же время он должен быть конгруэнтен и ожиданиям клиента, на удовлетворение потребности которого нацелена его профессиональная деятельность [5, с. 56].

Рис. 2. Индивидуальный имидж социального работника

Fig. 2. Individual image of a social worker

Имидж в профессиональной деятельности социального работника может формироваться стихийно или сознательно. При стихийном формировании имиджа социального работника, основным фактором будут выступать личностные качества человека данные ему от природы. При сознательном формировании имиджа социального работника главным фактором формирования выступает мотивация, то есть то, ради чего и формируется имидж [6]. В некотором роде это то, что мы получим в итоге от формирования имиджа, главная «выгода», извлекаемая из этого процесса.

Опираясь на структурно-профессиональную модель имиджа социального работника С. А. Камболова [4, с. 66], мы разработали модель имиджа социального работника (рис. 3), где «имидж» в общем представлении означает создание целенаправленного образа, успешность формирования которого зависит от определённого набора элементов, от их соответствия между собой, так как, например, недостаточно просто иметь ухоженный внешний вид, важны профессиональные и личные качества социального работника.

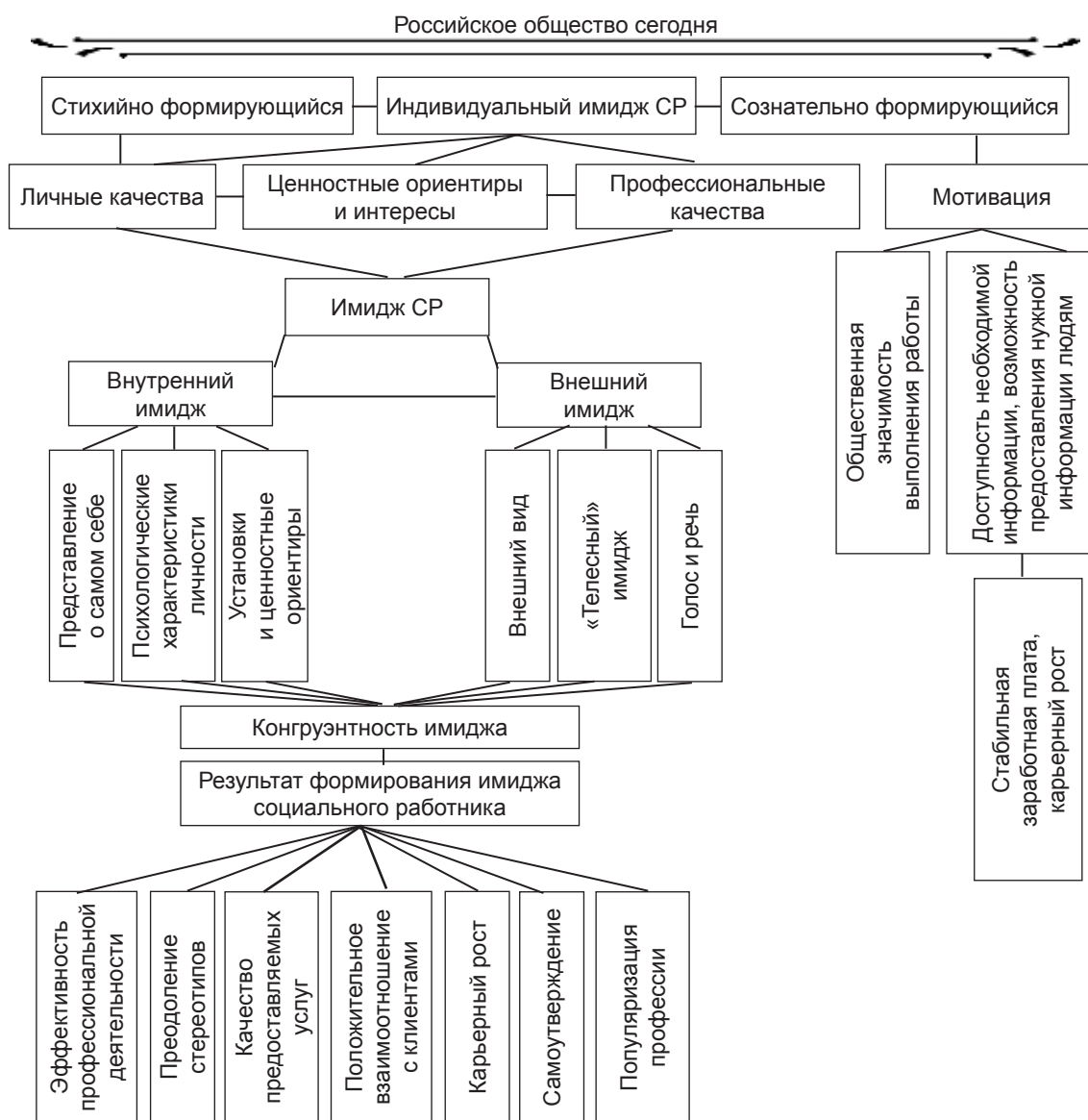

Рис. 3. Модель имиджа социального работника

Fig. 3. The image model of a social worker

С целью исследования представления у респондентов общего понимания понятия «имидж», путей его формирования и совершенствования деятельности в данном направлении нами было проведено анкетирование. В нём приняли участие 100 респондентов, среди них 50 человек – это сотрудники Комплексного центра социального обслуживания населения по Еврейской автономной области и 50 человек – это жители города Биробиджан от 16 до 50 лет и старше.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ исследования показал, что в основном социальные работники (48 %) под определением «имидж» понимают образ, который создаётся в отношении

человека у окружающих его людей, либо людей, создающих впечатления о нём с помощью различных средств, также считают и 28 % из опрошенных жителей Биробиджана. Данное понимание респондентами понятия «имидж» сходится с предложенным определением И. П. Тихонова [9, с. 7]. В тоже время 32 % социальных работников понимают определение «имидж» в буквальном смысле – как образ или облик, также считают и 44 % жителей города Биробиджан. Другие 12 % опрошенных социальных работников считают что имидж – это не что иное, как процесс целенаправленного создания мнения о чём-либо, так считают и 24 % жителей города (рис. 4).

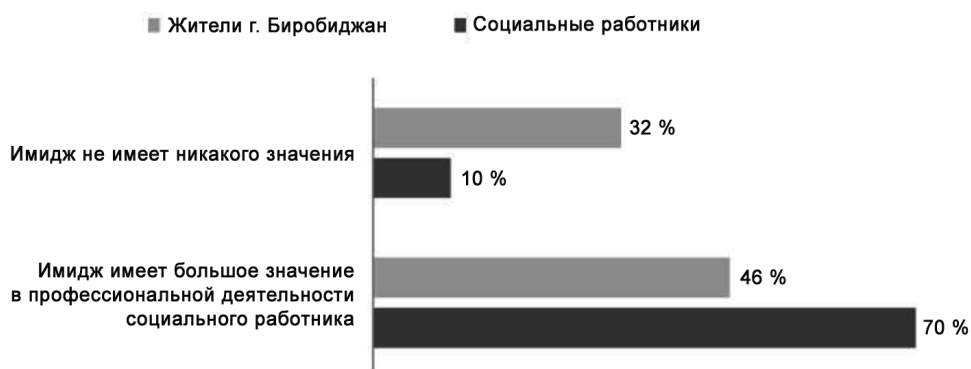

Рис. 4. Понятие имиджа в понимании респондентов

Fig. 4. The concept of image in the respondents' understanding

Анализ результатов анкетирования показал, что для 70 % социальных работников имидж имеет большое значение в их профессиональной деятельности, также считают и большинство жителей города (46 %), и всего 10 % опрошенных социальных работников считают, что имидж не имеет никакого

значения в их профессиональной деятельности, с ними согласились 32 % опрошенных жителей города как потенциальные клиенты социальных работников. Оставшиеся респонденты из каждой представленной группы затруднились ответить либо уклонились от ответа на данный вопрос (рис. 5).

Рис. 5. Значение имиджа в профессиональной деятельности социального работника

Fig. 5. The importance of image in the professional activity of a social worker

Следующим вопросом, предложенным для ответа респондентам, был вопрос «Какими наиболее значимыми личностными качествами должен обладать социальный работник?». Респондентам было предложено выбрать несколько вариантов ответов. Около 50 % опрошенных социальных работников считают, что наиболее значимыми качествами, которыми должен обладать социальный работник, является милосердие, ответственность и компетентность; 30 % опрошенных социальных работников считают, что он должен обладать заботливостью, порядочностью и коммуникабельностью, но в тоже время 20 % социальных работников считают, что в нём должны сочетаться все предложенные качества.

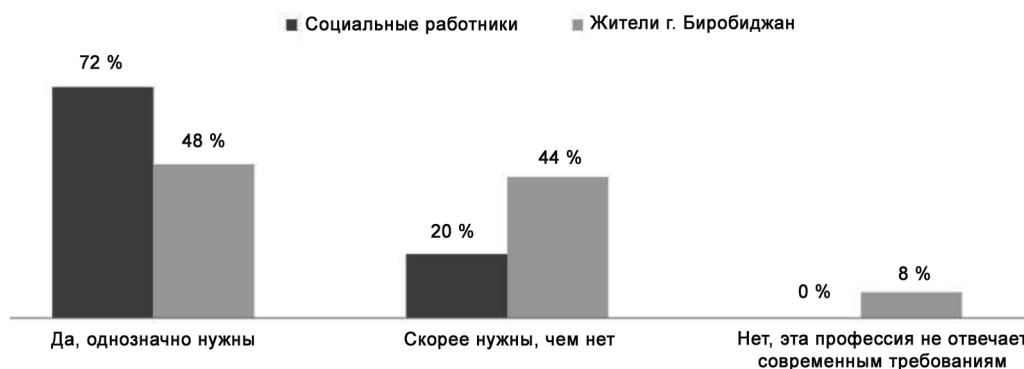
Что касается опрошенных жителей города, то 50 % считают, что наиболее значимыми качествами, которыми должен обладать социальный работник, являются компетентность, коммуникабельность и ответственность. Другие 30 % респондентов считают, что социальный работник должен обладать милосердием, заботливостью, быть порядочным, а также должен быть «открытым» человеком.

На вопрос о востребованности социальных работников в современных условиях 72 % социальных работников считают, что социальные работники однозначно нужны – в основном так ответили специалисты с большим опытом работы в данной сфере в возрасте от 41 до 50 лет. Более

молодые специалисты считают, что социальные работники скорее нужны в современном обществе, так ответило 20 %. Остальные затруднились ответить на данный вопрос. С точки зрения клиентов социальных работников, 48 % из них считают что однозначно нужны, а 44 % считают,

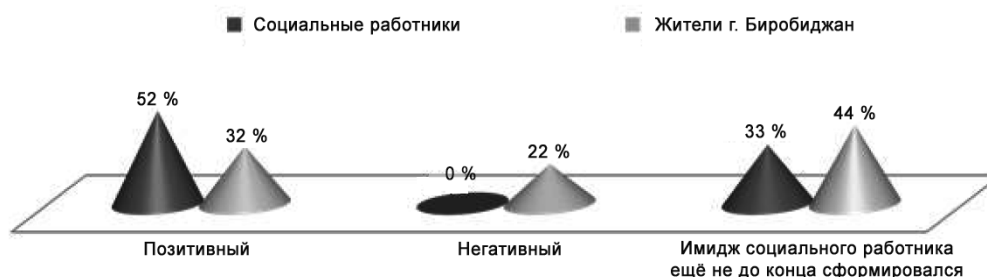
что социальные работники скорее нужны, чем нет; 8 % респондентов отмечают, что социальные работники не нужны, и что эта профессия не отвечает современным требованиям, в основном так ответили более молодые респонденты, в возрасте от 26 до 30 лет (рис. 6).

Рис. 6. Нужны ли, по мнению респондентов, в современных условиях социальные работники
Fig. 6. Is there a need for social workers in modern conditions? (according to the respondents)

В ходе исследования было выявлено что, по мнению специалистов, современный социальный работник имеет сформировавшийся «позитивный имидж» – так считают 52 % респондентов, но 32 % респондентов считают, что имидж социального работника ещё не сформировался окончательно, остальные респонденты затруднились от-

ветить на данный вопрос. В тоже время и жители города (44 %) считают, что имидж социального работника ещё не сформировался, и 32 % из них считают, что современные социальные работники имеют «позитивный имидж», а 22 % охарактеризовали имидж современного социального работника как «негативный» (рис. 7).

Рис. 7. Характеристика сформировавшегося имиджа социального работника
Fig. 7. The characteristic of the formed image of a social worker

Респондентам было предложено оценить уровень имиджа социального работника по десятибалльной шкале. Анализ исследования показал, что 34 % опрошенных специалистов данной профессии оценили уровень имиджа социального работника в пять баллов, как средний уровень. 18 % считают, что уровень имиджа социального

работника равен десяти баллам, что приравнивается к самому высокому уровню, остальные респонденты оценили уровень имиджа социального работника чуть ниже среднего, или чуть выше среднего, или дали совсем низкую оценку. Несмотря на то, что в предыдущем вопросе, по мнению самих же специалистов, сформировавшийся

имидж социального работника был оценен как «позитивный», большая их часть оценила уровень имиджа социального работника как средний, и так считают 34 % социаль-

ных работников. Опрошенные жители города оценили уровень имиджа социального работника чуть ниже среднего, так считают 28 % человек (рис. 8).

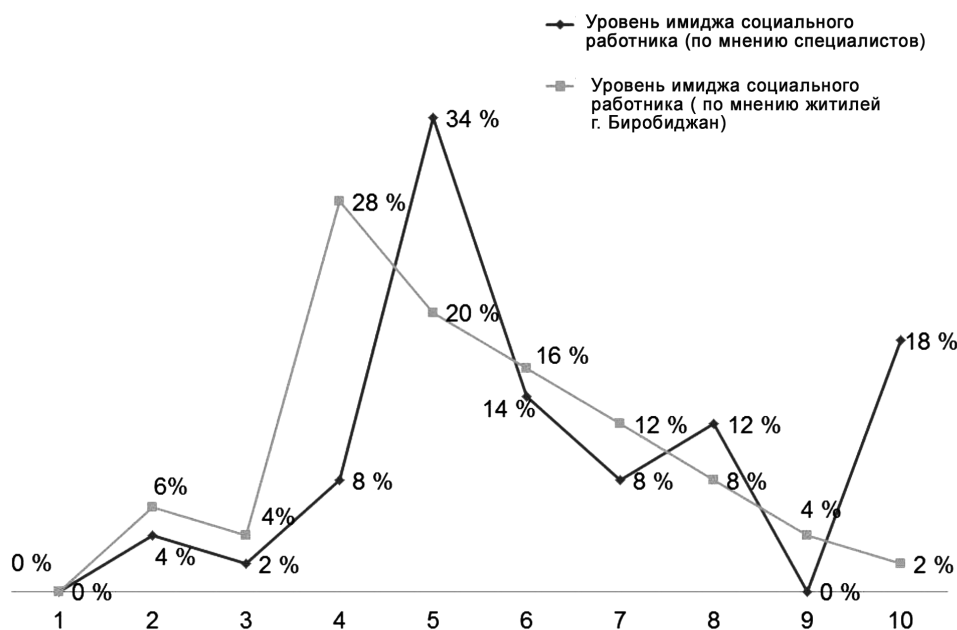

Рис. 8. Уровень имиджа социального работника по оценке респондентов

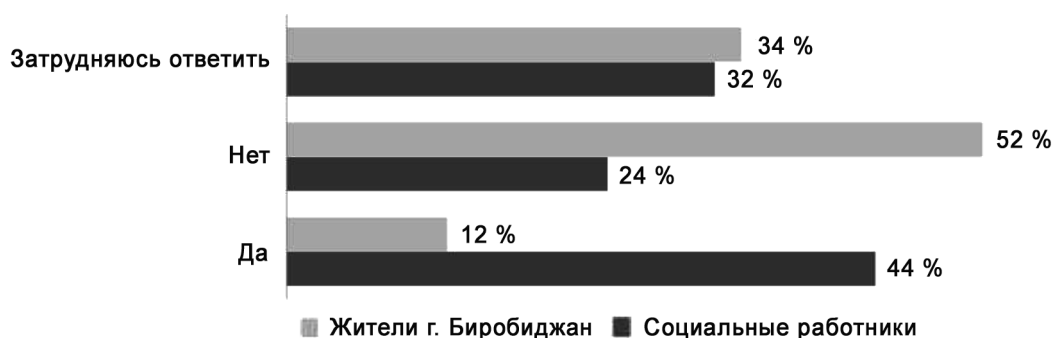
Fig. 8. The level of the image of a social worker (according to the respondents)

Далее респондентам было предложено выбрать из представленного списка определений, как формируется имидж социального работника. Анкетирование показало, что 50 % социальных работников считают, что имидж формируется в первую очередь как манера поведения, репутация специалиста, профессионализм и компетентность; 30 % респондентов считают, что их имидж формируют внешность и умение вести диалог. Оставшиеся 20 % респондентов затруднились с ответом на этот вопрос. Опрошенные 50 % жителей города считают, что имидж формируется в первую очередь в результате умения вести диалог, манере поведения, профессионализма и компетентности; 40 % жителей города считают, что имидж социального работника формируют внешность, голос и профессиональная репутация.

Анализ исследования показал, что 44 % социальных работников считают, что их профессия престижна на данный момент, но 52 % опрошенных жителей ответили что «нет», не престижна, и в большей степени это связано с низкой заработной платой. 32 % затруднились ответить на поставленный вопрос, так как, по их мнению, в ны-

нешней сложной экономической ситуации трудно назвать какая профессия на данный момент считается престижнее. И только 12 % опрошенных жителей ответили что «да, престижно», но большее количество жителей (34 %) затруднились ответить на заданный вопрос (рис. 9).

На вопрос о том, что же нужно предпринять, чтобы повысить уровень имиджа социального работника, среди самих социальных работников самым популярным ответом оказалось повышение профессионализма, развитие своей коммуникабельности и разносторонности, а также умение применять на практике теоретические знания и навыки, посещать тренинги и семинары для профессионального роста. Второе место по популярности занимает повышение заработной платы. Жители города Биробиджан предложили серьезнее относиться к подготовке будущих социальных работников, популяризировать значение профессии, её полезность, успехи социальных служб. Акцент сделали и на повышение профессиональной квалификации, самосовершенствование и, конечно же, повышение заработной платы.

Рис. 9. Престижно ли в наше время быть социальным работником?

Fig. 9. Is it prestigious to be a social worker nowadays?

Выводы. Итак, анализ исследования показал, что большая часть опрошенных респондентов имеют представление о понятии «имидж» и понимают под ним образ или облик, создаваемый в отношении какого-либо человека или предмета. Имидж социального работника формируют следующие составляющие: умение вести диалог, манера поведения, профессионализм и компетентность. Для формирования имиджа социального работника необходимо постоянное повышение профессиональной квалификации специалиста, в разных формах курсы, тренинги, семинары, а также самостоятельное самосовершенствование. Всё это способствует интеллектуальному и личностному развитию, уверенности в своих силах для дальнейшей профессио-

нальной деятельности и обеспечивает наращивание интеллектуального потенциала социальных служб [3, с. 143].

Хорошо продуманный имидж социального работника поможет ему в профессиональной деятельности, повысит доверие и устранил преграды между социальным работником и его клиентом. Глубокое понимание сущности профессионального имиджа и необходимости его формирования и поддержания представляет собой обязательное условие качественного профессионального образования специалиста социальной сферы.

«Позитивный» имидж социального работника подчеркнёт всё лучшее, что есть в нём, и поможет быть самим собой в профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Воротилкина И. М. Обучение взрослых в магистратуре по социальной работе // Высшее образование в России. 2015. Вып. 3. С. 140–144.
2. Воротилкина И. М., Некозырева К. С. Имидж социального работника // Молодёжные исследования и инициативы в науке, образовании, культуре, политике: материалы XI Всерос. молодёжной науч.-практ. конф. Биробиджан: Изд-во ИЦ ПГУ им. Шолом-Алейхема, 2016. Вып. 2. С.147–151.
3. Загорская Н. С. Имидж социального работника и проблемы его формирования // Социальная работа: белорус. журн. 2008. № 4 .
4. Камболов С. А. Структурно-функциональная модель имиджа социального работника // Человеческий капитал. 2014. Вып. 11. С. 64–67.
5. Камболов С. А. Конгруэнтность имиджа социального работника как фактор эффективности его профессиональной деятельности // Человеческий капитал. 2014. Вып. 1. С. 54–57.
6. Панасюк А. Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники. М.: Омега-Л, 2007. 266 с.
7. Перельгина Е. Б. Психология имиджа. М.: Аспект-Пресс, 2002. 223 с.
8. Профессиональный имидж и престиж социальной работы / М. В. Певная, Ю. Р. Вишневский, Я. В. Дидковская, Н. Б. Качайнова; под ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: УрФУ, 2011. 184 с.
9. Романина Л. А. Социальное образование: фактор совершенствования региональной системы социальной защиты населения. М.: Центр-пресс, 2003. 163 с.
10. Тихонов И. П. Имидж руководителя: методы формирования. М.: Лаборатория книги, 2010. 127 с.

Статья поступила в редакцию 20.12.2016; принята к публикации 28.03.2017

Библиографическое описание статьи

Воротилкина И. М., Нekoзырева К. С. Имидж в профессиональной деятельности социального работника // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 13–22.

Irina M. Vorotilkina¹,

*Doctor of Pedagogy, Professor,
Sholom-Aleichem Priamursky State University
(70A Shirokaya st., Birobidzhan, 679015, Russia),
e-mail: btb-irina@rambler.ru*

Ksenia S. Nekozyreva²,

*Second Year Master's Degree Student,
Sholom-Aleichem Priamursky State University
(70A Shirokaya st., Birobidzhan, 679015, Russia),
e-mail: nekozyreva_ks_94_25@mail.ru*

Image in the Professional Activity of a Social Worker

The article discusses the concept of image from the viewpoint of different authors, its diversity and the main components. Based on the results of such researchers as S. A. Kambolov, I. P. Tikhonov, E. B. Perelygina and others, the article presents the structure of image formation and develops a model of the image of a social worker using the elements of S. A. Kambolov's structural-functional model of the image of a social worker. The authors attempt to show the structure of the individual image of a social worker as the basis for forming a professional image. The importance of image is shown in the professional activity of a social worker. The article analyzes the research, the purpose of which is to identify the role of image in the professional activity of a social worker. The results of the research show that image plays an important role and has a positive impact on the professional activity of a social worker. A well-thought-out image of a social worker helps to enhance confidence and remove impediments between him and his clients, thereby increasing his professional image of a social worker.

Keywords: image, social worker, individual image, personality, congruence

References

1. Vorotilkina I. M. Obuchenie vrozlykh v magistrature po sotsial'noi rabote // Vyshee obrazovanie v Rossii. 2015. Vyp. 3. S. 140–144.
2. Vorotilkina I. M., Nekozyreva K. S. Imidzh sotsial'nogo rabotnika // Molodezhnye issledovaniya i initsiativy v nauke, obrazovanii, kul'ture, politike: materialy Khl Vseros. molodezhnoi nauch.-prakt. konf. Birobidzhan: Izd-vo ITS PGU im. Sholom-Aleikhem, 2016. Vyp. 2. S.147–151.
3. Zagorskaya N. S. Imidzh sotsial'nogo rabotnika i problemy ego formirovaniya // Sotsial'naya rabota: belorus. zhurn. 2008. № 4 .
4. Kambolov S. A. Strukturno-funktsional'naya model' imidzha sotsial'nogo rabotnika // Chelovecheskii kapital. 2014. Vyp. 11. S. 64–67.
5. Kambolov S. A. Kongruentnost' imidzha sotsial'nogo rabotnika kak faktor effektivnosti ego professional'noi deyatelnosti // Chelovecheskii kapital. 2014. Vyp. 1. S. 54–57.
6. Panasyuk A. Yu. Formirovanie imidzha: strategiya, psikhotehnologii, psikhotehniki. M.: Omega-L, 2007. 266 s.
7. Perelygina E. B. Psikhologiya imidzha. M.: Aspekt-Press, 2002. 223 s.
8. Professional'nyi imidzh i prestizh sotsial'noi raboty / M. V. Pevnaya, Yu. R. Vishnevskii, Ya. V. Didkovskaya, N. B. Kachainova; pod red. Yu. R. Vishnevskogo. Ekaterinburg: UrFU, 2011. 184 s.
9. Romanina L. A. Sotsial'noe obrazovanie: faktor sovershenstvovaniya regional'noi sistemy sotsial'noi zashchity naseleniya. M.: Tsentr-press, 2003. 163 s.
10. Tikhonov I. P. Imidzh rukovoditelya: metody formirovaniya. M.: Laboratoriya knigi, 2010. 127 s.

Received: December 20, 2016; accepted for publication: March 28, 2017

Reference to the article

Vorotilkina I. M., Nekozyreva K. S. Image in the Professional Activity of a Social Worker // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 13–22.

¹ I. M. Vorotilkina is the main author and the organizer of the study, she draws conclusions and summarizes the results of the collective project.

² K. S. Nekozyreva structures the material, prepares the manuscript.

Марианна Давлетовна Напсо,
 доктор социологических наук, профессор,
 Северо-Кавказская государственная
 гуманитарно-технологическая академия
 (369000, Россия, г. Черкесск, ул. Ставропольская, 36),
 e-mail: napso.marianna@mail.ru

Современное общество как «общество спектакля»

Предметом анализа данной статьи является понимание современного общества как «общества спектакля». Цель статьи – показать «театральность» общества потребления, исследовать процессы театрализации, роль социальных иллюзий, явление социального амплуа, соотношение реального и символического. Исследуются феномены коммодификации, избыточного и демонстративного потребления, прослеживается влияние социальных иллюзий на формирование ценностных ориентаций и морально-этических установок общества постмодерна. Автор рассматривает процессы виртуализации, подмены реального ирреальным, подлинного – вымышленным, анализирует роль социальных иллюзий в формировании мифологем, всё больше приобретающих статус онтологических. Проблематика статьи несёт в себе элементы научной новизны и актуальности. Сформировавшиеся идеологемы и виртуальные практики оказались востребованными обществом потребления, в котором социальность приобрела театрализованные черты. «Общество спектакля» стирает границы между свободой и несвободой, формирует искажённые взгляды и представления, создаёт образ человека «играющего», жизнь приобретает черты социального маскарада, в котором социальные маски сменяют одна другую. В этих явлениях, а также в процессах манипулирования массовым и индивидуальным сознанием важную роль играют PR-технологии, о которых также речь идёт в статье.

Ключевые слова: «общество спектакля», потребление, театральность, социальная иллюзия, симулякр, символический образ, виртуализация

Вводная часть. Общество постмодерна со всеми присущими ему особенностями наполнило общество потребления, названное «обществом спектакля», новыми смыслами, адекватными эпохе, придало социальным взаимодействиям театрализованный характер. Индивиды в качестве зрителей оказываются вовлечёнными в театральное действие, исполняют, в соответствии с заранее написанным сценарием, соответствующие социальные роли. В пространстве «спектакля» происходит формирование социального амплуа, внешне напоминающего амплуа в общепринятом смысле, но несущего иное содержание и имеющего разные формы проявления. В социальном амплуа представлены реальная и ирреальная стороны человеческой жизни, которые не только не совпадают по своему содержанию, но и противостоят друг другу. В результате «вся жизнь обществ, в которых господствуют современные условия производства, проявляется как необъятное нагромождение *спектаклей*. Всё, что раньше переживалось непосредственно, теперь отстраняется в представление» [1].

Театральность является одним из признаков современного мира, а также важнейшей составляющей человеческого бытия. Этому обстоятельству способствует консюмеризм, сформировавший особое отношение к жизни, в котором реальное и мифологическое, непосредственное и опосредованное, внешнее и внутреннее оказались тесно переплетёнными. Современный человек – этот Homo Consumens – человек, прежде всего, потребляющий: в процессе чрезмерного потребления формируется соответствующая ему культура, происходит насыщение материальными ценностями, которым придаются иные смыслы и значения. Потребление ради потребления, потребление как цель, а не как средство удовлетворения насущных потребностей, становится идеологией и практикой повседневности, инструментом, приносящим наслаждение и удовольствие в широком их понимании.

Обладание вещами, любованье ими, признание за ними настоящей реальности, отвечающей запрограммированным запросам индивида, которым придан глубин-

ный смысл, являются для многих формой эстетизации жизни, в которой подлинное и фальшивое перемежаются, порождая театральность. Это с одной стороны. С другой – следствием избыточного потребления становится конструирование псевдомира, в котором симулякры и симуляции разного свойства способствуют тому, что индивид как бы пребывает в театральном мире, испытывая в реальной жизни те же противоречивые чувства, что и в театре. Поэтому, справедливо замечает Ги Дебор, спектакль «не является неким дополнением к реальному миру, его надстроенной декорацией. Он есть средоточие нереальности реального общества. Во всех своих частных формах, будь то информация или пропаганда, реклама или непосредственное потребление развлечений, спектакль конституирует наличную *модель* преобладающего в обществе образа жизни... Форма и содержание спектакля служат тотальным оправданием условий и целей существующей системы» [1].

Взгляд на явление театральности является не только признанием творчества как жизненного атрибута, но и того, что она несёт в себе черты подлинного и вымышленного, реального и символического, творческого и обыденного, действительного и возможного. Все эти и многие другие ипостаси театральности, выступающие в качестве особых характеристик жизни, подчёркивают не только красоту последней, что немаловажно, но и то, что за внешней театральностью кроется мир, наполненный трагедиями разного жанра. Это во-первых. Во-вторых, вышеприведённые и иные, противостоящие друг другу ипостаси, имеют свойство меняться местами, изменяя тем самым содержание заложенных в них смыслов.

Результаты исследования и их об- суждение. Современный человек живёт в пространстве мифов, как возникающих естественным образом, так и создаваемых искусственно. С помощью всевозможных манипуляций, содержание которых зависит от преследуемых целей, создаётся пространство иллюзий, в котором оказываются все или почти все. За внешней вывеской, эстетически оформленной, вызывающей позитивные ассоциации, может и зачастую скрывается подлинный мир. И это как нельзя лучше соответствует природе общества

потребления, внешнее обрамление которого, будучи ярким, ослепительным, нередко контрастирует с реальной сутью современного общества. Так «спектакль стирает границы между “Я” и окружающим миром, путём деформации “Я”, постоянно одолеваемого отсутствием присутствия данного мира. Таким же образом человек, оказавшийся в спектакле, перестаёт отличать ложь от правды по той причине, что всякая переживаемая правда теряется за *реальным присутствием* лжи, которая обеспечивается самой организацией видимости. Человек безропотно переносит свою участь, заключающуюся в отчуждении собственной повседневной жизни...» [1].

Создание символических образов, знаков, за которыми нет реального содержания, либо имеющих минимальное отношение к настоящей жизни, формирует соответствующее сознание, установки, перспективы. Происходит то, что именуют гиперреальностью, или утратой чувства реальности. Особенностью гиперреальности является то, что она более реальна и правдива, чем сама реальность, и в этом схожа с театром. В ней вымысел оказывается реальностью, переживаемые чувства – настоящими, и этому способствуют «театральные» стратегии. Так рождаются симулякры, а симуляции становятся основой социальных устремлений, в результате чего происходит «смерть» социального: повсюду реальность – в экономике, политике, искусстве – замещается гиперреальностью, жизненный мир в целом воспринимается через системы символов, всё более обретающих гиперреальные черты: «образы, которые отслаиваются от каждого аспекта жизни, сливаются в одном непрерывном движении, в котором единство этой жизни уже не может быть восстановлено. Реальность, рассматриваемая *по частям*, разворачивается в своём обобщённом единстве в качестве особого псевдо-мира, подлежащего только созерцанию. Специализация образов мира оказывается завершённой в ставшем автономным мире образов, где обманщик лжёт самому себе. Спектакль вообще, как конкретная инверсия жизни, есть автономное движение неживого» [1].

Общество потребления формирует потребительское отношение к жизни, и это является его характерной чертой, с чем согласно большинство его исследователей.

Потребление перестаёт быть экономически обоснованным и необходимым, а значит, ценностно-рациональным и полезным. Но это не мешает ему стать всеобъемлющим свойством, несущим в себе черты «гиперсоциальности». Вещам придаются значения, в них изначально не заложенные, но именно эти значения и являются знаками успеха в широком его понимании. И в этом пространстве знаков разворачивается спектакль, участниками которого становятся все. Жизнь, реальность перемежаются с вымыслом, игрой, в результате видимость становится явью. «Понятие спектакля, – пишет Ги Дебор, – объединяет и объясняет огромное разнообразие видимых явлений. Их различия и контрасты являются мнимостями этой социально организованной видимости, которая сама должна быть признана в своей всеобщей истинности. Спектакль... есть *утверждение* видимости и утверждение всякой человеческой, то есть социальной жизни, как простой видимости» [Там же].

Современное рыночное общество, стремясь всё большей коммодификации, превратило человеческую жизнь в товар. В пространстве её влияния оказываются не только ценности материального свойства, но и духовного, следствием чего становятся обесценивание и выхолащивание подлинной сути содержащегося в них культурного и эстетического содержания. Коммодификация востребована консюмеризмом в первую очередь по причине того, что способствует развитию массовой культуры, которая сопровождается, с одной стороны, выпуском широкого ассортимента товаров: «спектакль подчиняет себе живых людей в той мере, в какой их уже всецело подчинила экономика. Она есть нечто иное, как экономика, развивающаяся ради самой себя. Она представляет собой верное отражение производства вещей и неверную объективацию производителей» [1]. С другой, происходит распространение и тиражирование подделок, и это формирует разнообразный мир псевдожеланий и впечатлений.

Потребности навязываются, им придают вполне определённые смыслы, ориентирующие на потребление во имя потребления. Так создается пространство несвободы, в котором иллюзии самого разнообразного содержания овладевают массовым сознанием. Этот мир тем привлека-

тельнее, чем больше в нём театральности, ирреальности. Жизнь в выдуманном мире, стирающем различия между миром материальных и миром духовных ценностей, приводит к обесцениванию ценности как таковой. В таких условиях формируются искажённые взгляды и восприятия, человек теряет способность критически и трезво оценивать не только свою жизнь, но и процессы во внешней среде, становится заложником мира искусственных предметов и чувств. Комфортное существование, с точки зрения обладания многочисленными благами, которые в изобилии предлагает общество потребления, оборачивается оковами, разорвать которые становится всё сложнее. Происходит, по мнению Ги Дебора, «...очевидное вырождение *быть* в *иметь*», тем более что общество потребления «накопленными плодами экономики ведёт к повсеместному сползанию *иметь* в *казаться*, из которого всякое действительное “иметь” должно получать своё высшее назначение и свой непосредственный престиж» [1].

Общество потребления сформировало целую армию «режиссёров-постановщиков», занятых подготовкой спектаклей на заданную тему – от искусства до политики. Более чем своевременными оказались и новые технологии обработки общественного мнения, такие как астротурфинг и троллинг. Благодаря астротурфингу создаются псевдовпечатления, имитирующие реальные, которые подвергаются «пиаризации» и «вбрасываются» в массовое сознание. Разыгрывается спектакль, в котором искусственно созданные либо замаскированные вещи и чувства выдаются за настоящие. Формирование поддельных впечатлений напоминает театр, в котором разыгрываются самые неожиданные образы – как близкие, так и далёкие от жизни, являющиеся не более чем имитациями реальных «вещей».

Одним из механизмов, оказывающих непосредственную и эффективную помощь и содействие в этом, являются массмедиа. «Общество спектакля, – пишет Ги Дебор, – это форма, которая сама выбирает своё техническое содержание. ...Массмедиа являются наиболее ярким и поверхностным проявлением спектакля. На первый взгляд, СМИ вторглись в жизнь как простое оборудование для мгновенной коммуникации, очередное удобство – однако это нов-

шество обернулось настоящим Троянским конём, со своими эгоистическими целями и помыслами о саморазвитии» [Там же]. Так, являясь, по сути, программным обеспечением, которым пользуется интернет, астротурфинг оказался востребованным в различных сегментах общества. Причина тому, на наш взгляд, в широком распространении «фальсификата», который обнаруживается не только в материальной сфере, но и в духовной, в области человеческих чувств. В такой ситуации идеологические и этические нормы оказываются ненужными, востребованными являются пиартехнологии, утверждающие консьюмеристское мировоззрение.

Общество потребления прибегает к использованию такого современного инструмента, как троллинг, смысл которого заключается в размещении на сайтах провокационной информации с целью достижения преследуемых целей, в том числе и «сюжетов» иллюзорного свойства, не имеющего аналога в реальной действительности. Можно сказать, что троллинг является своеобразной формой виртуальной коммуникации и взаимодействия, в пространстве его влияния оказываются многие, что, собственно, и требуется. С его помощью формируются ложные механизмы восприятия и оценки реальности, а также иллюзии относительно выгод и приобретений психологии консьюмеризма. Существовая и осуществляясь в анонимной форме, троллинг несёт в себе агрессивные черты, поскольку «действует» навязчиво, лишая индивида свободы выбора – критичного и осознанного. Так происходит, с одной стороны, становление иллюзорного взгляда на мир, а с другой – формирование соответствующих установок, ориентирующих на жизнь именно в таком мире, предоставляющем индивиду безграничные возможности, воспринимаемые в качестве реальных. Несмотря на тот факт, что троллинг относится к числу так называемых «грязных» технологий, его широко используют в различных сферах, в том числе и в области рекламы. С помощью троллинг-технологий создаются и распространяются через сеть атрибуты успешности в широком её понимании, являющиеся, по сути, не более чем иллюзиями, поскольку не обеспечивают индивиду подлинного счастья, а лишь его видимость.

Формирование пространства социальных иллюзий зависит от механизмов воздействия, их «сила» заключается в возможности такого манипулирования, когда индивид в своих действиях руководствуется не столько рассудком, сколько чувствами, когда его действия, скорее, автоматические, даже аффективные, нежели осознанные или целерациональные. Опасность средств манипулирования, к которым можно отнести астротурфинг и троллинг, заключается в том, что они спекулируют на устоявшихся представлениях, разделяемых большинством, придают им новые смыслы, отвечающие требованиям конкретно-исторического времени, а в контексте нашего дискурса – запросам общества потребления и пропагандируемым им ценностям.

Продуцируя иллюзии, общество потребления создаёт человека созерцающего, и «чем больше он созерцает, тем меньше он живёт; чем с большей готовностью он узнаёт свои собственные потребности в тех образах, которые предлагает ему господствующая система, тем меньше он осознаёт своё собственное существование и свои собственные желания. Влияние спектакля на действующий субъект выражается в том, что поступки субъекта отныне не являются его собственными, но принадлежат тому, кто их предлагает. Вот почему зритель нигде не чувствует себя дома – вокруг него сплошной спектакль» [1]. Но иллюзии может и творит индивид, поэтому, как считают исследователи, иллюзия иллюзии рознь. Возникают ситуации, при которых предпочтительнее пребывать в мире театральных иллюзий, которые, как кажется таким людям, облегчают жизнь, делают её более «удобной», свободной от жизненных потрясений, сложностей и невзгод. Поэтому некоторые группы индивидов склонны обманываться, а в искажённом мире многое представляется в «облегчённом» виде, острота восприятия внешней среды снижается, формируется индифферентное отношение к миру в целом.

Нередко театрализация выступает в качестве эффективного инструмента маркетинга – психологического, политического, ориентированного на управление сознанием и психоэмоциональными состояниями, в результате чего индивиды оказываются во власти спектаклей разного рода, призванных стереть грань между реальным

и выдуманном, между экзистенциальным бытием и театральной постановкой. Если театрализованное представление направляет сознание публики в определённое – художественное – русло, то социальной драматургией заняты маркетологи, создающие образы, ценности, стереотипы, мотивы, имиджи и т. д., соответствующие природе общества потребления, которые принимают форму запрограммированных, ирреальных, абстрактных, далёких от реальности. С помощью средств массовой информации и инновационных технологий общественная «сцена» оказывается заполненной постановочными действиями и образами, которые, благодаря влиянию и силе виртуального пространства, овладевают массовым сознанием, в результате чего общество конъюмеризма предстаёт как одно большое театральное действо. Участники этого действа выступают в театральных масках, скрывающих подлинное лицо как актёров, так и зрителей.

Общество потребления сформировало целый комплекс мифологем, приобретших статус онтологических, не подвергаемых сомнению ни с точки зрения содержания, ни с точки зрения значимости и влияния. Доказательством того, что выдуманное, ирреальное, симулякры разного свойства обретают онтологические черты, является то, что они стали частью всей жизни, пронизали собой всё – от политики до сферы повседневности, а также бытие – материальное, духовное, психологическое – человека, область его интимной жизни, потребности и желания. Театрализация – это не только следование внешним атрибутам, которые крайне важны, но это и особый образ жизни, пропагандируемый обществом потребления: покупать как можно больше и дороже. Нельзя не согласиться с французским исследователем в том, что в «обществе спектакля» материальным ценностям, «товару уже удалось добиться полного захвата общественной жизни. Отношение к товару не просто оказывается видимым, но теперь мы только его и видим: видимый нами мир – это его мир... общественное пространство заполнено непрерывным... напластованием товаров... отчуждённое потребление становится некоей обязанностью масс... Весь без исключения продаваемый труд общества повсеместно становится тотальным товаром, чьё циклическое воспроизведение должно продолжаться» [1].

Театрализация жизни проявляется в специфических явлениях, также приобретающих черты сущностных. К таковым может быть отнесён гламур, который наличествует не только в реальной театральной жизни, но и за его пределами, о чём свидетельствует широкое применение термина «гламуромания» в качестве модного тренда. Гламурность ассоциируется с такими понятиями, как «блеск», «шик», «эффектность», «особая привлекательность», якобы несущая в себе черты индивидуальности. За вывеской гламура, целью которого является в том числе и создание конъюмеристского мышления, скрывается вполне осознанная практика манипулирования, ориентирующая индивида на бесконечное потребление. Маски гламурности привлекательны, они создают пространство театральности, выйти за пределы которого означает столкнуться с обыденностью повседневной жизни, лишённой зачастую очарования и красоты. Гламур, в представлениях многих молодых людей, даёт уверенность, поскольку повышает социальный статус, вдохновляет, позволяет избавиться от пустоты бытия, наполняет его подлинными (в первую очередь материальными) смыслами, а значит, придаёт человеческому существованию сущностные черты. Можно сказать, что гламур является воплощением красивой жизни, но в действительности за его внешними образами скрывается жестокий мир конкуренции, борьбы – отнюдь не театральной, а реальной, а претензии на исключительность, эксклюзивность, элитарность являются не более чем спутниками гедонистического мироощущения, требующего разного рода наслаждений. Одни симулякры сменяют другие, и это напоминает театр, где репризы сменяют одна другую. Но если в театральном мире действует принцип «всё дозволено», то в мире реальных сущностей расширяющееся пространство вымыслов, иллюзий создаёт человека «переживающего», а не живущего.

Заключение. Общество потребления создаёт человека «играющего». Игра заполняет пространство человеческой жизни, и это проявляется в многочисленных актах презентации и самопрезентации. Жизнь приобретает черты социального маскарада: меняющиеся – в зависимости от ситуации – маски, за которыми скрываются лица и их подлинность, придают реальному миру

иллюзорные черты. «Маскарад» превращает жизнь в театрализованное представление, в котором актуальное и виртуальное, явь и вымысел, имидж и образ, реальное

и мифологическое оказываются настолько переплетёнными, что человек продолжает жить в реальном мире, как в мире театральных иллюзий.

Список литературы

1. Дебор Ги. Общество спектакля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.e-libra.ru/read/315604-obshestvo-spektaklya.html> (дата обращения: 15.11.2016).
2. Напсо М. Д. Общество потребления и театрализация современной жизни // Психология и психотехника. 2015. № 12. С. 1220–1233.
3. Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. 272 с.
4. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Relf-book, 1994. 368 с.
5. Мещерякова Н. Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социальной аномии в российском обществе // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2014. № 3. С. 104–113.
6. Плетнев А. В. Кризис либеральных ценностей как фактор аномии в современном обществе // Известия Российского государственного педагогического университета. 2010. № 124. С. 353–356.
7. Феофанов К. А. Социальная аноμία: обзор подходов в американской социологии // Социологические исследования. 1992. № 5.
8. Шмигин И. М. Философия потребления. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. 304 с.
9. Шукшина Л. В. Социальные иллюзии как предмет философского анализа // Известия высших учебных заведений. Поволжский район. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 13–20.
10. Хезмондалл Д. Культурные индустрии. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 456 с.

Статья поступила в редакцию 21.11.2016; принята к публикации 27.12.2017

Библиографическое описание статьи

Напсо М. Д. Современное общество как «общество спектакля» // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 23–29. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-23-29.

Marianna D. Napso,

Doctor of Sociology, Professor,

North Caucasian State Humanitarian and Technological Academy

(36 Stavropolskaya st., Cherkessk, 369000, Russia),

e-mail: napso.marianna@mail.ru

Modern Society as a “Performance Society”

The subject of the analysis of this article is to understand modern society as a “performance society”. The purpose of the article is to show the “theatricality” of the consumer society, to explore the processes of theatricalization, the role of social illusions, the phenomenon of social roles, the relation of the real and the symbolic. The article investigates the phenomena of commodification, of excessive and demonstrative consumption, traces the influence of social illusions on the formation of value orientations and moral and ethical attitudes of postmodern society. The author considers the processes of virtualization, the substitutions of the real and the surreal, the real and the invented, analyzes the role of social illusions in the formation of mythologemes that more and more acquire the ontological status. The problems of the article carry the elements of scientific novelty and relevance. Formed ideologemes and virtual practices are in demand by the consumer society, in which sociality has acquired dramatized lines. “The performance society” erases the borders between freedom and lack of freedom, forms distorted views and ideas and creates the image of a “playing” person. Life acquires the features of a social masquerade, in which social masks replace one another. In these phenomena, as well as in the processes of manipulating the mass and individual consciousness, an important role is played by PR-technologies which are also discussed in the article.

Keywords: “performance society”, consumption, theatricality, social illusion, simulacrum, symbolic image, virtualization

References

1. Debor Gi. Obshchestvo spektaklya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.e-libra.ru/read/315604-obshchestvo-spektaklya.html> (data obrashcheniya: 15.11.2016).
2. Napso M. D. Obshchestvo potrebleniya i teatralizatsiya sovremennoi zhizni // Psikhologiya i psikhotehnika. 2015. № 12. S. 1220–1233.
3. Krizis soznaniya: sbornik rabot po «filosofii krizisa». M.: Algoritm, 2009. 272 s.
4. Markuze G. Odnomernyi chelovek. M.: Relf-book, 1994. 368 s.
5. Meshcheryakova N. N. Teoretiko-metodologicheskie podkhody k izucheniyu sotsial'noi anomii v rossiiskom obshchestve // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2014. № 3. S. 104–113.
6. Pletnev A. V. Krizis liberal'nykh tsennostei kak faktor anomii v sovremennom obshchestve // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2010. № 124. S. 353–356.
7. Feofanov K. A. Sotsial'naya anomiya: obzor podkhodov v amerikanskoj sotsiologii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1992. № 5.
8. Shmigun I. M. Filosofiya potrebleniya. Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr, 2009. 304 s.
9. Shukshina L. V. Sotsial'nye illyuzii kak predmet filosofskogo analiza // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii raion. Ser. Gumanitarnye nauki. 2009. № 1. S. 13–20.
10. Khezmondalsh D. Kul'turnye industrii. M.: Izd. dom VShE, 2014. 456 s.

Received: November 21, 2016; accepted for publication: December 27, 2016

Reference to the article

Napso M. D. Modern Society as a “Performance Society” // Scholarly Notes of Transbaikals State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 23–29. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-23-29.

УДК 316.4.06

DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-30-40

Михаил Васильевич Фирсов¹,

доктор исторических наук, профессор,
Российский государственный социальный университет
(129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1),
e-mail: mihail_firsov@mail.ru

Татьяна Николаевна Юдина²,

доктор социологических наук, профессор,
Российский государственный социальный университет
(129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1),
e-mail: ioudinatn@mail.ru

Анна Андреевна Черникова³,

аспирант,
Российский государственный социальный университет
(129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1),
e-mail: aannyu@yandex.ru

Особенности процессов инкапсуляции в условиях многовекторных координат российского общества

Процессы институционализации современного российского общества отражаются на всех сферах его развития. В современных условиях начинают формироваться новые отношения между социальными группами и национальными общностями, которые требуют своего системного осмысления. Современное постмодернистское познание ищет такие формы осмысления многофакторных явлений, которые бы позволили выйти за рамки традиционных схем и «принятых» дискурсов понимания реальности, поскольку в одной познавательной матрице достаточно сложно описать динамические процессы. В этой связи социальное познание использует различные подходы в рефлексии складывающихся социальных процессов. Одним из таких подходов является подход культурной инкапсуляции, предложенный американским исследователем К. Ренном. Подходы культурной инкапсуляции широко применяются в практике консультирования и терапии для понимания особенностей социального функционирования этнических клиентов в обществе. Данный подход применяется и в социологическом познании при описании взаимодействия различных этнических групп применительно к этнокультурным проблемам. В статье даны подходы к описанию трансформации советской матрицы инкапсуляции, её базовых характеристик, особенностей функционирования и её переход в российскую модель.

Ключевые слова: ассимиляция, инкапсуляция, коллективная матрица инкапсуляции, виды инкапсуляции, институционализация, маргинализация, миграция

Вводная часть. В современном российском обществе среди важнейших социальных процессов наблюдается с одной стороны окончательное разрушение «мифологем советского времени», заканчиваются процессы десоветизации, а с другой – завершаются процессы транзитивности, его «неопределённого состояния». Как отметил бы философ М. М. Бахтин, заканчивается период «вневременного зияния», когда прошлое закончилось, а настоящее ещё не наступило [2]. В этих измерениях можно наблюдать оформление новых контуров

российского общества в системе геополитических, социокультурных и глобальных координат.

Одним из векторов, позволяющих наблюдать изменения социетальных структур, считаются «точки перехода», которыми являются социокультурные матрицы инкапсуляции. Понятие «культурная инкапсуляция» в социальных науках было предложено психологом К. Ренном. Культурная инкапсуляция – это психологическая модель самозащиты индивида от давления окружающей инокультурной среды [19, с. 67–68]. Учёный

¹ М. В. Фирсов разрабатывает концепции статьи, систематизирует и анализирует исследовательский материал.

² Т. Н. Юдина систематизирует и анализирует исследовательский материал.

³ А. А. Черникова переводит и анализирует зарубежную литературу, собирает материал.

предложил образную модель коккона, замкнутого индивидуального социокультурного пространства, позволяющего индивиду сохранять свои социокультурные ценности и мировоззрение в ситуациях постоянных трансформаций контекстов его жизнедеятельности: экономических, политических, социальных, культурных.

Эта тема находит своё продолжение в зарубежных исследованиях других учёных [20, с. 720–729; 23]. Культурная инкапсуляция в большинстве научных публикаций осмысливается в дискурсах психологических наук, меньше – социологических. В отечественном социальном познании подходы к данной проблематике только начинают оформляться, и здесь можно выделить работу М. С. Куропятник [5].

Мы будем рассматривать социокультурную инкапсуляцию как целенаправленный, организуемый процесс межкультурной интеграции различных этносов и народов правящими элитами в определённое историческое время на контролируемом геополитическом пространстве для достижения своих политических, социальных, культурных и экономических целей. Этот процесс формируется и реализуется в рамках геокультурных матриц, которые позволяют действующей власти осуществлять социокультурные интегративные проекты.

В этой связи можно наблюдать, как на рубеже XX–XXI веков в Российской Федерации в результате геополитических и экономических трансформаций произошла деинституционализация советской матрицы инкапсуляции, и сегодня происходит оформление новой российской модели, контуры осмысления которой только определяются в отечественном социальном познании [1; 3; 8 и др.]. Особенности перехода от коллективной матрицы инкапсуляции, в основе которой «проект советского мира», к российской матрице инкапсуляции, в основании которой «проект русского мира» или «российской цивилизации», обозначают своеобразие динамики социокультурного процесса современного российского общества.

Методология и методы исследования. В связи с тем, что предполагаемое исследование затрагивает различные сферы научного социального познания, был использован комплекс подходов, объединённых едиными целевыми установками и задачами:

– классический подход к процессам социальной адаптации (М. Вебер, Э. Гидденс, Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, Г. Спенсер);

– адаптация и социокультурная интеграция на основе концептов дифференциации, сближения, эволюционного развития (Н. Бердяев, А. Макинтайр, Дж. Ролз, М. Сандель, Дж. Удрон, Г. Таллока, Ч. Тейлор, А. Этциони и др.);

– проблема этнической идентичности (А. О.Бороноев, Ю. В. Бромлей, Э. Гелнер, А. Г. Здравомыслов, К. Колхаун, Ч. Миллс, М. Мнацаканян, И. Нойман, Э. Смит, Ю. Хабермас, С. Хантингтон, Э. Эрикссон, В. И. Тишкова и др.);

– исследования российских современных учёных, разработавших подходы к процессам социальной адаптации, применительно к российским реалиям (Е. М. Аврамова, А. С. Ахиезер, Л. А. Беляева, О. Э. Бессонова, Л. А. Гордон, А. С. Готлиб, Т. И. Заславская, Л. В. Корель, Н. И. Лапин, Н. Ф. Наумова, М. В. Ромм, В. Т. Федотова, Л. А. Хахулина, М. А. Шабанова, В. А. Ядов).

Результаты исследования. Коллективная матрица инкапсуляции начинает оформляться в результате изменения общественной парадигмы – с «имперской» на «советскую». Её векторы развития определялись в контексте коллективных социалистических ценностей, моделях экономического воспроизводства, на основе принципов общественной собственности на средства производства.

Проект «советского мира» отечественными архитекторами всеобщего равенства и справедливости выстраивался как новая социокультурная реальность единения и интеграции различных этносов и культур.

Проект «советского мира» – своеобразный «культурный тигель», инновационная форма аккумуляции, в которой был воплощён принцип «единства в многообразии», но в контексте марксистских подходов на основе идей интернационализма, воплощённых в лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» применительно к народам единого геополитического пространства.

Эта была социокультурная цель и норма для всех её членов, определяющих, по мнению Р. Мертона, сущностные характеристики и типологию общества, вместе с системой контроля и способами достижения этих целей [6, с. 245], которые параллельно создавались новой властью.

Новые цели правящих элит позволили дифференцировать структуру социальных групп в обществе, разделив их на тех, кто следовал данному вектору развития, и тех, для кого эти ценностные нормы были неприемлемы.

Социальные группы, принявшие новые нормы жизнедеятельности, в совместном «сотрудничестве» с властью создавали новую архитектуру инкапсуляции, за это они получали, «новые социальные статусы» и «социализированные вознаграждения» [Там же, с. 247].

Такие группы условно можно назвать – в соответствии с западными традициями – группами ассимиляции [18; 19].

Те социальные группы, которые не желали придерживаться предлагаемого образа жизни, становились жертвами «социокультурного тигеля». Добровольная аскеза, «отказ от мирской жизни» в советском обществе, не подразумевала «мирный уход» в леса, чтобы посвятить себя медитации, как это было в древних культурах [11, с. 296]. Органы государственного надзора и контроля жертвами социализации пополняли ряды бесплатной рабочей силы, создававшие материальные ценности нового государства. Такие группы можно определить как группы аномии, или маргинальные группы.

Между двумя этими полярными группами, создающими архитектуру инкапсуляции, существовали группы сепарации и интеграции, включавшиеся в процессы кросс-культурной инкапсуляции, сохраняющие и модернизирующие паттерны поведения в контексте новых социокультурных норм.

Можно отметить, что в дальнейшем, с разрушением геополитического пространства СССР в 1990-е годы XX столетия, новые этнические демократические государства реализовывали полярные сценарии управления жизнедеятельностью общества, применяли санкции вместо трудовых лагерей, вынуждали эмигрировать те социальные группы, которые не принимали ценностные нормы новой модели инкапсуляции. Виктимность социальных групп, не принимающих ценности новой парадигмы инкапсуляции, является одной из её базовых характеристик на «точках перехода».

Вектор социокультурных ориентиров и система способов достижения намеченных целей являются доминантами данной парадигмы.

Социалистические социокультурные ориентиры в новой матрице инкапсуляции были направлены не на доминирование и подчинение одних этносов другим, а на совместное равноправное сосуществование и соразвитие, на основе паттернов интернационализма, идеологием общественной морали, государственных ценностей.

Для реализации данной стратегии необходимо было переформатировать общественное сознание, изменить социальные коды культуры и уклада жизнедеятельности населения.

В этой связи из новой общественной парадигмы исключаются два важнейших института: церковь и семья, которые тысячелетиями воспроизводили стереотипы социокультурного поведения нации, формировали коллективное бессознательное народов, воспроизводили на основе архетипов традиционные ценностные установки.

Стратегии новой модели инкапсуляции направлялись на забвение исторической памяти, разрушая коллективное бессознательное, к формированию нового коллективного сознания на основе современного советского опыта.

В матрице советской инкапсуляции был организован «процесс замещения» с института Церкви, который стал недоступен для массового сознания, на партийные, советские и общественные идеологические институты, которые приносили новые ритуалы, мистификации, инициации в коллективную жизнь советских людей.

В свою очередь все формы семейного воспитания и обучения замещаются коллективными методами организации жизнедеятельности человека: системой социального воспитания, технологиями политической советской социализации.

Коллективная идентификация предполагала последовательную и поэтапную политическую социализацию и инкультурацию советского человека от «рождения до могилы» через такие формы коллективной организации, как октябрятская звёздочка, пионерский отряд, комсомольская организация, партийная ячейка и профсоюзная организация для непартийных групп населения.

Таковы были ориентиры «советского тигля» межнациональной интеграции на всей территории СССР.

После Второй мировой войны можно наблюдать, как советская матрица социо-

культурной инкапсуляции распространяется правящими элитами не только на Запад, в страны социалистического содружества, но и на Восток, Азию, Африку и Латинскую Америку.

Предтеча мультикультурализма, коллективная инкапсуляция советского типа, более семидесятилетий оказывала своё влияние на процессы межнационального взаимодействия на различных географических широтах.

По существу это была новая форма колонизации общественного сознания на основе марксистских идеологем равенства, социальной справедливости и прав человека труда, как демиурга всех материальных и коллективных ценностей.

Колонизация как форма культурной экспансии – характерное явление для мировой истории. Как считает французский исследователь А. Голдхаммер, культура Франции «колонизировала сознание мира», став центром цивилизации в XIX столетии, а в XX веке это место в мировой цивилизации стал занимать Голливуд [15, с.110].

В начале XXI века культурная экспансия в процессах межкультурной коммуникации принадлежит интернету, как новой формы инкапсуляции. Захвативший всё мировое пространство интернет обеспечил реализацию социалистических принципов, если не справедливости, то свободы и равенства, не только «в отдельно взятой стране», но и «в отдельно взятой квартире», практически на всех континентах мира.

Способы достижения поставленных целей необходимо рассмотреть в логике диахронических и синхронических подходов.

Хронотоп матрицы конструировался правящими элитами на основе двух основных дискурсов: дискурса общей судьбы, всех наций и народностей, диахронных векторов построения, «там и тогда», и дискурса общей социальной повседневности, синхронного вектора моделирования, «здесь и сейчас».

Миф об «общей судьбе братских народов» создавался в единой логике событийного описания. Коллективная мифологема социального мира «братских народов» укладывалась в логику марксистской парадигмы отображения истории, где такие явления, как эксплуатация, неравенство, притеснения и восстание угнетённых были своеобразными «общими страницами» единого исторического процесса различных этносов советского общества.

Дискурсы кросс-культурной повседневности были связаны с общими историческими событиями тем совместным новым социальным опытом, который приобретался в условиях советского государства: во время Гражданской и Великой Отечественной войны, в период коллективизации и освоения целинных земель, при работе над «мирным атомом», в стройках пятилетки. Дискурсы кросс-культурной советской повседневности были подчинены коллективным матрицам единения, игнорируя все этнические индивидуальные сценарии жизнедеятельности отдельных наций и народностей.

Коллективная социокультурная инкапсуляция воспроизводилась в повседневности на всей территории страны через систему образования и культуры, экономики и политики, военной сферы и систему хозяйствования.

Образовательная, интеллектуальная и культурная миграция из национальных областей, краёв и республик имела организованный характер, на основе централизованного управления населением. Власть регламентировала этнонациональные процессы, контролировала этнонациональные свободы и потребности в контексте государственных интересов и базовых советских идеологем.

«Самопредставление», сформулированные «знания о себе» нации и народности могли иметь только опосредованно, через государственный союзный аппарат управления и контроля, только через институты национальных партийных и культурных элит.

Коллективная матрица инкапсуляции формировала новые подходы к кросс-культурной компетенции, она формировалась на основе единого языка межкультурного общения, которым был русский язык, при этом осуществлялась государственная политика сохранения и развития национальных языков. Политика кросс-культурного билингвизма была нормой общественной жизнедеятельности.

Проявление этнизма и этнической межгрупповой агрессии в данный период регулировалось через репрессивные формы государственного вмешательства, за всеми этнонациональными проявлениями индивидуального своеобразия осуществлялся полицейский надзор.

Обсуждение результатов исследования. Особенность социокультурной матрицы инкапсуляции Российской Федерации. Российская матрица инкапсуляции условно претерпевает три этапа своей трансформации.

Первый этап был связан с процессами деинкапсуляции советской матрицы. Деинкапсуляция советской матрицы идентичности была обусловлена как внутренними процессами разрушения единого геополитического пространства, так и внешними факторами, прямой экспансией со стороны ведущих зарубежных промышленно развитых стран по устранению Российской Федерации как конкурента в сферах влияния экономики и политики в глобальной системе координат.

Во *второй период* происходит кросс-культурная ориентация и первые попытки создать российскую матрицу социокультурной инкапсуляции. Условно этот процесс можно обозначить с начала 90-х годов до начала нулевых годов.

Третий этап был связан со стратегиями кросс-культурной ориентации правящих элит в системе новых социоэкономических, политических, миграционных и геополитических процессов в контексте глобальных вызовов и этнонациональных угроз в контексте складывающегося многополярного мира.

Отталкиваясь от концепции А. Грейлла и Р. Руди о различных формах инкапсуляции, можно также осмыслить эти процессы в парадигмах физической, социальной, идеологической инкапсуляции как составных частей матрицы кросскультурной идентичности [14].

Этап деинституционализации советской модели инкапсуляции. Данный период связан с разрушением геополитического пространства СССР и политической активизацией этнических государств, входивших в состав советской страны.

Для них, на наш взгляд, были характерны следующие виды инкапсуляции:

Физическая инкапсуляция. Можно отметить, что и страны Балтии, и страны Центральной Азии, и закавказские страны, по сути дела были геополитическими и геоэкономическими проектами правящих советских элит для реализации глобальных и региональных программ продвижения идеологием социализма.

В этой связи модели инкапсуляции строились по единой схеме, в состав коренного этнического населения инкорпорировали представителей других наций и народностей через механизмы управляемой образовательной, хозяйственной, учебной, военной миграции, таким образом, чтобы создать условия для формирования новой «социальной и интернациональной общности людей» – советский народ.

После Второй мировой войны этот проект получил новые возможности за счёт репараций, которые позволили не только расширить территориальные границы национальных республик, но и изменить их географическую конфигурацию в рамках единого государства. Причём новые границы союзных республик никак не были связаны с историческим пространством проживания территориального этнического большинства.

Однако с ослаблением политического центра, нарастанием тенденций сепаратизма и этноцентризма геополитическая мозаичная конструкция, характерная для советской государственности, в этот период распадается [7, с. 29]. Начинают рушиться физические контуры советской модели инкапсуляции в тех границах, которые всё меньше мог контролировать политический центр страны.

Паралич власти был связан не столько с системой политического и полицейского регулирования, сколько с игнорированием экономических составляющих государственного управления в тех территориальных границах, которые были определены правящей властью.

С другой стороны, «население имеет собственные законы преобразования, перемещения, ... оно порождает между каждым из индивидов и всеми остальными целый ряд взаимодействий, замкнутых следствий, последствий распространения, ... имеется связь, которая не устанавливается по желанию государства» [10, с. 453].

Этот фактор государственного управления также не был в центре внимания правящих элит, что сыграло свою роль в трансформации матрицы инкапсуляции.

Социальная инкапсуляция. Государственный социокультурный патернализм СССР за годы своего существования расширил не только «национальные границы»,

ареалы этнического «компактного проживания», но ещё сформировал новый тип иждивенчества, «социокультурный вэлферизм».

Национальные модели инкапсуляции советских республик развивались не в жёсткой конкуренции, противодействии социокультурным внешним вызовам, а в условиях государственного патронирования и целевого финансирования, к тому же социокультурные ориентиры были направлены на «внутреннюю среду», многонациональное культурное советское пространство.

Это была своеобразная «поведенческая политика» общественного сектора советской системы. Своеобразные инвестиции, которые делали правящие элиты для коррекции этнического поведения.

Как считают зарубежные исследователи, в области поведенческой экономики общественного сектора, правительства корректируют за счёт инвестиций и налогов определённые паттерны поведения социальных групп [17, с. 850]. Однако они постоянно должны мониторить текущую ситуацию и моделировать возможные последствия в средней и дальней перспективе развития, что было проигнорировано правящими советскими элитами.

Можно констатировать, что на основании патерналистской политики советских элит была сформирована определённая потребительская модель общественного сектора, которая без государственной поддержки существовать просто не могла. И в ситуациях сокращения государственного финансирования данная модель становилась нежизнеспособной.

Идеологическая инкапсуляция. Российская Федерация в 1990-е годы, став де-юре преемницей советской страны, де-факто не смогла противостоять центробежным силам распада, для этого не было экономических, политических, военных, организационных ресурсов. Советская социокультурная матрица инкапсуляции, строительство которой осуществлялось все послевоенные годы, не отвечала больше идеологическим дискурсам и национальным запросам единой общности «советского народа», который всё больше расходился «по национальным квартирам».

Более того, в ситуации распада Советского Союза Российская Федерация не могла предложить не только новую модель

инкапсуляции, но она сама была в поиске новых векторов развития в контексте дискурсов социального государства, новых рыночных отношений. И если у советских элит была ясная цель на построение социалистического общества, то российские элиты стояли на распутье трёх основных моделей сложившихся социальных государств, каждое из которых имело свои «миры капитализма и модели всеобщего благосостояния» [13].

Сформированные модели инкапсуляции национальных государств в логике патрон-вассальных отношений имели сформированный опыт осуществления своей социокультурной, экономической, политической, социальной деятельности только в контексте крупных и масштабных государств. Не имея достаточных ресурсов самостоятельно транслировать и воспроизводить без внешней поддержки коды национальной культуры, национальные государства стали искать партнёров вне социальных и культурных связей с Российской Федерацией.

Все эти основные тенденции предопределили распад советской матрицы инкапсуляции, которые «похоронили» под собой культивируемый десятилетиями советскими элитами идеологический миф о «братских народах».

Этап кросс-культурной ориентации. На данном этапе в Российской Федерации начинается поиск объединяющего нового «мема», единицы новой социокультурной конфигурации. Мем «россияне», «новые русские» и другие коннотации мало соотносились с реалиями тех людей, которые ещё идентифицировали себя с «советским народом». Этому не способствовало и новое геополитическое пространство, которое существенно изменилось в своих новых границах.

Физическое пространство инкапсуляции. В Российской Федерации с начала 1990-х годов происходили сложнейшие миграционные процессы. С одной стороны, наблюдалась вынужденная миграция из стран бывшего Советского Союза, но это была уже внешняя миграция. По оценке специалистов, с 1992 по 1996 годы в РФ из этих стран выехало около 3 млн человек. С другой – из-за военных конфликтов в Чечне вынуждены были покинуть свои дома свыше

350 тыс. человек, причём не только русскоязычных представителей, но и коренных народов республики¹.

Мигранты, которые прибыли на территорию Российской Федерации, несмотря на свои этнические корни, находились в ситуации посттравматического стресса, «культурного шока». Они сталкивались с новыми кодами культуры, которые не соответствовали их представлениям о социальной культуре своего этноса. Как показывают исследования этого периода, наблюдались тенденции гиподентичности, отказа от ценностей собственной этнической группы, формировались процессы этнического нигилизма [9, с. 15]. К тому же, общественная ситуация, трансформация социальных отношений, изменение социальных структур общества не способствовали интеграции вновь прибывших соотечественников.

Условия для формирования новой матрицы инкапсуляции были неблагоприятные, так как были нарушены физические границы воспроизводства кодов культуры, к тому же принять новые социальные обстоятельства своего существования и проживающим, и прибывшим этническим группам было достаточно затруднительно.

Социальные и идеологические векторы инкапсуляции. Сложности у правящих элит в создании новой матрицы инкапсуляции были связаны с процессами разрушения маркёров идентичности.

Правящие элиты процессы демистификации направили на разрушение коллективных социокультурных маркёров, которыми были герб, гимн, исторические события, названия улиц и городов и других релевантных символов, связанных с советским прошлым единого народа.

Была изменена система воспроизводства национальной идентичности через систему школьного образования. Этот период охарактеризован достаточно большим введением образовательных программ, которые давали возможность с различных позиций интерпретировать не только естественнонаучную картину мира, но и историческую, и социальную. В системе государственных школ формирование национальной идентичности было «доверено» индивидуальным интерпретаторам, ко-

торые имели возможность, исходя из своих предпочтений, трактовать прошлое и настоящее страны по лекалам индивидуальных имплицитных представлений, чего не наблюдалось в системе образования в этот период ни в одном государстве мира.

Все эти действия были направлены на системное разрушение глубинных пластов коллективного бессознательного, которые непосредственно были связаны с архетипами общественного прошлого.

И если на предшествующем этапе правящими элитами через систему школьного образования воспроизводились пласты национальной идентичности через учительские кадры, то в переходный период они массово отстранились от процессов формирования идентичности за счёт сокращения их подготовки в высших учебных заведениях.

Так, например, по данным статистики, в 1991 году на первом курсе высших учебных заведений обучалось по всем специальностям учительской профессии 825,9 тыс. человек, то в 2004 году наблюдается снижение до 303,6 человек. Если сравнить с подготовкой экономистов и юристов, то на первом курсе в 1991 году данная группа состояла из 198 тыс., в 2004 году их численность достигла 941,6 тыс. человек, и это в условиях «демографической ямы»², снижения количества населения.

Однако можно было наблюдать и другие тенденции, которые всё же способствовали формированию основам российской модели инкапсуляции.

Разрушив советскую систему политической социализации человека от рождения до могилы, правящие элиты «возрождают» в жизни отдельного человека институт семьи и Церкви, которые были исключены из сферы коллективной жизни народа почти на семьдесят лет.

Семья, по мнению отечественных и зарубежных исследователей, является одним из главных институтов формирования идентичности и передачи культурных кодов между поколениями.

Члены семьи – не только живые свидетели, но и акторы исторических событий, которые через систему норм, ценностей, лично-прожитых исторических событий

¹ Население России: пятый ежегодный демографический доклад / под ред. А. Г. Вишневого. – М., 1997. – 300 с.

² Статистика российского образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stat.edu.ru/stat/vis.shtml> (дата обращения: 17.02.2017).

включают последующие поколения в систему ушедших исторических событий, тем самым формируют коды национальной идентичности.

Являясь современниками, в том числе и своих детей, внуков, либо детей, старшие члены семьи через «историческую» индивидуальную память влияют на жизненную траекторию субъекта другого исторического времени, находящегося с ним в родственных отношениях. Тем самым включают его через индивидуальный исторический цикл семьи в непрерывный контекст социально-исторического процесса своего рода, через его территории и страны в целом в контексте социокультурных норм и ценностей.

И если семья формировала индивидуальные матрицы инкапсуляции, то институт церкви формировал матрицы идентичности на уровне массового коллективного сознания, формируя религиозное мироощущение и миропознание, вне дискурсов партийных политических установок и атеистических истин [14]. По сути дела, церковь начала возвращать архетипы национального общинного сознания, формируя механизмы идентичности для сформировавшихся антагонистических социальных слоёв российского общества.

Именно эти доминанты, когда всё более отчётливо будут формироваться у правящих элит представления о моделях российской инкапсуляции, станут одними из тех «скреп», на основах которых возможно формировать новую матрицу кросс-культурной идентичности.

Этап формирования новой модели идентичности в контексте реалий физической, социальной и идеологической инкапсуляции. Можно отметить, что российская социокультурная матрица инкапсуляции начинает только оформляться в своих кросс-культурных параметрах. Становление социокультурной матрицы осуществляется между двумя полюсами исторического цивилизационного опыта – «интернационализма» (объединение наций на основе «союза угнетённых», предшествующий исторический опыт) и «мультикультурализма» (сосуществование «разных, не объединяющихся и не интегрирующих», современный опыт инкапсуляции западной цивилизации).

Данные дискурсы – это крайние точки социокультурной инкапсуляции, сценарии которых невозможно реализовать в российских условиях по следующим причинам.

Первая причина заключается в том, что «интернациональный» сценарий сегодня невыполним, поскольку существенно изменилась структурная дифференциация общества.

В новом постиндустриальном обществе произошло изменение в структуре производительных сил и производственных отношений. На смену пролетариату пришёл «субпролетариат», который, согласно Ж. Жюлиару, не может быть «агентом политических действий» [4, с. 29], в связи с чем объединение наций на основе проекта «интернационализма» не продуктивен. «Субпролетариат» может активизировать только процессы маргинализации общества, но не его интеграцию [16], а тем более на этнонациональной основе, что в исторической перспективе наглядно показал «Майдан» в Украине.

Вторая причина связана с ограниченностью возможностей проекта мультикультурализма, что в начале XXI века доказала сама западная цивилизация [12].

К тому же в условиях санкций, когда элиты европейских стран пошли по пути дезинтеграции отношений с РФ, западные модели инкапсуляции стали не рассматриваться по идеологическим, политическим и социальным причинам. К тому же ценностные ориентации России и Запада стали входить в резонанс по таким параметрам, как семья, духовность, социальная справедливость, нравственность – всё то, что связано с экзистенциями и духовными ценностями, а не с утилитарными принципами пользы и рациональности западного человека.

Третья причина заключается в том, что Российская Федерация изначально развивалась как полиэтничная страна, в которой тысячелетиями и столетиями сосуществовали различные этносы и народности, церкви основных мировых конфессий. В этой связи на новом историческом этапе формирования социокультурной инкапсуляции открывается не сама реальность того или иного этноса, как это наблюдается в западной цивилизации, а её новые формы исторической социокультурной повседневности.

Поэтому не «травма принятия» с одной и другой стороны, со всеми трансформациями этнического сознания, поисками равенства к «пришедшим», «живущими и доминирующими», а интеграция на основе новых экзистенций и духовных смыслов – вот что определяет новый вектор российской инкапсуляции.

Поэтому не случайно, что процессы интеграции на новом историческом этапе осуществляются в логике поиска «духовных скреп»¹, а не кросс-культурных компетенций, поиска коммуникаций, культурных рефлексий, проекций совместной жизнедеятельности и т. д., что наблюдается в современном Западном мире [24].

Заключение. Таким образом, модель инкапсуляции помогает идентифицировать механизмы обретения и формирования идентичности различных этносов в контексте их геокультурного и геополитического измерения.

В процессе оформления нового российского общества модели инкапсуляции

дают возможность интерпретации механизмов формирования идентичности на основе кросс-культурного своеобразия социальных групп.

Советские модели инкапсуляции в своей основе были подчинены политическим задачам правящих элит по распространению социалистических идеологий и парадигм межнационального взаимодействия.

В условиях «множественности демократий», плюрализма ценностей, многополярности измерений жизнедеятельности перед демократическими обществами стоят другие вызовы. Социальные модели «единства в многообразии» имеют свои векторы изменений, когда национальные государства должны существовать в рамках своей социокультурной идентичности, но при этом в контексте и взаимодействии с другими государствами, с их матрицами идентичности. В этом сегодня раскрывается философия и гармония жизни общества – быть «наедине», в рамках своей парадигмы идентичности, «но со всеми».

Список литературы

1. Баранов Н. А. Институционализация в России: особенности национальной модели // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК: науч. журн. 2007. Т. 3, № 4. С. 69–87.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
3. Бессонова О. Э. Образ будущего России и код цивилизационного развития. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2007. 123 с.
4. Жюлиар Ж. Круглый стол. Капитализм и лишение свободы // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления, интервью / М. Фуко. М.: Праксис, 2005. Ч. 2. 320 с.
5. Куропятник М. С. Культурная инкапсуляция: контексты и интерпретации социокультурных процессов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 12, вып. 3. С. 135–141.
6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 880 с.
7. Павленко В. Н. Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы. М.: Смысл, 2001. С. 25–40.
8. Пантин В. И., Лапкин В. В. Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного российского общества: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. 2004. № 1.
9. Солдатова Г. У. Социокультурный подход в практической психологии вынужденной миграции // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы. М.: Смысл, 2001. 279 с.
10. Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанный в Колеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
11. Элиаде М. История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий. М.: Академический Проект, 2008. 634 с.
12. Arredondo P., Perez P. Expanding multicultural competence through social justice leadership // The Counseling Psychologist 2003. No. 31. Pp. 282–289.
13. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Cambridge: Polity Press, 1997. 25 p.
14. Firsov M., Sizikova V., Iarionov A., Chernikova A. Social work within the structure of social oriented confessional education // Journal of Global Research in Education and Social Science. 2017. No. 9. Pp. 65–75.
15. Goldhammer A. The Future of French Culture // French Politics, Culture & Society. 2010. Vol. 28, No. 3. Pp. 97–113.

¹ Путин В. В. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию от 12.12.2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 23.01.2017).

16. Greil A., Rudy D. Social Cocoons: Encapsulation and Identity Transformation Organizations/ Sociological Inquiry. 2007. January. Pp. 62–71.
17. Kanbur R., Pirttila J., Tuomala M. Non-welfarist optimal taxation and behavioural public economics // Journal of Economic Surveys. 2006. Vol. 20, No. 5. December. Pp. 849–868.
18. Molodikova I. N., Yudina T. N. Migration strategies of Ukrainian migrants: EU or Russia // Contemporary Problems of Social Work. 2016. T. 2, No. 3. Pp. 62–71.
19. Ruben J. Echemendia Cultural encapsulation [Электронный ресурс] // Key Words in Multicultural Interventions A dictionary / ed. by J. S. Mio [et al.]. London: Greenwood press Westport, Connecticut, 1999. Режим доступа: <http://www.daximeba.ru/xyga.pdf> (дата обращения: 23.01.2017).
20. Sue D. W., Sue D. Counseling the culturally Diverse: Theory and practice (4th ed.). New York: John Wiley & Sons, 2003.
21. Sue D. W., Sue D. Counseling the culturally Diverse: Theory and practice (5th ed.). New York: John Wiley & Sons, 2007. Pp. 5–27.
22. Sue D. W., Sue S. Barriers to cross-cultural counselling // Journal of Counselling Psychology. 1977. No. 27. Pp. 420–429.
23. Pedersen P. A handbook for developing multicultural awareness (2nd ed.). Alexandria, VA: American Counseling Association. 1994. 325 p.
24. Vera E., Speight S. L. Multicultural competence, social justice, and counseling psychology: Expanding our roles // The Counseling Psychologist. 2003. No. 31. Pp. 253–272.

Статья поступила в редакцию 11.02.2017; принята к публикации 21.03.2017

Библиографическое описание статьи

Фирсов М. В., Юдина Т. Н., Черникова А. А. Особенности процессов инкапсуляции в условиях многовекторных координат российского общества // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 30–40. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-30-40.

Mikhail V. Firsov¹,

*Doctor of History, Professor,
Russian State Social University
(1 b., 4 Wilhelm Pieck st., Moscow, 129226, Russia),
e-mail: mihail_firsov@mail.ru*

Tatiana N. Yudina²,

*Doctor of Sociology, Professor,
Russian State Social University
(1 b., 4 Wilhelm Pieck st., Moscow, 129226, Russia),
e-mail: ioudinatn@mail.ru*

Anna A. Chernikova³,

*Graduate Student,
Russian State Social University
(1 b., 4 Wilhelm Pieck st., Moscow, 129226, Russia),
e-mail: aanny@yandex.ru*

Features of Encapsulation Processes in Multivector Coordinates of Russian Society

The institutionalization processes of modern Russian society affect all spheres of its development. In modern conditions, the new relations that are beginning to form between social groups and national communities require their systematic interpretation. Contemporary postmodern cognition looks for such forms of comprehension of multivector phenomena that would enable to go beyond the traditional schemes and “accepted” discourses of reality comprehension, since it is rather difficult to describe dynamic processes in one cognitive matrix. In this connection, social cognition uses various approaches to the reflection of emerging social processes. One of such approaches is cultural encapsulation, proposed by American researcher C. Gilbert Wrenn. Cultural encapsulation is widely used in counseling and therapy practice for understanding the specific features of ethnic clients social functioning in society. Social knowledge also uses this approach

¹ M. V. Firsov develops the concept of the article, systematizes and analyzes the research material.

² T. N. Yudina systematizes and analyzes the research material.

³ A. A. Chernikova translates and analyzes foreign literature, collects materials.

to describe the interaction of various ethnic groups in relation to ethnic and cultural issues. The article reveals different approaches to the description of the transformation of the Soviet matrix of encapsulation, its basic characteristics, features of functioning and its transition to the Russian model of cultural encapsulation.

Keywords: assimilation, encapsulation, collective encapsulation matrix, encapsulation types, institutionalization, marginalization, migration

References

1. Baranov N. A. Institutsionalizatsiya v Rossii: osobennosti natsional'noi modeli // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS: nauch. zhurn. 2007. T. 3, № 4. S. 69–87.
2. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. M.: Khudozh. lit., 1975. 504 s.
3. Bessonova O. E. Obraz budushchego Rossii i kod tsivilizatsionnogo razvitiya. Novosibirsk: IEiOPP SO RAN, 2007. 123 s.
4. Zhyuliari Zh. Kruglyi stol. Kapitalizm i lishenie svobody// Intellektualy i vlast': izbrannyye politicheskie stat'i, vystupleniya, interv'yuy / M. Fuko. M.: Praxis, 2005. Ch. 2. 320 s.
5. Kuropyatnik M. S. Kul'turnaya inkapsulyatsiya: konteksty i interpretatsii sotsiokul'turnykh protsessov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2015. Ser. 12, vyp. 3. S. 135–141.
6. Merton R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura. M.: AST, 2006. 880 s.
7. Pavlenko V. N. Akkul'turatsionnye strategii i modeli transformatsii identichnosti u migrantov // Psikhologiya bezhentshev i vyzhdennykh pereselentsev: opyt issledovaniy i prakticheskoi raboty. M.: Smysl, 2001. S. 25–40.
8. Pantin V. I., Lapkin V. V. Transformatsiya natsional'no-tsivilizatsionnoi identichnosti sovremennogo rossiiskogo obshchestva: problemy i perspektivy // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2004. № 1.
9. Soldatova G. U. Sotsiokul'turnyi podkhod v prakticheskoi psikhologii vyzhdennoi migratsii // Psikhologiya bezhentshev i vyzhdennykh pereselentsev: opyt issledovaniy i prakticheskoi raboty. M.: Smysl, 2001. 279 s.
10. Fuko M. Bezopasnost', territoriya, naselenie: kurs lektsii, pročitannyy v Kolezh de Frans v 1977–1978 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2011. 544 c.
11. Eliade M. Istoriya very i religioznykh idei: ot kamennogo veka do elevsinskikh misterii. M.: Akademicheskii Proekt, 2008. 634 c.
12. Arredondo P., Perez P. Expanding multicultural competence through social justice leadership // The Counseling Psychologist 2003. No. 31. Pp. 282–289.
13. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Cambridge: Polity Press, 1997. 25 p.
14. Firsov M., Sizikova V., Iarionov A., Chernikova A. Social work within the structure of socialoriented confessional education // Journal of Global Research in Education and Social Science. 2017. No. 9. Pp. 65–75.
15. Goldhammer A. The Future of French Culture // French Politics, Culture & Society. 2010. Vol. 28, No. 3. Pp. 97–113.
16. Greil A., Rudy D. Social Cocoons: Encapsulation and Identity Transformation Organizations/ Sociological Inquiry. 2007. January. Pp. 62–71.
17. Kanbur R., Pirttila J., Tuomala M. Non-welfarist optimal taxation and behavioural public economics // Journal of Economic Surveys. 2006. Vol. 20, No. 5. December. Pp. 849–868.
18. Molodikova I. N., Yudina T. N. Migration strategies of Ukrainian migrants: EU or Russia // Contemporary Problems of Social Work. 2016. T. 2, No. 3. Pp. 62–71.
19. Ruben J. Echemendia Cultural encapsulation [Электронный ресурс] // Key Words in Multicultural Interventions A dictionary / ed. by J. S. Mio [et al.]. London: Greenwood press Westport, Connecticut, 1999. Режим доступа: <http://www.daximeba.ru/xyga.pdf> (дата обращения: 23.01.2017).
20. Sue D. W., Sue D. Counseling the culturally Diverse: Theory and practice (4th ed.). New York: John Wiley & Sons, 2003.
21. Sue D. W., Sue D. Counseling the culturally Diverse: Theory and practice (5th ed.). New York: John Wiley & Sons, 2007. Pp. 5–27.
22. Sue D. W., Sue S. Barriers to cross-cultural counselling // Journal of Counselling Psychology. 1977. No. 27. Pp. 420–429.
23. Pedersen P. A handbook for developing multicultural awareness (2nd ed.). Alexandria, VA: American Counseling Association. 1994. 325 p.
24. Vera E., Speight S. L. Multicultural competence, social justice, and counseling psychology: Expanding our roles // The Counseling Psychologist. 2003. No. 31. Pp. 253–272.

Received: February 11, 2017; accepted for publication: March 21, 2017

Reference to the article

Firsov M. V., Yudina T. N., Chernikova A. A. Features of Encapsulation Processes in Multivector Coordinates of Russian Society // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 30–40. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-30-40.

Юрий Витальевич Фоканов,

преподаватель,

Забайкальский государственный университет

(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30),

e-mail: fokanoff.yur@yandex.ru

Факторы развития диаспоры в глобализирующемся мире

Объективной стороной функционирования современного общества являются процессы, совокупность которых получила название «глобализация». В силу этого истинно актуальная проблема, попадающая в поле социальной философии, так или иначе касается глобализации, которая в свою очередь весьма не однозначна как на практике, так и в научных дискуссиях. Глобализация – процесс закономерный и вполне естественный на современном этапе исторического развития. Именно в рамках этого процесса происходит интенсификация миграционных потоков, изменяется характер социально-экономического взаимодействия. Сложность и неоднозначность процессов глобализации, широта порождённых ими проблем формируют весьма разнообразные взгляды и подходы. Автором принята попытка концептуализировать основания, которые формируют предмет диаспоры как социального явления. Диаспора – совокупность населения определённой этнической или религиозной принадлежности, которое проживает в стране или районе нового расселения. Проведён анализ концепций, расширяющий традиционное определение диаспоры, представленных в работах В. Тишкова, В. Дятлова, А. Милитарева. При исследовании диаспоры следует учитывать, прежде всего, то, что в основе образования подобной общности лежит этничность, поэтому решение вопросов, связанных с существованием диаспоры, может быть только при верном понимании сущности этноса и этничности.

Ключевые слова: глобализация, диаспора, этничность, идентичность, социальная адаптация

Вводная часть. Особое место диаспоры в глобализации вызвано схожестью аксиологических предпосылок, с одной стороны, аксиологии глобальных процессов, с другой – аксиологии диаспоры. Ценности, присущие человеку в глобальной среде: активность, деловая хватка, неприхотливость, практичность, по сути являются качествами членов диаспоры во все времена её существования. Такие качества членов диаспоры, как клановость, взаимоподдержка, корпоративность, создают члену диаспоры конкурентоспособность и благодаря этим качествам диаспорант чувствует себя психологически и социально защищённым в большей степени, чем обычный человек, столкнувшийся с прагматикой глобализирующейся жизни. В результате диаспора на современном этапе исторического развития становится формой социальной адаптации человека.

Сторонники глобализации предрекают в недалёком будущем зарождение качественно нового человека и глобальной формы сообщества – мегаобщества, мегакультуры, суперэтноса [4, с. 76]. В то же время это обеспечивает актуальность темы исследования, несмотря на мировую интеграцию,

существует тенденция роста этнического самосознания народов мира. Эта тенденция несёт в себе как положительные аспекты, как например, поддержание и развитие культуры малых народов, исследования в области этнографии и этнологии, так и отрицательные – в виде возросшей опасности вооружённых конфликтов на этнической почве, актов гражданского неповиновения. В итоге на передний план социального взаимодействия выходят структуры, в которых основным критерием существования становится этническая принадлежность, среди таких структур особое положение занимает диаспора.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют общетеоретические труды западных и отечественных учёных, посвящённые анализу исследуемых проблем. Социально-философский метод, применённый в исследовании, предполагает проведение комплексного анализа имеющихся теорий и идей этноса, диаспоры, социальной адаптации.

Целью исследования стало выявление особенностей факторов развития диаспоры в современном мире. В результате были поставлены определённые задачи: выявить

особенности глобализации на современном этапе развития общества; уточнить определение понятия «диаспора»; рассмотреть сравнить аксиологию глобальных процессов и аксиологию диаспоры.

Результаты исследования и их обсуждение. В связи с тем, что увеличиваются объёмы и направления миграционного потока, происходит урбанизация, меняется характер социально-экономических процессов, перемещаются государственные границы, большое внимание уделяется проблемам диаспоры.

На современном этапе сложилась своеобразная аксиологическая система жизненных координат, в которой определяющими явились понятия «финансовый успех», «деловая активность», «высокая работоспособность», «коммуникабельность». Глобализация – процесс закономерный и вполне естественный на данном этапе исторического развития [10]. Именно в рамках этого процесса происходит интенсификация миграционных потоков, изменяется характер социально-экономического взаимодействия.

В. Л. Иноземцев, указывая на отличия глобализации от «интернационализации» и «интеграции», подчёркивает, что её сутью является формирование системы, позволяющей человеку или компании взаимодействовать с другими людьми, корпорациями или социальными структурами, не прибегая к посреднической роли государства [3, с. 31].

Этническая принадлежность, как правило, не требует особенного жизненного опыта, каких-либо сложных когнитивных процедур и отличается устойчивостью [6]. Этничность не обязательно проявляется сама по себе. Она может являться следствием того, что государство становится неспособным обеспечить защиту прав человека. Как ответная реакция на данную неспособность у человека формируется этническое самосознание. Возникает этническая идентичность [1]. В дальнейшем человек может быть включён ещё в какую-либо группу, активно защищающую интересы своих членов на всех уровнях. Такой группой может стать диаспора.

Некоторые авторы считают, что термин «диаспора» является близким с некоторыми другими понятиями. Ю. А. Поляков обращает особое внимание на схожесть термина диаспора с термином «национальное меньшинство». В. И. Дятлов по поводу неопределённости термина «диаспора»

пишет: «...слово это используется для обозначения чрезвычайно широкого круга разнородных явлений, что отчасти лишает его эвристического значения» [2, с. 8]. Это, на наш взгляд, либеральное отношение к проблеме неопределённости термина. А. Милитарев обозначил ситуацию жёстче. Термин «диаспора» не имеет универсального содержания и термином, строго говоря, не является. Он лишь описывает, вернее, просто называет один или несколько исторических сюжетов [5].

Таким образом, возникло множество интерпретаций термина «диаспора» и даже мнение о том, что у него нет содержания. Для того чтобы разобраться в данной проблеме, необходимо концептуализировать те основания, которые формируют предмет диаспоры как социального явления.

Традиционное определение «диаспора» даётся в Советском энциклопедическом словаре. Диаспора – совокупность населения определённой этнической или религиозной принадлежности, которое проживает в стране или районе нового расселения¹. Данное понимание диаспоры зачастую находит своё применение в рамках отдельных дисциплин.

Концепции, в которых расширено базовое определение и представлены концептуализация и дефиницирование термина «диаспора», в междисциплинарном формате охарактеризованы в работах В. Тишкова, В. Дятлова, А. Милитарева [2; 6; 9]. Работы указанных авторов представляют разные научные дисциплины (этнологию, историю и лингвистику).

В. Тишков, анализируя традиционное понимание диаспоры, выявляет недостатки в её определении, уточняя характеристики диаспоры, которые помогают отделить её от похожих социальных явлений.

Первый недостаток он связывает с расширением понимания диаспоры. В этом случае диаспора включает все крупные перемещения. В. Тишков подчёркивает, что «Проблема с традиционным определением диаспоры состоит в опоре этого определения на объективные факты самого акта перемещения человека или его предков из одной страны в другую и сохранения особого чувства привязанности к “исторической родине”» [8, с. 43]. Таким образом, ещё одной

¹ Диаспора // Советский энциклопедический словарь. – М., 1987. – С. 389.

характеристикой диаспоры можно обозначить наличие у её членов чувства привязанности к исторической родине, желание сохранять верность её традициям и культуре, отказ от ассимиляции.

Второй недостаток общепринятого определения диаспоры связан с тем, что под фактором её образования понимается перемещение людей и исключается другой способ образования диаспоры – перемещение государственных границ [8, с. 45].

Третий недостаток традиционного определения связан с использованием идеи «центрированной» диаспоры, т.е. наличия одного и обязательного места исхода и обязательной связи с этим местом, особенно через метафору возвращения.

В. Тишков отмечает в качестве следующего недостатка восприятие диаспоры как коллективных тел, причём не только как статистических множеств, но и как культурно гомогенных групп, чего при глубоком исследовании не обнаруживается. Таким образом, В. Тишков признаёт наличие диаспоры как явления и термина, который её обозначает.

Ещё одна попытка концептуализации и дефиницирования термина «диаспора» в междисциплинарном формате представлена в трудах В. Дятлова. Он связывает термин с судьбой еврейского народа. В авторитетной «Британике» термин до сих пор освещается в данном аспекте. Однако в современной литературе всё чаще встречается расширенное толкование термина, который применяется для обозначения национальных и религиозных групп, живущих вне стран своего происхождения [2].

Анализ сущностных характеристик явления «диаспора» В. Дятлов связывает с его первоначальным пониманием – рассеянием еврейского народа. Он рассуждает о связи диаспоры с «национальным очагом», под которым понимается место, где большая или значительная часть этнической или религиозной группы жила бы компактно, в качестве коренного народа [Там же, с. 8]. Кроме того, автор отмечает, что при отсутствии «национального очага» (пример: цыгане, евреи до некоторого времени) может возникать опора внутри. Автор имеет в виду процесс создания «идеологического мифа», без которого, по его мнению, существование диаспоры невозможно. В. Дятлов спрогнозировал повышение исследователь-

ского интереса к проблеме, сделав акцент на коллективные усилия по её решению, что, на наш взгляд, вполне соответствует современной действительности.

А. Милитарев также предпринимает попытку разобраться с содержанием термина «диаспора». Как и В. Дятлов, он связывает определение понятия «диаспора» с историей еврейского народа, которые представляют собой классическую диаспору. Характерными чертами которых являются принадлежность к меньшинству населения, корпоративность, ограниченность сфер трудовой деятельности, ущемленность в правах, запрет или ограничение на изменение социального статуса, в первую очередь, на вхождение в высшие сословия, землевладение и военную карьеру, изолированность от других групп населения, ассимиляционные тенденции, диаспорное сознание [5, с. 32]. Расширенное понимание термина «диаспора» автор связывает с его использованием по отношению к другим народам.

Таким образом, первоначально толкование термина «диаспора» основывалось на истории еврейского народа. Сравнительно недавно стали возникать расширенные его толкования. Термин стал употребляться в отношении этнических или религиозных общностей, проживающих на территории, компактно заселённой другой этнической или религиозной общностью и обладающей «диаспорным сознанием». Об этом пишет С. В. Стрельченко, определяя диаспору как «...общее самосознание, которое выражается в чувстве групповой солидарности» [7, с. 65].

Таким образом, оказаться не в своём окружении возможно чаще всего вследствие миграции либо перемещения, и ошибочно диаспорой называть любых прибывших из-за рубежа людей, будь то беженцы или сезонные рабочие.

Заключение. Присутствие меньшинства не всегда может означать наличие диаспоры. Это связано с тем, что представители меньшинства могут выбрать другой способ индивидуальной адаптации, отличный от диаспоры – ассимиляцию. Диаспорой будет являться лишь то меньшинство, которое обладает институтами внутренней консолидации.

При исследовании диаспоры следует учитывать, прежде всего, то, что в основе образования подобной общности лежит этничность, поэтому решение вопросов, свя-

занных с существованием диаспоры, может быть только при верном понимании сущности этноса и этничности.

Положения и выводы статьи могут быть использованы в исследованиях по проблемам диаспоры и социальной адаптации.

Список литературы

1. Генисаретский О. И. Этнометодология: проблемы, подходы, концепции: сб. ст. М.: Путь, 1997. Вып. 3. 144 с.
2. Дятлов В. И. Диаспора: попытка определиться в термине и понятии // Диаспоры. 1999. № 1. С. 6–12.
3. Иноземцев В. Л. Современная глобализация и её восприятие в мире // Век глобализации. Исследования современных глобальных процессов. 2008. № 1. С. 31–44.
4. Кессиди Ф. Х. Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 76–79.
5. Милитарев А. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 1999. № 1. С. 23–32.
6. Российская диаспора в XIX–XX вв.: выживание или исчезновение?: сб. ст. (г. Москва, 20–21 апр. 1999 г.) // Диаспоры. 1999. № 2–3. С. 304–312.
7. Стрельченко С. В. Диаспора как субъект социально-экономических процессов (социально-философский анализ наиболее общих тенденций в прошлом и настоящем) // Энергия. 2006. № 7. С. 65–68.
8. Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 43–63.
9. Тишков В. А. Очерки теории этноса и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. 532 с.
10. Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diasporas. Vol. 1. P. 83–99.

Статья поступила в редакцию 10.03.2017; принята к публикации 20.04.2017

Библиографическое описание статьи

Фоканов Ю. В. Факторы развития диаспоры в глобализирующемся мире // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 41–45.

Yury V. Fokanov,
Lecturer,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: fokanoff.yur@yandex.ru

Factors of Diaspora Development in the Globalizing World

The objective side of modern society functioning is represented by the processes, the totality of which has become known as globalization. In view of this, a truly topical problem falling into the field of social philosophy, one way or another, concerns globalization, which in its turn is not very unambiguous, both in practice and in scientific discussions. Globalization is a natural process at the present stage of historical development. It is within this process that migration flows intensify and the nature of socio-economic interaction changes. The complexity and ambiguity of the processes of globalization, the breadth of the problems created by them, form very diverse views and approaches. The author makes an attempt to conceptualize the grounds which form the diaspora subject as a social phenomenon. Diaspora is a large group of the population of a certain ethnic or religious affiliation that lives in a country or an area of new resettlement. The article presents the analysis of the concepts that extend the traditional definition of diaspora, found in the works of V. Tishkov, V. Dyatlov, A. Militarev. In the study of diaspora, it is necessary to take into account, first of all, the fact that ethnicity forms the basis for the formation of such a community, therefore, the issues, connected with the existence of diaspora, can be only solved with a true understanding of the essence of ethnos and ethnicity.

Keywords: globalization, diaspora, ethnicity, identity, social adaptation

References

1. Genisaretskii O. I. Etnometodologiya: problemy, podkhody, kontseptsii: sb. st. M.: Put', 1997. Vyp. 3. 144 s.
2. Dyatlov V. I. Diaspora: popytka opredelit'sya v termine i ponyatii // Diaspory. 1999. № 1. S. 6–12.
3. Inozemtsev V. L. Sovremennaya globalizatsiya i ee vospriyatie v mire // Vek globalizatsii. Issledovaniya sovremennykh global'nykh protsessov. 2008. № 1. S. 31–44.
4. Kessidi F. Kh. Globalizatsiya i kul'turnaya identichnost' // Voprosy filosofii. 2003. № 1. S. 76–79.
5. Militarev A. O sodержanii termina «diaspora» (k razrabotke definitsii) // Diaspory. 1999. № 1. S. 23–32.
6. Rossiiskaya diaspora v XIX–XX vv.: vyzhivanie ili ischeznoenie?: sb. st. (g. Moskva, 20–21 apr. 1999 g.) // Diaspory. 1999. № 2–3. S. 304–312.
7. Strel'chenko S. V. Diaspora kak sub»ekt sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov (sotsial'nofilosofskii analiz naibolee obshchikh tendentsii v proshlom i nastoyashchem) // Energiya. 2006. № 7. S. 65–68.
8. Tishkov V. A. Istoricheskii fenomen diaspory // Etnograficheskoe obozrenie. 2000. № 2. S. 43–63.
9. Tishkov V. A. Ocherki teorii etnosa i politiki etnichnosti v Rossii. M.: Russkii mir, 1997. 532 s.
10. Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diasporas. Vol. 1. P. 83–99.

Received: March 10, 2017; accepted for publication: April 20, 2017

Reference to the article

Fokanov Yu. V. Factors of Diaspora Development in the Globalizing World // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 41–45.

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ THEORY. METHODOLOGY

УДК 316.013

DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-46-54

*Олег Евгеньевич Баксанский,
доктор философских наук, профессор,
Институт философии Российской академии наук
(109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1),
e-mail: obucks@mail.ru*

Становление концепции техногенного общественного развития¹

Истоки формирования концепции техногенного общественного развития восходят к концу XX века в контексте научно-технического развития индустриального социума. В последующие годы наиболее полное обоснование эта теория получила в работах Э. С. Демиденко и Е. А. Дергачевой, представителей научно-философской школы исследований социально-техногенного развития мира, которые подчёркивают, что изучение «индустрии» социально-экономических отношений не позволяет строить стратегические прогнозы глобальных взаимосвязанных изменений в обществе и биосфере. Поэтому они расширяют понимание осуществляемых социальных изменений, подчёркивая, что глобализирующееся техногенное социальное развитие приводит к распространению искусственной среды жизнедеятельности населения (техносферы) преимущественно в городах, нарастанию переходных трансформационных социоприродных процессов. С учётом специфики направленности искусственного развития социумов Е. А. Дергачева вносит уточнения в существующую терминологию, вводит и обосновывает новые понятия «индустриально-техногенное общество», «постиндустриально-техногенное общество», что позволяет расширить возможности философских и научных исследований современных мировых процессов. Как продолжение теории социально-техногенного развития в исследованиях учёного формируется новое направление в изучении международной глобалистики – социотехноприродная глобализация, что появилось на основе изучения процессов интегрированного развития социума, биосферы и искусственного мира, установления новых взаимосвязанных закономерностей развития мира. Такой принципиально новый подход к анализу социальных трансформаций позволяет осознать необходимость развития междисциплинарных научных исследований в мире и России с целью формирования адекватной реальностям программы устойчивого коэволюционного развития.

Ключевые слова: техногенное общество, техногенная рациональность, социально-техногенное развитие, социотехноприродные процессы

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-03-00034а.

Вводная часть. Наука использует разнообразные способы познания: наблюдения, эксперимент, обобщение опытных фактов, выдвижение гипотез, построение теорий. Каждый из этих способов имеет собственный познавательный смысл и играет в системе научного познания свою особую роль. Однако эта система представляет собой единое целое, так как отдельные познавательные процедуры объединены общей целью и как бы перетекают друг в друга. Общая цель разнообразных способов познания состоит в объяснении и понимании свойств и закономерностей окружающего мира. Объяснение – основная функция и цель науки, любая научная дисциплина, чтобы она ни изучала, каким бы формам познания ни отдавала предпочтение, прежде всего занимается объяснением. Поэтому объяснение означает для учёных очень многое, играет в их мышлении (да и вообще во всём процессе научной деятельности) роль, которую трудно переоценить.

Многообразие форм научного объяснения делает его тем, что не уместается ни в одно определение. Объяснение – одна из основных загадок человеческого разума и его взаимодействия с окружающим миром, следовательно, объяснение представляет собой не только основную цель науки, но и одну из её основных проблем. Эта проблема породила множество трактовок и исследовательских подходов.

Методология и методы исследования. Многообразие трактовок научного объяснения, естественно, проистекает не из несговорчивости исследователей, а из сложности и многообразности самой Природы. Научное объяснение мира – условие его познания, понимания его закономерностей и практического освоения, следовательно, анализ этой проблемы приобретает не только теоретическое, но и практическое значение.

В повседневной жизни любого человека ключевая роль принадлежит обыденному объяснению и пониманию. Такое объяснение сопровождает всю повседневную жизнь человека, включено в структуру его восприятия, обеспечивает не только рациональную организацию, но и саму возможность этого процесса, позволяя воспринимать бесконечное многообразие явлений как проявление ограниченного количества общих сущностей и причинно-следственных свя-

зей и отношений. Обыденное объяснение служит точкой пересечения разнообразных способов обыденного познания, связующим звеном между воздействием на человека и его ответными реакциями, консолидирующим основанием систематического процесса познания, в который он включён.

Научное объяснение, его понимание и принятие – не только одна из наиболее важных и сложных, но и одна из традиционных проблем методологии науки. На пути её анализа можно выделить несколько этапов. Далее акцент смещается на «человеческий фактор» объяснения, что происходит в связи с принципиальным событием в методологии – переходом от умозрительного осмысления науки к её эмпирическому изучению, переключению исследовательских интересов с научного знания на научную деятельность, обращению к субъекту этой деятельности. Результатом явилось утверждение «субъектной трактовки» научного объяснения – отношение к нему как к процессу, характер которого определён не только объективной логикой познания, но и природой познающего субъекта, а также разнообразными социальными и психологическими процессами, протекающими в научном сообществе.

Обращение к субъектной стороне научного объяснения усложнило и без того запутанную картину, добавив к прежним нерешённым проблемам ряд новых непростых вопросов – прежде всего вопросы о том, с чего начинается и как далеко простирается субъектная обусловленность научного объяснения, почему она зачастую препятствует получению объективного знания, каковы те субъективные (психологические) процессы, которые включены в структуру научного знания, насколько они необходимы для последнего, «засоряют» ли они познание или являются его необходимым условием.

Традиция искать именно здесь истоки научного познания переживает сегодня второе рождение (У. Селларс, Г. Гаттинг, В. Макмиллан и др.), так как здравый смысл служит точкой пересечения самых разнообразных (социальных, психологических) видов обусловленности познания. Философия и методология науки, история и социология науки (как впрочем и другие дисциплины, например, феноменологическая социология) ищут и находят корни научного объяснения в обыденном познании.

Актуальность исследования. В настоящее время в отечественной философской и обществоведческой литературе набирает популярность теория техногенного социального развития, которая выступает альтернативой, дополняет и развивает широко известную зарубежную социологическую концепцию постиндустриализма, предложенную Д. Беллом в 60-х годах прошлого века. В последующие годы наиболее полное обоснование эта теория получила в работах Э. С. Демиденко (1993, 2001) и Е. А. Дергачевой (2005, 2011)¹ [1; 2; 14; 17]. В начале 2000-х годов под руководством профессора Э. С. Демиденко при Брянском государственном техническом университете сформировалась научно-философская школа исследований социально-техногенного развития мира. Учёные школы являются представителями разных наук и на значительном статистическом и социологическом материале занимаются изучением процессов и проблем трансформирующего воздействия техногенного общества и создаваемой им искусственной среды жизни (техносферы) на социальный организм и естественную природу (биосферу), что ведёт к распространению социально-техногенного развития в мире [18].

В центр внимания идеологов концепции постиндустриального (и информационного) общества были поставлены вопросы научно-технического прогресса, изменяющихся социально-экономических отношений и занятости населения в процессе усложнения технико-технологического способа производства и развития наукоёмкой сферы общественной жизни во второй половине XX века. Сторонники этой теории связывали надежды решения многих экономических и социальных проблем с развитием науки и техники, в то же время они оставляли в определённой изоляции последствия технократического развития и его влияния на общество, человека и природу. Поэтому данные теории не могли претендовать на всестороннее объяснение закономерностей социального и социально-природного развития. Однако, будучи сугубо социологической теорией, она не учитывала того, что само общество развивается в системе более

высокого уровня – биосфере, подчиняется ей и является подсистемой более сложной системы.

В социальной философии принимают данную концепцию, рассматривая её, наряду с марксистской теорией, как основополагающую и характеризующую весь спектр взаимоотношений в капиталистическом социуме. Из этих теорий негласно следовал вывод о том, что биосфера (естественная природа) – это всего лишь окружение, с которым вступает во взаимодействие социум. Отсюда и выводы о коэволюционном развитии общества и биосферы как о двух независимых, но взаимодействующих системах. На эту односторонность постиндустриальной и марксистской концепций обратили внимание исследователи социально-техногенных процессов Э. С. Демиденко и Е. А. Дергачева, подчёркивая, что изучение «индустрии» социальных отношений, включая и экономическое развитие, не позволяет строить стратегические прогнозы глобальных взаимосвязанных изменений в обществе и биосфере [1–3].

Глобализирующееся техногенное социальное развитие приводит к распространению искусственной среды жизнедеятельности населения преимущественно в городах, причём к существенным последствиям расширения искусственных процессов относится нарастание экологических кризисов. Но эти и другие тенденции интегрированного социотехноприродного развития мира не являются содержанием тематики теорий постиндустриализма. На ограниченность сугубо «индустриального» взгляда на мир указывает и достаточно обоснованная критика теорий информационного общества в зарубежной литературе [2].

Современное состояние. Неудовлетворённость полнотой прогнозов, предлагаемых различными теориями общественного развития, особенно постиндустриальной, обуславливает необходимость поиска исследователями новых объяснительных схем распространения на планете постземледельческих отношений и обоснования новых концепций, отражающих реалии совместной эволюции общества и трансформируемой им природы. На рубеже XX–XXI веков отечественные философы обращают своё внимание на интерпретацию концепций ноосферы и техногенной цивилизации, восходящих в своих основах к трудам В. И. Вер-

¹ Демиденко Э. С. Техногенное общество // Глобалистика: энциклопедия. – М.: Радуга, 2003. – С. 1000–1001.

надского и Н. А. Бердяева начала XX века. Дополнение их взглядов сводится к изучению этапов усложняющихся социоприродных взаимосвязей в условиях современных научно-технических преобразований.

Необходимость уточнения и расширенного представления концепции техногенного общества в исследованиях возникла ввиду того, что большинство философов сосредоточивали своё внимание на индустриальной и научно-технической проблематике развития общества и не рассматривали прогрессирующие в ходе техногенного социального развития переходные процессы, обусловленные ими негативные воздействия на трансформации в обществе и природной среде. Поэтому в исследованиях Е. А. Дергачевой было обосновано применение понятия «техногенность» и родственных ему терминов, что является центральной тематикой научно-философской школы социально-техногенного развития мира [3; 14; 17]. Как подчёркивает Е. А. Дергачева, «техногенность (как объективный процесс) – это расширяющиеся по планете многоаспектные интеграционные взаимодействия компонентов техносферы (искусственного вещественно-предметного и полевого мира, его составляющих – ксенобиотиков и других синтетических соединений) с социальными и природными процессами, а также последствия таких интеграций. Усложнение техногенности находит отражение в глобализации техногенного общества, ведущей к трансформации и даже деградации биосферы» [3, с. 46].

Согласно исследованиям учёного, современное техногенное (индустриальное и постиндустриальное) общество представляет собой систему, основными элементами которой являются социум, созданная им техносфера и регион биосферы, в рамках которого они существуют и на который оказывают воздействие. В отличие от большинства исследователей, которые рассматривают развитие современного общества с точки зрения происходящих изменений в общественном хозяйстве и сфере услуг, внимание Е. А. Дергачевой сконцентрировано на развитии в техногенном обществе техносферы и её воздействии на характер социально-экономических и биосферно-природных процессов [16].

Обсуждение результатов исследования. Для исследования совокупности вза-

имосвязанных, взаимообуславливающих и взаимоусиливающих друг друга экономической, научной и технико-технологической рациональностей, комплексное воздействие которых на социоприродное развитие приводит к противоречивым последствиям, Е. А. Дергачевой было введено понятие «техногенная рациональность». Техногенная рациональность (как содержательная характеристика техногенного общества) возникает на рубеже XIX–XX веков в ходе индустриальной трансформации западноевропейского капиталистического общества и цивилизации в целом. Противоречивость рыночной техногенной рационализации общества и природного мира заключается в том, что она, с одной стороны, способствует коренному, качественному улучшению условий жизнедеятельности, а с другой – это происходит за счёт беспощадной эксплуатации и деградации биосферы [4; 14]. Если в развитых капиталистических странах рационализация общественного устройства была направлена на повышение экономической эффективности научно-технических решений, то в странах индустриального социализма, отстаивающих неэкономические приоритеты, был взят курс на улучшение социальных показателей жизнедеятельности. Соответственно, как считает автор, разработка концептуальной гуманной рациональности социоприродного развития, представляющей собой комплекс экологической, этической и социальной рациональностей, должна лечь в основу программы устойчивого развития и преодоления негативных тенденций техногенной рационализации [7].

Для изучения становления и развития техногенной рациональности, а также процессов перехода общества на новую цивилизационную, экономическую и социоприродную ступень развития Е. А. Дергачевой было введено понятие «техногенная модернизация». Период техногенной модернизации включает в себя три основных этапа: преиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный. Первый этап преиндустриальной модернизации (XVI–XVIII вв.) в Европе характеризуется как время генезиса значительных революционных изменений в социально-экономической, научной и технико-технологической сферах жизни общества. Именно технико-технологическая рациональность преиндуст-

риального периода инициировала вначале переход от ремесленного производства к мануфактурному, затем коренные, качественные изменения в мануфактурном производстве. Это, в свою очередь, привело к зарождению и становлению новой капиталистической формации как особой формы постаграрного, индустриального общества, формированию рыночной экономики и науки. Второй этап техногенной модернизации (конец XVIII – середина XX века) – индустриальный – сопровождался революционным переходом от мануфактурного к фабричному производству и развитием промышленного способа производства общественной жизни. Третий этап техногенной модернизации – постиндустриальный – начался с середины XX века. В 70-е годы XX века информационная революция ознаменовала наступление нового этапа научно-технической революции, переход наиболее развитых стран к постиндустриальному этапу своего развития с сопутствующими трансформациями в природе [14, с. 95–110].

С целью продолжить принятую в мире терминологию общественных систем, но вместе с тем выделить специфику их искусственного развития и новые черты, которые пока что упускаются из виду философами, социологами, экономистами и другими учёными, в своих работах 2009 года Е. А. Дергачева вводит и обосновывает новые понятия общественных систем: «индустриально-техногенное общество», «постиндустриально-техногенное общество» [11, с. 53–56]. Эти понятия отражают явления существенного усиления техногенности в постиндустриальном обществе, где активно развивается наукоёмкий сектор и конвергентные НБИКС (нано-, био-, информационные, когнитивные, социальные) технологии. При этом следует учитывать, что постиндустриализм (и информационное развитие как его характеристика на данном этапе) вслед за индустриализмом является стадией усложнения и расширения такого развития [3].

Перспективы развития. В индустриально-техногенном обществе, подчёркивает исследователь, формируются и качественно совершенствуются в направлении увеличения масштабов и мощностей наука, техника, техносфера (сфера тяжёлого машиностроения и её инфраструктура –

транспортные сети и урбанизированные поселения), которые оказывают воздействие на социально-экономические и природные процессы, создают внутренне более интегрированные национальные сообщества. Происходит не просто постепенная индустриализация экономики на основе совокупных научно-технических производительных сил, а коренное изменение самого характера социально-экономических, технологических, биологических связей и становление искусственных условий жизнедеятельности общества [3, с. 74–80].

С 1980-х годов биотехнологическая революция положила начало технологическим манипуляциям с природными объектами, то есть производству техногенно изменённых биосферных организмов. Это соответствовало углублению процессов техногенного изменения природы и самого человека, распространению наукоёмких технологий в аграрной сфере, расширению числа стран, входящих в глобальный индустриально-техногенный пояс. Хозяйствующий социум начал целенаправленно воспроизводить техногенность в форме трансформации биосферно-биологической жизни. Всё это сформировало планетарное технологическое единство процессов техносферы, ориентированных на потребности рынка. Индустриальный характер развития не исчезает в постиндустриально-техногенном обществе, а совершенствуется, рационализируется и даже заметно усиливается на основе постоянного внедрения научных знаний и новейших технологий не только в производство, но и во все сферы общественной жизни, приводя к пространственному расширению техносферы, сужению биосферы и её основы – почвенного покрова. Хотя занятость в сфере производства заметно сокращается, но фундаментом позднеиндустриального развития остаётся индустрия (макро- и микротехнологии). Таким образом, в исследованиях Е. А. Дергачевой и других авторов постепенно складывается уточняющая индустриализм и постиндустриализм теория глобального техногенного социоприродного развития, опираясь на которую (в числе других теорий), более продуктивно исследовать современные мировые процессы [13].

Как отмечает Е. А. Дергачева, именно техногенность эволюции общества и природы интегрирует в себе всю сово-

купность происходящих в XVIII–XXI веках трансформаций перехода от биосферной системы человеческой жизни к общепланетарной техногенной социоприродной (т. е. социотехноприродной), во многом постбиосферной, её ускоренной технологизации и индустриализации. При этом фазы индустриализма и постиндустриализма являются лишь промежуточными этапами поступательного глобализирующегося социально-техногенного развития, который заключается в расширенном применении научно-технических достижений в производстве, обществе и их влиянии на природу. Такой переход от индустриализма через постиндустриализм ведёт к предельно искусственной системе, то есть установлению господства искусственного над социальными и биологическими процессами. Таким образом, техногенность современной эволюции социумов является более широким основанием для философского исследования осуществляемых трансформаций на различных ступенях социально-техногенного развития.

Как продолжение теории техногенного общественного развития особое место занимает в её исследованиях формирование нового направления в изучении глобалистики – социотехноприродной глобализации, осуществлённой на основе системных исследований интегрированного развития социума, биосферы и искусственного мира [11]. Е. А. Дергачева совершенно справедливо считает, что «следует истолковывать понятие, отражающее явление глобализации, в узком (социологическом) и широком (социально-философском, во многом междисциплинарном) смыслах соответственно: как социально-исторический процесс формирования мировой цивилизации на основе либерально-экономических рыночных отношений и как исторический социоприродный процесс становления социально-техногенного мира» [3, с. 223–224; 10]. Широко используемый исследователями системный подход имеет ограниченную трактовку и пока упускает из виду проблематику социально-техногенного развития мира. В своих работах Е. А. Дергачева преодолевает такую ограниченность понимания мировых общественных процессов, учитывая складывающиеся отношения между подсистемой (обществом) и системой более

высокого уровня (биосферой) [5], что подтверждается исследованиями отдела биофилософии Института философии РАН.

Заключение. Разрабатывая новую концепцию глобализации, она выявляет её существенные характеристики, которые заключаются в том, что направляемые рациональностью рынка взаимосвязи между глобализирующимся техногенным обществом, создаваемой им техносферой и трансформируемой природой приводят к взаимопроникновению социально-экономического, техносферного и природно-биологического развития [8]. В результате современной глобализации складываются мегатенденции современного социо-эколого-экономического развития, а в более общем плане – изменяется характер эволюции жизни на Земле с естественной природной на техногенную социоприродную [9]. В ходе планетарной системной эволюции элементы искусственного мира интегрируются в процессы развития общества, человека и природы. Как следствие, формируются техногенные (биотехнологические) формы жизни, происходит становление глобальной техногенной среды жизнедеятельности людей и свойственного ей образа жизни [6]. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что изучение основополагающих характеристик современной экономики, определяемых технократическим характером глобализации, возможно именно в рамках междисциплинарных научных исследований в мире и России. Это позволит сформировать программу устойчивого развития, отвечающую современным реалиям [12].

Такое понимание глобализации как процесса социотехноприродного развития мира представляет собой принципиально новый подход к анализу данного феномена, что позволяет нам оценивать её идеи как становление новой парадигмы в социальной философии, социологии, экономике, экологии и других общественных науках. Складывающаяся в результате взаимодействия социальных, искусственных и природно-биологических процессов планетарная техногенная социоприродная система формирует новые интегрированные закономерности развития мира, поскольку глобализирующаяся техносфера становится новой оболочкой земной биологической жизни взамен существовавшей тысяче-

летиями биосферной системы жизни [15]. Идущий эволюционный переход жизни от биосферной к постбиосферной вследствие современного глобализирующегося техногенного социального развития пока не осознаётся ни философией, ни наукой.

Список литературы

1. Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. Социально-философский анализ становления и развития концепции техногенного общества [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/131-23481> (дата обращения: 19.12.2016).
2. Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. Техногенное развитие общества и трансформация биосферы. М.: Красанд, 2010. 288 с.
3. Дергачева Е. А. Концепция социотехноприродной глобализации: междисциплинарный анализ. М.: Ленанд, 2016. 256 с.
4. Дергачева Е. А. О противоречивости научной и технико-технологической рациональности в техногенном общественном развитии // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2006. № 1. С. 169–179.
5. Дергачева Е. А. Особенности глобальной техносферизации биосферы в современную эпоху // Век глобализации. 2014. № 1. С. 124–132.
6. Дергачева Е. А. Особенности формирования глобальной техногенной социоприродной системы взамен биосферной [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/102-6033> (дата обращения: 19.12.2016).
7. Дергачева Е. А. От техногенной рациональности к рациональности социоприродного развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Философия. 2008. № 1. С. 12–16.
8. Дергачева Е. А. Рациональное и иррациональное в социотехноприродной глобализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 4. С. 15–20.
9. Дергачева Е. А. Современная экономика в условиях социально-техногенного развития мира // Экономика в условиях социально-техногенного развития мира: материалы междунар. науч. конф. (БГТУ, РАН): в 2 т. Т. 1. Брянск: Изд-во БГТУ, 2016. С. 17–26.
10. Дергачева Е. А. Социально-философский анализ глобализации [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 1. Режим доступа: <http://www.sisp.nkras.ru/issues/2012/1/dergachyova.pdf> (дата обращения: 19.12.2016).
11. Дергачева Е. А. Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации. М.: Либроком, 2009. 232 с.
12. Дергачева Е. А. Техногенная экономика – вектор искусственности процессов в социуме и биосфере [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 4. Режим доступа: <http://www.sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/4/dergacheva.pdf> (дата обращения: 19.12.2016).
13. Дергачева Е. А. Техногенное общество и природа в процессах глобализации // Социология. 2010. № 1. С. 108–116.
14. Дергачева Е. А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности. Брянск: Изд-во БГТУ, 2005. 219 с.
15. Дергачева Е. А. Техногенность в глобализации социума и биосферы [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 5. Режим доступа: <http://www.sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/5/dergacheva.pdf> (дата обращения: 19.12.2016).
16. Дергачева Е. А. Технократизм в глобализации техногенной общественной системы [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/103-6430> (дата обращения: 19.12.2016).
17. Дергачева Е. А. Философия техногенного общества. М.: Ленанд, 2011. 216 с.
18. Трифанков Ю. Т., Дергачев К. В. Обзор трудов учёных Брянской научно-философской школы исследований социально-техногенного развития мира и жизни // Научное обозрение: реферативный журнал. 2016. № 6. С. 90–111.

Статья поступила в редакцию 09.02.2017; принята к публикации 10.04.2017

Библиографическое описание статьи

Баксанский О. Е. Становление концепции техногенного общественного развития // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 46–54. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-46-54.

Oleg E. Backsanskiy,

*Doctor of Philosophy, Professor,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
(12/1 Gonchamaya st., Moscow, 109240, Russia),
e-mail: obucks@mail.ru*

The Origins of the Concept of Technogenic Social Development¹

The origins of the concept of technogenic social development date back to the late 20th century in the context of scientific and technological development of industrial society. In subsequent years, the most comprehensive justification of this theory was obtained in the works of E. S. Demidenko and E. A. Dergacheva, representatives of scientific and philosophical research school for socio-technogenic development of the world, who emphasize that the study of the “industry” of socio-economic relations does not allow people to build strategic forecasts of global interrelated changes in society and the biosphere. Therefore, they expand the understanding of ongoing social changes, emphasizing that globalizing technogenic social development leads to the spread of the artificial life environment of the population (technosphere) mainly in cities, and the increase in the transient transformation socio-natural processes. Taking into account the specifics of the orientation of the societies artificial development, E. A. Dergacheva clarifies the existing terminology, introduces and substantiates such new concepts as “industrial-technogenic” and “post-industrial-technogenic societies” and expands the possibilities for philosophical and scientific studies of contemporary world processes. As a continuation of the theory of socio-technogenic development in her research she forms a new direction in the study of international global studies – socio-techno-natural globalization that is carried out on the basis of the study of integrated development of society, the biosphere and the artificial world, the establishment of new interconnected patterns of the world development. Such a fundamentally new approach to the analysis of social transformations makes it possible to realize the need for the development of interdisciplinary studies in the world and in Russia for the purpose of forming an adequate to the realities program of sustainable co-evolutionary development.

Keywords: technogenic society, technogenic rationality, social-technogenic development, socio-techno-natural processes

References

1. Demidenko E. S., Dergacheva E. A. Sotsial'no-filosofskii analiz stanovleniya i razvitiya kontseptsii tekhnogennogo obshchestva [Elektronnyi resurs] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015. № 2. Rezhim dostupa: <http://www.science-education.ru/131-23481> (data obrashcheniya: 19.12.2016).
2. Demidenko E. S., Dergacheva E. A. *Tekhnogennoe razvitie obshchestva i transformatsiya biosfery*. M.: Krasand, 2010. 288 s.
3. Dergacheva E. A. *Kontseptsiya sotsiotekhnoprirodnoi globalizatsii: mezhdistsiplinarnyi analiz*. M.: Lenand, 2016. 256 s.
4. Dergacheva E. A. O protivorechivosti nauchnoi i tekhniko-tekhnologicheskoi ratsional'nosti v tekhnogennom obshchestvennom razvitii // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. 2006. № 1. S. 169–179.
5. Dergacheva E. A. Osobennosti global'noi tekhnosferizatsii biosfery v sovremennuyu epokhu // *Vek globalizatsii*. 2014. № 1. S.124–132.
6. Dergacheva E. A. Osobennosti formirovaniya global'noi tekhnogennoi sotsioprirodnoi sistemy vzamen biosfernoi [Elektronnyi resurs] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2012. № 2. Rezhim dostupa: <http://www.science-education.ru/102-6033> (data obrashcheniya: 19.12.2016).
7. Dergacheva E. A. Ot tekhnogennoi ratsional'nosti k ratsional'nosti sotsioprirodnogo razvitiya // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Filosofiya*. 2008. № 1. S. 12–16.
8. Dergacheva E. A. Ratsional'noe i irratsional'noe v sotsiotekhnoprirodnoi globalizatsii // *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*. 2009. № 4. S. 15–20.
9. Dergacheva E. A. *Sovremennaya ekonomika v usloviyakh sotsial'no-tekhnogennogo razvitiya mira* // *Ekonomika v usloviyakh sotsial'no-tekhnogennogo razvitiya mira: materialy mezhdunar. nauch. konf. (BGTU, RAN): v 2 t. T. 1*. Bryansk: Izd-vo BGTU, 2016. S. 17–26.
10. Dergacheva E. A. Sotsial'no-filosofskii analiz globalizatsii [Elektronnyi resurs] // *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2012. № 1. Rezhim dostupa: <http://www.sisp.nkras.ru/issues/2012/1/dergachyova.pdf> (data obrashcheniya: 19.12.2016).
11. Dergacheva E. A. *Tendentsii i perspektivy sotsiotekhnoprirodnoi globalizatsii*. M.: Librokom, 2009. 232 s.

¹ The work is executed with the financial support of the Russian Foundation for Humanities, grant No. 15-03-00034a.

12. Dergacheva E. A. Tekhnogennaya ekonomika – vektor iskusstvennosti protsessov v sotsiume i biosfere [Elektronnyi resurs] // *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2012. № 4. Rezhim dostupa: <http://www.sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/4/dergacheva.pdf> (data obrashcheniya: 19.12.2016).
13. Dergacheva E. A. Tekhnogennoe obshchestvo i priroda v protsessakh globalizatsii // *Sotsiologiya*. 2010. № 1. S. 108–116.
14. Dergacheva E. A. Tekhnogennoe obshchestvo i protivorechivaya priroda ego ratsional'nosti. Bryansk: Izd-vo BGTU, 2005. 219 s.
15. Dergacheva E. A. Tekhnogenost' v globalizatsii sotsiuma i biosfery [Elektronnyi resurs] // *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2012. № 5. Rezhim dostupa: <http://www.sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/5/dergacheva.pdf> (data obrashcheniya: 19.12.2016).
16. Dergacheva E. A. Tekhnokratizm v globalizatsii tekhnogennoi obshchestvennoi sistemy [Elektronnyi resurs] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2012. № 3. Rezhim dostupa: <http://www.science-education.ru/103-6430> (data obrashcheniya: 19.12.2016).
17. Dergacheva E. A. *Filosofiya tekhnogenogo obshchestva*. M.: Lenand, 2011. 216 s.
18. Trifankov Yu. T., Dergachev K. V. Obzor trudov uchenykh Bryanskoï nauchno-filosofskoi shkoly issledovaniï sotsial'no-tekhnogenogo razvitiya mira i zhizni // *Nauchnoe obozrenie: referativnyi zhurnal*. 2016. № 6. S. 90–111.

Received: February 09, 2017; accepted for publication: April 10, 2017

Reference to the article

Backsanskiy O. E. The Origins of the Concept of Technogenic Social Development // *Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series*. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 46–54. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-46-54.

УДК 130.2

DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-55-59

Татьяна Владимировна Бернюкевич,

доктор философских наук, доцент,

Забайкальский государственный университет

(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),

e-mail: bernyukevich@inbox.ru

Региональные культуры в контексте становления российской культуры

Статья посвящена анализу направлений исследований региональных культур как способов преломления исторического социокультурного опыта в индивидуальной сфере человека и жизни региональных сообществ, особенностей существования культуры в определённом социальном пространстве. Задачами изучения региональных культур являются: определение механизмов трансляции в них культурного опыта, выявление специфики национальной культурной коммуникации, анализ процессов динамики конкретных региональных культур. Значимым считаем рассмотрение роли региональных культур в становлении российской культуры, при том, что само понятие «российская культура» не является в настоящее время сложившимся и содержательно определённым. Анализ российской культуры как культурной целостности требует выявления её типологических свойств и базовых культурных универсалий, сложившихся в том числе и путём интеграции ценностей региональных культур. Для этого необходим и историко-культурный анализ существования региональных форм культуры и их взаимодействия в Российской империи, СССР, постперестроечной России и понимание того, что является основой целостности культуры как таковой. Теоретический аспект определения содержания российской культуры, её общих смыслов, базовых универсалий, выявление в них роли региональных культур связан с практикой социокультурного прогнозирования и культурной политикой.

Ключевые слова: региональная культура, российская культура, культурная динамика, культурные универсалии, ценности культуры

Вводная часть. Одним из направлений современных исследований культуры является изучение региональных культур. При всей сложности самой региональной культуры и её явлений наиболее интересным и продуктивным является её рассмотрение в контексте культуры национальной и процессов глобализации. В связи с этим актуальным будет анализ места региональной культуры в пространстве культуры российской.

Обычно термином «региональная культура» определяется совокупность явлений культуры региона как результата социально-исторического опыта людей, которые живут на конкретной территории и являются представителями различных социальных групп, этнических сообществ и конфессий. При этом представители данного регионального сообщества идентифицируют себя как единое целое, соотносят своё бытие с конкретной территорией и являются носителями и трансляторами определённых ценностей, которые, по сути, и являются основаниями для формирования данного локального социума [8, с. 15].

Методология и методы исследования. Само понятие «региональная культура» стало активно использоваться в отечественной социогуманитарной науке с конца XX – начала XXI века. Методология исследований этого феномена представлена в работах И. Я. Мурзиной, Г. М. Казаковой, О. Б. Фоминых, А. В. Спиридоновой, В. Н. Стрелецкого, Е. Н. Яковлевой и др.

Исследования региональной культуры позволяют актуализировать неизученные явления культуры, определить, как исторический социокультурный опыт преломляется в индивидуальной сфере человека и жизни региональных сообществ, как культура существует в социальном пространстве.

Если говорить о методологии исследований, то она в большинстве случаев связана с комплексным подходом, историко-культурными экскурсами, междисциплинарностью (при рассмотрении специфики региональной культуры авторы часто опираются на данные истории, географии, лингвистики, этнографии, социологии и других наук) и анализом современной социокультурной динамики.

Результаты исследования их об- суждение. В результате отечественных исследований региональной культуры в последние двадцать лет были разработаны основные понятия культурологического регионоведения, рассмотрены особенности отдельных региональных культур, представлены попытки определения их связей с этническими и национальной культурами, анализа влияния на региональные культуры процессов глобализации, довольно интересными выглядят исследования региональных культур в пространстве трансграничья. В частности, определено, что региональная культура создаётся с помощью межпоколенной трансляции культурного опыта, наличной культурной коммуникации, различных процессов социокультурной динамики. Устойчивые особенности черт региональной культуры отражают менталитет этнических сообществ данного региона, сложившийся в процессе их совместного проживания на определённой территории и взаимодействия, систему ценностей, факторы становления региональной культуры.

Весьма продуктивным является изучение ядра региональной культуры – её аксиосферы. Согласно одному из определений, разработанных в рамках философско-культурологических исследований, «аксиосфера региональной культуры – это гибкая, подвижная структура, зависящая от меняющихся факторов и объединяющая совокупность региональных ценностей, формирующихся на основе исторической, природно-географической специфики региона, вбирающих в себя многогранность, своеобразие, уникальность, богатство данной культуры, регулирующих отношения человека к миру природы и общества» [8, с. 15]. Современные исследования региональной культуры связаны с выделением субъектов региональной культуры, определением её роли в становлении культурной идентичности человека и различных социальных групп. Так, Н. С. Зимина пишет: «Приобщение к региональным культурным ценностям является интегрирующим фактором на пути развития региона и сохранения его целостности. В связи с этим необходимо говорить о региональных ценностях как объективации внутренней духовной жизни человека, направленности его субъективности вовне» [4, с. 218].

Как уже отмечалось, исследования региональных культур России даже в их

собственно локальной определённости невозможны без обращения к контексту культуры общенациональной. Обращение к процессам, протекающим в региональном культурном ландшафте, позволяет оценить роль культурного взаимодействия, выявить особенности исторической и современной культурной идентичности в российском социокультурном пространстве.

Если в исследованиях региональной культуры мы сегодня наблюдаем довольно устойчивый интерес и можем определить ряд направлений в этой области исследований, то рассмотрение российской культуры как некоей культурной целостности не является популярным предметом культурологических и философских работ при всей дискуссионности обсуждений такого понятия, как «гражданская российская нация». В современной исследовательской литературе понятие «российская культура» используется в двух значениях: 1) российская культура – это совокупность культур народов (этничностей) России; 2) российская культура – целостность культуры «многонационального народа России» (гражданской российской нации – в концепции В. А. Тишкова [10]. Первой точки зрения придерживаются сегодня многие российские специалисты в области истории и теории культуры, философии культуры, ряд этнографов. Однако при наличии достаточного количества дискуссий о российской гражданской (политической) нации вопрос о существовании общей культурной основы для становления российской гражданской нации не слишком представлен в отечественной науке.

Обсуждение результатов исследования. Думаем, что для определения российской культуры как культурной целостности необходимо выявление её типологических свойств и основных культурных универсалий, сложившихся в том числе и путём интеграции ценностей региональных культур. Для определения этих общих культурных универсалий необходим и историко-культурный анализ существования региональных форм культуры и их взаимодействия в Российской империи, СССР, постперестроечной России, и понимание того, что является основой общности культуры как таковой. Речь в этом случае может идти о содержании мировоззренческих универсалий, «аккумулирующих» культурные ценности культуры. (Вопросы содержания

и роли культурных универсалий достаточно подробно рассмотрены сегодня в работах В. Степина, В. Поруса и др.) [5; 6].

Рассуждения о российской культуре связываются как с её противоречиями, так и с её будущим. Так, известный философ культуры В. Межуев считает, что Россия никогда не была государством какой-то одной нации. По его мнению, единой для всех образующих её народов и слоёв населения культуры не существовало. Даже православие, претендовавшее на статус национальной религии, ею не стало в государстве, считавшем себя православным. И русская национальная культура была до определённого времени культурой не всего русского народа, а только привилегированной части российского общества – дворянства и разночинства. Остальные, преимущественно крестьянство, жили в стихии устной, этнической или народной. Отсюда, по мнению В. Межуева, проблема народа и интеллигенции, также свидетельствующая об отсутствии единой культуры [Там же].

Как уже говорилось, системная попытка определения общих культурных оснований России, а точнее оснований российской гражданской нации, представлена в работах известного российского этнолога В. А. Тишкова. Наиболее полно данная точка зрения изложена в одной из его последних работ «Российский народ: история и смысл национального самосознания», в ней автор утверждает: «Россияне – представители разных национальностей (этнической принадлежности), будь они у власти или рядовые граждане, обладают схожими базовыми историко-культурными и духовными ценностями» [10, с. 25]. Однако, несмотря на призывы известного учёного о том, что необходимо изучать этот «феномен российской историко-культурной и гражданско-политической общности и её многообразное единство», приходится констатировать, что в отечественной литературе нет обстоятельных содержательных и неидеологизированных работ, посвящённых не только самим общим (схожим) культурным ценностям данной общности, но и механизмам их становления.

Несмотря на дискуссии относительно возможности, содержания и будущего российской культуры, роль взаимодействия в ней разных видов культур, рецепции разных религий, как в историческом, так и в

актуальном аспектах, в исследовательском поле философии культуры почти не рассматривается [1]. К примеру, включение в состав России в XVIII–XIX века целого ряда регионов на востоке и юге страны практически не анализируется как стимул для развития и русской культуры, и этнических культур коренных народов, не рассматривается в качестве фактора становления российской культуры, её общих культурных смыслов.

При этом российская культура как пространство взаимодействия культур вызывает интерес с точки зрения проблем будущего техногенной цивилизации, поиска новых ценностей современного глобализирующегося мира, в котором особое значение приобретают возможность и условия диалога культур. Теоретический аспект определения содержания российской культуры, её общих смыслов, базовых универсалий, выявление в них роли региональных культур может быть связан с практикой социокультурного прогнозирования и культурной политики.

Заключение. В настоящее время усиливается значение тех региональных культур, которые находятся в пространстве взаимодействия разных религий, различных этнических сообществ, развиваются в культурном приграничье и трансграничье. Часто процессы, протекающие в этих региональных культурах, имеют не локальное периферийное значение, а начинают определять будущее общего пространства культуры национальной. Отсюда и необходимость сотрудничества учёных из разных регионов. Обмениваясь опытом, обобщая результаты изучения региональных культур, исследователи тем самым способствуют определению особенностей морфологии современной культуры как таковой, изучению её структурно-семантических аспектов, выявлению в целом специфики российской культуры как целостного пространства бытования культур региональных.

В этом плане, например, хотелось бы отметить взаимодействие и сотрудничество исследователей из разных (казалось бы, далёких и несхожих регионов), к примеру, таких, как Забайкалье и Дагестан. Нахождение на территориях, которые по существу являются форпостными для России, определило саму необходимость научных работ, связанных с темами становления культуры России, выявлением места

в ней региональных культур, определением роли религиозного фактора в социокультурных процессах, рассмотрением процессов трансляции и трансформации ценностей традиционной культуры, анализом значения деятельности интеллигенции в формировании социогуманитарного пространства регионов.

Так, данная тема широко представлена в трудах М. И. Билалова. В работах этого автора остро поставлена проблема цивилизационных противоречий в современном мире и необходимость поиска интегрирующих ценностей, в том числе и в культурах Востока. По его мнению, необходимо учитывать при определении перспектив образования возможность и следствия «геополитического столкновения западной, восточноевропейской, китайской, мусульманской и индуистской и других культурных и образовательных традиций» [3].

Идеи М. И. Билалова о роли интеллигенции в формировании культуры регионов и России в целом связаны не только с задачами выявления факторов современного социокультурного развития, но и с ролью философской рефлексии в культуре, значением социогуманитарных наук и деятельности интеллигенции в становлении российской культуры [2, с. 144].

Важным направлением проблематики подобного продуктивного научного сотрудничества в настоящее время может стать изучение различных аспектов региональных культур (ценности региональной культуры, традиционная культура и её феномены, место религий в региональных сообществах, трансформации региональной культуры, роль философов в социокультурных региональных процессах и т. д.) и анализ механизмов и форм их интеграции в пространстве современной российской культуры.

Список литературы

1. Бернюкевич Т. В. Рецепция буддизма в России и вопросы становления российской культуры // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер. Социологические науки. 2016. Т. 11, № 3. С. 56–61.
2. Билалов М. И. Дагестан в культуре и цивилизации. Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 2010. 192 с.
3. Билалов М. И. Цивилизационные противоречия в становлении единого образовательного пространства // Фундаментальные исследования. 2008. № 5. С. 187–189.
4. Зимица Н. С. Российское социокультурное пространство в контексте регионализма // Социальная среда – потенциал конкурентоспособного развития регионов: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2011. С. 215–224.
5. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Университетская книга, 2012. 406 с.
6. Межуев В. М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. 1992. № 5–6. С. 10–16.
7. Порус В. Н. У края культуры (философские очерки). М.: Канон+: Реабилитация, 2008. 464 с.
8. Путинцева Е. Ю. Аксиосфера библиотеки в контексте трансляции ценностей региональной культуры: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Чита, 2015. 24 с.
9. Степин В. С. Мировоззренческие универсалии как основания культуры // Универсалии восточной культуры / отв. ред. М. С. Степанянц. М.: Вост. лит., 2001. С. 14–40.
10. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Наука, 2013. 649 с.

Статья поступила в редакцию 14.03.2017; принята к публикации 23.04.2017

Библиографическое описание статьи

Бернюкевич Т. В. Региональные культуры в контексте становления российской культуры // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 55–59. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-55-59.

Tatiana V. Bernyukevich,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: bernyukevich@inbox.ru

Regional Cultures in the Context of Russian Culture Formation

The article is devoted to the analysis of directions for the study of regional cultures as ways of refracting historical socio-cultural experience in the individual sphere of a person and in the life of regional communities, the features of culture existence in a particular social space. The objectives for studying regional cultures are to determine translation mechanisms of their cultural experience, to reveal existent cultural communications specifics and to analyze the dynamics processes of specific regional cultures. The most important task is to consider the role of regional cultures in the formation of Russian culture, despite the fact that the concept of "Russian culture" is not currently established and meaningfully determined. The analysis of Russian culture as a cultural integrity requires to identify its typological features and basic cultural universals that have developed with the integration of regional cultures values. This requires a historical and cultural analysis of the existence of regional forms of culture and their interaction in the Russian Empire, the USSR, post-perestroika Russia, and an understanding of what is the basis of the integrity of culture as such. The theoretical aspect of determining the content of Russian culture, its general meanings, basic universals, revealing the role of regional cultures in them is connected with the practice of socio-cultural forecasting and cultural policy.

Keywords: regional culture, Russian culture, cultural dynamics, cultural universals, cultural values

References

1. Bernyukevich T. V. Retseptsiya buddizma v Rossii i voprosy stanovleniya rossiiskoi kul'tury // Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsiologicheskie nauki. 2016. T. 11, № 3. S. 56–61.
2. Bilalov M. I. Dagestan v kul'ture i tsivilizatsii. Makhachkala: Dagestan. kn. izd-vo, 2010. 192 s.
3. Bilalov M. I. Tsivilizatsionnye protivorechiya v stanovlenii edinogo obrazovatel'nogo prostranstva // Fundamental'nye issledovaniya. 2008. № 5. S.187–189.
4. Zimina N. S. Rossiiskoe sotsiokul'turnoe prostranstvo v kontekste regionalizma // Sotsial'naya sreda – potentsial konkurentosposobnogo razvitiya regionov: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. Ulan-Ude, 2011. S. 215–224.
5. Mezhuev V. M. Ideya kul'tury. Ocherki po filosofii kul'tury. M.: Universitetskaya kniga, 2012. 406 s.
6. Mezhuev V. M. Ideya natsional'nogo gosudarstva v istoricheskoi perspektive // Polis. 1992. № 5–6. S. 10–16.
7. Porus V. N. U kraya kul'tury (filosofskie ocherki). M.: Kanon+: Reabilitatsiya, 2008. 464 s.
8. Putintseva E. Yu. Aksiosfera biblioteki v kontekste translyatsii tsennosti regional'noi kul'tury: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii: 24.00.01. Chita, 2015. 24 c.
9. Stepin V. S. Mirovozzrencheskie universalii kak osnovaniya kul'tury // Universalii vostochnoi kul'tury / otv. red. M. S. Stepanyants. M.: Vost. lit., 2001. S. 14–40.
10. Tishkov V. A. Rossiiskii narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya. M.: In-t etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya RAN; Nauka, 2013. 649 s.

Received: March 14, 2017; accepted for publication: April 23, 2017

Reference to the article

Bernyukevich T. V. Regional Cultures in the Context of Russian Culture Formation // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 55–59. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-55-59.

УДК 316.74:001

DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-60-70

Никита Владимирович Головкин,
доктор философских наук, доцент,
Новосибирский государственный университет
(630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1);
Институт философии и права СО РАН
(630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8),
e-mail: golovko@philosophy.nsc.ru

Декларация академических свобод и полномочий: исторический контекст и основания академической свободы¹

Цель статьи – анализ исторического контекста, в котором формировалось представление об академической свободе в современных США. Большое внимание уделяется реконструкции, с одной стороны, трансформации оснований, а с другой – появлению новых элементов при переносе и адаптации концепции академической свободы в системе высшего образования США в конце XIX – начале XX века. Основной объект исследования – Декларация оснований академических свобод и полномочий, написанная в 1915 году по заданию Американской ассоциации университетских профессоров. Декларация, по замыслу авторов, должна была не только отразить теоретические представления о сути академической свободы, но и служить практическим инструментом для разрешения юридических споров в суде в качестве инструмента общего права. В результате переноса на американскую «культурную почву» концепция академической свободы, закреплённая в модели классического германского университета, претерпела трансформацию, в частности, дополнилась представлением о том, что нормы академической свободы могут распространяться на членов профессионального сообщества, высказывающих свою точку зрения по предметам, не связанным с их профессиональной деятельностью в стенах университета. Наибольшему изменению подверглась идея автономности университета как главного основания академической свободы. В Декларации закрепляется представление о том, что основная угроза академической свободе находится не «снаружи», а «внутри» университета, поэтому вместо обсуждения вопросов об автономности университета по отношению к внешним субъектам (государству и т. д.) основной акцент в рамках концепции американской академической свободы следует сделать на формировании «нейтрального» образа университета (менее «закрытый» и менее «независимый», чем автономный; не нарушает сложившейся системы, когда политику университета определяет финансовый комитет; можно дополнить «академическую свободу» представлением о гражданских правах и свободах и т. д.), т. к. это позволит более успешно защищать академическую свободу в суде.

Ключевые слова: академическая свобода, Декларация академических свобод и полномочий, автономный университет, нейтральный университет, У. Мецгер, Р. Пост

¹ Данная статья является попыткой обратиться к анализу понятия «академическая свобода» в рамках подхода, предложенного М. Финкиным и Р. Постом в книге «Для общего блага. Принципы американской академической свободы» [7]. Предметом анализа является исторический контекст, буквально, – культурно-исторические условия, предшествующие и отвечающие тем, которые привели авторов Декларации к её написанию. При этом мы сознательно ограничиваем себя несколькими примерами и, очевидно, не строгой их реконструкцией, поскольку предполагаем, что другие аспекты понятия «академическая свобода», такие как соотношения академической и индивидуальной свобод, свобода в проведении исследований и в преподавании, свобода в выражении своей точки зрения в стенах и за пределами университета и т. д., будут рассмотрены нами позднее. Вопрос о том, насколько написанное сто лет назад в Америке может соответствовать и быть полезным тому, что происходит у нас в стране сейчас или что будет происходить при дальнейшем усилении государственного контроля в сфере образования, не является предметом нашего исследования. В то же время мы полагаем, что анализ чужого опыта является хорошей демонстрацией границ и угроз, с которыми сталкивается академическая свобода. В этом смысле обращение к анализу академической свободы в Америке может быть сродни обращению к анализу демократии в Америке или странах Европы, с одной стороны, интерес, безусловно, академический, но с другой – проблемы, которые мы видим там, безусловно, помогают понять российское общество, в котором мы живём.

Вводная часть. Декларация основных академических свобод и полномочий (Declaration of Principles on Academic Freedom and Academic Tenure) была написана в 1915 году по заданию Американской ассоциации университетских профессоров (AAUP), обобщая результаты работы Объединённой комиссии по проблемам академической свободы, которая была организована в 1913 году тремя профессиональными ассоциациями – Американской экономической ассоциацией, Американской ассоциацией политических наук и Американского социологического общества. Как отмечается в Декларации: «Защита (*safeguarding*) соответствующего уровня академической свободы в американских университетах требует одновременно чёткого понимания оснований (*principles*) предмета, а также принятия университетами соответствующих регламентов и норм, которые будут эффективно препятствовать нарушению свобод и исключать возможность обвинений в нарушениях» [4, с. 292]. Примечательно то, что с самого начала Декларация существует не просто как абстрактный документ, но, главным образом, представляет собой инструмент общего права (*common law*): «Неясность, касающаяся конституционного определения академической свободы, контрастирует с внутренним пониманием, к которому обращается академическое сообщество перед тем, как обратиться в суд за правовой или конституционной оценкой. В случаях, касающихся [рабочих] контрактов между профессорами и университетами, суды используют её [Декларацию] как выражение общего права академической профессии» [13, с. 21]. Более того, в структуре AAUP активно работает Комитет по вопросам академической свободы (Committee A), который оказывает юридическую поддержку и проводит анализ судебных случаев, выступая в защиту академической свободы в публичном пространстве. Ниже мы отдельно остановимся на анализе культурной ситуации, предшествовавшей написанию Декларации, а для этого: (а) коснёмся влияния на формирование американского понимания академической свободы той концепции, которая была зафиксирована в рамках модели классического германского университета и которая, по-видимому, была привнесена в Америку обучавшимися в Германии будущими аме-

риканскими профессорами, а также (б) постараемся указать на основные элементы концепции «нейтрального университета», которая, на наш взгляд, призвана заменить в американской модели классическое представление об автономности университета, как основания академической свободы.

Результаты исследования. Современная концепция академической свободы возникает в Америке на рубеже XIX и XX веков, скорее всего, в результате переноса на «американскую почву» концепции академической свободы, закреплённой в модели классического германского университета. В своё время эволюция интеллектуальной культуры привела к развитию антиклерикализма и научного мировоззрения, которые, будучи помещёнными в неповторимую атмосферу средневекового университета, дали основания того, что сейчас мы называем «академическая свобода». Наш тезис заключается в том, что перенос представления об академической свободе на другую культурную почву, в первую очередь, заставил пересмотреть идею автономности университета, – теперь университет не может быть независимым, но должен демонстрировать «нейтральность» по отношению к другим институтам общества. Очевидно, базовые ценности, к которым обращаются классические германские и американские представления об академической свободе, остаются одними и теми же. Однако именно в американской модели к общему представлению о том, что академическая свобода – это свобода реализовывать себя в качестве члена профессионального сообщества в соответствии со стандартами, принятыми в академической среде, появляется ещё одно дополнение – *академическая свобода распространяется и на то, что происходит вне стен университета*, поскольку профессор также является гражданином, и любая попытка использовать против профессора его политические (религиозные и другие) взгляды угрожает самим основаниям академической свободы.

Обсуждение результатов исследования. М. Финкин и Р. Пост начинают анализ состояния академической свободы в современной Америке с примера. В 2003 году Университет Северной Каролины включил книгу Б. Эренрайх «Считая гроши: как (не) свести концы с концами в Америке» в перечень книг, рекомендо-

ванных для ознакомления абитуриентами. Как отмечается, подобная практика (существования перечня обязательных книг для поступающих в университет) имеет целью «создание общего опыта, которые позволит привести многообразие точек зрения студентов к единому основанию, что, в свою очередь, позволит решить задачу скорейшего включения первокурсников в неоднородную интеллектуальную среду, которая ждёт их в колледже» [6, с. 8]. 27 июня в газетах “The News & Observer” и “The Daily Tar Heel” появились заметки общества за лучшую Каролину (Committee for a Better Carolina), в которых говорилось, что университет «отбросил (abandoned) интеллектуальную честность в пользу политической заинтересованности. Общество объявляло книгу Б. Эренрайх “классической марксистской проповедью (rant)”, направленной “против христианства, консерватизма и капитализма”, а автора называло “самопровозглашенным атеистом” и “радикальным социалистом»» [7, с. 2]. Более того, за год до этого общество обвиняло университет в том, что он «нарушает права студентов, вмешиваясь в свободу вероисповедания», после того, как в 2002 году Университет Северной Каролины включил в перечень книг, рекомендованных для ознакомления абитуриентами, книгу М. Селлса «Обращаясь к Корану: ранние откровения». В результате разбирательств Комиссия из нескольких членов законодательного собрания штата Северная Каролина пришла к выводу, что, «учитывая случаи 2002 и 2003 годов, может сложиться впечатление, что Университет Северной Каролины “создаёт антиконсервативную, антихристианскую среду”», однако, в тоже время, Комиссия выступила против обвинений в том, что «Университет стремится навязать (*indoctrinate*) студентам политическую идеологию левого толка» [Там же, с. 3]. На наш взгляд, ситуация, в которой писалась декларация, была именно такой, а, скорее всего, – намного хуже. В данном случае общество не является субъектом, который финансирует деятельность университета, то есть логика рассуждений отличается от стандартной: «кто платит, тот и определяет содержание образования». Тем не менее, возможно, это именно продукт нашего времени, парадокс заключается в том, что точка зрения, что «университет нарушает “баланс” и не стре-

мится к тому, чтобы закрепить “многообразие”, предлагая источники, которые могут противоречить “домашним” убеждениям», используется для того, чтобы ограничить академическую свободу! Не будем вдаваться в детали того, каким образом просвещённые либеральные идеи (в данном случае, очевидно, идея отстаивать необходимость представлять все возможные точки зрения, не ущемляя ни одну из них) могут инвертироваться и обращаться против самих основ либеральной идеологии. Важно то, что теперь утверждения типа «студенты имеют право ожидать, что их академическая свобода не будет нарушаться преподавателями, которые создают враждебные условия по отношению к их [студентов] политическим или религиозным убеждениям», могут играть ту же роль, что и «право финансирующего» сто или сто пятьдесят лет назад.

В XIX веке вопрос стоял о самой возможности академической свободы, сейчас же вопрос заключается в том, что допустимо и что запрещено в рамках академической свободы. И здесь обращение «к истокам», именно к Декларации, должно послужить связующим звеном между проблемами, которые остро стояли тогда, и проблемами, которые стоят сейчас. Необходимым условием реализации академической свободы является определённая независимость и автономность университета. Авторы Декларации стремились подчеркнуть неуместность «вмешательства со стороны общественного мнения», которое может разрушить состояние автономности, например, в результате «экономического давления» со стороны общественных или частных инвесторов. Академическое сообщество должно подчиняться только своим высоким профессиональным стандартам, любой намёк на волю «финансового комитета» или «политического большинства» будет лишать университет возможности быть причастным к идее производства и передачи общественного (а не частного) блага. Проблемы, которые возникают перед профессиональным сообществом сейчас, имеют ту же природу. Современное высшее образование всё так же и всё в большей степени зависит и от общественного мнения, и от государственного и частного финансирования, и от других факторов, которые угрожают автономии университета. Декларация ставила своей целью предложить прак-

тические рекомендации, которые помогли бы сохранить академическую свободу. В современных условиях, особенно когда возникает необходимость доработать (или изменить) эти правила и рекомендации, нужно помнить, что фундаментальные ценности, к которым мы обращаемся, остаются теми же самыми, что и сто лет назад.

Влияние классического германского университета

Многие авторы подчёркивают особое влияние на развитие современного представления об академической свободе той идеологии, которая была закреплена в модели классического германского университета [см.: 1–3]. Как отмечает Р. Причард: «Этос классического германского университета объединяет следующие основные черты: 1. *Базовая ценность*. Основной принцип (*Leitbild*) – поиск истины, который близко соотносится с научным поиском (*Wissenschaft*). Немецкое *Wissenschaft* по смыслу шире, чем английское “знание” или “наука”. *Wissenschaft* может одновременно означать “знание”, “естественные/гуманитарные науки” и, в каком-то смысле, “академическое сообщество” (*academe*), поскольку *wissenschaftlich* может означать “академически респектабельный или убедительный”. Профессор обязан придерживаться принципов академической свободы, когда он осуществляет поиск истины и развивает *Wissenschaft*. И хотя [Вильгельм] Гумбольдт часто подвергался критике за [высказываемое] пренебрежение естественными наукам, он был уверен, что обучение не является средством для зарабатывания денег или обретения материального благополучия. Для него процесс обучения (*Bildung*) был самообучением, т. е. процессом совершенствования и достижения идеала внутри себя путём погружения в поиск “истины”. 2. *Две основные свободы*. *Lehrfreiheit* – это свобода учить (*teach*). Университетские преподаватели должны быть свободны учить тому, чему они хотят, передавая студентам своё собственное экспертное знание. *Lernfreiheit* – это свобода учиться (*learn*). Студенты также должны иметь свободу и не должны чрезмерно опекаться (*spoonfed*). Они должны приходить на экзамен только тогда, когда понимают, что они в достаточной мере интеллектуально подготовлены, а не в какое-то определённое

время. 3. *Три типа единства*. *Единство знания*. Любое частное знание взаимосвязано и является частью более общей структуры знания, которая находит отражение в структуре университета, который [университет] объединяет и выходит за пределы границ частных дисциплин и областей знания. Наше знание во всей своей общности является отражением вечного (*eternal*) знания и сочетает в себе идеальное и реальное. Философия, как дисциплина, лучшим образом (*parexcellence*) отражает представление о единстве знания; тот факт, что степень Doctor of Philosophy присуждается за исследования, предметом которых не является философия как таковая, является отражением (*tribute*) представления о том, что философия является объединяющей (*integrative*) силой и отражает представление о единстве знания. *Единство учителя и ученика*. Знание является динамичным, а не неизменным (*immutable*). Знание – это способ или форма мышления, а не собрание фактов, и должно отражать активность по его поиску. В этом поиске (*endeavor*) учитель и ученик равны. И тот и другой являются искателями (*seeker*) знания; учитель не является единоличным собственником или хранителем знания. В идеале отношения между учителем и учеником должны служить импульсом и стимулированием (*induction*) учеников при занятии научной деятельностью. *Единство исследования и образования*. Профессор должен рассматривать занятие научными исследованиями как часть своих “академических обязанностей”, которые, в свою очередь, должны отражать единство двух основных “академических функций” [передача и получение новых знаний]. Наилучший способ обучения – это воссоздание (*re-creation*) процесса, приведшего к получению того материала, который изучается, что, в каком-то смысле, повторяет “процесс исследования”, демонстрируя то, как данное знание было получено (*discovered*)» (курсив авт. – Н. Г.) [12, с. 104–105]. Мы привели такую большую цитату не случайно. Влияние идеологии, заложенной в модели классического германского университета, на развитие всей системы высшего образования по всему миру сложно переоценить. Однако, если говорить о переносе ценностей классического германского университета в Америку конца XIX – начала XX века, то значимым

здесь, по-видимому, будет, во-первых, то, что в силу первой поправки американские профессора будут склонны рассматривать идею академической свободы как часть общих «гражданских свобод», а, во-вторых, – то, что исторически американские университеты никогда не обладали той степенью автономии, которая была у средневековых европейских университетов-корпораций, а значит, основной акцент борьбы за академическую свободу будет сделан именно на противостоянии условно «профессора» и «внешнего субъекта» (университета, государства, финансовой или политической группы и т. д.).

По-видимому, первым, кто законодательно закрепил концепцию академической свободы в рамках университетского этоса, был один из классиков немецкой философии – Иоган Фихте. В 1811 году в качестве ректора Йенского университета он провозгласил академическую свободу (*akademische Freiheit*) «неотъемлемым правом человека свободно исследовать любой возможный объект, на который устремлён его разум» [цит. по: 7, с. 19]. Принято считать, что в данном случае И. Фихте выступает как идейный наследник, подчёркивающий важность представлений о свободе и автономности, характерных для средневекового (не только германского) университета: «Средневековый университет обладал невиданной привилегией – исследовать любые, даже самые противоречивые тексты философского и теологического содержания. Однако эта привилегия не включала наши представления о свободе обучения или свободе исследования сами по себе, скорее, наоборот, она опиралась на принцип автономности, т. е. на принцип свободы самоопределения университета. Институциональная автономность средневекового университета основывалась на профессионализме и рациональных требованиях, которые предъявлялись и к профессорам, и к студентам. Неверно думать, что средневековый университет полностью отрицал академическую свободу или рациональность. То, что мы называем ересью, или обнаружением ложности теоретических построений, усматривалось в процессе именно рационального дискурса, следуя определенным когнитивным критериям, которые предоставлялись и отстаивались сообществом признанных экспертов» [цит.

по: 8, с. 115]. Оценка интеллектуальных достижений или присуждение академических степеней всегда предполагали рациональную оценку идей, а также процедуру критики и ответа на неё, проводившуюся самими профессорами и исключительно внутри университетов. Подобная коллегиальная прерогатива на академическую экспертизу вполне могла служить не только основанием для концепции академической свободы в будущем, но и наверняка играла определённую роль и в то время, распространяя авторитет университета вовне, на неакадемическое сообщество. Свобода исследования была реальностью в определённом смысле, но она была ограничена стенами университета, не включала свободу выражения своих мыслей для широкой публики, кроме того, существовал чёткий список вопросов, которые церковь квалифицировала как ересь.

К XVIII веку угроза быть обвинённым в ереси и сожжённым на костре миновала. В этой ситуации независимость университетов, которая и раньше основывалась на характерном соотношении университетского внутриинституционального уклада и общества в целом, дополнилась определёнными чертами, связанными с преимуществами научного мировоззрения. В 1877 году ректором Берлинского университета стал Герман Гельмгольц, который в одном из выступлений, посвящённых состоянию высшего образования в Германии, в частности, отметил: «[Академическая свобода является результатом того, что] здесь [в Германии] получили распространение наиболее явные элементы антиклерикализма, такие как материалистическая метафизика и эволюционная теория. ...Германский профессор свободен в выборе предмета исследования, манере преподавания, ведения семинаров и в образе жизни. Он заслужил высокое положение человека, который занимает интеллектуальный пост, и никто [ни университет, ни министерство] не вправе говорить ему, что делать» [цит. по: 8, с. 333–334]. Вместе с этой прогрессивной интерпретацией академической свободы, опирающейся на понимание фундаментальности научного мировоззрения по сравнению с религиозной догматикой, по-новому интерпретировалось «старое» представление о том, что компетентность профессора является предметом оценки «равных» – при-

знанных экспертов в той же самой области. Примечательно то, что, по крайней мере, половина из членов Объединённой комиссии по проблемам академической свободы училась в Германии [см.: 9, с. 1271] и наверняка переняла там дух «академических свобод», который и старалась перенести на «родную почву». Однако исторически высшее образование в Америке развивалось другим путём, чем развивались классические германские университеты, а значит, и концепция академической свободы не могла быть перенята полностью.

Как отмечает У. Мецгер, «в момент формализации представления об академической свободе в Америке [в период написания Декларации], Миль и Дьюи играли значительно большую роль, чем Фихте или Гумбольдт. Декларация предлагает значительно более функциональное, нежели идеалистическое понимание академических свобод» [Там же, с. 1274]. Основные элементы американской академической свободы, естественно, остаются заимствованными из «германской модели». Например, декларация чётко фиксирует три общезначимые функции, которые выполняет современный университет: во-первых, университет существует для того, «чтобы развивать и приумножать имеющиеся знания». Подчиняясь этой высокой цели, «исследователь должен быть свободен в выборе предмета и метода проведения исследования, а также публиковать свои результаты без единой толики страха или предубеждения» [4, с. 294]. Во-вторых, университет играет роль «механизма передачи знаний будущим поколениям». В тоже время «никто не может быть успешным преподавателем (*teacher*), не имея должного уважения со стороны студентов, которые должны быть уверены в его интеллектуальной честности (*integrity*)», при этом подобная «уверенность» является следствием того, что «преподаватель выражает свою точку зрения честно и открыто, не будучи принужденным или сдерживаемым какими либо ограничениями» [Там же, с. 296]. В-третьих, университет является своего рода «механизмом, обеспечивающим экспертизу». В этом смысле для того, чтобы экспертное мнение академического сообщества действительно играло необходимую роль в принятии решений, сами консультанты «должны быть полностью уверены в том, что их заключения будут

рассматриваться в атмосфере бескорыстности и незаинтересованности» [Там же]. Дополнительно к этим функциям, объясняющим необходимость защищать свободы профессоров в их профессиональной среде, существенным новшеством в концепции американской академической свободы становится попытка распространить понятие академической свободы на то, что говорят профессора, условно, за «стенами университета». В Декларации подчёркивается, что сохранение академических свобод предполагает то, что нельзя ограничивать профессоров от того, чтобы «высказываться даже по самым противоречивым темам» или ограничивать их «политические права, данные им как и любому гражданину» [Там же, с. 299]. Возникает понимание, которое существенно отличается от закреплённого в модели классического германского университета, – «академическая свобода» начинает ассоциироваться с определённым «классом» людей, получающих право высказывать свою точку зрения независимо от той сферы, к которой относится их профессиональная деятельность, и независимо от того, где (в стенах университета или нет) они это делают.

Нейтральный университет

Желание авторов декларации включить в академические свободы пункт про «свободу выражения точки зрения вне стен университета», по-видимому, говорит о том, что в конце XIX века у американского профессора было больше шансов потерять работу за свои политические взгляды, чем за свои профессиональные компетенции. Проблема заключалась в том, что в отличие от Германии университеты и колледжи в Америке находились под гораздо большим контролем уже потому, что высшее образование в Америке не было монополизировано государством, а находилось под контролем отдельных частных или общественных субъектов. В связи с этим профессора не были своего рода привилегированным классом, но обыкновенными наёмными рабочими. Во главе университета находилась не церемониальная фигура, а президент, окружённый растущим бюрократическим аппаратом, которому контролирующий (финансирующий) субъект делегировал свои полномочия. Более того, в Декларации нигде не говорится, что профессора должны

«взять власть в свои руки». Очевидно, авторы декларации, сами, будучи успешными профессорами, понимали преимущества, которые даёт сложившаяся система, понимали важность «разделения труда», когда руководство университета главным образом занимается фандрайзингом и именно управлением учебными и научными зданиями, общежитиями, библиотеками, спортивными сооружениями и прочими, без которых современный американский университет, в первую очередь, не смог бы привлечь деньги студентов и спонсоров.

По сути, декларация отбросила идею университетской автономии, близкую модели классического германского университета. Основным противником академической свободы в декларации выступают контролирующие финансы субъекты, которые, например, хотят, чтобы профессора в обязательном порядке занимали бы определённую идеологическую или политическую точку зрения и транслировали бы её студентам, – то, что в Декларации называется «тиранией общественного мнения». В этом смысле становится понятно, почему декларация не касается, например, необходимости структурной реформы, которая могла бы, к примеру, чётко развести университет и церковь. Вместо этого декларация пытается разъяснить «основания академической власти (*authority*)» [см.: 4, с. 292–294]; «природу академической профессии (*calling*)» [Там же, с. 294–295] и «функции академического института» [Там же, с. 295–296], потому что «основной враг» академической свободы находится не «снаружи», а «внутри» университета, – это члены правления финансирующего субъекта. Вот, например, что по поводу академической свободы писал в 1902 году президент Национальной федерации граждан и кандидат в Президенты США А. Паркер: «Я на стороне тех основателей и доноров университетов, чья цель в жизни – зарабатывание денег, и кто, по понятным причинам, может не обладать соответствующей квалификацией для того, чтобы определять, что именно должно преподаваться. Принимая во внимание полную свободу донора на своей территории, точно так же, как свободу преподавателя на своей, я не могу не согласиться с тем, что донор имеет право настаивать на том, чтобы доктрины, которые он считает истинными и для продвижения которых и были основа-

ны университеты и кафедры, должны преподаваться в их университетах» [цит. по: 7, с. 25]. При такой трактовке университет, конечно, является автономным по отношению к государству, но речь не идёт об автономии в смысле «самоуправления профессорами». Являясь наёмными рабочими, профессора, как и другие категории рабочих, находились в полной зависимости от управляющего (финансирующего) субъекта.

Для того чтобы что-то противопоставить подобной «трудоустройке», авторы декларации предлагали другую, основанную на понимании того, что «профессора [исходя из должного понимания природы их профессии] не являются наёмными рабочими в собственном смысле слова, а являются именно назначаемыми на должность, и, несмотря на то, что их нанимал управляющий субъект, перед которым они имеют чёткие обязательства, сами профессора отвечают не перед этим субъектом, а перед обществом в целом, поскольку основная цель университета состоит не только и не столько в том, чтобы приносить деньги, а в том, чтобы нести и развивать общественное благо» [4, с. 295]. Настоящий университет, согласно декларации, – это «структура, где реализуется рынок идей, где генерируются новые идеи и где плоды интеллектуальной деятельности вызревают для того, чтобы стать частью национальной или мировой культуры» [Там же]. В этом смысле ограничения академической свободы не давали возможности университету стать «настоящим», при этом в равной степени признавалась возможность быть «частным (*proprietary*)» университетом, который существует для «развития (*propagation*)» доктрин, которые близки тем, кто сформировал целевой капитал университета» [Там же, с. 293]. Не вдаваясь в детали дискуссии о состоятельности подобного «этического» обоснования необходимости академической свободы (с опорой на концепцию «общественных благ», «ответственности перед обществом» и т. д.), – это предмет отдельного исследования (в качестве критики подобного подхода можно указать Р. Рорти [14]), остановимся на понятии «нейтрального», а не «автономного» университета, идея которого фактически закрепляется в декларации. Как отмечает У. Мецгер, «не так уж и много мест в Декларации, которые дают возможность проследить концепцию

нейтрального университета, но именно она играет ключевую роль в практическом применении Декларации в суде. Нейтральный университет выступает доверителем будущих поколений, в то время как автономный не обязан служить обществу в широком смысле. Нейтральный университет не может наложить свою «корпоративную печать» на знание, в то время как автономный является свободным участником любого разбирательства относительно истинности того или иного утверждения. Нейтральный университет может требовать высокой степени институциональной автономии, но автономный университет не требует этого и может открыто противостоять высокой степени институциональной нейтральности. Именно норма «институциональной нейтральности» является положительным моментом. ...Первое – она даёт возможность не проводить в суде различия между «частным» и «общественным» университетами. Второе – эта норма будет препятствовать возражениям против применения комплекса гражданских свобод при обсуждении академической свободы. Третье, несмотря на то, что Декларация не говорит, как именно придерживаться нейтрального курса, логика ясна. Университет может сохранить свой нейтралитет не тем, что создаст равные возможности всем без исключения доктринам или профессорам, пропагандирующим эти доктрины, и не тем, что полностью запретит профессорам участвовать в общественной жизни, но просто фиксируя то, что каждый профессор высказывает свою, личную точку зрения и не говорит от имени университета. ...Норма «институциональной нейтральности» также предполагает достаточно широкую трактовку того, кого считать «правонарушителем», а также того, «что именно было нарушено», что хорошо, с точки зрения системы прецедентного права» [9, с. 1280–1282]. Рискнём предположить, что подобная идея «нейтрального» университета и была целью авторов декларации, поскольку (как отмечалось выше) сама декларация, в первую очередь, создавалась как практический инструмент, способный стать частью «общего права», не нарушая сложившихся к тому времени представлений о том, что такое американское высшее образование. Примечательно то, что отмеченная «институциональная нейтральность» университета закрепила такую стратегию преодол-

ния соответствующих «угроз» академической свободе, которая работает до сих пор [см.: 10; 11].

Выводы. В заключение приведём отрывок из статьи Р. Аткинсона, бывшего президента и регента Калифорнийского университета «Академическая свобода и исследовательский университет»: «В первой редакции нормативных документов, касающихся академической свободы в Калифорнийском университете, от 1934 г. говорилось, что “университетский профессор должен добровольно отказаться от роли пропагандиста и агитатора. Основной принцип, который отстаивает университет, – это научная истина, соответственно, основное внимание должно быть уделено игре интеллекта, а не страсти. ...В отношении политических, социальных и религиозных движений занимающий должность должен придерживаться беспристрастной позиции, уделяя внимание только логике и фактам”. В новой редакции соответствующих нормативных документов мы также отстаиваем точку зрения, что академическая свобода зависит от качества, т. е. от содержания конкретной деятельности, которую ведёт занимающий должность, а не от мотивации, которая толкает его к занятию должности или отстаиванию тех или иных идей. Мы не проводим различий между “заинтересованным” и “беспристрастным”, а говорим о компетентном и некомпетентном преподавании и уровне профессионализма. Компетентное преподавание требует быть открытым новому, и это не означает, что преподаватель обнаруживает непрофессионализм, если акцентирует внимание на каком-то одном заключении или выводе, который он считает важным. Это означает, что член нашего сообщества должен быть в постоянной готовности пересмотреть свои выводы в свете новых данных или теоретических построений. Компетентное преподавание требует быть критичным, и это не означает, что преподаватель обнаруживает непрофессионализм, если всецело принимает какую-то одну точку зрения. Это означает, что член нашего сообщества должен уметь формулировать свою точку зрения в строгом соответствии с профессиональными стандартами, а не подчиняясь внешним и недопустимым факторам, таким как финансовое или политическое поощрение. Компетентный преподаватель способен де-

монстрировать глубокую и всестороннюю точку зрения, каким бы важным и противоречивым ни был вопрос. ...Не существует такой академической нормы, которая бы запрещала члену сообщества высказывать различные точки зрения по самым важным и противоречивым вопросам, таким как демократия, права человека или благосостояние государства. Члены сообщества также должны быть свободны в том, чтобы использовать эти точки зрения в своей педагогической практике. И в данном случае, например, политическая подоплека может являться одним из существенных импульсов, толкающих исследования и приводящих к появлению нового знания, как это происходит в гуманитарных и социальных науках» [5, с. 196–197, 201]. Очевидно, основная идея американской академической

свободы имеет германские корни (требование беспристрастности, открытость истине и т. д.), но идея автономности, закреплённая в модели классического германского университета, будучи перенесённой в Америку, была отчасти переработана в практическом плане: а) защищая независимость мышления от нападков клерикалов и консерваторов; б) подчёркивая особую роль профессора, отличную от роли наёмного рабочего, в условиях возможного финансового давления на свободу проведения исследований и преподавания; в) ограничивая оценку деятельности профессионалов рамками, установленными внутри сообщества, препятствуя «диктатуре общественного мнения», но не в смысле «автономии» университета, а в смысле его «нейтральности» по отношению к другим институтам общества.

Список литературы

1. Аблажей А. М., Головкин Н. В. Академическая наука в современном обществе: кадровое воспроизводство, адаптационные процессы и неолиберальные ценности. Новосибирск: НГУ, 2012. 286 с.
2. Головкин Н. В., Зиневич О. В., Рузанкина Е. А. «Третья миссия» университета и проект общественного понимания науки: доклад Бодмера // *Философия образования*. 2014. № 6. С. 77–93.
3. Головкин Н. В. Наука в глобализирующемся мире: профессиональная деятельность или общественное благо? // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия*. 2011. Т. 9, вып. 4. С. 22–29.
4. 1915 Declaration of Principles on Academic Freedom and Academic Tenure / AAUP Policy Documents and Reports. Washington: AAUP, 2006. P. 291–301.
5. Atkinson R. Academic Freedom and the Research University // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 2004. Vol. 148. P. 195–204.
6. Ferguson M. Creating Common Ground: Common Reading and the first Year of College // *Peer Review*. 2006. Vol. 8. P. 8–10.
7. Finkin M., Post R. For the Common Goods: Principles of American Academic Freedom. New Haven: CT: Yale University Press, 2009. 272 p.
8. Flexner A. *Universities: American, English, German*. Texarkana: Sutton Press, 2007. 369 p.
9. Metzger W. Profession and Constitution: Two Definitions of Academic Freedom in America // *Texas Law Review*. 1988. Vol. 66. P. 1265–1322.
10. Post R. Academic Freedom and the “Intifada Curriculum” // *Academe*. 2003. Vol. 89. P. 16–20.
11. Post R. Discipline and Freedom in the Academy // *Arkansas Law Review*. 2012. Vol. 65. P. 203–215.
12. Pritchard R. Academic Freedom and Autonomy in the United Kingdom and Germany // *Minerva*. 1998. Vol. 36. P. 101–124.
13. Rabban D. Academic Freedom // *Encyclopedia of the American Constitution* / L. Levy, K. Karst [eds.]. New York: Macmillan, 2000. P. 21–23.
14. Rorty R. Does Academic Freedom Have Philosophical Presuppositions? Academic Freedom and the Future of the University // *Academe*. 1994. Vol. 80. P. 52–63.

Статья поступила в редакцию 29.03.2017; принята к публикации 17.04.2017

Библиографическое описание статьи

Головкин Н. В. Декларация академических свобод и полномочий: исторический контекст и основа академической свободы // *Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки*. 2017. Т. 12, № 3. С. 60–70. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-60-70.

Nikita V. Golovko,
*Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Novosibirsk State University
(1, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia);
Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
(8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia),
e-mail: golovko@philosophy.nsc.ru*

Declaration of Principles on Academic Freedom and Academic Tenure: Historical Background and the Principles of Academic Freedom

The paper aims to analyze the historical background that precedes the shaping of the contemporary understanding of academic freedom in the United States. Much attention is paid, on the one hand, to the transformation of the foundations and, on the other hand, to the emerging new elements of academic freedom that follow the transition and adaptation of the concept of academic freedom in the US higher education system in the late 19th – early 20th centuries. The main object of the study is the Declaration of Principles on Academic Freedom and Academic Tenure that was written in 1915 by the American Association of University Professors in order to emphasize not only the theoretical notions about the essence of academic freedom but also serve as a practical tool and an instrument of common law for resolving legal disputes in court. As a result of the transition to the American “cultural soil”, the concept of academic freedom, that was originally developed under the classical German university, underwent some transformations and, in particular, was expanded via a new dimension of the freedom of extramural expression that referred to the speech made by faculty on the subject that was unrelated to their scholarly expertise. The most transformed issue is the autonomy of the university as the main foundation of academic freedom. The Declaration establishes the idea that the main threat to academic freedom lies not “outside” but “inside” the university. Instead of discussing the university’s autonomy towards external bodies (the state, etc.), the main idea of American academic freedom is to present the university as some kind of “neutral” institution (It is less “closed” and less “independent” than the autonomous one; it does not violate the scholarly tradition when the university policy is determined by a financial committee; the concept of academic freedom can be supplemented by the concept of civil rights and freedoms, etc.), as it helps a lot to protect academic freedom in court.

Keywords: academic freedom, Declaration of Principles on Academic Freedom and Academic Tenure, autonomous university, neutral university, W. Metzger, R. Post

References

1. Ablazhei A. M., Golovko N. V. *Akademicheskaya nauka v sovremennom obshchestve: kadrovoe vosпроизводство, adaptatsionnye protsessy i neoliberal'nye tsennosti*. Novosibirsk: NGU, 2012. 286 s.
2. Golovko N. V., Zinevich O. V., Ruzankina E. A. «Tret'ya missiya» universiteta i proekt obshchestvennogo ponimaniya nauki: doklad Bodmera // *Filosofiya obrazovaniya*. 2014. № 6. S. 77–93.
3. Golovko N. V. *Nauka v globaliziruyushchetsya mire: professional'naya deyatel'nost' ili obshchestvennoe blago?* // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. Filosofiya. 2011. T. 9, vyp. 4. S. 22–29.
4. 1915 Declaration of Principles on Academic Freedom and Academic Tenure / AAUP Policy Documents and Reports. Washington: AAUP, 2006. P. 291–301.
5. Atkinson R. *Academic Freedom and the Research University* // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 2004. Vol. 148. P. 195–204.
6. Ferguson M. *Creating Common Ground: Common Reading and the first Year of College* // *Peer Review*. 2006. Vol. 8. P. 8–10.
7. Finkin M., Post R. *For the Common Goods: Principles of American Academic Freedom*. New Haven: CT: Yale University Press, 2009. 272 p.
8. Flexner A. *Universities: American, English, German*. Texarkana: Sutton Press, 2007. 369 p.
9. Metzger W. *Profession and Constitution: Two Definitions of Academic Freedom in America* // *Texas Law Review*. 1988. Vol. 66. P. 1265–1322.
10. Post R. *Academic Freedom and the “Intifada Curriculum”* // *Academe*. 2003. Vol. 89. P. 16–20.
11. Post R. *Discipline and Freedom in the Academy* // *Arkansas Law Review*. 2012. Vol. 65. P. 203–215.
12. Pritchard R. *Academic Freedom and Autonomy in the United Kingdom and Germany* // *Minerva*. 1998. Vol. 36. P. 101–124.

13. Rabban D. Academic Freedom // Encyclopedia of the American Constitution / L. Levy, K. Karst [eds.]. New York: Macmillan, 2000. P. 21–23.

14. Rorty R. Does Academic Freedom Have Philosophical Presuppositions? Academic Freedom and the Future of the University // Academe. 1994. Vol. 80. P. 52–63.

Received: March 29, 2017; accepted for publication: April 17, 2017

Reference to the article

Golovko N. V. Declaration of Principles on Academic Freedom and Academic Tenure: Historical Background and the Principles of Academic Freedom // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 60–70. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-60-70.

Маргарита Вениаминовна Силантьева,

доктор философских наук,

Московский государственный институт

международных отношений (Университет)

Министерства иностранных дел России

(119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76),

e-mail: kfmgimo@gmail.com

Философия культуры Николая Бердяева о перспективах «посткризисного мира»: методологические аспекты интеллектуальной модели «нового средневековья»

Актуальность темы проблематизированного прочтения оригинальной версии философии культуры, созданной Н. А. Бердяевым в первой половине XX века, вызвана необходимостью анализа кризисных процессов, составляющих один из модусов перехода от «современности» к «постсовременности» (не завершённого и в настоящее время). Развернувшийся кризис описан Бердяевым в духе переосмысления подходов И. Канта и Ф. Ницше, что нашло наиболее полное концептуальное воплощение в переработке идеи Новалиса о «новом средневековье». Здесь Бердяев формулирует собственную версию *динамического метода* (получившего впоследствии название «экзистенциальная диалектика»), сочетающего установку на прояснение вопроса о духовной аксиоматике культуры (её сущность, цель и смысл) с категориальным анализом ряда концептов (например, «возвращение», «путь», «человек» и др.), интерпретируемых с точки зрения экзистенциальной философии. Интеллектуальная модель «нового средневековья», полученная в результате предпринятого Бердяевым исследования «кризиса культуры», включает в себя как формальный (методологический), так и содержательный аспекты. Последний инициирует обсуждение темы явных и скрытых «религиозных войн» в свете поляризации антропологически заданного отношения к смыслу. По мысли Бердяева, к «религиозным войнам» ведёт вторичная онтологизация внутреннего конфликта, который условно обозначен им как конфликт между «христианством» («культура» как «путь возвращения к Богу») и «язычеством» («восходящий тип» антропологической религиозности, «варварство»). Перспектива преодоления деструктивного вектора кризиса культуры связана с раскрытием потенциала свободы, снимающей дихотомию «дня и ночи» в эсхатологической перспективе реализации свободы – творческого самораскрытия личности на путях ответственного смыслополагания.

Ключевые слова: философия культуры Н. Бердяева, кризис культуры, новое средневековье, антропологическая религиозность, специфика современного христианства, «религиозные войны»

Вводная часть. Актуальность темы данного исследования связана с насущным вопросом о «будущем посткризисного мира» [24, с. 85–86] – времени после критического перехода от некоторого прошлого к неопределённому будущему. Сегодня, спустя сто лет, этот вопрос стоит не менее остро, чем в первой половине XX века, когда выдающийся русский философ Николай Бердяев размышлял о «возможных путях выхода из мирового кризиса» [4, с. 407].

Интересно, что понимание «современности» и «постсовременности», концептуализированное в его сочинениях, удивительно созвучно принятым в наши дни подходам [27; 29]. Оно настолько органично вошло в дискурсивные практики, что связь с «ори-

гиналом» некоторых формулировок часто не только не выглядит очевидной, но иногда даже не предполагается. Тем более важно текстуально проанализировать те понятия и идеи философа, которые соответствуют предложенной им оригинальной концепции *философии культуры*. Как известно, философское направление с этим названием возникло в недрах немецкой философской традиции Просвещения, развитой немецким романтизмом и обновлённой в трудах О. Шпенглера¹. Впрочем, встречаются попытки отыскать «культурологию» («историю и теорию культуры») и «философию культуры» значительно раньше, например,

¹ Доброхотов А. Л. Философия культуры: учебник для вузов. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. – С. 394–396.

в трудах отцов Церкви III–VIII веков [24, с. 164–169]. Думается, появление подобных работ симптоматично. Отсутствуя *прямым образом* в текстах, созданных ранее первой трети XIX века, философский интерес к культуре как собственно человеческому способу *быть* задан контекстом и имплицитно присутствует здесь¹.

«Имплицитная» философия культуры «опрокидывает» вопрос о сути собственно человеческого способа деятельности на прошлое и отыскивает идеи и концепции, с ней координируемые («мэсседж» в смысле М. Маклюэна), в сравнительно ранних пластах самосознания культуры. Такой подход не позволяет историческому материалу *не быть актуальным* – философия спрашивает о самом главном, поэтому она никогда не бывает «вторичной». И в таком вопрошании она имеет право обратиться к мыслителям прошлого. Причём спрашивает она не об исторической «вещи самой по себе», но «лишь» о том, каким образом исторически проработанные сведения помогают людям определённой эпохи лучше понять самих себя, «опрокидывая» на свою собственную «современность» вечные вопросы, в очередной раз поставленные их временем [2; 13].

Философия культуры Н. А. Бердяева в этой связи может быть рассмотрена не столько в качестве принципиально нового направления, сколько в качестве философской диагностики, исследующей симптоматику «кризиса» [19]. Понятно, что подобный подход имеет, помимо прочего, также высокую методологическую ценность, уточняя те ракурсы, которые были акцентированы самим мыслителем. Таким образом, *новизна* данного исследования состоит в выяснении возможностей и границ философии культуры в процессе создания теоретических моделей, «валидных» для изучения актуальных процессов современности, а также «выступающих» за её пределы «пост-процессов». Важность уяснения существенных здесь «точек» и «линий» не позволяет, конечно, «точно рассчитать» возможное будущее. Как бы ни пропагандировало безальтернативную ценность подобных расчётов позитивистски ориентированное знание, на практике они обслуживают достаточно ограниченный сегмент культуры, имеющий дело

с материальной стороной жизни человека и общества. Однако в основе материального производства лежит не само по себе производство, а человеческая деятельность. То есть то, что выходит за рамки сугубо материального, выводя на фундаментальный вопрос о «ценностях и смыслах» в аспекте культуры как смыслополагания [22].

Методология предпринятого исследования опирается на *компаративный анализ* в синхронном и диахронном ракурсах, что открывает возможность сопоставить аксиоматику культуры (прежде всего, понятийный аппарат философии культуры) «переходного периода» («кризис») с периодом «нормального» развития (как имплицитная, так и эксплицитная философия культуры). Полученная в результате интегрирования одномоментных «срезов» каждого типа единая *динамическая модель* позволяет применить *комплексный подход*, раскрывающий процессуальный характер происходящего с точки зрения выявления его многоаспектности. Последовательное использование *герменевтического метода* помогает систематизировать результаты *категориального анализа* отдельных фрагментов сочинений Бердяева применительно к обсуждению главной проблемы его философии культуры – проблемы человека.

Результаты исследования. Перейдя непосредственно к рассмотрению философии культуры Н. А. Бердяева, необходимо отметить следующее. Во-первых, в трудах Бердяева отчётливо артикулирована культур-философская терминология (включая осмысление самого понятия «культура»). Во-вторых, его работы (что значительно важнее) касаются содержательных вопросов разработки целостной концепции культуры. В качестве важнейших при этом выделяются вопросы *о сущности, цели и смысле культуры как пути*, – то есть задано принципиальное направление, придающее изысканиям в данной области собственно философскую направленность, связанную с требованием её динамического рассмотрения.

Не удивительно, что подобное требование привело русского философа, – как в своё время почитаемого им Ф. Ницше (хотя это почтение и было «преодолено» в ходе философского «взросления») – к теме «кризиса культуры». Особенно акцентируемая в поздних работах Бердяева данная тема

¹ Доброхотов А. Л. Философия культуры: учебник для вузов. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. – С. 385–414.

является для него своеобразным лейтмотивом, фокусирующим различные подходы, – от сугубо лингвокультурологического до историко-этнологического в рамках философского «самосознания культуры» [10, с. 42]. Здесь можно упомянуть и развитие теории «культурных ритмов» в связи с уточнением специфики «дневных» и «ночных» эпох, и разработку оригинальной концепции национальной психологии русского народа, и многие другие темы, дифференцирующие вопрос о путях и судьбах культуры. В свою очередь, вопрос о том, что, собственно, называет слово «культура», Бердяев также решает сквозь призму концепта «кризис»: в некотором смысле она всегда «кризисна», поскольку «кризис» – это «переход». То есть – динамическое изменение, движение, «путь». Таким образом, культура, по Бердяеву, и есть переход человечества от «падшего» «разделённого» духовного состояния – к состоянию преображённому, от эмпирически заданного – к трансцендированию как «выходу за свои границы».

Обсуждение результатов исследования. Уже при обращении к ранним работам философа, – таким, как «Философия свободы» и «Смысл творчества», можно обнаружить его последовательное стремление дать определение культуры. По виду «поэтическое» (и даже «литературное») данное определение на самом деле задаёт отчётливые рамки понимания культуры «из XX века». «Культура – это путь возвращения человека к Богу», – пишет Бердяев в книге «О назначении человека» [5], воспроизводя по сути свою собственную мысль из «Философии свободы» [9, с. 158–159].

Здесь следует уточнить ряд понятий, не всегда ясных с точки зрения особенностей их авторского видения Бердяевым и к тому же значительно трансформировавшихся в современном философском контексте. Сошлёмся на самого Бердяева, который отмечал в «Самопознании» отсутствие «понимания» у современников и подчёркивал, что при всех внешних признаках «пересмотра», «метаниях и антитезах» его философствование необходимо интерпретировать как *последовательное* раскрытие исходных интуиций [7, с. 7–11; 12, с. 137, 200, 202]. На фоне этого признания становятся более отчётливыми те основания, по которым его философия, несмотря на большую востребованность и даже популярность, всё ещё

не может претендовать на *рефлексивную* включённость в пространство философского диалога современности.

Конечно, за последнее время переиздано огромное количество трудов философа. С его именем связаны не только масштабные научные мероприятия и престижные премии, но и целый ряд значительных историко-философских сочинений [1; 17; 15; 21; 28]. Однако, несмотря на наличие серьёзных и вдумчивых работ, в том числе затрагивающих проблематику экзистенциальной философии Бердяева, развёрнутый диалог современной философии культуры с идеями мыслителя всё ещё не состоялся [18; 20]. Возможно, «виной» тому и в самом деле является удивительная «глухота» современной культуры к экзистенциальным вопросам [16, с. 3]. Предположим, что всё ещё слишком мала историческая дистанция по отношению к тому пласту насущных проблем, который им поднят. А может быть, масштабный «современный диалог» не завязывается как раз потому, что современная культура «не прочувствовала» уроки философских наработок Бердяева, отнеслась к ним «слишком» рационалистически и поторопилась «положить на музейную полку» в виде каталогизации позитивных консеквенций из его философских тезисов.

Итак, обратимся к общетеоретическим установкам мыслителя относительно философии культуры. Начнём с идеи, выраженной понятиями «возвращение» (речь идёт о характере динамики социокультурного процесса). При очевидных аллюзиях на «вечное возвращение» Ф. Ницше (а ещё раньше – на «Повторение» С. Керкегора и замкнутый характер развития мирового духа у Г. В. Ф. Гегеля), «возвращение», о котором говорит Бердяев, весьма специфично и связано с его антропологией (а точнее, антроподицеей). Речь идёт об «онтологической катастрофе» – утрате человеком «целостного видения» *смысла*. Именно таким образом философ интерпретирует «миф о грехопадении» [5, с. 27], рассказанный в Библии. Следует подчеркнуть, что в данном случае он рассматривает этот рассказ как буквальный отчёт о событии некоторым образом *вневременном*, и потому важном для всякого человека, – независимо от его конфессиональной «маркировки» и даже от внятного понимания своей религиозной ориентации. С другой стороны, для време-

ни (и, соответственно, для *истории*) данное событие более чем важно, ибо с него, собственно, начинается отсчёт так называемого «больного времени» («здоровое» рождается как способ «отсчёта изменений» сотворённого Богом мира как благого и прекрасного; «больное» – возникает в результате грехопадения, вместе с культурой).

Подчеркнём: религиозная терминология в данном случае не должна обманывать: Бердяев сознательно анализирует содержательную сторону религиозной философии как повествующую о вещах, передаваемых исключительно «метафорически», – что отличает философию от других форм познания истины (например, науки), претендующих на возможность «лобового» прямолинейного знания и изложения своих открытий [23, с. 402–432]. Согласно этой метафоре, «Бог» – понятие запредельное, а точнее «не-понятие» – Абсолют, сверх-бытие; превосходящее само себя, но явленное всё-таки как *бытие*-Логос – Слово, разум и смысл поначалу открываются человеческому существу сначала «в райском общении», когда Творец прямо говорил с первыми людьми, а затем – в «испорченных отношениях», сделавших сознание человека «мутным зеркалом» (или «стеклом»). Таким образом, «изгнание из рая» читается как своеобразный «сбой» в системе отношений человека с Богом (абсолютным совершенством). Подобные «сбитые настройки» (если можно так выразиться) заставляют человека видеть мир искажённо – через «объективацию»: «удвоение», «раздвоение» внешнего и внутреннего, существования и присутствия, телесности и смысла, явленного и истинного. Суть «грехопадения» в философски-метафорическом смысле предстаёт как определённая онтологическая возможность выбора, испытывающего абстрактную возможность иллюзорного «пути без Бога». Иллюзорную в силу того обстоятельства, что Бог – онтологическая форма мира – не может быть «утерян» (за исключением одного случая – добровольного и категорического отказа считать его существующим; того самого отрицания, «нет», отцом которого считается в богословии дьявол). Избрав дорогу подобного «добровольного отказа», человек как бы активизирует абстрактную возможность существования без Бога. Но тем самым в мир входит зло – страдание и «максимум страдания» – смерть [6, с. 79–99].

При этом «внутренняя жизнь Бога», исчисляемая особым типом отсчёта – «вечностью», оказывается несоизмеримой с изменениями, исчислимыми «больным» временем. «Больное время», «зацикленное на себе», Бердяев называет «адом». Ад тоже в каком-то ракурсе можно считать состоянием вне времени. Однако это именно уход, *отворачивание* от осмысленного выхода из «больного» времени, замыкание человека на самом себе, своей *лишённости* и богооставленности. Впрочем, синхронизация взаимодействия со стороны человека всё-таки возможна – как раз через «возвращение» к Богу (явленному через разум и смысл сверх-разуму и сверх-смыслу, Абсолюту), доступное в *морали*.

«Путь» как динамическая характеристика культурных ритмов,¹ таким образом, состоит не в автоматическом воспроизводстве расколотого надвое исходного благого состояния. Подобный автоматизм невозможен, поскольку бытие человека онтологически повреждается, – объективируется, теряет исходную целостность, разлагается на «подлинное» и «неподлинное». «Получив» в результате грехопадения «удвоение действительности», изначально разделяющее её на «внутреннее» и «внешнее» (скрытая критика имманентизма), человек оказывается перед буквально раздирающими душу противоречиями собственной природы. Его по-прежнему притягивает «занебесная родина» (выражаясь словами Платона), и вместе с тем тянет навсегда отказаться от неё, перечеркнуть саму память о совершенстве той бесконечности, которая по Канту раскрывается в категории «возвышенного». Бердяев использует здесь понятие «*подъёма*» – свойственного человеку состояния динамичного стремления своего существа к тому, чтобы «прийти в себя»; к попаданию в «Божий замысел о себе», который всегда есть как подарок, но никогда не дан ни как конкретное лекарство, ни как схема определённого маршрута духовного движения. По сути, надо «пойти туда, не знаю куда; найти то, не знаю что». Такая «непредписанность» (в экзистенциализме часто называемая словом «неопределённость») и есть свобода. С другой стороны, свобода раскрывается (буквально по Канту) через ответственность, проявля-

¹ Доброхотов А. Л. Философия культуры: учебник для вузов. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. – С. 375–384.

ищущую в моральных запретах, которые по сути – всегда обозначение границы, о парадоксах которой и Бердяев пишет во многих своих сочинениях.

«Новое средневековье» – одна из самых известных и при этом самых загадочных и парадоксальных работ Н. А. Бердяева. Книга, опубликованная в 1924 году как итог размышлений «последних полутора лет» [4, с. 406], – попытка разобраться в логике развития европейских событий, осмыслить их в свете ещё не исчезнувшей из самосознания культуры надежды на осмысленность и «ритмичность» [Там же, с. 407] культурно-исторического процесса. Именно здесь в развёрнутом виде формулируется оригинальная версия теории культурных циклов, предложенная Н. А. Бердяевым. Она, как известно, получила настолько широкий резонанс, что в наши дни концепт «новое средневековье» стал почти общим местом – как с положительными («возрождение христианства»), так и с отрицательными («неофеодализм») коннотациями. В самой книге дан развёрнутый анализ вероятности «духовных падений» (например, «религиозных войн») «из-за угасания света разума». И хотя культура в определённом смысле может считаться «великой неудачей» (уж слишком амбивалентны её итоги, если соизмерять их с задачей «возвращения к Богу»), «путь» культуры предполагает «сверх-усилия» всего человеческого существа.

Но кто же такой **«человек»**? Тот, кто возвращается (или не возвращается, в силу принципа свободы) к Богу? С одной стороны, он «отделился от Бога», получив тем самым возможность опираться на самого себя, свою «антропологическую природу». С другой – человека «без Бога не существует», поскольку именно Бог – образ подлинной человечности [6, с. 39]. Без Бога как Другого человек стягивает существование в «чёрную дыру» эгоцентризма [8, с. 376].

Ещё одна важная метафора, связанная с понятием «культура», раскрывает её как «одежды» [3, с. 418], которыми после грехопадения люди прикрыли от всевидящего Бога свой стыд. С одной стороны, «культурные одежды» призваны скрывать от Бога то, что человек не хотел бы предъявлять Ему в качестве своих безобразий. С другой – одежды культуры призваны «достраивать» человека до желанного им образа, «косметизировать», приукрасить, себя. Облачён-

ный в одежды культуры, человек развёрнут кlichному усилию исторически значимого творчества [26].

Однако главная проблема современной Европы, как и России, по Бердяеву, – восстание ветхого человека. Человека, сознательно избравшего «точкой отсчёта» свою *антропологичность* – природу как самостоятельную сущность, «не обязанную» трансцендировать, выходить за границы самой себя – своего тела, психики и «духовных практик». Сегодняшнее восстание против Бога названо им «язычеством». Ещё раз обратим внимание: русский философ говорит, разумеется, о периоде своей жизни – то есть о времени до 1948 года. Вместе с тем, этот период в концентрированном виде содержит ряд важнейших тенденций, определивших «сегодня» в буквальном смысле, в смысле начала XXI века.

Под словом «язычество» при этом имеется в виду хорошо знакомая «цивилизованному миру» установка на приоритет «ценностей» – материальных благ и субъективных оценок. В этот «список» включены, как уже упоминалось, и «духовные ценности», – «отформатированные», выражаясь современным жаргоном, по образцу материальных («объективация» в терминологии Бердяева).

Связь язычества с многобожием фундаментальна, однако данные термины не следует путать. Многобожие – результат обожествления сил природы и социума, связанное, между прочим, и с усмотрением в них действия Божественного духа, совершенно не обязательно пантеистически отождествляемого с ними [14, с. 47]. Многобожие, свойственное архаической антропологической религиозности (то есть религиозности, взятой человеком «из себя»), из своих когнитивных способностей, психологической проективности и просто – неизвестно откуда взявшихся запросов, которые не сводятся к удовлетворению естественных потребностей) в этой связи можно трактовать как *восходящий путь человечества* к Единому Богу. Современные «примитивные» культуры, как и глубочайшие слои народной культуры в любом «цивилизованном» социуме, хранят память о таком пути. Вот почему «народная религиозность» при наличии христианизирующего миссионерского начала легко переходит в христианство, легко христианством «перерабатывается».

Язычество, о котором говорит Бердяев, напротив, представляет собой *другой* тип многобожия. Это – многобожие, замкнувшееся в себе, «заиклившееся» на поклонении явлениям, а не их запредельному источнику. Такое многобожие – *путь человечества* от Бога; увязание человека в своей природе (антропологизм); «застревание» социума в болоте «естественных потребностей» и даже «варварство». К «естественным» могут быть отнесены и «духовные потребности» [5, с. 27]. Однако в этом случае они выступают в виде «призраков» самих себя, симулируя собственное подобие, – о чём Бердяев писал задолго до Ж. Бодрийера (в 1924 году ещё не родившегося).

Подчеркнём: выделение Бердяевым самостоятельного значения слова «язычество» является ключевым по отношению к его теории культуры. Язычество понимается здесь как нисходящее, *уходящее* и *уводящее* от Бога угасание человека, переход его души от постоянного усилия, требуемого экзистенцией выхода к трансцендентному («утомительному» для нетренированной души) – «простому» растительному и животному существованию, которое, кстати, вовсе не исключает ни религиозности, ни даже культа. Напротив, антропологическая религиозность даже требует на определённом этапе почитания «понятных» земных вещей – власти, личности, сил природы и т. п. Ещё раз подчеркнём: разница между «восходящим» и «нисходящим» многобожием состоит не в содержании, а в их внутренней форме, *сущности*, имеющей то или иное содержательное наполнение. Поэтому, кстати, возможен такой феномен, как обрядовое и двоеверие: «варварство» как «язычество» внутри (в том числе, внутри христианства) противопоставлено таким образом «внешнему» пониманию язычества как инославия.

По свидетельству Л. Ю. Бердяевой, Николай Александрович называл нашу эпоху временем «религиозных войн», когда «демоны говорят через людей» [12, с. 191]. Однако, как известно, при этом не имелось в виду сложившееся понимание религиозных войн как войн конфессиональных, за которыми фактически стоят макрогрупповые интересы социумов, требующие социально-политического предела мира с целью его социально-экономической «оптимизации» и, в конечном итоге, перераспределения

потребительских ресурсов в пользу «сильного». Бердяев говорит о религиозных войнах в смысле *скрытых и явных войн между христианством и язычеством в душе каждого человека* и, соответственно, проекций этих событий в социальной жизни. При этом христианство выступает в качестве «гранниц» (и даже «рамок»), – того *должного*, которое даёт место свободе через самоограничение; а язычество – как стихийный произвол самоманифестации человека. «Метаистория» [Там же], раскрывающая себя в грядущей «тьме Средневековья» и «хаосе», с ним связанным [4, с. 418], сопряжена таким образом с проблемой человека и его способностью к творчеству и свободе как осмысленной самоорганизации. В этом состоит наиболее фундаментальный посыл философии культуры Н. А. Бердяева, имеющий значительный методологический задел.

Выводы:

1. Н. А. Бердяев, опираясь на творческое наследие предшествующей ему немецкой философии, гностицизма, экзистенциализма и специфическое понимание кантованства, разрабатывает самостоятельную версию философии культуры.

2. Специфика его подхода состоит в философском осмыслении сущности, смысла и цели культуры.

3. Культура при этом понимается как «путь возвращения человека к Богу».

4. Метафора «одежд», наложенных на себя человеком после грехопадения, позволяет Бердяеву описать амбивалентность культуры как деятельности, одновременно «прикрывающей» человека, прячущей его немощь и пороки от «оценки по Гамбургскому счёту», – а с другой стороны, «приукрашивающей» и даже «украшающей» его в свете ориентации на истинные ценности.

5. В качестве одной из доминирующих тенденций развития современной ему культуры философ выделил нарастание поляризации духовной сферы. Как следствие, обозначены рост «высоты святости» и «глубины падения» греха (последнее связывается с размыванием разумно-ответственного интеллектуально-нравственного начала в душе и доминированием со стороны потребительских начал животной и растительной души).

6. Бердяев создал специфические версии теорий «постгосударственности» («свободные общины»), «постхристианства»

(«религиозные войны между христианством и язычеством в душе каждого человека»), «постнауки» (знание, включившееся в «переделку» сущности человека в формате преобладания веса материального над духовным) и «постфилософии» (философия будущего, пересмотревшая более глубоко «все понятия» – «экзистенциальная диалектика»).

7. Разработанная им в «Новом средневековье» версия теории культурных циклов «дневных» и «ночных» эпох позволяет выделить амбивалентность развития современного христианства. При этом «новое средневековье» – ночная эпоха, способная дать как рост отрицательных духовных показателей в указанных выше «пост» явля-

ниях (таково описание деградирующего фанатичного христианства и неофеодального «разваливающегося» государства), так и рост его положительных характеристик (свободное сообщество свободных личностей).

8. Духовная поляризация современной культуры определяется Бердяевым через дихотомию христианства и язычества (последнее понимается как нисходящая ветка развития «народной», или «антропологической» религиозности).

9. Философия культуры способствует прояснению ряда ключевых понятий, позволяющих сфокусировать и уточнить философскую аналитику «вечных вопросов», исходя из параметров настоящего времени.

Список литературы

1. Акимов Д. В. Проблема символа в концепциях культуры Э. Кассирера и Н. Бердяева // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Сер. Философия. 2009. Т. 2, № 3. С. 121–129.
2. Арзуманов И. А. Трансформация пространства религиозной культуры Байкальского региона в трансасиатском контексте (XX–XXI вв.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. 319 с.
3. Бердяев Н. А. Кризис искусства // Философия творчества, культуры и искусства. М.: Искусство. 1994. Т. 2. 510 с.
4. Бердяев Н. А. Новое средневековье // Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 1. 544 с.
5. Бердяев Н. А. О назначении человека. Париж: YMCA-PRESS, 1931. 139 с.
6. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Париж: YMCA-PRESS, 1939. 224 с.
7. Бердяев Н. А. Самопознание: опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991. 448 с.
8. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
9. Бердяев Н. А. Философия свободы // Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
10. Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России: сб. ст. 1909–1910 гг. / сост., коммент. Н. Казаковой; предисл. В. Шелохаева. М.: Молодая гвардия, 1991. 462 с.
11. Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Философия свободного духа / Н. А. Бердяев. М.: Республика, 1994. С. 230–317.
12. Бердяева Л. Ю. Профессия: жена философа. М.: Молодая гвардия, 2002. 262 с.
13. Бернюкевич Т. В. О некоторых дискуссионных вопросах концептуализации и типологического сравнения культурных универсалий в современной отечественной культуре // Гуманитарный вектор. Сер. Педагогика, психология. 2007. № 7. С. 25.
14. Бибихин В. В. Грамматика поэзии. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 2009. 592 с.
15. Киселева М. С. «Я» и история в философии Бердяева // Вопросы философии. 2014. № 11. С. 88–99.
16. Кузьмина Т. А. Экзистенциальная философия. М.: Канон+: Реабилитация, 2014. 352 с.
17. Мотрошилова Н. В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк). М.: Республика: Культурная революция, 2006. 478 с.
18. Силантьева М. В. Философия культуры Н. А. Бердяева и актуальные проблемы современности. М.: ГАСК, 2005. 220 с.
19. Силантьева М. В. Экзистенциальная диалектика Н. Бердяева как метод современной философии. М.: Инженер, 2004. 227 с.
20. Силантьева М. В. Экзистенциальные проблемы этики творчества Николая Бердяева. М.: ГАСК, 2002. 124 с.
21. Синеокая Ю. В. Вихревая антропология Николая Бердяева // Вопросы философии. 2014. № 11. С. 100–109.
22. Смирнов А. В. Пропозиция и предикация // Философский журнал. 2016. Т. 9, № 1. С. 5–24.

23. Смирнов А. В. Путь к истине: Ибн Араби и Николай Бердяев (о двух типах мистического философствования) // Христиане и мусульмане: проблемы диалога: хрестоматия / сост. А. Журавский. М.: ББИ, 2000. С. 402–434.
24. Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО. 2012. № 4.
25. Шустров А. Г. Вопросы теории культуры в восточнохристианском вероучении // Вестник Ярославского гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 164–169.
26. Dobrohotov A. GAKhN: anaesthetics of ruins, or Aleksey Losev's failed project // Studies in East European Thought. 2011. No. 63. Pp. 31–42.
27. Gilbert G. A New Middle Ages? A Reappraisal of Nicholas Berdyaev's Prophetic Imagination¹ // International Journal of Orthodox Theology. Vol. 3, No. 4. Pp. 141–164.
28. Kiseleva M. S. Understanding History: The Decisions of Nikolai Berdyaev // Russian Studies in Philosophy. 2015. Т. 53, No. 4. Pp. 305–323.
29. Sergeev M. "Post-Modern themes in the philosophy of Nicolas Berdyaev" [Электронный ресурс] // Religion in Eastern Europe. 2007. Accessed Aug. 12. Режим доступа: <http://www.digitalcommons.georgefoxf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1849&context=ree&sei-redir=1&referer=https> (дата обращения: 15.02.2017).

Статья поступила в редакцию 25.02.2017; принята к публикации 20.03.2017

Библиографическое описание статьи

Силантьева М. В. Философия культуры Николая Бердяева о перспективах «посткризисного мира»: методологические аспекты интеллектуальной модели «нового средневековья» // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 71–79. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-71-79.

Margarita V. Silantieva,

*Doctor of Philosophy,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(76 Vernadskogo Pr., Moscow, 119454, Russia),
e-mail: kfmgimo@gmail.com*

**Nikolai Berdyaev's Philosophy of Culture about the Prospects
of "Postcrisis World": Methodological Aspects
of "The New Middle Ages" Intellectual Pattern**

The relevance of the topic of a problematic reading of the original version of the philosophy of culture created by N. Berdyaev in the first half of the 20th century is caused by the need to analyze the crisis processes that constitute one of the modes of transition from "modernity" to "postmodernity" (not completed at the present time). The unfolding crisis is described by Berdyaev in the spirit of rethinking the approaches of I. Kant and F. Nietzsche, which found the most complete conceptual embodiment in the processing of Novalis's idea of the "New Middle Ages". Here Berdyaev formulates his own version of the dynamic method (later called the "existential dialectic"), which combines an attitude to clarify the question of the spiritual axiomatics of culture (its essence, purpose and meaning) with a categorical analysis of a number of concepts (such as "return", "path", "Man", etc.), interpreted from the point of view of existential philosophy. The intellectual model of the "New Middle Ages", obtained as a result of Berdyaev's study of the "culture crisis", includes both formal (methodological) and content aspects. The latter initiates a discussion of the theme of explicit and hidden "religious wars" in the light of the polarization of an anthropologically given attitude to meaning. According to Berdyaev, "religious wars" are led by the secondary ontologization of the internal conflict, which is conditionally designated by him as a conflict between "Christianity" ("culture" as "the path of return to God") and "paganism" (a "rising type" of anthropological religiosity, "barbarism"). The prospect of overcoming the destructive vector of the culture crisis is associated with the unfolding of the potential of freedom that removes the dichotomy of "day and night" in the eschatological perspective of the realization of freedom – the creative self-disclosure of the individual on the paths of responsible meaning.

Keywords: N. Berdyaev's philosophy of culture, culture crisis, New Middle Ages, anthropological religiosity, modern Christianity specificity, "religious wars"

References

1. Akimova D. V. Problema simvola v kontseptsiyakh kul'tury E. Kassirera i N. Berdyaeva // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. Ser. Filosofiya. 2009. T. 2, № 3. S. 121–129.
2. Arzumanov I. A. Transformatsiya prostranstva religioznoi kul'tury Baikal'skogo regiona v transaziatskom kontekste (XX–XXI vv.). Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2008. 319 s.
3. Berdyaev N. A. Krizis iskusstva // Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva. M.: Iskusstvo. 1994. T. 2. 510 s.
4. Berdyaev N. A. Novoe srednevekov'e // Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva. M., 1994. T. 1. 544 s.
5. Berdyaev N. A. O naznachenii cheloveka. Parizh: YMCA-PRESS, 1931. 139 s.
6. Berdyaev N. A. O rabstve i svobode cheloveka. Parizh: YMCA-PRESS, 1939. 224 s.
7. Berdyaev N. A. Samopoznanie: opyt filosofskoi avtobiografii. M.: Kniga, 1991. 448 s.
8. Berdyaev N. A. Smysl tvorchestva // Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. M.: Pravda, 1989. 608 s.
9. Berdyaev N. A. Filosofiya svobody // Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. M.: Pravda, 1989. 608 s.
10. Berdyaev N. A. Filosofskaya istina i intelligentskaya pravda // Vekhi. Intelligentsiya v Rossii: sb. st. 1909–1910 gg. / sost., komment. N. Kazakovoi; predisl. V. Shelokhaeva. M.: Molodaya gvardiya, 1991. 462 s.
11. Berdyaev N. A. Ya i mir ob'ektov. Opyt filosofii odinochestva i obshcheniya // Filosofiya svobodnogo dukha / N. A. Berdyaev. M.: Respublika, 1994. S. 230–317.
12. Berdyaeva L. Yu. Professiya: zhena filosofa. M.: Molodaya gvardiya, 2002. 262 s.
13. Bernyukevich T. V. O nekotorykh diskussionnykh voprosakh kontseptualizatsii i tipologicheskogo sravneniya kul'turnykh universalii v sovremennoi otechestvennoi kul'ture // Gumanitarnyi vektor. Ser. Pedagogika, psikhologiya. 2007. № 7. S. 25.
14. Bibikhin V. V. Grammatika poezii. SPb.: Izd-vo I. Limbakha, 2009. 592 s.
15. Kiseleva M. S. «Ya» i istoriya v filosofii Berdyaeva // Voprosy filosofii. 2014. № 11. S. 88–99.
16. Kuz'mina T. A. Ekzistentsial'naya filosofiya. M.: Kanon+: Reabilitatsiya, 2014. 352 s.
17. Motroshilova N. V. Mysliteli Rossii i filosofiya Zapada (V. Solov'ev, N. Berdyaev, S. Frank). M.: Respublika: Kul'turnaya revolyutsiya, 2006. 478 s.
18. Silant'eva M. V. Filosofiya kul'tury N. A. Berdyaeva i aktual'nye problemy sovremenosti. M.: GASK, 2005. 220 s.
19. Silant'eva M. V. Ekzistentsial'naya dialektika N. Berdyaeva kak metod sovremennoi filosofii. M.: Inzhener, 2004. 227 s.
20. Silant'eva M. V. Ekzistentsial'nye problemy etiki tvorchestva Nikolaya Berdyaeva. M.: GASK, 2002. 124 s.
21. Sineokaya Yu. V. Vikhrevaya antropologiya Nikolaya Berdyaeva // Voprosy filosofii. 2014. № 11. S. 100–109.
22. Smirnov A. V. Propozitsiya i predikatsiya // Filosofskii zhurnal. 2016. T. 9, № 1. S. 5–24.
23. Smirnov A. V. Put' k istine: Ibn Arabi i Nikolai Berdyaev (o dvukh tipakh misticheskogo filosofstvovaniya) // Khristiane i musul'mane: problemy dialoga: khrestomatiya / sost. A. Zhuravskii. M.: BBI, 2000. S. 402–434.
24. Torkunov A. V. Obrazovanie kak instrument «myagkoi sily» vo vneshnei politike Rossii // Vestnik MGIMO. 2012. № 4.
25. Shustrov A. G. Voprosy teorii kul'tury v vostochnokhristianskom verouchenii // Vestnik Yaroslavl'skogo gos. un-ta im. P. G. Demidova. Ser. Gumanitarnye nauki. 2011. № 2. S. 164–169.
26. Dobrohotov A. GAKhN: anaesthetics of ruins, or Aleksey Losev's failed project // Studies in East European Thought. 2011. No. 63. Pr. 31–42.
27. Gilbert G. A New Middle Ages? A Reappraisal of Nicholas Berdyaev's Prophetic Imagination¹ // International Journal of Orthodox Theology. Vol. 3, No. 4. Pr. 141–164.
28. Kiseleva M. S. Understanding History: The Decisions of Nikolai Berdyaev // Russian Studies in Philosophy. 2015. T. 53, No. 4. Pp. 305–323.
29. Sergeev M. "Post-Modern themes in the philosophy of Nicolas Berdyaev" [Elektronnyi resurs] // Religion in Eastern Europe. 2007. Accessed Aug. 12. Rezhim dostupa: <http://www.digitalcommons.georgefox.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1849&context=ree&sei-redir=1&referer=https> (data obrashcheniya: 15.02.2017).

Received: February 25, 2017; accepted for publication: March 20, 2017

Reference to the article

Silant'eva M. V. Nikolai Berdyaev's Philosophy of Culture about the Prospects of "Postcrisis World": Methodological Aspects of "The New Middle Ages" Intellectual Pattern // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 71–79. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-71-79.

Эрдэни Тумурович Эрдэнэев,
преподаватель,
Забайкальский аграрный институт
(672023, Россия, г. Чита, ул. Юбилейная, 4),
e-mail: erdeneev@mail.ru

Качество жизни в концепциях постиндустриализма и трансгуманизма: сравнительно-сопоставительный анализ

В современных условиях приоритетной целью, идеалом развития общества становится обеспечение достойного качества жизни. Автором рассматриваются различные подходы к определению качества жизни, особенности взглядов представителей постиндустриализма, которые связывают достижение достойного качества жизни с развитием техники, инновационных технологий, научно-технической революцией. У. Ростоу связывает качество жизни с экономическим развитием, зависящим от технологических инноваций; Дж. Гэлбрейт – с возможностью потребления благ и услуг; Д. Белл – с неуклонным экономическим ростом, что позволит решить проблемы образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, обеспечивая достойное качество жизни; Э. Тоффлер – с экономическим прогрессом на основе научно-технической революции. Согласно взглядам трансгуманистов, совершенствование человека путём использования современных технологий позволит решить многие социальные, экологические проблемы, обеспечив тем самым достойное качество жизни. Автор анализирует качество жизни в концепциях трансгуманизма, сторонники которого ставят вопрос об изменении качества жизни людей путём использования нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивной науки. Утверждает, что техника и технологии позволят увеличить продолжительность жизни, избавить человечество от болезней, страхов, повысить интеллектуальные способности и навыки личности, тем самым обеспечить людям достойное качество жизни.

Ключевые слова: качество жизни, постиндустриализм, постгуманизм

Вводная часть. В современных условиях приоритетной целью, идеалом развития общества становится обеспечение достойного качества жизни. Обращение к данной проблематике в конце XX – начале XXI века было объективно обусловлено ускорением научно-технического прогресса, превращением человеческого капитала в решающий фактор развития цивилизации, изменением образовательной парадигмы, становлением постматериалистических ценностей, переходом от производства товаров к производству услуг, возникновением многочисленных экологических проблем, увеличивающимися нервно-психологическими нагрузками на человека, вступлением общества в стадию постиндустриализма, сформировавшую новые представления о человеке, его будущем, новых стандартах жизни.

Теоретико-методологическую базу исследования составили концепция качества жизни (С. А. Айвазян, Л. Г. Гусякова, С. И. Григорьев, М. Б. Лига, А. И. Субетто и др.), философия экзистенциализма (М. Бюблер, Г. Марсель, М. Хайдеггер, К. Ясперс).

Автором использован сравнительно-сопоставительный анализ качества жизни в концепциях постиндустриализма и трансгуманизма, что позволило проанализировать различные подходы к определению качества жизни; выявить особенности рассмотрения качества жизни представителями постиндустриализма, постгуманизма.

Результаты исследования и их об-суждение. Большинство учёных, занимающихся проблемой качества жизни, считают, что данное понятие было введено в научный оборот Дж. Гэлбрейтом, выделившим среди стадий развития общества стадию качества жизни, которая формирует свои жизненные стандарты, отличные от предшествующих стадий. В действительности же впервые термин «качество жизни» был использован А. Пигу.

Идеи качества жизни были объектом внимания русских философов конца XIX – начала XX века. Они связывали этот вопрос с духовностью, нравственностью, рассуждали о качестве жизни русского человека. И. Ильин писал о связи качества

жизни с русской культурой, дальнейшей судьбой России, русским человеком, его настоящим и будущим.

Проблема качества жизни получила разработку в трудах представителей постиндустриализма (Р. Арон, Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, П. Дракер, Ж. Фурастье и др.).

Д. Белл обращает внимание на то, что постиндустриальное общество основано на услугах, «есть игра между людьми». Осевым принципом, объединяющим все процессы, развивающиеся в данном обществе, являются теоретические знания как источник технологических инноваций, оказывающих влияние на качество жизни. «Я стою на том, – пишет Д. Белл, – что информация и теоретическое знание суть стратегические ресурсы постиндустриального общества. Кроме того, в своей новой роли они представляют поворотные пункты современной истории. Первый поворотный пункт – изменение самого характера науки. Наука как “всеобщее знание” стала основной производительной силой современного общества. Второй поворотный пункт – освобождение технологии от её “императивного” характера, почти полное превращение её в послушный инструмент» [6, с. 297]. Качество жизни трактуется в концепции Д. Белла как совокупность услуг, удобств, предоставляемых личности здравоохранением, образованием, отдыхом и культурой [6].

Э. Тоффлер в своей концепции трёх волн считает, что качество жизни возникает в то время, когда удовлетворены материальные потребности личности, что возможно только на основе научно-техни-

ческого прогресса, являющегося главной составляющей цивилизации третьей волны. Эта цивилизация, которую Э. Тоффлер называет истинно первой человеческой цивилизацией, «несёт с собой присущий её новый строй жизни, основанный на разнообразных возобновляемых источниках энергии; на методах производства, делающих ненужными большинство фабричных сборочных конвейеров; ...на новой структуре, которую можно назвать “электронным коттеджем” ...Возникающая цивилизация пишет для нас новые правила поведения и ведёт нас за пределы стандартизации, синхронизации и централизации, за пределы стремлений к накоплению энергии, денег или власти» [8].

Также как и Д. Белл, и другие представители постиндустриализма, Э. Тоффлер связывает достижение достойного качества жизни с экономическим ростом на основе современных достижений науки и техники. По мнению, Э. Тоффлера, источником всех изменений в обществе являются технологические революции. «Технология – основа этих удивительных экономических перемен. Это не означает, что технология – единственный источник изменения в обществе. Социальные перевороты могут быть вызваны изменением в химическом составе атмосферы, изменениями климата, плодородия почвы и многими другими факторами. Тем не менее, технология, бесспорно, – главная сила, лежащая в основе ускоряющего рывка» [9, с. 56]. В таблице представлены взгляды представителей постиндустриализма на качество жизни.

Качество жизни в концепциях представителей постиндустриализма

<i>Автор концепции</i>	<i>Концепция</i>	<i>Определение качества жизни</i>	<i>Технологии обеспечения качества жизни</i>
У. Ростоу	Стадии экономического роста	Качество жизни – закономерная стадия развития общества	Экономическое развитие, связанное с технологическими инновациями
Дж. Гэлбрейт	Новое индустриальное общество	Качество жизни – возможность потребления благ и услуг	Экономическое развитие общества на основе технического прогресса
Д. Белл	Грядущее постиндустриальное общество	Качество жизни – услуги и удобства в сфере культуры, здравоохранения и образования	Неуклонный экономический рост позволит решить проблемы образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, обеспечивая достойное качество жизни
Э. Тоффлер	Третья волна	Качество жизни – совокупность различного рода благ, предоставляемых человеку обществом	Экономический прогресс на основе научно-технической революции

Таким образом, несмотря на различие подходов к определению качества жизни, представители постиндустриализма связывают достижение достойного качества жизни с развитием техники, инновационных технологий, научно-технической революцией.

Кризис 70-х годов XX века способствовал тому, что представители постиндустриализма начинают высказывать идею о неоднозначности экономического роста и развития как средства повышения качества жизни [4]. В частности, об этом пишет Э. Тоффлер в докладе об «Эко-спазме», в книге «Шок будущего». Однако выход из сложившейся ситуации учёный видит в открытии новых источников чистой энергии, использовании новых видов отопительных технологий, в развитии медицины. О неоднозначности экономического роста как фактора, влияющего на повышение качества жизни, говорит Дж. Гэлбрейт. Экономический рост на основе технического прогресса не всегда становится благом, а может привести к негативным последствиям для человека. Среди негативных факторов учёный называет рост безработицы, загрязнение окружающей среды, снижение жизненного уровня, ухудшение качества жизни и т. д. Подчёркивается, что в пагубных последствиях экономического роста виноват сам человек, который, создав технику, не научился ею правильно управлять.

С точки зрения Дж. Гэлбрейта, экономический прогресс нуждается в тщательной оценке. Очень важно понимать, что не сам прогресс в технике является причиной негативных последствий экономического роста, а стремление техноструктуры к экономическому росту, к достижению своих собственных целей и использование для этого своей власти [3, с. 196]. Но самое страшное заключается в том, как отмечает Э. Тоффлер, что современная цивилизация не способна предотвратить процессы разрушения самого человека. Учёными предлагаются разные пути достижения качества жизни в условиях продолжающегося экономического роста. В частности, Э. Фромм пишет о необходимости гуманизации техники, подчинении её человеку. По мнению учёного, общество в погоне за прибылью забыло о человеке. Современный человек – это «психологический автомат», который жив лишь с точки зрения биологии, в эмоциональном плане он мёртв; он функционирует

как живой, но жизнь, тем не менее, уходит, испаряется, словно пар. Современный человек привык уверять окружающих в своём благополучии, в то время как на самом деле он глубоко несчастен и находится на грани отчаяния» [10, с. 313]. Для сохранения человека, повышения качества его жизни необходимо перейти от политики обладания к политике бытия. Человек, подчинения себе природу, разрушает в первую очередь самого себя. Э. Фромм предложил программу гуманизации техники, целью которой должно стать господство человека не над природой, а наукой и техникой. Программа гуманизации техники была направлена на переориентацию с материального обогащения на духовное удовлетворение; «гуманистическое планирование»; на превращение человека из пассивного потребителя в инициативного и способного члена общества, участвующего в управлении и принятии решений; возрождение ценностей, созданных великими гуманистами прошлого [11]. Таким образом, основная мысль Э. Фромма заключается в том, что только изменение отношения человека к созданной им самим и используемой технике может обеспечить его будущее.

У. Бек пишет о том, что человек своей деятельностью в погоне за материальным благосостоянием создаёт «общество риска». Породив риски, человек оказался не в состоянии ими управлять. Человек должен научиться бороться с рисками, только тогда он сможет ими управлять. По мнению учёного, только знание причин возникновения рисков, понимание того, что риски есть закономерный этап развития общества, даст возможность человеку ими управлять.

Иную позицию занимает Э. Гидденс, который пишет о том, что, только изменив самого себя, человек сможет сохранить цивилизацию, обеспечить себе достойное качество жизни. Однако Э. Гидденс не даёт ответа на вопрос, как и каким образом человек должен и может изменить самого себя.

Ответ на этот вопрос пытаются дать представители нового философского направления, которое сформировалось в конце 1980-х годов XX века и получило название трансгуманизма. Трансгуманизм, как считает большинство учёных, имеет под собой объективные основания: нарушен экологический баланс между природой и человеком, появились риски, которые не

управляются человеком, экономический рост разрушает окружающую среду, человек теряет контроль над природой.

Термин «трансгуманизм» был введён в научный обиход Д. Хаксли, первым Генеральным директором ЮНЕСКО. Для него человек всегда остаётся человеком, который превосходит себя, благодаря осознанию новых возможностей своей человеческой природы» [14, с. 17]. Для Д. Хаксли трансгуманист – человек, который стремится к самосовершенствованию через овладение новыми знаниями и умениями. Основные идеи концепции были изложены в доктрине Макса Мора. Странники данного течения ставят вопрос об изменении качества жизни людей путём использования нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивной науки. По их мнению, именно техника и технологии позволяют увеличить продолжительность жизни, избавить человечество от болезней, страхов, повысить интеллектуальные способности и навыки личности, тем самым обеспечить людям достойное качество жизни.

В настоящее время в научном и политическом мире существует неоднозначное отношение к трансгуманизму. В 2004 году Ф. Фукуяма в ответе на вопрос, какая идея угрожает человечеству, назвал трансгуманизм. «В последние десятилетия в развитых странах возникло странное освободительное движение. Цель у его крестоносцев намного превосходит цели борцов за гражданские права... они хотят не более и не менее чем освободить род человеческий от присущих ему биологических ограничений. Согласно “трансгуманистам” люди должны вырвать свою биологическую судьбу из рук слепого эволюционного процесса, основанного на случайных вариациях и адаптации, и перейти на следующую стадию развития вида» [13, с. 41].

В тоже время Ф. Фукуяма пишет и о положительных моментах в концепции трансгуманизма, призывая не относиться к этому течению пренебрежительно. «Но действительно ли, – пишет он, – фундаментальный принцип трансгуманизма, согласно которому мы некогда применяли биотехнологии, чтобы сделать себя сильнее, умнее, менее склонными к насилию и более долго живущими, так уж нелеп? Какие-то формы трансгуманизма неявно присутствуют в тематике исследований, проводимых в современной биомедицине. Новые

процедуры и технологии, идущие из исследовательских лабораторий и больниц, такие как таблетки, изменяющие настроение, препараты для накачивания мышц или селективной очистки памяти, пренатальный генетический скрининг или геновая терапия, могут быть использованы не только для облегчения или излечения болезни, но и для “улучшения” человеческого вида» [Там же].

В настоящее время существуют различные концептуальные подходы к определению трансгуманизма. Так, в манифесте Российского трансгуманистического движения трансгуманизм трактуется как «новое гуманистическое мировоззрение, которое утверждает не только ценность отдельной человеческой жизни, но и возможность и желательность – с помощью науки и современных технологий – безграничного развития личности, выхода за считающиеся сейчас «естественными» пределы человеческих возможностей»¹. Основное содержание трансгуманизма было изложено в концепции М. Мора, где трансгуманизм понимается как «интеллектуальное и культурное общественное движение, которое поддерживает возможность и желательность целенаправленного фундаментального расширения человеческих возможностей, особенно за счёт развития и распространения технологий, способных значительно усилить человеческие способности (интеллектуальные, физические и психологические), избавить человека от старения, болезней и предоставить ему качественно новые возможности» [15]. В данном определении человеческая жизнь отождествляется с жизнью разумной, основными механизмами эволюции всех разумных существ признаются наука и технологии.

Н. Вита-Мор рассматривает трансгуманизм как направление, связанное с преодолением пределов, которые поставлены человеку [16].

Для трансгуманизма характерно, во-первых, убеждение в возможности совершенствования человека; во-вторых, убеждение, что такое совершенствование возможно на основе применения новых технологий; в-третьих, убеждение в необходимости применения инновационных технологий

¹ Российское трансгуманистическое движение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/10/8> (дата обращения: 11.02.2017).

для улучшения качества жизни; в-четвёртых, убеждение о взаимовлиянии технического прогресса и социального развития.

Согласно взглядам трансгуманистов, совершенствование человека путём использования современных технологий позволит решить многие социальные, экологические проблемы, обеспечив тем самым достойное качество жизни.

Улучшение качества жизни, как считают трансгуманисты, начинается с увеличения её продолжительности, а такого можно достичь только благодаря использованию новых медицинских технологий, новых лекарств. Продолжительность жизни является показателем состояния здоровья как одного из факторов, оказывающих влияние на качество жизни людей, на возможность использования ими современных благ и услуг. «Качество жизни – субъективная оценка человеком собственного благополучия, которая детерминирована группой внутренних и внешних факторов. Одним из таких факторов в современном мире становится здоровье» [5, с. 153]. Подробный анализ качества жизни, связанного со здоровьем, осуществлён в исследовании М. Б. Лига и И. А. Щеткиной [5]. Увеличение продолжительности жизни во многом зависит от социального статуса личности, её образовательного уровня.

Развитие науки актуализирует необходимость получения образования широкими слоями населения. Образование, по мнению трансгуманистов, является одним из механизмов формирования новой социальной структуры, появления новой социальной группы, получившей название меритократии, занимающей ведущие посты в политике, экономике, культуре. Кроме того, трансгуманисты считают, что этой группе в силу обладания ею финансовыми ресурсами доступны новые медицинские технологии. Следствием этого станет то, что «вероятность отчуждения биомедицинских технологий сработает в пользу властных элит. В этом случае общество поляризуется на классы богатых долгоживущих и бедных короткоживущих...» [7, с. 88].

Заключение. Таким образом, представители трансгуманизма связывают достижение достойного качества жизни, как и сторонники постиндустриализма, с развитием науки и новыми технологиями, становлением и развитием экономики услуг, возникновением новой социальной группы, доминирующей ролью теоретического знания.

Результаты исследования могут быть использованы при выработке стратегий повышения качества жизни.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: пер. с англ. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академия, 2004. 788 с.
2. Гуманистические ценности в контексте трансгуманизма // Глобальное будущее 2045: антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: материалы I Всерос. конф. (г. Белгород, 2013 г.) / под ред. Д. И. Дубровского, С. М. Климовой. М.: Канон+: Реабилитация, 2014. 215 с.
3. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976. 390 с.
4. Захарова Е. Ю. Теория экологически ориентированного антропоцентризма // Ученые записки ЗабГПУ. 2013. № 4. С. 117–123.
5. Лига М. Б., Щеткина И. А. Качество жизни: организационно-управленческий аспект. Новосибирск: Наука, 2011. 227 с.
6. Полякова Н. Л. XX век в социологических теориях. М.: Логос, 2004. 384 с.
7. Прайд В. Увеличение продолжительности жизни: социальные изменения, прогнозы // Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего. М.: РАН, 2007. С. 88–91.
8. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.
9. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
10. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / пер. с англ. Д. Н. Дудиной. М.; Минск, 2000. 672 с.
11. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни / пер. с англ., предисл. П. С. Гуревича. М., 2004. 384 с.
12. Юдин Б. Г. Гуманистические ценности в контексте трансгуманизма // Глобальное будущее 2045: антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: материалы I Всерос. конф. (г. Белгород, 2013) / под ред. Д. И. Дубровского, С. М. Климовой. М.: Канон+: Реабилитация, 2014. С. 26–43.

13. Fukuyama F. Transhumanism // Foreign Policy. 2004. Sept.
14. Huxley J. New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957. Pp. 15–22.
15. More M. Transhumanism: Towards a Futurist Philosophy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.maxmore.com/transhum.htm> (дата обращения: 11.02.2017).
16. Sandberg A. Definitions of Transhumanism [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aleph.se/Trans/Intro/definitions.html> (дата обращения: 10.02.2017).

Статья поступила в редакцию 12.03.2017; принята к публикации 20.04.2017

Библиографическое описание статьи

Эрдэнэв Э. Т. Качество жизни в концепциях постиндустриализма и трансгуманизма: сравнительно-сопоставительный анализ // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 80–86.

Erdeni T. Erdeneev,
Lecturer,
Transbaikal Agrarian Institute
(4 Yubileynaya st., Chita, 672023, Russia),
e-mail: erdeneev@mail.ru

**Quality of Life in the Concepts of Post-industrialism
and Transhumanism: Comparative Analysis**

In modern conditions, the priority goal, the ideal of the development of society is to ensure a decent quality of life. The author considers various approaches to determining the quality of life, especially the ideas of post-industrialism representatives, who link the achievement of a decent quality of life with the development of engineering, innovative technologies, scientific and technological revolution. U. Rostou connects the quality of life with the economic development and technological innovations; J. Gelbreit – with a possibility of consuming goods and services; D. Bell – with a steady economic growth that will allow people to solve the problems of education, health care, culture, social protection, providing a worthy quality of life; E. Toffler – with economic progress on the basis of the scientific and technological revolution. According to the views of transhumanists, improving man by using modern technologies will solve many social and environmental problems, thus ensuring a worthy quality of life. The author analyzes the quality of life in the concepts of transhumanism, whose supporters raise the question of changing the quality of people's lives by using nanotechnologies, biotechnologies, information technologies and cognitive science. The article asserts that engineering and technologies will allow people to increase life expectancy, to save mankind from diseases and fears, to increase intellectual abilities and personal skills, thereby to provide people with a worthy quality of life.

Keywords: quality of life, post-industrialism, posthumanism

References

1. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya: per. s angl. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Akademiya, 2004. 788 s.
2. Gumanisticheskie tsennosti v kontekste transgumanizma // Global'noe budushchee 2045: antropologicheskii krizis. Konvergentnye tekhnologii. Transgumanisticheskie proekty: materialy I Vseros. konf. (g. Belgorod, 2013 g.) / pod red. D. I. Dubrovskogo, S. M. Klimovoi. M.: Kanon+: Reabilitatsiya, 2014. 215 s.
3. Gelbreit Dzh. Ekonomicheskie teorii i tseli obshchestva. M.: Progress, 1976. 390 s.
4. Zakharova E. Yu. Teoriya ekologicheskoi orientirovannogo antropotsentrizma // Uchenye zapiski ZabGGPU. 2013. № 4. S. 117–123.
5. Liga M. B., Shchetkina I. A. Kachestvo zhizni: organizatsionno-upravlencheskii aspekt. Novosibirsk: Nauka, 2011. 227 s.
6. Polyakova N. L. XX vek v sotsiologicheskikh teoriyakh. M.: Logos, 2004. 384 s.
7. Praid V. Uvelichenie prodolzhitel'nosti zhizni: sotsial'nye izmeneniya, prognozy // Novye tekhnologii i prodolzhenie evolyutsii cheloveka? Transgumanisticheskii proekt budushchego. M.: RAN, 2007. S. 88–91.
8. Toffler E. Tre'tya volna. M.: AST, 1999. 784 s.
9. Toffler E. Shok budushchego. M.: AST, 2002. 557 s.
10. Fromm E. Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya / per. s angl. D. N. Dudinoi. M.: Minsk, 2000. 672 s.

11. Fromm E. Imet' ili byt'? Radi lyubvi k zhizni / per. s angl., predisl. P. S. Gurevicha. M., 2004. 384 s.
12. Yudin B. G. Gumanisticheskie tsennosti v kontekste transgumanizma // Global'noe budushchee 2045: antropologicheskii krizis. Konvergentnye tekhnologii. Transgumanisticheskie proekty: materialy I Vse-ros. konf. (g. Belgorod, 2013) / pod red. D. I. Dubrovskogo, S. M. Klimovoi // M.: Kanon+: Reabilitatsiya, 2014. S. 26–43.
13. Fukuyama F. Transhumanism // Foreign Policy. 2004. Sept.
14. Huxley J. New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957. Pp. 15–22.
15. More M. Transhumanism: Towards a Futurist Philosophy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.maxmore.com/transhum.htm> (дата обращения: 11.02.2017).
16. Sandberg A. Definitions of Transhumanism [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aleph.se/Trans/Intro/definitions.html> (дата обращения: 10.02.2017).

Received: March 12, 2017; accepted for publication: April 20, 2017

Reference to the article

Erdeneev E. T. Quality of Life in the Concepts of Post-industrialism and Transhumanism: Comparative Analysis // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. Pp. 80–86.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ SOCIOLOGY OF EDUCATION

УДК 378

Нина Иннокентьевна Виноградова,
доктор психологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: vin57@list.ru

Социально-психологические условия профессионального развития будущих психологов образования

В статье раскрывается актуальность проблемы выделения социально-психологических условий профессионального развития будущих психологов образования. Обоснованы новые профессиональные функции школьного психолога, требующие определения базовых социально-психологических условий профессионального развития будущих специалистов. Процесс профессионального развития рассмотрен автором через категорию готовности студента к здоровьесберегающему способу психологического сопровождения субъектов образования. Обозначен психологический механизм такой готовности. Он заключается в регулирующей функции ответственности студента за отсроченную во времени результативность решения школьниками познавательных и жизненных задач и оптимальный способ их решения. Ответственность контролирует уровень решения студентом задач, связанных с выделением причинных звеньев затруднений учащихся при решении таких задач. Выделены ведущие социально-психологические условия, обеспечивающие эффективное развитие будущих психологов образования: 1) становление ответственного выбора, способа принятия решения студентом о способе содействия школьникам в решении познавательных и жизненных задач; 2) усложнение связей между осознанием необходимости содействия школьникам в решении познавательных и жизненных задач и субъективными (индивидуально-типологическими, личностно-профессиональными и деятельностно-процессуальными) условиями и факторами; 3) развитие продуктивной самооценки валеологических составляющих профессионального здоровья; 4) развитие внутреннего локуса контроля, ориентирующего студента на повышение самоэффективности; 5) решение задач, связанных с выделением причинных звеньев затруднений учащихся при решении познавательных и жизненных задач наиболее оптимальным для каждого ребенка способом; 6) активизация самомониторинга.

Ключевые слова: процесс профессионального развития, социально-психологические условия профессионального развития, готовность студента к здоровьесберегающему способу психологического сопровождения субъектов образования, технология профессионального развития будущего психолога

Вводная часть. Проблемы социальной работы напрямую связаны с проблемами современной школы. Школа выступает ведущим социализирующим государственным заведением. Она учит жизни в коллективе, указывает дорогу к самостоятельности, на основании которой строится личность. «Вычеркнуть ребёнка из этой схемы – вычеркнуть его из общества. Изгнание одного из членов этой системы мучительно и для них самих, и для всех остальных» [2, с. 6]. Школьные психологи напрямую решают вопросы, связанные с трудностями адаптации и самореализации детей в различных социальных группах.

Социальные преобразования нашего государства значимо изменили приоритеты в подготовке школьных психологов. Появились новые трудовые функции, связанные с: психолого-педагогическим сопровождением образовательных программ; с процессами инклюзии, требующими поддержки каждого обучающегося и выстраивания индивидуальных программ сопровождения; обеспечением условий нормального обучения и развития каждого ребёнка, имеющего особые образовательные потребности, при этом взрослые являются ресурсом для развития детей.

Отвечая на вопрос: «Почему же так значимо изменился функционал школьного психолога?», можно привести следующие доводы. В современных школах реализуется огромное количество учебных программ, большинство которых создавалось не специалистами, в принципе не понимающими сути развития понятийного мышления в детских возрастах. По мнению Л. А. Ясюковой, «те, кто обладают понятийным мышлением, адекватно понимают реальную ситуацию и делают правильные выводы, а те, кто не обладает... Они тоже уверены в правильности своего видения ситуации, но это их иллюзия, которая разбивается о реальную жизнь. Их планы не реализуются, прогнозы не сбываются, но они считают, что виноваты окружающие люди и обстоятельства, а не их неправильное понимание ситуации... По нашим данным и по данным других исследователей, меньше 20 % людей обладают полноценным понятийным мышлением. Это те, кто изучал естественные и технические науки, научился операциям выделения существенных признаков, категоризации и установления

причинно-следственных связей. Их, однако, среди принимающих решения о развитии общества мало» [5, с. 10].

Следующая причина, обусловившая изменение функционала педагога-психолога, связана с увеличением количества проблемных детей, имеющих психические и психологические отклонения (замкнутые, рассеянные, гиперактивные, одарённые, депрессивные, страдающие дислексией, имеющие общую установку «блока на школу» и т. д.). По нашему мнению, социальная неустойчивость современной семьи выступает главной причиной возрастания психологически обусловленных детских школофобий и медицински обусловленных психических отклонений.

Цель исследования состоит в том, чтобы выделить социально-психологические условия формирования у студентов готовности к здоровьесберегающему способу сопровождения субъектов образования (детей, учителей, родителей), раскрыть психологические эффекты такой готовности.

Необходимость проведения исследований проблемы профессионального развития будущих психологов образования продиктована следующими обстоятельствами:

– во-первых, значимыми изменениями современного ребёнка, которые проявляются в негативной динамике культурных и общественных ценностей, сдвиге возрастных границ детства, оторванности ребёнка от культурных традиций общества, отсутствии или недостаточности знаний о нормах поведения и традиционных ценностях общества, снижении общих показателей психического и психологического здоровья [4];

– во-вторых, необходимостью обеспечения школ специалистами психологического сопровождения ФГОС во всех образовательных учреждениях и на всех образовательных уровнях. Потребностью в создании психосохранных технологий формирования предметных, метапредметных и личностных компетенций, соответствующих возможностям личностного саморазвития школьников разных возрастных групп, проживающих в регионах, резко отличающихся по социальному, экономическому и экологическому статусу [1];

– в-третьих, серьёзными трансформациями технологий формирования и измерения групп компетенций по признакам обеспечения психологически безопасной

и комфортной образовательной среды, максимальной индивидуализации образовательных маршрутов учащихся, позволяющих снизить общий фон социальной напряжённости в школах;

– в-четвёртых, осознанием необходимости поиска условий обеспечения успешного профессионального развития будущих психологов образования, разработки социально-психологических основ формирования личности школьного психолога, способного продуктивно выполнять трудовые функции, обозначенные в профессиональном стандарте.

Проблема исследования заключается в осмыслении и эмпирическом исследовании процесса профессионального развития будущих психологов образования, обеспечивающего готовность к здоровьесберегающему способу психологического сопровождения субъектов образования.

Необходимо признать, что в практике вузовского образования не получило достаточного методологического обоснования и технологического описания психолого-педагогическое обеспечение формирования такой готовности.

Исследователями обосновывались разные траектории профессионального развития будущих психологов образования в зависимости от реализуемых в разные годы реформ образовательной системы [6–10]. Однако основные проблемы в труде школьных психологов так и не были преодолены. По мнению В. В. Рубцова, главные ошибки педагогов-психологов до сих пор заключаются в неумении: организовывать учебный труд детей в деятельностной парадигме; организовать работу субъектов образования в группах; работать с различными категориями детей; работать с учителями, директорами, родителями; применять здоровьесберегающие технологии [3].

Методологическую основу нашего исследования составляют:

– системный подход, раскрывающий интегративную сущность развития профессионального менталитета педагога-психолога, несводимого к сумме отдельных элементов (В. П. Афанасьев, В. П. Кузьмин, Н. В. Садовский и др.);

– целостный подход к исследованию проблем развития человека, развиваемый Б. Г. Ананьевым, Н. А. Бердяевым, В. М. Бехтеревым, Л. А. Головей, П. Ф. Лесгафтом,

Б. Ф. Ломовым, А. А. Реаном, Е. И. Степановой, М. Шелер, А. А. Ухтомским и др.);

– теория функциональных систем П. К. Анохина, обосновывающая принцип развития системы в соответствии с качеством результата как её системообразующего компонента, и разработанная на её основе теория педагогической деятельности Н. В. Кузьминой;

– субъектно-деятельностный подход, объясняющий тенденции становления человека, обладающего активным целеполаганием, сознательно строящего и регулирующего свою деятельность (К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, С. Л. Рубинштейн и др.);

– синергетический подход, обосновывающий наличие «веера вероятностных возможностей» реализации проектируемых задач профессионального развития педагога-психолога (В. И. Аршинов, В. П. Бранский, Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов и др.);

– базовые принципы, обосновывающие перерастание управляемого развития профессионализма педагога-психолога в саморазвивающийся процесс – активность, детерминизм, рефлексивность, оптимальность (Б. Г. Ананьев, Л. И. Анциферова, М. Библер, В. П. Зинченко, Н. Б. Крылова, А. Менегетти, К. Обуховский, П. Г. Щедровицкий и др.).

Методологическими ориентирами исследования послужили общепсихологические основы взаимообусловленности мышления и речи, психолого-педагогические концепции развивающего обучения (Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, Н. И. Жинкин, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев, В. Н. Мясищев, С. Л. Рубинштейн, Н. Ф. Талызина); основы комплексного структурно-функционального изучения педагогической деятельности (О. С. Анисимов, Н. В. Кузьмина, К. К. Платонов, В. А. Сластёнин, А. И. Щербаков и др.); поиск алгоритмов продуктивного формирования Я-концепции профессионала (В. С. Агапов, В. Г. Зазыкин, Е. В. Григорьева, О. К. Манулова, А. Б. Орлов и др.).

Определяющее значение в теоретико-методологическом плане имеют положения и выводы, раскрывающие значимые аспекты становления деятельностных и личностных качеств профессионализма педагога-психолога (Е. В. Бондаревская, Н. Ф. Голованова, В. В. Краевский, Р. Л. Кричевский, В. А. Ляу-

дис, Л. М. Митина, А. И. Мищенко, В. П. Си-монов, В. Д. Шадриков, В. А. Якунин и др.), разработки по их диагностике и развитию (Н. В. Кузьмина, Р. Б. Кеттелл, Н. И. Непомнящая, А. А. Реан, Г. И. Михалевская и др.).

Логику исследования предопределила необходимость аналитического сравнения механизмов высоко-, средне-, достаточно- и малопродуктивного становления профессионализма педагогов-психологов:

– сравнительно-сопоставительный анализ взаимосвязей между проявлениями разных уровней продуктивности содействия школьникам в решении познавательных и жизненных задач:

а) индивидуально-типологических условий (возраст, опыт, специфика восприятия детских проблем, особенности профессионального мышления, гендерные роли и т. д.);

б) личностно-профессиональных – базовых факторов;

в) деятельностно-процессуальных – специфических оснований продуктивной профессионализации;

– разработка моделей, алгоритмов и технологий содействия школьникам в решении познавательных и жизненных задач.

Для решения поставленных задач использовалась *целостная диагностическая технология*, включающая: метод комплексного обследования качества готовности выпускников вуза к содействию школьникам в решении познавательных и жизненных задач; метод компетентных судей. Привлечение к экспертному оцениванию уже работающих психологов образования; методы тестирования и анкетирования индивидуальных и социально-психологических характеристик профессионального развития студентов.

Результаты исследования и их об-суждение. Анализ основных проблем, с которыми сталкиваются школьные психологи, позволил выделить механизм, обеспечивающий интенсификацию становления профессионализма на этапе вузовской подготовки. По нашему мнению, в его основании лежит регулирующая функция ответственности студента за отсроченную во времени результативность решения школьниками познавательных и жизненных задач и оптимальный способ их решения. Ответственность контролирует уровень решения задач, связанных с выделением причинных звеньев затруднений учащихся при решении таких задач.

Необходимость выделения технологических параметров становления профессионализма на этапе профессиональной подготовки привела к обоснованию репрезентативной системы созидания профессиональной компетентности. Данная система представляет собой процесс поэтапного согласования следующих компетенций: 1) предварительно-ориентировочных; 2) диагностико-проблемных; 3) поисковых, связанных с выдвижением альтернативных вариантов; 4) стратегических, связанных с формулированием «сверхзадач» становления профессионализма; 5) тактико-оперативных, обусловленных выбором технологий профессионализации; 6) оперативных, связанных с регулированием оптимальности методов и форм становления профессионализма; 7) согласования совместных действий с родителями учеников; 8) согласования собственных контролирующих и самоконтролирующих действий школьников; 9) оценки качества профессионализации.

Системообразующую функцию выполняет диагностико-проблемная компетентность, т. к. она обеспечивает решение задач, связанных с выделением причинных звеньев затруднений учащихся при решении познавательных и жизненных задач.

Внутренний потенциал созидания профессиональной компетентности обеспечивается регулирующей функцией внутреннего локуса контроля, продуктивной самооценкой валеологических показателей здоровья, которые берут на себя функцию обеспечения стабильности проявлений профессиональных действий. Смысловым содержанием созидания компетентности выступает переориентация учебно-познавательной деятельности студента в профессиональную (соответствующую требованиям профессионального стандарта).

Заключение. Углублённое профессиональное развитие будущих психологов образования обеспечится, по нашему мнению, соблюдением следующих социально-психологических условий:

1. Становление активного, самостоятельного, ответственного выбора, способа принятия решения, а также вариантов прогнозирования эффективных способов содействия школьникам в решении познавательных и жизненных задач (обозначенных во ФГОС для разных ступеней общего образования как компетенции).

2. Усложнение связей между осознанием необходимости содействия школьникам в решении познавательных и жизненных задач и субъективными (индивидуально-типологическими, личностно-профессиональными и деятельностно-процессуальными) условиями и факторами, обеспечивающими эффективную саморегуляцию студентом процесса профессионализации и возрастание продуктивности решения профессиональных функций.

3. Развитие продуктивной самооценки валеологических составляющих профессионального здоровья, что послужит основанием к саморегуляции показателей личностной тревожности, предотвращения профессиональных стрессов.

4. Развитие внутреннего локус контроля, придающего становлению профессионализма индивидуально выраженную направленность, т. е. ориентирует студента на повышение самооэффективности.

5. Особое внимание к решению задач, связанных с выделением причинных звеньев затруднений учащихся при решении познавательных и жизненных задач наиболее оптимальным для каждого ребёнка способом.

6. Направление самомониторинга на выявление качества принятия решений в области проектирования оптимальных технологий профессионального самоконтроля.

Список литературы

1. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределённости, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 12–18.
2. Револь Оливье. Ничего страшного: неуспеваемость излечима! М.: Ломоносовъ, 2009. 352 с.
3. Рубцов В. В. Концепция и организационно-структурные модели психологической службы образования // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 8, № 3. С. 1–15.
4. Фельдштейн Д. И. Глубинные изменения детства и актуализация психолого-педагогических проблем развития образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.do.gendocs.ru/docs/index292927.html> (дата обращения: 10.01.2017).
5. Ясюкова Л. А. Прогноз и профилактика проблем обучения, социализация и профессиональное самоопределение старшеклассников: в 2 ч. СПб.: Иматон, 2010. 224 с.
6. Fagan T. K., Wise P. S. School Psychology: Past, Present, and Future. New York, 1994. 124 p.
7. Fagan T. K. Training school psychologists before there were school psychologist training programs // The Handbook of School Psychology Third Edition. New York, 1999. 246 p.
8. Harré R., Rom H., Moghaddam F. M. Psychology for the Third Millennium. London: Sage, 2012. 216 p.
9. Stern W. The supernormal child: II // Journal of Educational Psychology. 1991. № 2. Pp. 4–10.
10. Thomas A. School psychology 2000 // Communiqué. 2000. № 28.
11. Sternberg R. J., Jarvin L., Grigorenko E. Explorations in Giftedness. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 284 p.

Статья поступила в редакцию 12.01.2017; принята к публикации 18.04.2017

Библиографическое описание статьи

Виноградова Н. И. Социально-психологические условия профессионального развития будущих психологов образования // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 87–92.

Nina I. Vinogradova,

*Doctor of Psychology, Associate Professor,
Transbaikal State University*

*(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: vin57@list.ru*

Social and Psychological Conditions For Professional Development of Future Education Psychologists

The article explains the importance of the problem of identifying social and psychological conditions for professional development of future education psychologists. New professional functions of a school psychologist have been substantiated, requiring the determination of basic socio-psychological conditions for professional development of future specialists. The author con-

siders the process of professional development through the category of the student's readiness for a health-saving method of psychological support for the subjects of education and indicates the psychological mechanism of such readiness. This mechanism consists in the regulatory function of the student's responsibility for the delayed in time effectiveness of the schoolchildren's solution of cognitive and life problems and finding the best way to address them. Responsibility monitors the level of the student's solving the tasks related to the allocation of causal links to the learner's difficulties in solving such problems. The article presents the leading social and psychological conditions that ensure the effective development of future education psychologists: 1) developing a responsible choice, a way of the student's decision-making about how to assist schoolchildren in the solution of cognitive and life tasks; 2) complicating the links between the awareness of the need to support schoolchildren in solving life or cognitive problems and subjective (individual-typological, personal-professional, and activity-procedural) conditions and factors; 3) developing a productive self-assessment of valueological components of professional health; 4) developing an internal locus of control, orienting students to increase self-efficacy; 5) solving tasks related to the allocation of causal links to the schoolchildren's difficulties in dealing with cognitive and vital tasks in the most optimal way for each child; 6) activating self-monitoring.

Keywords: professional development process, social and psychological conditions for professional development, student's readiness for a health-saving method of psychological support of educational subjects, technology of professional development of a future psychologist

References

1. Asmolov A. G. Psikhologiya sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziya // Psikhologicheskie issledovaniya. 2015. T. 8, № 40. S. 12–18.
2. Revol' Oliv'e. Nichego strashnogo: neuspevaemost' izlechima! M.: Lomonosov», 2009. 352 s.
3. Rubtsov V. V. Kontseptsiya i organizatsionno-strukturnye modeli psikhologicheskoi sluzhby obrazovaniya // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2016. T. 8, № 3. S. 1–15.
4. Fel'dshtein D. I. Glubinye izmeneniya detstva i aktualizatsiya psikhologo-pedagogicheskikh problem razvitiya obrazovaniya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.do.gendocs.ru/docs/index292927.html> (data obrashcheniya: 10.01.2017).
5. Yasyukova L. A. Prognoz i profilaktika problem obucheniya, sotsializatsiya i professional'noe samoopredelenie starsheklassnikov: v 2 ch. SPb.: Imaton, 2010. 224 s.
6. Fagan T. K., Wise P. S. School Psychology: Past, Present, and Future. New York, 1994. 124 p.
7. Fagan T. K. Training schoolpsychologists before there were school psychologist training programs // The Handbook of School, Psychology Third Edition. New York, 1999. 246 p.
8. Harré R., Rom H., Moghaddam F. M. Psychology for the Third Millennium. London: Sage, 2012. 216 p.
9. Stern W. The supernormal child: II // Journal of Educational Psychology. 1991. № 2. Pp. 4–10.
10. Thomas A. Schoolpsychology 2000 // Communiquiй. 2000. № 28.
11. Sternberg R. J., Jarvin L., Grigorenko E. Explorations in Giftedness. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 284 p.

Received: January 12, 2017; accepted for publication: April 18, 2017

Reference to the article

Vinogradova N. I. Social and Psychological Conditions For Professional Development of Future Education Psychologists // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 87–92.

УДК 122/129

DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-93-97

Елена Юрьевна Захарова¹,
доктор философских наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: aglena_72@mail.ru

Людмила Александровна Порш²,
кандидат философских наук,
Институт развития образования Забайкальского края
(672007, Россия, г. Чита, ул. Фрунзе, 1),
e-mail: porsh0609@mail.ru

Особенности тенденций феминизации образования в современном российском обществе

В современных условиях проблема феминизации становится предметом научных исследований. Феминизация рассматривается авторами как закономерный исторический процесс развития бытия женщины, определяется системой различных факторов, которые способствуют усилению влияния женщины в отдельной сфере деятельности, обществе. Для анализа социальных эффектов преобладающего в России феминистского типа образования представляется актуальным выявление тенденций феминизации образования в современном российском обществе. На основе социально-философского анализа современного образования выявлены тенденции феминизации современного российского образования. Основной среди них является интенсификация феминизации в образовании, определяемая как закономерный социальный процесс, в котором присутствуют природные, гендерные, культурные, экономические, политические составляющие, связанные с формированием новых социокультурных, общественно-политических феноменов (изменения общественного сознания, содержания и способов деятельности, отношений, трансформация женских и профессиональных сообществ, изменение стратегий их развития и др.). Псевдофеминизация образования (мнимая феминизация) – социальное явление, отражающее подмену сущности и содержания феминизации образования. Вторичная феминизация образования – социальный процесс, отражающий воспроизводство сущностных характеристик социальных явлений, сформировавшихся под влиянием феминизации образования на следующих этапах развития общества и других сферах: экономической, политической, социальной.

Ключевые слова: образование, феминизация образования, российское образование, тенденции феминизации

Вводная часть. Актуальность исследования обусловлена задачами модернизации системы современного российского образования, сущность которых заключается в обновлении содержания образования, технологий обучения, воспитания, организационных механизмов для достижения качества результатов образования, повышения его конкурентоспособности как важнейших механизмов социально ориентированного и инновационного развития страны. В этом аспекте всё большую актуальность приобретает проблема феминизации образования, имеющая социальные

эффекты и риски, оказывающая влияние на феминизацию других сфер общества.

Феминизация – закономерный исторический процесс развития бытия женщины, определяемый системой различных факторов, которые способствуют усилению влияния женщины в различных сферах жизнедеятельности общества [7].

Раскрывая природу, содержание, роль феминизации образования, можно дать следующее её определение – социальная действительность, связанная с усилением роли женщин в образовании, имеющая функциональную определённую в соци-

¹ Е. Ю. Захарова – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

² Л. А. Порш является организатором сбора материала исследования, его анализа и систематизации, оформления статьи.

окультурной сфере, детерминированная системой материальных и духовных факторов, оказывающих влияние на все сферы жизнедеятельности общества. В онтологическом аспекте феминизация образования рассматривается как социальное явление, связанное с возрастающей активностью женщин в освоении профессионального пространства и усилением их влияния на изменение, обновление содержания и организацию функционирования профессиональной сферы; в гносеологическом аспекте феминизация образования связана с определением и осмыслением особенностей женщины как познающего и транслирующего знания субъекта; в аксиологическом аспекте рассматривается влияние феминизации образования на результаты образования, особенности социокультурных норм, формирование моделей поведения, гендерных стереотипов, социального статуса педагогической профессии.

Методология и методы исследования. Авторами в процессе реализации цели исследования были использованы системный, аксиологический, структурно-функциональный, подходы; фундаментальные философские принципы всеобщей связи и развития, историзма, системности; общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнения, объяснения.

Целью исследования стало выявление тенденций феминизации образования в современном российском обществе для анализа социальных эффектов преобладающего в России феминистского типа образования. В ходе работы авторы ставили определённые задачи исследования: выявить основные тенденции феминизации российского образования; соотнести тенденции феминизации российского образования с этапами её возникновения и развития; проанализировать социальные эффекты преобладающего в России феминистского типа образования.

Результаты исследования и их обсуждение. В России феминизация образования началась в XIX веке [2]. С этого времени происходит первичная феминизация, которая явилась результатом осуществления государственных мер по развитию педагогического образования и на которую оказали влияние особенности социализации мужчин и женщин, а также закономерности профессиональной социализации педагогов [6].

В дальнейшем, на втором этапе, начавшемся в период установления советской власти и продлившемся до 40-х годов XX века, первичная феминизация образования связана с деятельностью государства по уравниванию прав женщин на образование, преподавание, научную деятельность. На третьем этапе первичная феминизация продолжается и связана с Великой Отечественной войной (1941–1945 гг.), послужившей основной причиной уменьшения педагогов-мужчин.

На четвёртом этапе, с 1980-х годов XX века феминизация образования связана с интенсификацией, что обусловлено сильным оттоком мужчин-учителей из сферы образования в связи общественно-политическими, социально-экономическими, культурно-историческими изменениями.

Интенсификация феминизации образования как социальное явление связано с усиливающейся неоднозначностью и противоречивостью оценок и отношения к образованию разных субъектов образовательной политики (власти, общества, участников образовательных отношений, представителей науки, профессиональных сообществ и др.), также с разработкой стратегических направлений государственных программ по повышению престижа профессии и поиском способов «сдерживания» процессов интенсификации феминизации образования [3].

Наряду с интенсификацией феминизации образования на данном этапе можно наблюдать ещё одну его тенденцию – псевдофеминизацию, которая проявляется в наличии следующего дисбаланса: феминизированное общее образование и дефеминизированная система управления образованием (на муниципальном, региональном, федеральном уровнях). Возникла ситуация, когда женщины-педагоги стали занимать лидирующие позиции в основном в горизонтальной структуре системы образования.

Тенденция распределения мест в управлении развивается в зависимости от оценки государством значимости должности руководителя. Руководители организаций всегда связывались с образом мужчины. Достаточно прочно закрепился стереотип о том, что мужчины более способны, умны, организованны и могут быть более эффективными руководителями. Су-

существует мнение о том, что мужчина-руководитель работает на результат, в то время как женщина-руководитель – на отношения внутри коллектива [9].

Таким образом, псевдофеминизация образования характеризуется разной степенью выраженности феминизации образования на уровне и управленческих ступенях.

Псевдофеминные процессы в системе образования воспроизводят маскулинную модель в обществе [1]. Возникает коллизия: в образовании много женщин, которые формируют ресурсы для общества, потенциально воспроизводящие присущие мужскому характеру социальные качества. Поэтому, говоря о самой системе образования, можно отметить, что она достаточно противоречива.

В результате возникает вторичная феминизация образования, связанная с влиянием феминизации образования на различные сферы жизнедеятельности общества.

Анализ особенностей профессиональной социализации педагогов показывает, что феминизация образования может стать фактором, закрепляющим до уровня «нормы» представление об образовании как условии для профессиональной социализации преимущественно педагогов-женщин [3]. В этой связи становится актуальным анализ сущности и последствий вторичной феминизации как социального явления, отражающего воспроизводство социальных компонентов, сформировавшихся в условиях феминизации образования, на следующих стадиях развития общества и в разных его сферах.

Всё население Российской Федерации получает общее образование. Взаимодействие детей с педагогом может повлиять на развитие ребёнка, воспитание, формирование социокультурных норм, которые в дальнейшем будут транслироваться им в профессиональных коллективах и способствовать формированию новых отношений, закреплению новых норм. Таким образом, вторичность феминизации образования заключается в том, что она является одной из причин феминизации других сфер общества, так как активность женской половины населения может отчасти изначально формироваться в период школьного образования. Л. В. Штылева в своих исследованиях, отражающих гендерную проблематику, выделяет значимость фактора пола в образо-

вании, оказывающего в дальнейшем влияние на различные сферы общества [10]. При рассмотрении вторичности феминизации образования встаёт вопрос о дефеминизации образования и других сфер общества, на которые оно оказывает влияние.

В большей мере учёные говорят о дефеминизации как раз не столько образования, сколько других сфер общества. Э. А. Понуждаев, занимающийся исследованием феминизации российского общества и армии, считает одним из способов дефеминизации армии призыва в её ряды исключительно мужчин [7]. Может быть, для армии, полиции дефеминизация нужна, но для образования полная дефеминизация не может признаваться положительным фактом. В педагогических коллективах должен быть разумный баланс педагогов-женщин и педагогов-мужчин для гармоничного развития современного поколения детей. Работа с детьми требует терпения и времени, а к этому в большей мере склонны, как отмечает Н. Д. Субботина, женщины, так как природа наделила их большей эмпатией [8, с. 59]. Во многих странах баланс в соотношении педагогов (мужчин и женщин) поддерживается государством (европейские страны, Япония) [4].

Однако, что касается образования, то в литературе описаны дефеминизированные модели образовательных практик, связанные с успешным итогом обучения. Например, интернатное образование, когда дети, лишённые материнской опеки, освобождённые от эмоциональной привязанности, компенсировали эту часть высокой интеллектуальной составляющей своего успеха.

Социальные эффекты феминизации образования могут быть долгосрочными и краткосрочными; прямыми и опосредованными.

В качестве долгосрочных эффектов можно назвать некоторые положительные тенденции, которые заключаются, например, в повышении престижа педагогической профессии, что может привести к дефеминизации образования за счёт прихода туда мужчин, что в результате приведёт к балансу в образовании педагогов-мужчин и педагогов-женщин. Так, в «Законе об образовании в Российской Федерации»¹ (№ 273 ФЗ)

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012 г.: зарегистрирован в Минюсте Российской Федерации 20.08.2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 23.02.2017).

впервые в ст. 47, п. 2 зафиксировано положение о том, что государство признаёт особый статус педагогической профессии и будет предпринимать меры к повышению престижа педагогической профессии в российском обществе. Далее – уровень средней заработной платы педагогических работников приравнен к уровню средней заработной платы в регионе, что зафиксировано в ст. 99, п. 3. Что касается краткосрочных эффектов, то они, в большей степени, отражены в результатах образования. Прямые социальные эффекты феминизации образования могут проявляться в особенностях выполнения социальных ролей мальчиками и девочками, мужчинами и женщинами, культуре отношений между членами общества. Опосредованные эффекты феминизации образования – в моделях социализации, самореализации детей и взрослых граждан.

Выводы. В российском образовании можно выделить следующие тенденции его феминизации. Первичная феминизация образования, начавшаяся в XIX веке, явилась результатом осуществления государственных мер по развитию педагогического образования, на неё оказали влияние осо-

бенности социализации мужчин и женщин, а также закономерности профессиональной социализации педагогов.

Псевдофеминизация образования (мнимая феминизация) – социальное явление, отражающее подмену сущности и содержания феминизации образования, характеризующееся разной степенью выраженности феминизации образования на «уровневых» (общее образование, профессиональное образование) и «управленческих» ступенях (управление образовательной организацией, муниципальной, региональной, федеральной системами образования). Вторичная феминизация образования – социальный процесс, отражающий воспроизводство сущностных характеристик социальных явлений, сформировавшихся под влиянием феминизации образования на следующих этапах развития общества и других сферах: экономической, политической, социальной.

Результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности педагогов, психологов, руководителей образования и других сфер, заинтересованных в разработке стратегических и тактических направлений современной социальной политики, направленной на гармоничное развитие человека и общества.

Список литературы

1. Брунер Д. Культура образования. М.: Просвещение, 2006. 223 с.
2. Захарова Е. Ю., Порш Л. А. Феминизация российского образования: этапы становления // Гуманитарный вектор. 2016. № 1. С. 58–62.
3. Кон И. С. Ребёнок и общество. М.: Академия, 2003. 336 с.
4. Королева Е. Г. Социально-педагогический анализ процесса феминизации педагогических кадров: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. СПб., 1998. 182 с.
5. Лига М. Б., Томских М. С. Исторические предпосылки становления концепции качества жизни // Экономика и социум. 2016. № 5. С. 108–117.
6. Мужчина в образовании: материалы круглого стола (г. Санкт-Петербург, 2011). СПб.: Участие, 2012. 215 с.
7. Понуждаев Э. А. Феминизация общества и армии: сущность, структура, специфика развития и социальный механизм: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Монино, 1999. 472 с.
8. Субботина Н. Д. Естественные и социальные составляющие эмпатии и альтруизма // Гуманитарный вектор. 2011. № 2. С. 58–66.
9. Хорни К. Женская психология [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fb2.booksgid.com/psihologiya/92566-karen-horni-zhenskaya-psihologiya.htm>.40 (дата обращения: 05.02.2017).
10. Штылева Л. В. Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ. М.: ПЕР СЭ, 2008. 316 с.

Статья поступила в редакцию 09.03.2017; принята к публикации 07.04.2017

Библиографическое описание статьи

Захарова Е. Ю., Порш Л. А. Особенности тенденций феминизации образования в современном российском обществе // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 93–97. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-93-97.

Elena Yu. Zakharova¹,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30, Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: aglena_72@mail.ru

Ljudmila A. Porsh²,
Candidate of Philosophy,
Institute for the Development of Education of the Transbaikal Territory
(1 Frunze st., Chita, 672007, Russia),
e-mail: porsh0609@mail.ru

Features of Education Feminization Trends in Modern Russian Society

In modern conditions, the problem of feminization becomes the subject of scientific research. Feminization is defined by the authors as a natural historical process of the development of woman's being; it depends on a system of various factors that contribute to strengthening the influence of women in a particular area of activity and in society. To analyze the social effects of the predominant feminist type of education in Russia, it seems relevant to identify the trends in the feminization of education in contemporary Russian society. On the basis of the socio-philosophical analysis of contemporary Russian education, the feminization trends of contemporary Russian education have been identified. The main trends include the intensification of feminization in education, defined as a natural social process, in which there are natural, gender, cultural, economic and political components that are associated with the formation of new socio-cultural, socio-political phenomena (changes in public consciousness, content and modes of activity, attitudes, transformation of women's and professional communities, changes in the strategies of their development, etc.). Pseudo-feminization of education (imaginary feminization) is a social phenomenon that reflects the substitution of the essence and content of education feminization. Secondary feminization of education is a social process that reflects the reproduction of the essential characteristics of social phenomena formed under the influence of the feminization of education at the following stages of the development of society and other spheres: economic, political, social.

Keywords: education, education feminization, Russian education, feminization trends

References

1. Bruner D. Kul'tura obrazovaniya. M.: Prosveshchenie, 2006. 223 s.
2. Zakharova E. Yu., Porsh L. A. Feminizatsiya rossiiskogo obrazovaniya: etapy stanovleniya // Gumanitarnyi vektor. 2016. № 1. S. 58–62.
3. Kon I. S. Rebenok i obshchestvo. M.: Akademiya, 2003. 336 s.
4. Koroleva E. G. Sotsial'no-pedagogicheskii analiz protsessa feminizatsii pedagogicheskikh kadrov: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01. SPb., 1998. 182 s.
5. Liga M. B., Tomskikh M. S. Istoricheskie predposylki stanovleniya kontseptsii kachestva zhizni // Ekonomika i sotsium. 2016. № 5. S. 108–117.
6. Muzhchina v obrazovanii: materialy kruglogo stola (g. Sankt-Peterburg, 2011). SPb.: Uchastie, 2012. 215 s.
7. Ponuzhdaev E. A. Feminizatsiya obshchestva i armii: sushchnost', struktura, spetsifika razvitiya i sotsial'nyi mekhanizm: dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.11. Monino, 1999. 472 s.
8. Subbotina N. D. Estestvennye i sotsial'nye sostavlyayushchie empatii i al'truizma // Gumanitarnyi vektor. 2011. № 2. S. 58–66.
9. Khorni K. Zhenskaya psikhologiya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.fb2.booksgid.com/psihologiya/92566-karen-horni-zhenskaya-psihologiya.htm>.40 (data obrashcheniya: 05.02.2017).
10. Shtyleva L. V. Faktor pola v obrazovanii: gendernyi podkhod i analiz. M.: PER SE, 2008. 316 s.

Received: March 09, 2017; accepted for publication: April 07, 2017

Reference to the article

Zakharova E. Yu., Porsh L. A. Features of Education Feminization Trends in Modern Russian Society // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 93–97. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-93-97.

¹ E. Yu. Zakharova is the main author, the organizer of the study; she formulates conclusions and summarizes the results of the collective project implementation.

² L. A. Porsh is the organizer of the collection of research material, its analysis and systematization, and preparation of the article.

УДК 304.4

DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-98-110

Марина Борисовна Лига¹,

доктор социологических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: m-Liga@inbox.ru

Ирина Анатольевна Щеткина²,

кандидат социологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: irinasocio@mail.ru

Андрей Александрович Томских³,

доктор географических наук, доцент,
Министерство образования, науки
и молодежной политики Забайкальского края
(672002, Россия, г. Чита, ул. Амурская, 106),
e-mail: tomskih_aa@mail.ru

Татьяна Константиновна Клименко⁴,

доктор педагогических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: klimenko_tk@mail.ru

Независимая оценка качества образования в Забайкальском крае: первые итоги

Подводятся итоги независимой оценки качества образования в Забайкальском крае. Независимая оценка качества образования была проведена по пяти критериям: открытость и доступность информации об образовательной организации; комфортность условий и доступность получения образовательной услуги; компетентность, доброжелательность и вежливость работников образовательной организации; результативность работы образовательной организации; удовлетворённость потребителей качеством образовательных услуг, изучение данных из открытых источников информации о деятельности организаций. Объектом независимой оценки качества образовательных услуг стали 36 образовательных организаций, подведомственных Министерству образования: 4 образовательных организации общего образования, 29 – профессионального и 3 коррекционного образования. Модель оценки качества образовательных услуг включает: нормативно-правовой, организационный, функциональный, технологический, критериальный составляющие. Нормативно-правовой компонент основывается на документах федерального, регионального и ведомственного уровней. Организационный компонент – это организационно-управленческая структура, включающая учредителей образовательных организаций, общественный совет, организации, осуществляющие процесс оценки, образовательные организации и потребителей образовательных услуг, профессиональных экспертов. Функциональный компонент есть совокупность полномочий и функций участников независимой системы оценки качества. Технологический компонент – методы, принципы, реализуемые в процессе проведения оценки, общие подходы к порядку её осуществления. Критериальный компонент – совокупность количественных характеристик предоставляемой услуги. Всё это позволило получить максимально объективные данные по выделенным критериям и сформировать рекомендации для образовательных учреждений Забайкальского края.

Ключевые слова: независимая оценка качества образовательных услуг, качество услуг, критерии, открытость, доступность, результативность работы

¹ М. Б. Лига – основной автор, обобщает итоги реализации коллективного проекта.

² И. А. Щеткина формулирует выводы.

³ А. А. Томских систематизирует материал.

⁴ Т. К. Клименко составляет план исследования.

Вводная часть. В настоящее время большое внимание уделяется независимой оценке качества услуг, предоставляемых учреждениями социальной сферы¹.

Независимая оценка качества образования – оценочная процедура, которая осуществляется в отношении деятельности образовательных организаций и реализуемых ими образовательных программ в целях определения соответствия предоставляемого образования². Нормативно-правовой основой независимой оценки качества образования выступают Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» и Федеральный Закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»³.

Модель независимой оценки качества образования в Забайкальском крае, критерии и показатели независимой оценки качества работы образовательных организаций одобрены на Совете по независимой оценке качества образования Министерства образования, науки и молодежной политики Забайкальского края 25 апреля 2014 года. На заседании приняты документы, регламентирующие проведение в регионе независимой оценки качества работы государственных образовательных учреждений, подведомственных Министерству образования, науки и молодежной политики

¹ Болотов В. А. Становление общероссийской системы оценки качества образования // Справочник заместителя директора школы. – 2007. – № 10. – С. 18–23; Управление качеством образования на основе новых информационных технологий и образовательного мониторинга / Д. Ш. Матрос [и др.]. – М.: Пед. о-во России, 2001. – 139 с.

² Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 256-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165899 (дата обращения: 10.12.2016).

³ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.base.garant.ru/70170950/> (дата обращения 09.12.2016); Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 07.05.2013 г. с изменениями, вступившими в силу с 19.05.2013 г.) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 15.12.2016).

Забайкальского края, определён перечень образовательных организаций для проведения независимой оценки качества образования и сроки её проведения.

Методология и методы исследования. Для оценки образовательных организаций края были выработаны пять критериев⁴: открытость и доступность предоставляемой информации о деятельности организаций; комфортность условий и доступность получения образовательной услуги; компетентность, доброжелательность и вежливость работников образовательной организации; результативность работы образовательной организации; удовлетворённость потребителей качеством образовательных услуг, изучение данных из открытых источников информации о деятельности организаций⁵.

В первом критерии «открытость и доступность предоставляемой информации о деятельности организаций» были выделены следующие показатели⁶: наличие обратной связи, наличие отчёта о деятельности, регулярность обновления официального сайта, его наполняемость и удобство, наличие в организации информационных стендов, продуктивность деятельности действующих органов государственно-общественного управления, уровень рейтинга на сайте www.bus.gov.ru.

Недостатком большинства сайтов стала низкая наполняемость, которая проявляется в отсутствии информации о самооценке образовательной организации, отчёте о деятельности (публичного доклада), дефиците сведений о преподавательском составе⁷. В настоящий момент в Министерстве образования разрабатываются методические рекомендации для образовательных организаций по обеспечению открытости и доступности предоставляемой

⁴ Мониторинг и диагностика качества образования. – М.: НИИ школьных технологий, 2008. – 322 с.

⁵ Методические рекомендации по независимой оценке качества образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.минобр.зabaykalskiy.krai.ru/f/kach.html> (дата обращения: 04.12.2016).

⁶ Формирование системы оценки качества образования: региональный, муниципальный уровень и уровень образовательного учреждения: учебно-методический комплект материалов для подготовки тьюторов. – М.: АПКППРО, 2007. – 84 с.

⁷ Оценка качества образования в современном образовательном учреждении: опыт, проблемы, перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (11–12 окт. 2012 г.). – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. – 228 с.

информации о деятельности образовательных организаций, которые планируется довести до сведения руководителей посредством проведения семинаров, направления писем руководителям муниципальных органов управления образованием, размещения информации на сайте Министерства образования, науки и молодёжной политики Забайкальского края.

Второй критерий, по которому проводилась оценка работы образовательных организаций общего образования, – «результативность работы». По данному критерию были выделены показатели с учётом уровня образования.

По остальным трём критериям (комфортность условий, доброжелательность, вежливость; компетентность различных категорий работников и удовлетворённость качеством предоставляемых услуг) требовалась разработка опросных листов и анкет для проведения социологических исследований. Отсутствие в регионе организаций, которые проводят независимую оценку качества образовательной деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность, и финансовых ресурсов для проведения исследований вызвало определённые трудности в проведении данной работы¹.

По просьбе Министерства образования, науки и молодёжной политики Забайкальского края социологический факультет ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» разработал анкеты для проведения социологических исследований, методику подсчёта результатов, оказал помощь в проведении анкетирования.

Разработана шкала перевода для построения рейтингов образовательных организаций (табл. 1).

Таблица 1

Шкала перевода

%	Баллы
0–55	0
56–70	1
71–85	2
86–100	3

¹ Станкевич Е. Ю. К вопросу оценки качества образования [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 1. – Режим доступа: <http://www.human.snauka.ru/2013/01/2215> (дата обращения: 19.11.2016).

Трудности при проведении опросов возникли в образовательных организациях, расположенных за пределами краевого центра. Было принято решение о проведении телефонных опросов обучающихся, что потребовало распространения персональных данных о них. Кроме того, было необходимо получить разрешение органов опеки или родителей для проведения опросов детей, обучающихся в коррекционных образовательных организациях. Считаем, что в дальнейшем нужно учесть эти риски и заранее разработать механизмы проведения опросов в образовательных организациях, расположенных на территории Забайкальского края, возможно дистанционно.

В исследовании приняло участие более 2000 человек, обучающихся в образовательных организациях, подведомственных Министерству образования, науки и молодёжной политики Забайкальского края.

Результаты исследования. По мнению респондентов, наиболее комфортные условия получения образовательных услуг созданы в коррекционных образовательных организациях (табл. 2, 3, рис. 1).

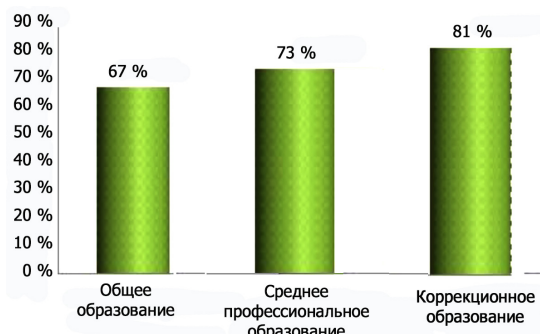

Рис. 1. Оценка комфортности условий и доступности получения образовательных услуг (критерий 2, в %)

Fig. 1. Assessment of comfort conditions and availability of obtaining educational services (criterion 2, %)

В среднем 81 % обучающихся и родителей довольны комфортностью условий. Однако 59 % высказали мнение о том, что услуги данных учреждений недостаточно доступны. Следует обратить внимание, что исследования проводились только в образовательных организациях, находящихся в Чите, где действительно созданы комфортные условия для получения образовательных услуг.

Таблица 2
Оценка комфортности условий и доступности получения образовательных услуг (критерий 2)

Образовательные услуги	Нравится ли Вам учиться в Вашем образовательном учреждении?	Удовлетворены ли Вы оснащённостью помещений Вашего образовательного учреждения?	Удовлетворены ли Вы состоянием помещений Вашего образовательного учреждения?	Удовлетворены ли Вы доступом в интернет в Вашем образовательном учреждении?	Удовлетворены ли Вы качеством питания в Вашем образовательном учреждении?	Удовлетворены ли Вы доступностью предоставляемых услуг в Вашем образовательном учреждении?	Набрано баллов	Максимально возможный балл	Средний процент
Общее образование	71 % 2 балла	76 % 2 балла	77 % 2 балла	39 % 0 баллов	59 % 1 балл	77 % 2 балла	9	18	67 %
Среднее профессиональное образование	75 % 2 балла	80 % 2 балла	80 % 2 балла	55 % 0 баллов	65 % 1 балл	84 % 2 балла	9	18	73 %
Коррекционное образование	87 % 3 балла	86 % 3 балла	90 % 3 балла	74 % 2 балла	90 % 3 балла	59 % 1 балл	14	18	81 %

Таблица 3

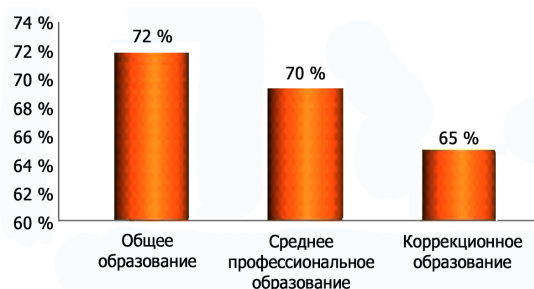
Оценка удовлетворенности потребителей качеством услуг, предоставляемых отдельными образовательными учреждениями Забайкальского края

Образовательные услуги	Нравится ли Вам учиться в Вашем образовательном учреждении?	76 % 2 балла	80 % 2 балла	86 % 3 балла
	Удовлетворены ли Вы оснащенностью помещений Вашего образовательного учреждения?	77 % 2 балла	80 % 2 балла	90 % 3 балла
	Удовлетворены ли Вы состоянием помещений Вашего образовательного учреждения?	39 % 0 баллов	55 % 0 баллов	74 % 2 балла
	Удовлетворены ли Вы качеством питания в Вашем образовательном учреждении?	59 % 1 балл	65 % 1 балл	90 % 3 балла
	Удовлетворены ли Вы доступностью предоставляемых услуг в Вашем образовательном учреждении?	77 % 2 балла	84 % 2 балла	59 % 1 балл
	Оцените уровень доброжелательности, вежливости и внимательности работников Вашего образовательного учреждения	65 % 1 балл	66 % 1 балл	67 % 1 балл
	Оцените уровень компетентности и профессионализма работников Вашего образовательного учреждения	79 % 2 балла	73 % 2 балла	63 % 1 балл
	Скажете, пожалуйста, Вы бы рекомендовали Вашим друзьям, родственникам и знакомым учиться в Вашем образовательном учреждении?	85 % 2 балла	81 % 2 балла	82 % 1 балл
	Оцените свою удовлетворенность качеством предоставляемых образовательных услуг, документов, профтребованиях и др.)	75 % 2 балла	77 % 2 балла	86 % 3 балла
Общее образование				
Среднее профессиональное образование				
Коррекционное образование				

В общем и среднем образовании вызывает тревогу факт, что лишь 39 и 55 % опрошенных соответственно удовлетворены доступностью сети Интернет. Учредителям необходимо обратить внимание на удовлетворённость качеством питания в образовательных организациях общего образования.

Количество максимально возможных баллов по данному критерию – 18. Таким образом, по мнению респондентов, комфортность условий и доступность получения образовательных услуг в образовательных организациях общего и среднего профессионального образования равна 9 баллам (т. е. 50 % от максимально возможных баллов), в коррекционном образовании – 14 баллов (77,7 % от максимально возможных баллов).

Социологическое исследование показало, что в среднем 72 % респондентов, опрошенных в образовательных организациях общего образования, удовлетворены компетентностью, доброжелательностью и вежливостью работников образовательной организации, в среднем профессиональном образовании – 70 %, в коррекционном – 65 % (табл. 4, рис. 2). При этом количество максимально возможных баллов по данному критерию – 6.

Рис. 2. Оценка компетентности, доброжелательности и вежливости работников образовательной организации (критерий 3, в %)

Fig. 2. Assessment of competence, friendliness and courtesy of employees of educational organization (criterion 3, %)

Результаты проведённого исследования свидетельствуют о том, что удовлетворённость компетентностью, доброжелательностью и вежливостью работников образовательной организации в образовательных организациях общего и среднего профессионального образования составляет 3 балла (50 % от максимально возможных баллов), в коррекционном образовании лишь 2 балла (33,3 % от максимально возможных баллов).

Таблица 4

Оценка компетентности, доброжелательности и вежливости работников образовательной организации (критерий 3)

Образовательные услуги	Оцените уровень доброжелательности, вежливости и внимательности работников Вашего образовательного учреждения	Оцените уровень компетентности и профессионализма работников Вашего образовательного учреждения	Набрано баллов	Максимально возможный балл	Средний процент
Общее образование	65 % 1 балл	79 % 2 балла	3	6	72 %
Среднее профессиональное образование	66 % 1 балл	73 % 2 балла	3	6	70 %
Коррекционное образование	67 % 1 балл	63 % 1 балл	2	6	65 %

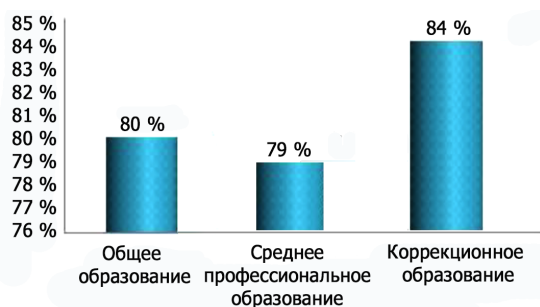
Таким образом, как показывают результаты исследования, качеством образовательных услуг удовлетворены: по образовательным организациям общего

образования – 80 % потребителей услуг; среднего профессионального образования – 79 %; коррекционного образования 84 % (табл. 5, рис. 3).

**Оценка удовлетворённости потребителей качеством образовательных услуг
(критерий 5)**

Образовательные услуги	Скажите, пожалуйста, Вы бы рекомендовали Вашим друзьям, родственникам и знакомым учиться в Вашем образовательном учреждении?	Оцените свою удовлетворённость качеством проводимых групповых мероприятий (оздоровительных, досуговых, профилактических и др.)	Набрано баллов	Максимально возможный балл	Средний процент
Общее образование	85 % 2 балла	75 % 2 балла	4	6	80 %
Среднее профессиональное образование	81 % 2 балла	77 % 2 балла	4	6	79 %
Коррекционное образование	82 % 1 балл	86 % 3 балла	4	6	84 %

Рис. 3. Оценка удовлетворённости потребителей качеством образовательных услуг (критерий 5)

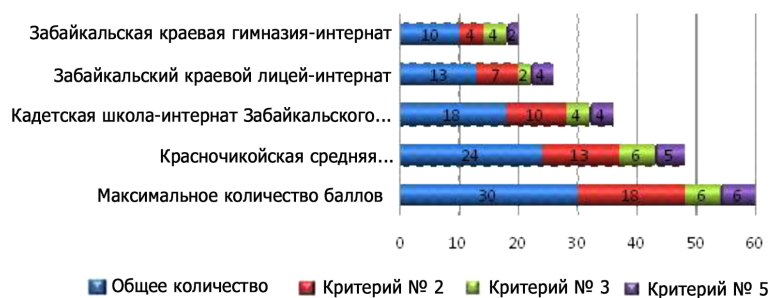
Fig. 3. Assessment of customer satisfaction with educational services (criterion 5)

Заключение. Подведём некоторые итоги независимой оценки качества образовательной деятельности подведомственных Министерству образования, науки и молодёжной политики Забайкальского края организаций, осуществляющих образовательную деятельность, по субъективным показателям в зависимости от типа образовательной организации.

Социологическое исследование проводилось в 4 образовательных организа-

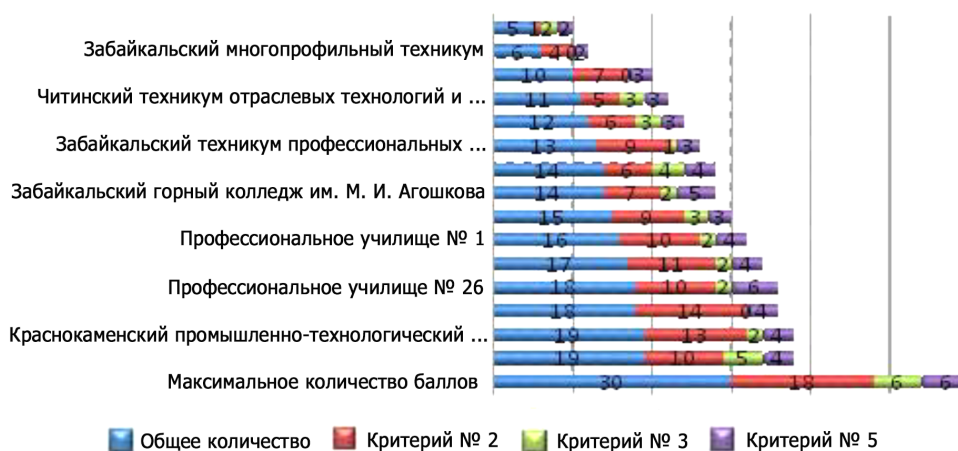
циях общего образования. Максимальное количество баллов, которое могла набрать организация, – 30: по критерию № 2 – 18; № 3 – 6; № 5 – 6. Среди учреждений общего образования наибольшее количество баллов набрала Красночиойская средняя школа – 24 балла, наименьшее – Забайкальская краевая гимназия-интернат – 10 баллов (рис. 4).

Исследование проводилось в 29 образовательных организациях среднего профессионального образования. Максимальное количество баллов, которое могла набрать организация, – 30: по критерию № 2 – 18; № 3 – 6; № 5 – 6. В тройку худших, по мнению потребителей услуг, вошли Читинское торгово-кулинарное училище, набравшее 5 баллов из 30 возможных, Забайкальский многопрофильный техникум – 6 баллов и Красночиойский аграрно-педагогический техникум – 10 баллов. 29 баллов из 30 возможных набрало профессиональное училище № 9, по 28 – Приаргунский сельскохозяйственный техникум и Агинский педагогический колледж (рис. 5а, 5б).

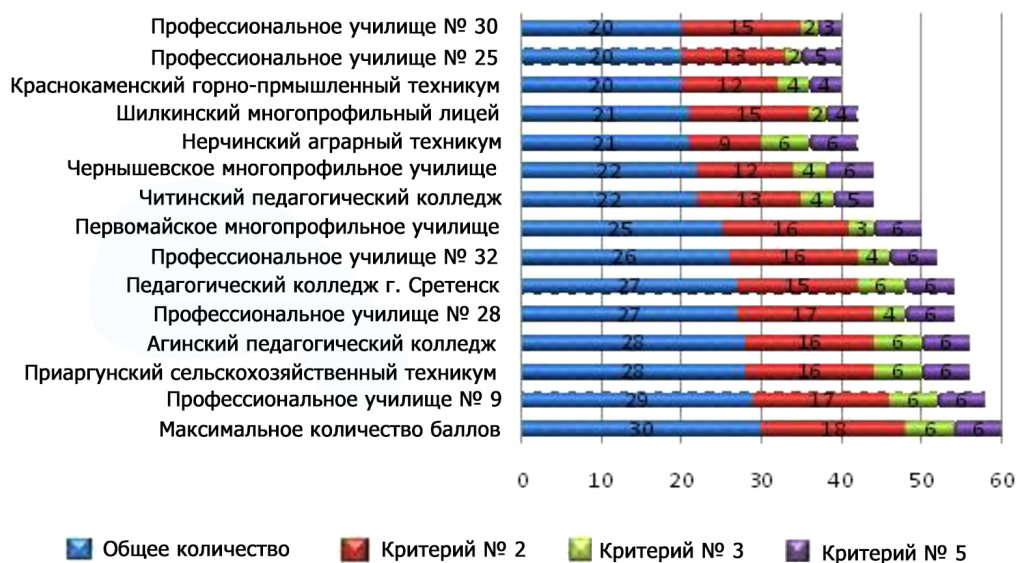
Рис. 4. Результаты независимой оценки качества образовательной деятельности в образовательных организациях общего образования

Fig. 4. Results of independent assessment of quality of educational activities in general educational institutions

Рис. 5a. Результаты независимой оценки качества образовательной деятельности в образовательных организациях среднего профессионального образования

Fig. 5a. Results of independent assessment of quality of educational activities in secondary vocational educational institutions

Рис. 5b. Результаты независимой оценки качества образовательной деятельности в образовательных организациях среднего профессионального образования

Fig. 5b. Results of independent assessment of quality of educational activities in secondary vocational educational institutions

Среди образовательных организаций коррекционного образования наибольшее количество баллов набрала Черновская специ-

альная коррекционная школа – 29 баллов из 30 возможных, наименьшее – Центр образования детей-инвалидов – 15 баллов (рис. 6).

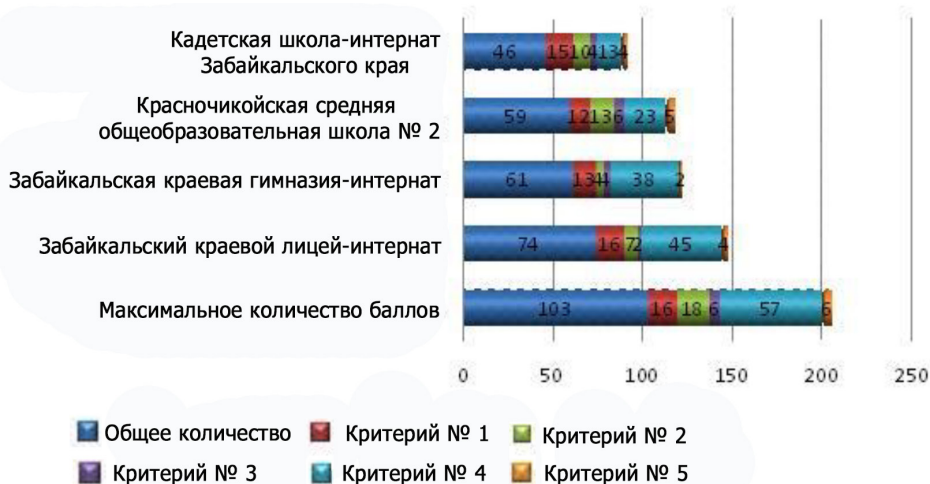
Рис. 6. Результаты независимой оценки качества образовательной деятельности в образовательных организациях коррекционного образования

Fig. 6. Results of independent quality assessment of educational activities in special education organizations

Общие итоги проведённой в 2014 году независимой оценки качества деятельности образовательных организаций, подведомственных Министерству образования, науки и молодёжной политики Забайкальского края по всем пяти критериям можно представить следующим образом.

Максимальный результат, который возможно было набрать по 5 критериям, составляет 103 балла. Наибольшее количество

баллов набрал Забайкальский лицей-интернат – 74, наименьшее – Кадетская школа-интернат – 46 (рис. 7). Краевое учреждение набирает лишь 44,6 % от максимально возможного результата. Данные подтверждаются и путём анализа открытых источников, и результативности деятельности, и социологическими опросами. Управлению общего образования и воспитания следует обратить особое внимание на данное учреждение.

Рис. 7. Результаты независимой оценки качества образовательной деятельности образовательных организаций общего образования

Fig. 7. Results of independent assessment of quality of educational activities in general education institutions

Среди образовательных организаций среднего профессионального образования 86 баллов из 103 возможных набрал Читинский политехнический колледж, по 84 –

педагогические колледжи Агинского и Сретенска. Наименьшее количество баллов у Хилокского железнодорожного училища – 53 балла (рис. 8а, 8б).

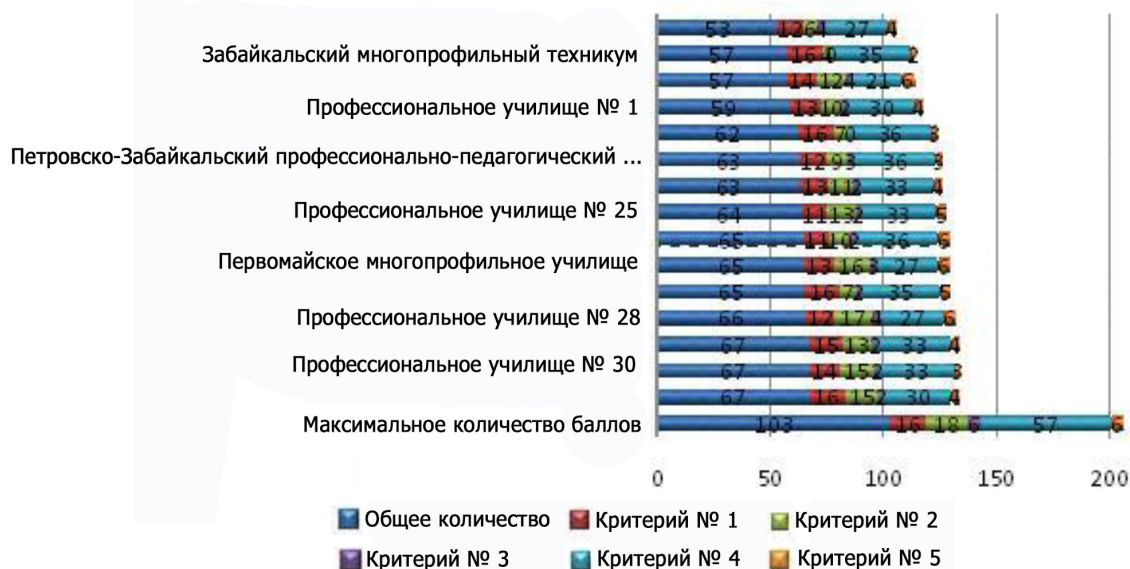

Рис. 8а. Результаты независимой оценки качества деятельности образовательных организаций профессионального образования

Fig. 8a. Results of independent assessment of quality of activities in vocational educational institutions

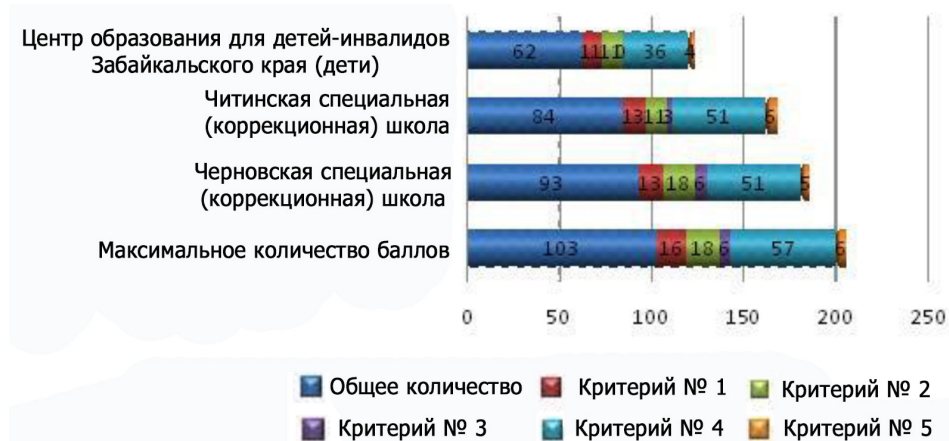
Рис. 8б. Результаты независимой оценки качества деятельности образовательных организаций профессионального образования

Fig. 8b. Results of independent assessment of quality of activities in vocational educational institutions

Представить результаты исследования по коррекционным школам, расположенным в районах Забайкальского края, не представляется возможным, так как социологические опросы проводились только

в образовательных организациях, расположенных в Чите. Среди коррекционных школ краевого центра наибольшее количество баллов набрала Черновская специальная школа (рис. 9).

Рис. 9. Результаты независимой оценки качества образовательной деятельности образовательных организаций (коррекционных школы)

Fig. 9. Results of independent assessment of quality of activities in educational institutions (special schools)

+Проведённое исследование позволяет отметить, что типичными недоработками образовательных организаций всех уровней являются:

- отсутствие официального сайта у ряда организаций профессионального и коррекционного образования;
- недостаточная наполняемость и частота обновления официальных сайтов;
- отсутствие механизмов обратной связи, отчёта о деятельности (публичного

доклада) в предыдущий отчётный период, а также дефицит информации о преподавательском составе;

- низкие результаты итоговой аттестации обучающихся;
- малая доля высококвалифицированных специалистов среди педагогических работников, преподавателей и мастеров производственного обучения, имеющих первую и высшую квалификационную категорию.

Список литературы

1. Болотов В. А. Становление общероссийской системы оценки качества образования // Справочник заместителя директора школы. 2007. № 10. С. 18–23.
2. Гударенко Ю. А. Сущность понятия «качество образования» // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 13. С. 65–68.
3. Козлова А. Т. Независимая оценка качества образования как конкурентное преимущество университета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipi1.ru/images/PDF/2015/41/nezavisimaya-otsenka-kachestva.pdf> (дата обращения: 11.01.2017).
4. Матрос Д. Ш., Полев Д. М., Мельникова Н. Н. Управление качеством образования на основе новых информационных технологий и образовательного мониторинга. М.: Пед. о-во России, 2001. 139 с.
5. Мониторинг и диагностика качества образования / А. А. Шаталов [и др.]. М.: НИИ школьных технологий, 2008. 322 с.
6. Оценка качества образования в современном образовательном учреждении: опыт, проблемы, перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конференции (11–12 окт. 2012 г.). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. 228 с.
7. Рубин Ю. Б. Современное образование: качество, стандарты, инструменты. М.: Маркет ДС, 2009. 330 с.

8. Станкевич Е. Ю. К вопросу оценки качества образования [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 1. Режим доступа: <http://www.human.snauka.ru/2013/01/2215> (дата обращения: 19.12.2016).

9. Харченко К. В. Удовлетворённость: методология и опыт муниципальных исследований. М.: Альперия, 2011. 260 с.

10. Шереги Ф. Э. Образование как социальный институт: функции и дисфункции // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2015. Вып. 13. С. 12–36.

Статья поступила в редакцию 27.01.2017; принята к публикации 28.02.2017

Библиографическое описание статьи

Лига М. Б., Щеткина И. А., Томских А. А., Клименко Т. К. Независимая оценка качества образования в Забайкальском крае: первые итоги // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 98–110. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-98-110.

Marina B. Liga¹,

*Doctor of Sociology, Professor,
Transbaikal State University*

*(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: m-Liga@inbox.ru*

Irina A. Shchetkina²,

*Candidate of Sociology, Associate Professor,
Transbaikal State University*

*(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: irinasocio@mail.ru*

Andrey A. Tomskih³,

*Doctor of Geography, Associate Professor,
Ministry of Education, Science and Youth Policy
of the Transbaikal Region*

*(106 Amur st., Chita, 672002, Russia),
e-mail: tomskih_aa@mail.ru*

Tatiana K. Klimenko⁴,

*Doctor of Pedagogy, Professor,
Transbaikal State University*

*(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: klimenko_tk@mail.ru*

**An Independent Evaluation of the Quality of Education
in the Trans-Baikal Region: First Results**

The article sums up the results of an independent evaluation of the quality of education in the Trans-Baikal Territory. An independent evaluation of the quality of education was carried out according to five criteria: openness and accessibility of information about the educational institution; convenience and accessibility of educational services; competence, friendliness and courtesy of employees of educational institutions; the effectiveness of the work of educational institutions; consumers' satisfaction with the quality of educational services, the study of data from open sources of information about the activities of organizations. The objects of an independent evaluation of the quality of educational services are 36 educational institutions subordinated to the Ministry of Education: 4 educational institutions of general education, 29 – professional and 3 special education institutions. The evaluation model of the quality of educational services includes: regulatory, organizational, functional, technological and criterial components. The regulatory component is based on the documents of federal, regional and departmental levels. The organizational component is the organizational and managerial structure, including the founders of educational institu-

¹ M. B. Liga is the main author, who generalizes the results of the collective project implementation.

² I. A. Shchetkina formulates the conclusions.

³ A. A. Tomskih systematizes the materials.

⁴ T. K. Klimenko makes up the plan of the research.

tions, a public council, organizations engaged in the evaluation process, educational institutions, consumers of educational services and professional experts. The functional component is the totality of the powers and functions of the members of an independent quality assessment system. The technological component comprises the methods, principles implemented in the process of evaluation, general approaches to the procedure for its implementation. The criterial component is a set of quantitative characteristics of the services provided. All this enabled us to obtain the most objective data on the selected criteria and formulate recommendations for the educational institutions of the Trans-Baikal Territory.

Keywords: independent evaluation of educational services quality, quality of services, criteria, transparency, accessibility, work effectiveness

References

1. Bolotov V. A. Stanovlenie obshcherossiiskoi sistemy otsenki kachestva obrazovaniya // Spravochnik zamestitelya direktora shkoly. 2007. № 10. S. 18–23.
2. Gudarenko Yu. A. Sushchnost' ponyatiya «kachestvo obrazovaniya» // Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta. 2009. № 13. S. 65–68.
3. Kozlova A. T. Nezavisimaya otsenka kachestva obrazovaniya kak konkurentnoe preimushchestvo universiteta [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.ipi1.ru/images/PDF/2015/41/nezavisimaya-otsenka-kachestva.pdf> (data obrashcheniya: 11.01.2017).
4. Matros D. Sh., Polev D. M., Mel'nikova N. N. Upravlenie kachestvom obrazovaniya na osnove novykh informatsionnykh tekhnologii i obrazovatel'nogo monitoringa. M.: Ped. o-vo Rossii, 2001. 139 s.
5. Monitoring i diagnostika kachestva obrazovaniya / A. A. Shatalov [i dr.]. M.: NII shkol'nykh tekhnologii, 2008. 322 s.
6. Otsenka kachestva obrazovaniya v sovremennom obrazovatel'nom uchrezhdenii: opyt, problemy, perspektivy: materialy Vseros. nauch.-prakt. konferentsii (11–12 okt. 2012 g.). Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2012. 228 s.
7. Rubin Yu. B. Sovremennoe obrazovanie: kachestvo, standarty, instrumenty. M.: Market DS, 2009. 330 s.
8. Stankevich E. Yu. K voprosu otsenki kachestva obrazovaniya [Elektronnyi resurs] // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. 2013. № 1. Rezhim dostupa: <http://www.human.snauka.ru/2013/01/2215> (data obrashcheniya: 19.12.2016).
9. Kharchenko K. V. Udovletvorennost': metodologiya i opyt munitsipal'nykh issledovaniy. M.: Al'periya, 2011. 260 s.
10. Sheregi F. E. Obrazovanie kak sotsial'nyi institut: funktsii i disfunktsii // Rossiya reformiruyushchaya: ezhegodnik / otv. red. M. K. Gorshkov. M.: Novyi khronograf, 2015. Vyp. 13. S. 12–36.

Received: January 27, 2017; accepted for publication: February 28, 2017

Reference to the article

Liga M. B., Shchetkina I. A., Tomskikh A. A., Klimenko T. K. An Independent Evaluation of the Quality of Education in the Trans-Baikal Region: First Results // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 98–110. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-98-110.

Надежда Дмитриевна Субботина,
доктор философских наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: dialectica@yandex.ru

Применение суггестии в современных методиках обучения

В статье анализируются различные методики обучения, в которых используется суггестия. Отмечаются положительные моменты применения суггестивного воздействия на обучающихся – и детей, и взрослых. Суггестия является хорошим дополнительным фактором успешности усвоения нового материала в тех случаях, когда не требуется его логический анализ. Однако главное внимание в статье уделяется возможным негативным последствиям данного применения. Автор считает недостаточно обоснованным стремление любыми способами интенсифицировать процесс обучения. Предлагаются аргументы возможного вреда таких методов, как суггестопедия Г. К. Лозанова, «суггестокибернетический» метод В. В. Петрусинского, бихевиоризм Б. Ф. Скиннера и нейролингвистическое программирование М. Гриндера. Подобные методы приводят к интенсификации процесса обучения, однако в статье выражается сомнение в необходимости такой интенсификации. По мнению автора, использование подобных методов, предлагающих управление состоянием обучаемого в процессе обучения, является грубым вмешательством в психику человека, что приводит к трате резервных, жизненно важных возможностей организма. Оспаривается утверждение о том, что данное суггестивное вмешательство является саморегуляцией психического состояния. Утверждается, что подобные методы обучения основаны на принципе обучения «субъект – объект», вместо гуманистического принципа «субъект – субъект». Автор заключает, что использование суггестии может иметь негативные последствия для здоровья человека.

Ключевые слова: обучение, акмеология, суггестопедия, стресс, резервы организма, суггестокибернетический метод В. В. Петрусинского, нейролингвистическое программирование

Вводная часть. Одной из сфер общественной жизни, где используется суггестия, является сфера обучения. Причём на ранних этапах истории суггестия была единственной формой обучения: детей заставляли просто запоминать то, что им говорили, не объясняя логически истинность передаваемой информации. Хотя, конечно же, некоторое объяснение присутствовало, прежде всего, при передаче обыденного знания, но при обучении мифам, обрядам, табу объяснение могло сводиться к утверждениям, подобным тому, что нарушителю табу грозит наказание или даже смерть.

С развитием общества возникает и становится ведущим в процессе образования объяснение и убеждение, основанное на результатах логического мышления. Хотя суггестия продолжает играть большую роль в воспитании и обучении детей младшего возраста, не способных ещё мыслить логически. Однако в последние десятилетия вновь стали предлагаться методики обучения детей и взрослых, основанные на суггестии. Поэтому актуаль-

ным становится анализ этого феномена, способного играть как положительную, так и негативную роль.

Методология и методы исследования. В данной статье применяется авторская методология соотношения социального и естественного в обществе и человеку, так как механизм суггестии имеет естественную форму и социальное содержание. Выявляются диалектические противоречия между положительными и негативными последствиями использования суггестии в процессе образования. Применяется сравнительный анализ различных методик преподавания, использующих суггестию.

Результаты исследования и их обсуждение. В целом в современном процессе образования суггестия является хорошим дополнительным фактором успешности усвоения нового материала. Педагоги продолжают разрабатывать новые методики обучения, многие из которых повышают эффективность обучения. Ряд методик как бы возвращает процесс обуче-

ния к тому, от чего ушли и в онто- и в филогенезе. Например, наглядность обучения в некоторых аспектах возвращает ученика к доцивилизованному типу усвоения информации, когда было задействовано не только мышление, но и большинство органов чувств. А внедрение игровых методов обучения возвращает в дошкольное детство, когда новая информация не навязывалась насильно в рамках формального урока, а запоминалась просто потому, что была интересна. И это очень хорошо: чем меньше насилия, тем легче процесс обучения. Однако насилие может быть завуалировано. Оно бывает не только физическим, но и психическим. И последнее применяется не всегда в негативных целях. Просто обучающие считают, что необходимо постоянно повышать эффективность обучения, а в этом деле все средства хороши.

Некоторые из новых методик предполагают использование суггестии. З. С. Смелкова подробно анализирует личностные качества, которые необходимы учителю, и обобщает: «Прежде всего – такие волевые качества, как настойчивость в достижении цели, самоконтроль, умение управлять речевым событием. Это качества *суггестивные*, означающие способность к внушению, к эмоциональному воздействию на слушателя, умение обращаться не только к его разуму, но и чувству, умение пробудить ассоциации, активизировать работу воображения и фантазии школьника. Это качества *перцептивные* – наблюдательность, умение “читать по лицам”, определять психическое состояние партнёра по внешним признакам – и соответственно реагировать, корректируя своё поведение, меняя *способы воздействия*. Это – *способность к эмоциональному переключению* и к использованию палитры всех эмоциональных средств воздействия. Это – *умение находить и нестандартно использовать речевые средства*, адекватные для решения конкретной учебной задачи, для достижения конкретной коммуникативной цели» [15, с. 75]. Сразу следует уточнить, что второе, третье и четвёртое из выделенных Смелковой качеств, по сути – условия успешности первого – способности к суггестивному воздействию.

Смелкова говорит о школьном образовании, однако суггестию применяют и к обучению взрослых. Здесь необходимо

обратиться к акмеологии, являющейся достаточно новой наукой в рамках психологии развития, идущей, как известно, от видного российского психолога Б. Г. Ананьева¹. Популярность приобретают такие направления акмеологии, как акмеология образования (Н. В. Кузьмина, А. А. Деркач и др.) и педагогическая акмеология (А. А. Бодалев, В. Н. Тарасова и др.), основной целью которых становится интенсификация процесса обучения [6]. При этом исследователи чётко прописывают, что «под *интенсификацией процесса обучения* понимается система технологических приёмов, позволяющих задействовать *резервные возможности* (выделено мной – Н. С.) личности обучаемого для повышения эффективности учебно-познавательного процесса» [5]. То есть, можно сделать вывод, что здесь ставится задача в обычном учебном процессе использовать некий резерв – возможности, которые организм и психика человека сохраняют на случай чрезвычайных ситуаций, в которых стоит выбор между жизнью и смертью.

Поэтому существует необходимость проанализировать современные образовательные методики, попытаться ответить на вопрос: полезны или вредны эти методики для детского и взрослого физического и психического здоровья, попытаться определить, насколько допустимо использование резервных запасов организма, механизм накопления которых выработан длительной эволюцией.

Акмеология в некоторых её современных вариантах близка теории трансгуманизма. Она ставит своей целью изменить естественные характеристики скорости обучения, хотя и без внедрения в генотип человека. Но не представляют ли методики «саморегуляции психического состояния» с помощью суггестии и информационных технологий не меньшую опасность, чем скальпель или другой инструмент сторонника генетического «улучшения» человека? Почему главной целью нашей жизни стала интенсификация всех форм социальных процессов? Почему ребёнок должен получать как можно больше знаний и как можно раньше?

¹ Хотя термин «акмеология» (от древнегр. *акме* – «вершина» и *logos* – «учение») был предложен ещё в 1928 г. Н. А. Рыбниковым как название науки «о развитии зрелых людей».

Понятно, что одной из причин этого является рост конкурентности, так как сокращается объём физического и однообразного видов труда, а в творческой деятельности важно проявить себя как можно раньше. Ребёнок становится «штучным» продуктом родительского воспитания. Телепередачи типа «Минута славы» и «Лучше всех» интересны, но они порождают у многих обычных (то есть, нормальных) детей комплекс неполноценности и стимулируют некоторых родителей загружать своих чад новыми формами занятий, лишая их нормального детства. Кого мы хотим вырастить: личность или функцию, у которой в памяти будет находиться только информация о том, как быстро и качественно сделать что-либо, а не какие-то личные воспоминания, опыт общения со сверстниками, природой, итоги размышлений и т. п.?

Одним из главных элементов интенсификации некоторые исследователи называют суггестию.

Наиболее известным суггестором-практиком был болгарский учёный Г. Лозанов, создавший методику обучения, названную суггестопедией. На этого автора ссылаются все, без исключения, сторонники расширения роли суггестии в образовании. В 1960-е годы XX века Лозанов проводил экспериментальные исследования и обнаружил барьеры, возникающие в процессе усвоения информации. Такие барьеры, приводящие к спаду усвоения, возникали после усвоения 50 новых понятий за одно занятие и после 250. Первый барьер Лозанов назвал «критически-логическим», а второй – «интуитивно-аффективным». Учёный разработал методику преодоления этих барьеров, которую назвал «суггестопедией». Применяя суггестию, игровые формы обучения, определённое сочетание пассивной музыки (медленное барокко) и активной высокочастотной музыки Моцарта, Лозанов добился рекорда – усвоения за одно занятие 1000 новых понятий [7].

Сразу хочется сказать, что такие эксперименты, на мой взгляд, опасны для человека. Сам Лозанов отмечал, что обнаруженные им барьеры предохраняют мозг от перегрузки. Однако, если это так, то зачем же разрушать эти барьеры? Надо признать, что необычные результаты в его эксперименте достигались за счёт траты резервных возможностей организма, истощая тем самым психику и физиологию человека.

Кроме того, если бы опыты Лозанова приносили людям реальную пользу, его метод обучения уже завоевал бы весь мир.

Насколько безопасны его поразительные по успешности способы воздействия на учеников? Юрий Иванец из Новосибирска на своём сайте пишет: «Однако когда через 20 лет была сделана попытка проследить судьбу испытуемых, то выяснилось, что никого из них уже нет в живых. Конечно, сейчас невозможно утверждать, что все эти люди умерли в результате экспериментов Лозанова, как, впрочем, невозможно утверждать обратное. Во всяком случае, это лишний повод задуматься о том, что в обращении с гипнозом необходима осторожность» [4]. Следует, однако, заметить, что степень суггестивного воздействия в экспериментах Лозанова не доходила до гипноза, поскольку ученики не спали во время обучения. Скорее всего, здесь их вводили в транс – когда сознание присутствует, но психическое состояние необычное, как определяют его психологи, изменённое¹. Но предупреждение Иванца об опасности такого воздействия очень актуально.

¹ Понятие транса не получило пока общепризнанного содержания, и его иногда связывают с отсутствием сознания. Например, Л. Ф. Бурлачук даёт два определения транса: «1. Расстройство сознания, проявляющееся автоматическим выполнением сложных актов поведения на протяжении нескольких минут или более длительного времени, без осознания окружающей ситуации и целей своих поступков. Т. наступает и оканчивается внезапно. Воспоминания об этом периоде отсутствуют. Поведение человека при Т. может казаться окружающим упорядоченным, он в состоянии отвечать на простые вопросы, выполнять привычные действия. 2. Диссоциированное состояние (отделение сознания от тела), характеризующееся отсутствием самопроизвольных движений; обычно вызывается под гипнозом или в процессе медитации» [1]. Но в Оксфордском словаре общей медицины утверждается, что транс – это «состояние, характеризующееся ослаблением реакций на окружающие раздражители, несмотря на полное сохранение сознания (выделено мной – Н. С.). Такое состояние может возникнуть в результате гипноза, медитации, кататоники, конверсивного расстройства, приёма некоторых лекарственных веществ (например, психодислептических) или в состоянии религиозного экстаза» [Оксфордский словарь общей медицины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.вокабула.рф/словари/оксфордский-т> (дата обращения: 25.02.2017)]. Опять же, здесь есть противоречие, так как гипноз однозначно, даже, исходя из названия, предполагает сон, который никак не может сопровождаться сохранением сознания. По всей вероятности, создатели этих словарных статей говорят (даже внутри рамок своих статей) о нескольких различных состояниях, но применяют одно понятие – транс. Автор в своей работе принимает определение транса Оксфордского словаря, исключая упоминание о гипнозе.

В настоящее время часто говорят о необходимости интенсификации процесса обучения, для чего изобретаются новые методы. Наиболее заинтересованы в такой интенсификации преподаватели иностранных языков и те, кто изучает эти языки. Обычно за основу берётся методика Лозанова, дополненная современными техническими достижениями. В. В. Петрусинский разработал так называемый «суггестокрибернетический» метод, в котором постарался задействовать и магнитофон, и экран. На одну дорожку магнитофона было записано 1000 английских слов, на другую – синхронный русский перевод. Одновременно на экране обучающийся мог видеть с одной стороны английские слова, а с другой – русский перевод [8]. Думается, что это полезная практика, так как одновременно задействуются разные органы чувств, создаётся обстановка, схожая с нахождением в языковой среде. Однако в методике Петрусинского воздействие оказывается не только на зрение и слух. Авторы методики используют так называемую «психосаморегуляцию состояния по системе аутогенной тренировки».

Что здесь имеется в виду? Перед началом эксперимента его организаторы измерили «показатели суггестивности» испытуемых и выяснили, что примерно 75 % испытуемых этой суггестивностью обладают, способны легко входить в «психоэмоциональное состояние» и поэтому могут обучаться с помощью интенсивных методов. Е. Ю. Кривошеина, описывая данную методику, замечает: «Что касается тех, у кого суггестивность низкая, то благодаря использованию специальных упражнений её можно повысить, освоив тем самым приёмы саморегуляции состояния» [5]. Петрусинский говорит о том, что «управлять состоянием можно с помощью суггестивных речевых сигналов» даже на расстоянии при дистанционном обучении [8]. При создании приёмов саморегуляции были использованы психотерапевтические знания. Под специальную расслабляющую музыку проносился текст, одновременно и успокаивающий, и активизирующий. То есть, суггестивное воздействие было одновременно тормозным и тонизирующим.

Результаты эксперимента поражают своей эффективностью. На третьем этапе испытуемые изучали три словаря: английс-

кий, немецкий и французский, общим объёмом 30 тыс. слов, – и через неделю они могли перевести 15 тыс. слов из предложенных 30 тыс. Было также выяснено, что результат обучения определяется состоянием обучаемого. Кривошеина замечает: «Из этого следует, что необходимо уметь *управлять состоянием обучаемого* (выделено мной – Н. С.) в процессе обучения. Тогда получается и управление усвоением информации, в частности, в таких объёмах, о которых уже была речь» [5]. То есть, предлагается лишать обучаемого качеств субъекта, способного контролировать своё состояние и поведение.

Я думаю, что эволюция создала резервные возможности для того, чтобы молодые особи (в данном случае, люди) могли использовать их, чтобы выжить в экстремальной ситуации за счёт потери продолжительности жизни. Это репродуктивно выгодно для сохранения рода, так как человек способен дать полноценное потомство именно в молодом возрасте, поэтому длительная жизнь не является «целью» биологической эволюции¹. В ситуации с интенсивным обучением резервы тратятся не на сохранение жизни в экстремальной ситуации, а для усвоения информации, которая, конечно, полезна, но не является критически необходимой для выживания.

Можно предположить, что в этом кроется и причина потери суперспособностей во взрослом возрасте большинством вундеркиндов, которые, возможно, интуитивно обнаруживают способы тратить на своё развитие все психические силы, не создавая резервов. Возможно, родителям следует сдерживать их развитие, а не подстёгивать его в угоду собственным амбициям. Хотя это всего лишь предположение, а экспериментально проверить его невозможно по этическим причинам.

Конечно, я не утверждаю, что суггестию необходимо полностью удалить из процесса обучения. Да это и невозможно. Она полезна во всех случаях, когда нет необходимости логически объяснять передаваемую информацию. И условия, создающие комфортную обстановку процесса обучения, способствуют его успешности. Полезна во многих случаях и игровая форма обучения. Однако, как и везде, необходимо соблю-

¹ Для социальной же эволюции увеличение продолжительности жизни – одна из важнейших целей.

дать меру. Полный перевод на суггестивный способ обучения, когда преподаватель полностью управляет процессом усвоения информации, лишает ученика личностных качеств. Можно ли считать саморегуляцией психического состояния ситуацию, когда психотерапевт читает установки на расслабление и т. п. В данной ситуации человек входит в транс не по собственной воле, а подчиняясь психотерапевтическим приемам, что свидетельствует о том, что к нему применяется психическое насилие. Помимо всего прочего, здесь нарушается принятая на данный момент норма, что обучение должно быть процессом «субъект–субъект», а не «субъект–объект». Иначе мы никогда не получим личность, обладающую качествами субъекта.

Кроме всего прочего, научная этика утверждает, что эксперименты на людях недопустимы. Некоторые испытания (в основном лечебных средств и технологий) разрешены, но к ним предъявляются жёсткие условия – прежде всего, согласие испытуемого, информирование его о возможных последствиях, фиксирование его состояния во время эксперимента, выявление отдалённых последствий и т. д. В данном случае речь идёт о попытке внедрения технологий обучения, связанных со значительным воздействием на организм человека, в том числе, на его психику, последствия которого для человека неизвестны. Известно только то, сколько единиц информации усваивает человек в результате применения таких технологий. А что происходит в его организме на физическом, химическом и биотическом уровнях, как реагирует на такое грубое внедрение его психика – неизвестно¹.

Кривошеина считает, что при традиционном обучении превышение нагрузки сверх защитных барьеров вызывает стресс, а новая технология позволяет его избежать: «Преодоление этих барьеров без стресса возможно, если учебная информация предъявляется в необычной форме: на высоком уровне эмоций, в развлекательной игровой форме, с использованием неосознаваемых видов психической деятельности и с использованием акмеологических методик управления состоянием» [5].

¹ В психологии подобные эксперименты называются «чёрным ящиком», когда известно, что «на входе» и что «на выходе», а что происходит внутри – загадка.

Однако, что такое стресс и его особо опасное проявление, называемое дистрессом? Это ведь не только следствие физической и эмоциональной перегрузки, но и сигнал об этой перегрузке. Таким образом, стресс – этот способ сохранить резервные силы, так как, возникая, он вынуждает человека выйти по возможности из стрессовых условий. В данном случае – отказаться от подобных методов обучения. Если человек не ощущает стресса, это не значит, что в его организме не происходит никаких негативных процессов. Думается, что стресс, как и боль – сигнал об опасности. Боль возникает при внешних или внутренних воздействиях на тело, приводящих к нарушению телесных функций, а стресс, вероятно, – при воздействии не только на тело, но и на психику. Следовательно, он возникает и при получении человеком такого объёма информации, который человек не в силах усвоить. Механизм стресса включается тогда, когда истощается запас (не резервных, а пока ещё обычных) физических и психических сил для реагирования на чрезмерные внешние воздействия. А дистресс, возможно, – тогда, когда заканчиваются уже резервные запасы. При некоторых генетических нарушениях человек не ощущает боли и может погибнуть от травмы, о которой организм его не проинформировал. Так и здесь: снимая стресс и продолжая бесконтрольно воздействовать на организм обучаемого и его психику, «педагоги» создают риски для его здоровья, а, возможно, и жизни.

Ещё одним способом обучения, связанным с суггестией, является *гипнопедия*. Следует отметить, что такой метод обучения известен с древности. Он использовался буддийскими священниками в Китае, йогами в Индии и, возможно, не только ими. В 1930-х годах XX века отечественный учёный А. М. Свядоц лечил при помощи гипнотического сна психические заболевания, а также анализировал возможности гипнотического сна для обучения [11]. При этом Свядоц выявил, что общаться с человеком можно не только во время гипнотического, но и во время естественного сна. Поскольку наладить контакт с человеком во время естественного сна сложнее, Свядоц разработал свою методику: днём он внушал пациенту, что «ночью он будет спать, не просыпаясь, но сквозь сон услышит сигнал

(счёт до 12) и далее слова внушения. Ночью включается магнитофон с записью голоса врача. Больной слышит сигнал (счёт до 12) и далее фразы: «Спите глубже, не просыпайтесь... Дыхание ровное, спокойное... Засыпайте всё глубже и глубже...». Затем следуют слова лечебного внушения. В заключение больному внушается, что он будет продолжать спать глубоким сном»¹.

Свядош показывал, что отличие гипнопедии от гипнотерапии состоит в том, что «для целей обучения во время сна (гипнопедии) очень важно, чтобы воспринятое не подвергалось амнезии, т. е. чтобы по пробуждении человек мог вспомнить воспринятое во время сна»².

Современная гипнопедия не добилась особых успехов. Всё же запоминание во время гипнотического сна происходит, при этом оно зависит от многих условий: от особенностей как обучаемого (его возраста, типа памяти), так и от интонации гипнотизёра, а также от обстановки сеанса. Всё это не даёт гарантии успешности данного метода, однако попытки распространить его не оставляются.

Современный анализ гипнопедии (ГП) и гипнопедического сна (ГПС) представлен в статье О. В. Гордеевой. Она пришла к выводу, что «ГПС – это особый, направленно формируемый вид сна (отличающийся от обычного сна), во время которого человек способен воспринимать и запоминать предъявляемую информацию. ГПС можно отнести к “высшим” ... ИСС³ вследствие его (1) социального происхождения, (2) произвольности (он формируется не стихийно, а произвольно и направленно) и (3) опосредованности предварительно созданной установкой на восприятие и сохранение информации» [2, с. 99].

Гордеева поднимает также вопрос об опасности, или безопасности гипнопедии, и не находит однозначного ответа: «Мы пока не знаем, не возникает ли при фор-

мировании ГПС интерференция⁴ прежних функций с новыми и что происходит в этом случае – перестройка прежних функций или нарушение работы и старых, и новых. Мы предполагаем, что если ГП интерферирует с какими-либо сложившимися функциями сна, то её безвредность снижается (в частности, нарастает её утомляющее воздействие)» [Там же, с. 100]. То есть, здесь мы видим то же самое явление «чёрного ящика». Гордеева надеется, что благодаря изучению функций и механизмов сна будут выявлены «границы возможного вмешательства в его функционирование» и сон будет изменён так, чтобы стал способным выполнять «дополнительные функции» [Там же, с. 101]. Однако она не отвечает на естественно возникающий вопрос: зачем это надо? Получается, что социальная сторона жизни заполнила почти всё бодрствующее время человека, теперь она покушается на его сон. Я уверена, что функции естественного сна, ввиду сложности их изучения, обнаружены ещё далеко не все. Поэтому попытки заменить эти функции на «дополнительные» могут иметь негативные последствия. Кроме того, и сам по себе гипнотический сон может иметь негативные последствия, что на практике доказано. Он может вызвать обморок, судорожные припадки, истерию. Об этом пишет, к примеру, практикующий психотерапевт А. П. Слободяник [14]. Поэтому я считаю, что такой метод обучения нельзя признать не только эффективным, но и полезным. Другое дело – гипнотерапия, при применении которой возможные негативные последствия не перевешивают обнаруженного положительного эффекта.

Методы гипнопедии были достаточно популярны в 1950-х – начале 1960-х годов XX века, но, как и методика Лозанова, не получили всеобщего распространения. Это говорит о том, что обучение человека должно опираться на разум, а не на подсознание. Хотя огромное количество информации воспринимается нашим мозгом, минуя сознание, её анализ, осмысление предполагают включение логического мышления.

¹ Психоэнергосуггестолог – профессия будущего [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gorodnaneve.com/books.htm> (дата обращения: 10.12.2016).

² Там же.

³ Гордеева разделяет изменённые состояния сознания (ИСС) на высшие (культурно обусловленные) и низшие – «натуральные» изменения сознания, случайно возникающие в результате дезорганизации обычного состояния сознания.

⁴ Интерференция – от фр. «мешать друг другу». В психологии памяти интерференция появляется при обучении, когда происходит взаимодействие между новым материалом и уже имеющимися воспоминаниями. В социальной психологии данное понятие обозначает конфликт, возникающий между противоположными эмоциями, ценностями, мотивами.

Физиологический механизм внушения до сих пор остаётся загадкой, хотя некоторые аспекты его исследованы специалистами. Поэтому очень вероятна опасность новых вариантов нестандартного применения суггестии для развития способностей. В интернете пропагандируется так называемая «психоэнергосуггестия», определяемая как «бессловесная форма взаимодействия человека с живой и неживой материей на уровне индивидуума, общества, околоземного пространства». Более того, утверждается, что возможно взаимодействие «через энергоинформационное поле на уровне человека, общества, околоземного пространства, ноосферы, вселенной», которое обозначено как «космопсихоэнергосуггестия». Один и тот же текст, описывающий данную «науку», опубликован на разных сайтах. В этом тексте утверждается, что «психоэнергосуггестолог – профессия будущего»¹.

Авторы данных публикаций ссылаются на некоторые исследования, не уточняя, в чём они заключались, где, когда и кем они проводились. Поэтому трудно сказать, действительно ли при этом происходит «концентрированный выброс энергии в виде луча определённой частоты», который открывает «шлюз из сознания в подсознание» и тому подобное. В то же время, нельзя исключить, а, вернее, можно сказать однозначно, что при подобных экспериментах над людьми суггестивное воздействие происходит, и оно ведёт к значительным физиологическим изменениям, что, действительно, может способствовать развитию способностей, а может и существенно навредить.

Ещё одним способом обучения, применяющим суггестию, является методика, разработанная необихевиористом Берресом Фредериком Скиннером. Учёный создал теорию так называемого «оперантного» (от слова «операция») научения. Он утверждал, что организм приобретает новые реакции посредством того, что сам их подкрепляет. Затем эти реакции может вызвать внешний стимул [12].

Скиннер ссылается на своего предшественника Эдуарда Ли Торндайка. Торндайк ещё в конце XIX века опубликовал работу

«Ум животных», где описывал свои так называемые «проблемные ящики» – различные устройства, из которых животные должны выходить. Сам по себе выход был, по словам учёного, «подкреплением рефлекса». Таким образом, животные обучались, как выяснил Торндайк, методом «проб, ошибок и случайного успеха».

Вначале Скиннер исследовал поведение животных, используя те же самые проблемные ящики и получив при этом интересные результаты. Затем, исходя из определённой тождественности механизмов поведения животных и человека, он распространил свои воззрения на психотерапию и обучение в школе, создал теорию программированного обучения.

Бихевиористы и необихевиористы создали схему формирования человека, что, как отмечает С. Степанов «реально означает выработку “правильных” реакций и устранение “неправильных”». При этом процесс социализации и собственно научения трактуется как опробование различных подходов, пока окончательно не закрепится. Особое значение в этой связи приобрела идея позитивного и негативного подкрепления той или иной реакции в качестве необходимого фактора формирования поведения»².

Недостаточный учёт специфики человека даёт возможность отнести теорию Скиннера к механицизму. Скиннер одновременно получил огромную популярность в США и не меньшую критику, особенно со стороны гуманистической психологии. Эрих Фромм писал: «Психология Скиннера – это наука манипулирования поведением; её цель – обнаружение механизмов “стимулирования”, которые помогают обеспечивать необходимое “заказчику” поведение» [16]. Очень много нареканий получил Скиннер от психологов и педагогов гуманистической ориентации.

Но существует и иная оценка теории Скиннера. С. Степанов отмечает: «Создаётся впечатление, что с работами бихевиористов мало кто из критиков по-настоящему знаком»³. Сам Скиннер подходил к процессу обучения с достаточно гуманистических позиций. Он считал, что эффективность наказания вызывает сомнение, а наиболее

¹ Психоэнергосуггестолог – профессия будущего [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gorodnaneve.com/books.htm> (дата обращения: 10.12.2016).

² Степанов С. Популярная психологическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2003. – С. 97.

³ Там же. – С. 98.

действенным способом, напротив, является поощрение [13]. Происходит это потому, что формы поведения, за которые следует наказание, не исчезают, они появляются вновь в замаскированном виде. Скиннер писал, что «тюрьма – прекрасная модель, демонстрирующая неэффективность наказания. Если заключённый ничему не научился, то нет никакой гарантии, что в той же среде с теми же соблазнами он будет вести себя по-другому»¹. Что касается школьного обучения, то здесь Скиннер сделал необычный, но правильный вывод о поведении учителя, предпочитающего наказание. Вследствие того, что наказание со стороны учителя делает учеников более внимательными, такое поведение является для учителя положительным подкреплением, и он будет постоянно применять наказание. Как отмечает Степанов, «если опустить формулировку “контроль за поведением”, то даже не верится, что эти слова принадлежат “без пяти минут фашисту”, которого вот уже полвека отчаянно поносят полчища гуманистически настроенных психологов, педагогов и публицистов»².

Таким образом, бихевиоризм и необихевиоризм признают необходимость контроля за поведением и манипуляцию им, но по своей сути – это внесуггестивная манипуляция. Конечно, при реализации такого подхода без суггестии не обходится, но сама теория, как уже говорилось, механистична, она просто не учитывает роли человеческой (социально окрашенной) психики в процессе не только обучения, но и общения вообще. Кроме того, несмотря на предпочтение Скиннером поощрения в противовес наказанию, его теория, действительно, антигуманна, так как основывается на принципе обучения «субъект – объект», как и рассмотренная выше суггестоконструктивная методика.

Остановимся кратко на проблеме применения НЛП в обучении. Одна из основных идей основателей данного направления показывает способ решения давно назревшей проблемы индивидуального подхода к детям. Хотя на теоретическом уровне с этим уже никто не спорит, большинство учителей предъявляют к детям одинаковые требования. И причина этого не сводится

к нежеланию учителей – хорошей методики индивидуального подхода ещё не создано. М. Гриндер для создания индивидуального подхода предлагает делить детей на три основные группы в соответствии с тем, какие способности к обучению у них наиболее развиты: визуальные, аудиальные и кинестетические. К ним добавляется деление на лево- и правополушарных. При этом, как верно замечает Гриндер, многие дети относятся к смешанным типам способностей. Хотя такой принцип обучения ещё не является индивидуальным, можно условно назвать его «узкогрупповым» – он позволяет учитывать большую часть способностей обучаемых.

Возможно, несколько преувеличивая заслуги своей теории, Гриндер заявляет: «НЛП представляет собой точную модель восприятия, опыта, стратегии мышления» [3, с. 7]. Он разработал методы обучения учеников, относящихся к разным типам способностей.

Не вдаваясь в подробности теории нейролингвистического программирования, попробуем провести анализ данной методики лишь с позиции роли в ней суггестии (положительной или отрицательной).

1. По мнению Гриндера, учитель должен ещё до начала обучения «установить раппорт с собеседником (“присоединение” к его внутренней организации, состоянию)». Для этого учитель должен копировать особенности речи ученика, выражение его лица и его жесты. «Цель раппорта в том, что чем лучше раппорт, тем более ресурсным становится состояние другого человека» [Там же, с. 40]. Всё это показывает, что НЛП основано на суггестии. Отражение внешних проявлений психофизиологии человека (в данном случае – ребёнка) заставит его почувствовать вашу принадлежность к его группе. Возрастает доверие – основа коллективной суггестии. А само понятие «раппорт» – одно из важнейших в технике гипноза – связь субъекта гипноза с объектом. Гриндер его определяет, как «присоединение человека к миру другого» [Там же, с. 42].

2. Гриндер даёт дополнительные советы, как установить раппорт с «трудноуправляемыми» учениками. Один из советов такой: «В ситуации обучения и переобучения “приправьте” свою речь словами, фразами из интересных для учеников областей, чтобы сохранить их внимание». Это тоже

¹ Степанов С. Популярная психологическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2003. – С. 98.

² Там же. – С. 98–99.

суггестивный метод и, более того, метод скрытой манипуляции. Учитель при этом обманывает ученика, изображая из себя представителя его референтной группы, чтобы повысить его внушаемость. Возможно, для «трудноуправляемых» детей такой метод и будет в чём-то полезным, но для формирования у ребёнка качеств субъекта более предпочтительными являются честные отношения.

3. Гриндер, как и Скиннер, отмечает, что «позитивное подкрепление (поощрение, так называемое “поглаживание”) часто даёт лучший эффект в дисциплинировании, чем негативное подкрепление (выговор)» [Там же]. Здесь высказывается в целом здравая мысль о большей эффективности поощрения, чем наказания. И ласка ребёнку необходима. Только необходимо уточнить, что такая форма отношения также преследует цель манипуляции поведением ребёнка. Этот однозначно суггестивный приём используется, к примеру, в деструктивных сектах, где все поглаживают друг друга и в прямом, и в переносном смысле. Конечно, поощрение лучше наказания, но наказание из воспитания, на мой взгляд, полностью удалять нельзя. Речь не идёт о физическом наказании, или психологическом давлении. Просто ребёнок должен знать, в каких случаях окружающие недовольны его поведением. Для ребёнка, воспитываемого в любви, уже выражение недовольства старшими будет наказанием. Кстати, термин «подкрепление» сторонников бихевиоризма и НЛП слишком уж напоминает дрессировку животных.

Поэтому по поводу использования НЛП в обучении и воспитании можно сделать такой вывод: несмотря на явную, как видно из

текста книги Гриндера, любовь к детям, несмотря на большую успешность этого метода, он страдает недостатками. Во-первых, общение учителя и ученика в нём построено на принципе «субъект – объект», тогда как гуманизм требует отношений «субъект – субъект». И, во-вторых, обучение сводится не к логическому объяснению, развивающему способности ребёнка, а к «натаскиванию» на определённые знания и умения.

Заключение. Итак, суггестия может быть хорошим дополнительным фактором успешности обучения в случае, если не нарушаются естественные формы усвоения нового материала, когда педагог объясняет урок, используя при этом мягкое внушение. В свою очередь, успешности суггестии способствует доброжелательная атмосфера, включение в обучение не только мышления, но также слуха и зрения. Особенно велика роль суггестии в обучении дошкольников и младших школьников, не обладающих ещё развитой логикой для усвоения сложного материала. В дальнейшем от суггестии желательно отказаться, оставив её в процессе не обучения, а воспитания. Основной упор в обучении должен делаться на объяснение и логическое убеждение. Применение суггестии в таких методах, как суггестопедия, «суггестоконвергентный», гипнопедия, нейролингвистическое программирование и тому подобное, которые приводят к неконтрольному вмешательству в психику человека, опасно. Эти методы способны интенсифицировать процесс обучения, однако приводят к трате резервных, жизненно важных возможностей организма, а это, скорее всего, вредит здоровью обучающихся.

Список литературы

1. Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.insai.ru/slovar/trans> (дата обращения: 25.02.2017).
2. Гордеева О. В. Трансформация сна во время гипнопедического воздействия // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2016. № 2. С. 88–106.
3. Гриндер М., Лойд Л. НЛП в педагогике. М.: Ин-т общенац. исслед., 2001. 307 с.
4. Иванец Ю. Психологические консультации и психотерапия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.psiholog.novosibirsk.ru/metodyi-psihoterapii/gipnoz> (дата обращения: 22.02.2017).
5. Кривошеина Е. Ю. Технология интенсификации процесса обучения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.intensiv.narod.ru/obzor.doc> (дата обращения: 24.02.2017).
6. Кузьмина Н. В., Пожарский С. Д., Паутова Л. Е. Акмеология качества профессиональной деятельности специалиста. СПб.; Коломна; Рязань: Изд-во Рязан. обл. ин-та развития образования, 2008. 375 с.
7. Лозанов Г. К. Суггестопедия при обучении иностранным языкам // Методы интенсивного обучения иностранным языкам. М., 1973. Вып. 1. С. 9–17.

8. Петрусинский В. В. Суггестокрибернетический интегральный метод ускоренного обучения // Методы интенсивного обучения иностранным языкам. М.: Изд-во МГПИИЯ им. Мориса Тореза, 1977. Вып. 3. С. 111–121.

9. Петрусинский В. В. Интенсивное дистанционное обучение (акмеологический подход к совершенствованию системы электронного обучения) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.intensive.ucoz.ru/art1.htm> (дата обращения: 25.02.2017).

10. Свядоц А. М. Неврозы и их лечение [Электронный ресурс]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медицина, 1971. 451 с. Режим доступа: <http://www.вседуховное.рф/свядоц-а-м-неврозы-и-их-лечение> (дата обращения: 25.02.2017).

11. Свядоц А. М. К истории гипнопедии // Вопросы психологии. 1965. № 3. С. 147–149.

12. Скиннер Б. Ф. Оперантное поведение [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.modernlib.ru/books/skinner_berges/operantnoe_povedenie/read/ (дата обращения: 13.03.2017).

13. Скиннер Б. Ф. Поведение организмов: пер. с англ. М.: Оперант, 2016. 368 с.

14. Слободяник А. П. Нежелательные последствия гипноза и противопоказания к нему [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.medicus.ru/psychiatry/specialist/nezhelatelnnye-posledstviya-gipnoza-i-protivopokazaniya-k-nemu-21803.phtml> (дата обращения: 25.02.2017).

15. Смелкова З. С. Педагогическое общение. Теория и практика учебного диалога на уроках словесности. М.: Флинта: Наука, 1999. 232 с.

16. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.thelib.ru/books/fromm_erih/anatomiya_chelovecheskoy_destruktivnosti-read.html (дата обращения: 22.02.2017).

Статья поступила в редакцию 19.03.2017; принята к публикации 15.04.2017

Библиографическое описание статьи

Субботина Н. Д. Применение суггестии в современных методиках обучения // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 111–121.

Nadezhda D. Subbotina,
Doctor of Philosophy, Professor,
Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: dialectica@yandex.ru

Suggestion Usage in Modern Teaching Methods

This article analyzes various teaching methods that use suggestion and notes some positive aspects of the use of suggestive influence on students, both children and adults. Suggestion is a good additional factor for the success of mastering a new material in cases where its logical analysis is not required. However, the main attention in the article is given to possible negative consequences of this application. The author considers insufficiently justified the desire to intensify the learning process by any means and offers some arguments of possible harm caused by such methods as the "Suggestopedia" of G. K. Lozanov, the "Suggestocybernetic" method of V. V. Petrusinsky, the behaviorism of B.F. Skinner and the neurolinguistic programming of M. Grinder. Such methods lead to an intensification of the learning process, but the article expresses doubts about the need for such an intensification. In the author's opinion, the use of such methods, which offer management of the trainee's state of learning, is a gross interference in the human psyche, which leads to a waste of reserve, vitally important capabilities of the organism. The claim is contested that this suggestive intervention is a self-regulation of the mental state. It is argued that such teaching methods are based on the principle of learning "subject-object", instead of the humanistic principle "subject-subject". The author concludes that the use of suggestion can have negative consequences for human health.

Keywords: training, acmeology, suggestopedia, stress, body reserves, V. V. Petrusinsky's suggestocybernetic method, neuro-linguistic programming

References

1. Burlachuk L. F. Psikhodiagnostika [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.insai.ru/slovar/trans> (data obrashcheniya: 25.02.2017).

2. Gordeeva O. V. Transformatsiya sna vo vremya gipnopedicheskogo vozdeistviya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya. 2016. № 2. S. 88–106.
3. Grinder M., Loid L. NLP v pedagogike. M.: In-t obshchenats. issled., 2001. 307 s.
4. Ivanets Yu. Psikhologicheskie konsul'tatsii i psikhoterapiya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.psiholog.novosibirsk.ru/metodyi-psihoterapii/gipnoz> (data obrashcheniya: 22.02.2017).
5. Krivosheina E. Yu. Tekhnologiya intensivatsii protsessa obucheniya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.intensiv.narod.ru/obzor.doc> (data obrashcheniya: 24.02.2017).
6. Kuz'mina N. V., Pozharskii S. D., Pautova L. E. Akmeologiya kachestva professional'noi deyatel'nosti spetsialista. SPb.; Kolomna; Ryazan': Izd-vo Ryazan. obl. in-ta razvitiya obrazovaniya, 2008. 375 s.
7. Lozanov G. K. Suggestopediya pri obuchenii inostrannym yazykam // Metody intensivnogo obucheniya inostrannym yazykam. M., 1973. Vyp. 1. S. 9–17.
8. Petrusinskii V. V. Suggestokiberneticheskie integral'nyi metod uskorenogo obucheniya // Metody intensivnogo obucheniya inostrannym yazykam. M.: Izd-vo MGPIIYa im. Morisa Toreza, 1977. Vyp. 3. S. 111–121.
9. Petrusinskii V. V. Intensivnoe distantsionnoe obuchenie (akmeologicheskii podkhod k sovershenstvovaniyu sistemy elektronnoho obucheniya) [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.intensive.ucoz.ru/art1.htm> (data obrashcheniya: 25.02.2017).
10. Svyadoshch A. M. Nevrozy i ikh lechenie [Elektronnyi resurs]. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Meditsina, 1971. 451 s. Rezhim dostupa: <http://www.vsedukhovnoe.rf/svyadoshch-a-m-nevrozy-i-ikh-lechenie> (data obrashcheniya: 25.02.2017).
11. Svyadoshch A. M. K istorii gipnopedii // Voprosy psikhologii. 1965. № 3. S. 147–149.
12. Skinner B. F. Operantnoe povedenie [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.modernlib.ru/books/skinner_berres/operantnoe_povedenie/read/ (data obrashcheniya: 13.03.2017).
13. Skinner B. F. Povedenie organizmov: per. s angl. M.: Operant, 2016. 368 s.
14. Slobodyanik A. P. Nezhelatel'nye posledstviya gipnoza i protivopokazaniya k nemu [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.medicus.ru/psihiatry/specialist/nezhelatelnnye-posledstviya-gipnoza-i-protivopokazaniya-k-nemu-21803.phtml> (data obrashcheniya: 25.02.2017).
15. Smelkova Z. S. Pedagogicheskoe obshchenie. Teoriya i praktika uchebnogo dialoga na urokakh slovesnosti. M.: Flinta: Nauka, 1999. 232 s.
16. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.thelib.ru/books/fromm_erih/anatomiya_chelovecheskoy_destruktivnosti-read.html (data obrashcheniya: 22.02.2017).

Received: March 19, 2017; accepted for publication: April 15, 2017

Reference to the article

Subbotina N. D. Suggestion Usage in Modern Teaching Methods // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 111–121.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL AND APPLIED RESEARCH

УДК 316.3

DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-122-128

Виктория Николаевна Лаврикова¹,

кандидат социологических наук,

Забайкальский государственный университет

(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),

e-mail: victoriy.lavric@mail.ru

Светлана Александровна Михайловская²,

старший преподаватель,

Забайкальский государственный университет

(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),

e-mail: alecru77@mail.ru

Вторичная занятость студенческой молодежи Забайкальского края

В статье дано понятие «вторичная занятость студенческой молодежи», представлены результаты социологического исследования вторичной занятости данной категории молодежи, в ходе чего были изучены желание студентов работать, основные трудности при поиске работы, сферы деятельности, в которых студенческая молодежь находит себе работу, основные мотивы занятости студентов, каналы трудоустройства и успешность совмещения работы и учёбы студенческой молодежи. Методологической базой исследования стало положение о том, что студенчество является специфической социальной группой, которая обладает «промежуточным» статусом и находится на этапе жизненного самоопределения. Проведённое исследование показало, что вторичная занятость студенческой молодежи является достаточно распространённым явлением. Студентов, не желающих работать, очень мало. В основном студенты трудятся в области торговли. Мотивы трудовой занятости как у работающих студентов, так и у неработающих схожи: на первом месте стоит желание иметь личные деньги. В трудоустройстве студентов доминируют родственники и взрослые знакомые, родители, друзья и сверстники, объявления в СМИ. По мнению студентов, сфера занятости и специальность, получаемая в вузе, должны совпадать. Этому может способствовать производственная практика, а также деятельность созданных в вузах структур по трудоустройству и содействию занятости студентов.

Ключевые слова: студенческая молодежь, вторичная занятость, рынок труда, мотивация, каналы трудоустройства

---

¹ В. Н. Лаврикова – основной автор, разрабатывает концепцию статьи, формулирует выводы, обобщает итоги коллективного проекта.

² С. А. Михайловская является организатором исследования.

Вводная часть. В последние десятилетия во многих странах наблюдается рост вторичной занятости студенческой молодёжи. Вторичная занятость трактуется современными исследователями как «наличие дополнительной легитимной работы (доходного занятия) у лиц, имеющих основную работу (занятие)» [4, с. 335]. Под студенческой вторичной занятостью понимается занятость студента в течение учебного года, осуществляемая наряду с получением образования, при которой он выполняет различные виды оплачиваемых работ [8, с. 251].

В современной студенческой среде процесс совмещения профессионального обучения в высших образовательных учреждениях и оплачиваемой трудовой деятельности уже не является редкостью. По данным социологического исследования, проведённого Д. Л. Константиновским, Г. А. Чередниченко и Е. Д. Вознесенской, среди учащихся вузов России доля работающих и потенциально готовых работать студентов к четвёртому курсу обучения достигает 88,5 % [6, с. 497]. Согласно исследованиям ведущих социологических организаций страны, таких как «Левада-центр» и «Фонд общественного мнения», рынок вторичной занятости постоянно пополняют молодые люди. Это означает, что данный вид занятости всё больше становится источником значимой части личных доходов студенчества, которое выступает основным социальным и трудовым потенциалом любого государства.

Ведущими причинами совмещения профессионального обучения и трудовой деятельности являются снижение уровня жизни населения в целом, рост безработицы, включая молодёжную, доминирование платного профессионального образования, уменьшение размеров стипендий и т. п. Названные социальные причины приводят к появлению разнообразных форм вторичной занятости среди студентов как на территории современной России, так и на территории Забайкальского края. При этом наблюдается растущее рассогласование между активным желанием студентов найти работу и теми предложениями, которые поступают со стороны рынка труда¹.

Методология и методы исследования. Авторами в процессе реализации

цели исследования были проанализированы теория поведения человека на рынке труда Г. Зиммеля, типология социального действия М. Вебера, теория престижного потребления Т. Веблена, модели человеческих потребностей А. Маслоу. В качестве базового концептуального положения, имеющего методологическое значение для работы, было выбрано представление современных социологов о том, что студенчество является специфической социальной группой, которая обладает «промежуточным» статусом и находится на этапе жизненного самоопределения. Данная социальная группа формирует мотивы своего выбора жизненно-стилевых стратегий и закладывает основы своей конкурентоспособности [3, с. 6]. В разработке методологии прикладного исследования и инструментария использовались труды В. Ядова, Е. Ярской-Смирновой, И. Шмерлиной, а также учёных Института социологии РАН Е. Вознесенской, Д. Константиновского, Г. Чередниченко.

Основной метод исследования – анкетирование. Объём генеральной совокупности составил 36,6 тыс. студентов. Выборочная совокупность – 380 чел., из них 59,4 % девушек и 40,6 % юношей. Пропорционально стратам в генеральной совокупности выборка была представлена студентами 10 образовательных учреждений г. Читы. Соотношение студентов гуманитарных и технических специальностей составило 70/30.

Результаты исследования. Полученные данные позволили сформировать обобщённый портрет студента с позиции его участия и желания участвовать в трудовой деятельности. Анализ состояния и особенностей вторичной занятости забайкальской студенческой молодёжи может способствовать формированию основных направлений управленческих воздействий, реализация которых будет способствовать совершенствованию процесса управления деятельностью в этой сфере.

Обсуждение результатов исследования. В ходе проведённого исследования мы выяснили, что четверть опрошенных студентов (24,1 %) – это студенты, сочетающие учёбу и работу, ещё 66,2 % – желают работать. В общей сложности доля работающих и потенциально готовых работать студентов составила 90,3 %.

¹ Молодёжь в России. 2010: стат. сб. / Юнисеф; Росстат. – М.: Статистика России, 2010. – 166 с.

Основные причины, по которым студенты не сочетают работу и учёбу, представлены в табл. 1.

Таблица 1
Причины, по которым студенты не работают (доля от общего числа неработающих студентов)

Рейтинг	Причина	Частота, %
1	Считаю, что работа не совместима с полноценной учёбой	37,5
2	Не могу найти работу	36,5
3	Не могу найти работу за такие деньги, которые меня бы устраивали	25,6
4	Родители, родственники против	18,7
5	Не могу найти подходящую работу по специальности	11,1
6	Нет материальной необходимости	11,1
7	Нет опыта, параллельно получаю второе высшее образование, нет подходящей работы не по специальности	8,1
8	Не хочу	6,6
9	Администрация вуза (факультета) недовольна, если студенты работают	5,3
10	Не позволяет здоровье	2,5

Как видно из приведённых данных, многие неработающие студенты считают, что, получая полноценное высшее образование, невозможно параллельно работать. Это подтверждается и ответами респондентов на вопрос «С какими трудностями Вы сталкиваетесь при поиске работы?». У 38,7 % опрошенных молодых людей трудности при поиске работы возникают из-за напряжённой учёбы; 31,6 % опрошенных отмечают отсутствие опыта. Не могут найти работу, которая бы заинтересовала, – 20,5 % респондентов; 8,4 % опрошенных не знают, как найти работу; 3,0 % в качестве основной трудности при поиске работы отмечают неуверенность в себе и своих силах.

Большинство опрошенных студентов (из числа работающих) начали свою трудовую деятельность со второго курса обучения в вузе (56,7 %). Причём 62,3 % от

общего числа респондентов до поступления в вуз не работали; 23,7 % студентов работали, обучаясь в средней школе; 9,0 % опрошенных работали между получением среднего образования и поступления в вуз; 4,4 % – учась в ПТУ, техникуме.

Сферы деятельности, в которых студенты находят себе работу, чрезвычайно разнообразны. Для удобства мы разделили их на две группы:

– группа 1: деятельность интеллектуального содержания (финансы, аудит, производство, программирование, связь, журналистика, маркетинг, образование, наука, репетиторство, социологические опросы и т. д.);

– группа 2: неквалифицированная деятельность в сфере обслуживания (торговля, посредничество, общественное питание, досуг, ремонт, секретарская работа, курьерская работа, охрана, автосервис, погрузка-разгрузка).

Соотнося полученные результаты с этими двумя группами, мы выяснили, что доля занятых в сферах интеллектуального труда составила 47,7 %, а занятых неквалифицированным трудом – 52,3 %. Более детальное представление о распределении работающих студентов по видам деятельности представлено в табл. 2.

Таблица 2
Распределение сфер вторичной занятости студентов (доля от общего числа работающих студентов)

Рейтинг	Сфера трудовой деятельности	Частота, %
1	Торговля, посредническая и снабженческая деятельность, оптовая торговля	23,2
2	Транспорт, автосервис, погрузо-разгрузочные работы	11,2
3	Программирование, информационно-техническое обслуживание, телекоммуникация, связь	10,4
4	Реклама, маркетинг	8,8
5	Ресторанный бизнес и общественное питание, сфера бытового обслуживания	8,0
6	Строительство и ремонт	7,2
7	Развлечения, досуг, спорт, мода	6,4

8	Финансы, кредит, бухгалтерия, аудит	5,6
	Делопроизводство, секретарская деятельность, работа курьера	5,6
9	Здравоохранение	4,8
	Образование, воспитание (работа няни, домработницы, гувернантки, сиделки), репетиторство	4,8
10	Производство	3,2
	Другое	3,2
11	Охрана, безопасность	2,4
12	СМИ, издательская деятельность, журналистика	0,8
	Научно-исследовательская, проектно-конструкторская деятельность	0,8

Как видно из таблицы, большая часть студентов работают в торговле. Это объясняется потребностью в энергичных работниках на таких типичных для этой отрасли позициях, как торговые представители, агенты, продавцы. Студент активен и более других ориентирован на новизну решений, в том числе и по привлечению дополнительных клиентов. Кроме того, именно в этой сфере многие работодатели предпочитают брать людей на работу, не заключая с ними трудовых договоров, и студенты на эти условия чаще всего соглашаются. Как показали результаты исследования, примерно одинаковое количество студентов работают на постоянной (31,2 % работающих студентов) и временной (32,8 %) основе. Работают по частной договорённости 18,4 % опрошенных респондентов и лишь 3,2 % – по контракту.

Анализируя данные о мотивах занятости работающих и неработающих студентов, мы выявили, что мотивы поисков работы студентов, желающих работать, очень схожи с мотивами работающих студентов. На первом месте и у тех и у других стоит желание иметь личные деньги – этот мотив отметили 64,0 % работающих респондентов и 67,8 % неработающих студентов соответственно. Вторую позицию занимает необходимость обеспечить себя средствами существования (49,6 и 35,4 %). На третьей позиции – помощь родителям (28,0 и 20,8 %). Данное распределение говорит о том, что заработок большая доля студентов воспринимают как средство, обеспечивающее, прежде всего, досуговое потребление, символические атрибуты жизни – соответствующие одежду, услуги и т. д.

Мотивы занятости у неработающих студентов, в сравнении с мотивацией занятости у работающих, значительно отличаются по следующим позициям. Первая позиция – необходимость платить за учёбу: 14,4 % работающих студентов и 6,1 % неработающих соответственно. Вторая позиция – необходимость обеспечивать собственную семью (12,0 против 5,3 %). Третья позиция – желание овладеть изучаемой профессией: значение выше у неработающих студентов (9,9 %), чем у работающих (4,8 %). Эти факты характеризуют группу неработающих студентов как в большей степени свободную от материальных стимулов и более ориентированную на ценности получения высшего образования.

В ходе исследования мы выяснили, что лишь небольшая доля опрошенных респондентов (4,8 % работающих и 9,9 % неработающих) связывают свою работу с желанием лучше овладеть получаемой профессией. Данный факт можно объяснить тем, что очень мало, кто из студентов сегодня работает по тому направлению подготовки, которое они получают в вузе. Об этом же говорят полученные результаты исследования. Анализ сфер трудовой деятельности работающих студентов показал, что лишь 28,4 % работают в области, приближенной к направлению подготовки, на котором они обучаются в вузе. Этот показатель, на наш взгляд, зависит от того, какое направление подготовки и какие специалисты востребованы в том или ином регионе на данном этапе развития. Однако при этом важно, чтобы компетенциям, формируемым за время обучения в вузе в период всего обучения, он находил практическое применение. А это, как отмечают исследователи, может происходить только в условиях вторичной занятости [1]. Тем не менее, особую важность совпадения сферы занятости и специальности, получаемой в вузе, отметили 21,6 % работающих студентов, для 25,6 % респондентов было бы неплохо работать в сфере, близкой к направлению подготовки, на котором они обучаются.

При поиске работы большую роль играют те или иные каналы трудоустройства. Как показывают данные опроса, среди основных источников трудоустройства студентов доминируют родственники и взрослые знакомые (24,8 % работающих студентов),

родители (16,0 % работающих студентов), друзья и сверстники (19,2 % работающих студентов), объявления в СМИ (19,2 %).

По сравнению с группой работающих студентов, те, кто не имеют работы, но желают её найти, пользуются теми же информационными источниками трудоустройства, однако их распределение несколько иное. Неработающие студенты в гораздо большей степени, чем работающие, рассчитывают на информацию о вакансиях, получаемую через СМИ (61,3 % желающих работать); от друзей и сверстников (25,1 % желающих работать); от родственников и взрослых знакомых (24,8 % желающих работать). Как показывают результаты опроса, и работающие, и неработающие студенты не особенно надеются на помощь государственных структур по трудоустройству (3,2 и 6,1 % соответственно).

Тем не менее, отвечая на вопрос анкеты «Должен ли вуз оказывать помощь студентам в поиске работы?», большинство опрошенных студентов (87,0 %) отметили, что вуз должен оказывать помощь в поиске работы; 59,8 % респондентов не знают, что в их вузах существуют структуры по трудоустройству и содействию занятости студентов.

Следует отметить, что в большей части вузов Забайкальского края данный процесс основан на работе различных Центров занятости студентов или студенческих профкомов. Распределение основных задач деятельности по трудоустройству и содействию занятости студенческой молодежи в высших учебных заведениях Забайкальского края представлено в табл. 3.

Таблица 3

Задачи деятельности по трудоустройству и содействию занятости студенческой молодежи в высших учебных заведениях Забайкальского края

Рейтинг	Задача
1	– Создание системы информирования студентов и выпускников о рынке труда и образовательных услугах
2	– Проведение совместно с работодателями презентаций профессий, семинаров, конференций и ярмарок вакансий; – организация производственных практик и стажировок студентов

3	– Взаимодействие с другими вузами, Центрами содействия занятости, Администрациями городов и районов, установление партнёрства с предприятиями и учреждениями
4	– Анализ потребности региона в специалистах с высшим образованием; – проведение работ по сбору информации о вакансиях для студентов и создание банка данных вакантных мест; – проведение профориентационной работы на факультетах и со студентами; – формирование студенческих отрядов для сезонной или временной работы; – психологическая, консультационная поддержка и социальная защита студентов при трудоустройстве
5	– Организация вторичной занятости студентов во внеурочное время; – содействие в реализации региональных проектов молодёжных инициатив; – консультирование студентов по вопросам законодательства о занятости

В студенческих профкомах активно пополняются базы данных: любой студент, желающий подработать, может прийти и заполнить анкету, оставить координаты для связи.

Центры по трудоустройству и содействию занятости студентов помогают молодым людям правильно ориентироваться на рынке труда, определить, какие требования предъявляют работодатели к молодому специалисту, какую квалификацию необходимо иметь, чтобы быть конкурентоспособным. Кроме того, каждый молодой человек может в данном месте подобрать для себя подходящую работу во время обучения в вузе.

Таким образом, деятельность по трудоустройству и содействию занятости студенческой молодежи в Забайкальских вузах выполняет в основном информационную функцию.

Огромное значение, на наш взгляд, в поиске работы студенческой молодежи имеет производственная практика, ориентированная на получение умений и навыков в той сфере, в которой студент работает или будет работать. Так, 41,3 % респондентов считают, что после получения хороших отзывов о производственной практике на предприятиях можно устроиться на работу по специальности, однако, 47,5 % опрошенных указали, что редко можно получить работу по специальности после прохождения производственной практики.

Как показывают наблюдения, производственная практика в вузе ориентирована на развитие некоторых функций специалиста. Таким образом, просматривается необходимость ориентации производственной практики на развитие профессиональных умений или всех функций, чтобы будущий специалист имел возможность работать по любому направлению своей профессии.

Изучая успешность совмещения работы и учёбы, мы выяснили, что 20,8 % опрошенных работающих студентов считают, что совмещение учёбы и работы даёт возможность получения дополнительных навыков и опыта в различных сферах деятельности. Благодаря приобретаемым межличностным связям, работающие студенты в сравнении с неработающими имеют большие возможности найти работу по специальности по окончании вуза.

По мнению большинства работающих респондентов (68,8 %), работа практически не мешает учёбе и в основном удаётся их сочетать. При этом, как считают опрошенные респонденты, с пониманием к пропускам занятий в связи с работой относятся лишь

24 % преподавателей, 25,6 % не обращают на это внимание. Подобное распределение говорит о том, что студенты рассчитывают на свои силы в учебном процессе и вполне успешно совмещают учёбу с работой.

Выводы. Обобщая результаты проведённого социологического исследования, можно сделать вывод, что вторичная занятость студенческой молодёжи – достаточно распространённое явление. Студентов, не желающих работать, очень мало. По мнению студентов, сфера занятости и специальность, получаемая в вузе, должны совпадать. Этому может способствовать производственная практика, ориентированная на развитие всех функций будущего специалиста. Многие студенты считают, что именно вуз должен оказывать помощь в поиске работы. На данный момент студенты в основном трудятся в области торговли. Мотивы трудовой занятости как у работающих студентов, так и у неработающих схожи: на первом месте стоит желание иметь личные деньги. В трудоустройстве студентов доминируют родственники и взрослые знакомые, родители, друзья и сверстники, объявления в СМИ.

Список литературы

1. Вербицкий А. А. Качество подготовки специалиста: контекстный подход // Байкальский психологический и педагогический журнал. 2003. № 1. С. 10–18.
2. Ворона М. А. Мотивы студенческой занятости // СОЦИС. 2008. № 8. С. 106–115.
3. Ворона М. А. Социальный феномен студенческой занятости в современном обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Саратов, 2008. 21 с.
4. Зайцева Т. М. Вторичная занятость работников образования крупного города (на материалах Барнаула) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 1–2. С. 334–336.
5. Звоновский В. Б. Молодёжь на рынке вторичной занятости // Вестник общественного мнения. 2006. № 2. С. 62–72.
6. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодёжь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСПИМ, 2014. 548 с.
7. Константиновский Д. Л. Российский студент сегодня: учёба плюс работа. М.: ЦСП, 2002. 128 с.
8. Мазунина М. В. Вторичная занятость студентов гуманитарного факультета ПНИПУ // Вестник ПНИПУ: журн. магистров. 2014. № 2. С. 251–257.
9. Перова И. Дополнительная занятость: масштабы, структура, характер // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 4. С. 31–34.
10. Чукреева А. В. Российские студенты на пороге вступления на рынок труда // Молодёжь – позитивная сила развития российского общества: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения В. Т. Лисовского (24–25 сент. 2009 г.) / под ред. А. А. Козлова. СПб., 2009. С. 330–333.

Статья поступила в редакцию 15.02.2017; принята к публикации 24.03.2017

Библиографическое описание статьи

Лаврикова В. Н., Михайловская С. А. Вторичная занятость студенческой молодёжи Забайкальского края // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 122–128. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-122-128.

Victoria N. Lavrikova¹,

Candidate of Sociology,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: victoriy.lavric@mail.ru

Svetlana A. Mikhaylovskaya²,

Senior Lecturer,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: alecru77@mail.ru

Secondary Employment of Student Youth in the Zabaikalsky Region

The article gives a definition of “student youth secondary employment” and presents the results of a sociological study of secondary employment of this category of youth. The authors study the students’ willingness to work, their difficulties in finding jobs, activity spheres, where they find jobs, main motives for employment, employment channels and success in combining study and work. The methodological basis of the research is the provision that the student body is a specific social group that has an “intermediate” status and is at the stage of vital self-determination. The study shows that secondary employment of student youth is a widely spread phenomenon. There are very few students who do not want to work. Most students work in the sphere of trade. The motives for employment, both for working and non-working students, are similar: first of all, they want to have their personal money. The student employment is influenced by relatives and adult acquaintances, parents, friends and peers, advertisements in mass media. According to the students, the sphere of employment and the specialty received at the university must coincide. It can be provided by the industrial practice, as well as the activities of university structures that help with student employment.

Keywords: student youth, secondary employment, labor market, motivation, employment channels

References

1. Verbitskii A. A. Kachestvo podgotovki spetsialista: kontekstnyi podkhod // *Baikal'skii psikhologicheskii i pedagogicheskii zhurnal*. 2003. № 1. S. 10–18.
2. Vorona M. A. Motivy studencheskoi zanyatosti // *SOTsIS*. 2008. № 8. S. 106–115.
3. Vorona M. A. Sotsial'nyi fenomen studencheskoi zanyatosti v sovremennom obshchestve: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk: 22.00.04. Saratov, 2008. 21 s.
4. Zaitseva T. M. Vtorichnaya zanyatost' rabotnikov obrazovaniya krupnogo goroda (na materialakh Barnaula) // *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. № 1–2. S. 334–336.
5. Zvonovskii V. B. Molodezh' na rynke vtorichnoi zanyatosti // *Vestnik obshchestvennogo mneniya*. 2006. № 2. S. 62–72.
6. Konstantinovskii D. L., Voznesenskaya E. D., Cherednichenko G. A. Molodezh' Rossii na rubezhe XX–XXI vekov: obrazovanie, trud, sotsial'noe samochuvstvie. M.: TsSPiM, 2014. 548 s.
7. Konstantinovskii D. L. Rossiiskii student segodnya: ucheba plyus rabota. M.: TsSP, 2002. 128 s.
8. Mazunina M. V. Vtorichnaya zanyatost' studentov gumanitarnogo fakul'teta PNIPU // *Vestnik PNIPU: zhurn. magistr.* 2014. № 2. S. 251–257.
9. Perova I. Dopolnitel'naya zanyatost': masshtaby, struktura, kharakter // *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 1999. № 4. S. 31–34.
10. Chukreeva A. V. Rossiiskie studenty na poroge vstupleniya na rynek truda // *Molodezh' – pozitivnaya sila razvitiya rossiiskogo obshchestva: materialy Vserossiiskoi nauch.-prakt. konf., posvyashch. 80-letiyu so dnya rozhdeniya V. T. Lisovskogo (24–25 sent. 2009 g.) / pod red. A. A. Kozlova*. SPb., 2009. S. 330–333.

Received: February 15, 2017; accepted for publication: March 24, 2017

Reference to the article

Lavrikova V. N., Mikhaylovskaya S. A. Secondary Employment of Student Youth in the Zabaikalsky Region // *Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series*. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 122–128. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-122-128.

¹ V. N. Lavrikova, the main author, develops the concept of the article, formulates the conclusions, summarizes the results of the collective project.

² S. A. Mikhaylovskaya is the organizer of this research.

Ирина Петровна Лотова,
доктор психологических наук, профессор,
Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО
(105062, Россия, г. Москва, ул. Макаренко, 5/16),
e-mail: Lotovaip@mail.ru

Студенческая семья: современный портрет, характеристика основных проблем и пути разрешения

В статье представлены результаты исследования современного портрета студенческой семьи. Охарактеризованы мотивационная и ценностная составляющие студенческого брака; представления молодых людей о брачно-семейных отношениях, освоение ими семейных ролей; эмоциональное самочувствие супругов. Описаны факторы, влияющие на успешность студенческого брака. Дана сущностная характеристика трудностей, с которыми сталкивается студенческая семья (жилищные, материально-бытовые, психологические и др.). В числе проблем, являющихся наиболее частыми поводами для обращения в психологическую консультацию, студенты назвали: конфликты, связанные с различиями во взглядах на семейную жизнь и распределением супружеских ролей и обязанностей, в том числе в вопросах воспитания ребёнка; конфликты, обусловленные сложностями в межличностных взаимоотношениях и взаимоотношениях супругов с родителями студентов, а также неумением разрешать внутрисемейные ситуации. Выделены и описаны показатели благополучия студенческой семьи. Предложены меры поддержки студенческих семей на государственном уровне (федеральном, региональном) и уровне вуза. В частности, описаны меры социально-педагогической и психологической поддержки студенческой семьи: создание семейных вузовских (межвузовских) студенческих семейных комплексов, включающих полный набор социально-бытовых услуг, а кроме того, семейные детские комнаты; организация в рамках студенческого самоуправления семейных клубов, а для студенток-матерей – создание оптимального режима работы учебных заведений – учёбы по индивидуальному графику со свободным посещением занятий, консультации по различным учебным предметам, сдача экзаменов и зачётов на протяжении всего семестра в удобное для них время и др.

Ключевые слова: студенческая семья, социальный институт, семейные ценности, семейно-брачные отношения, социально-педагогическое и психологическое сопровождение

Вводная часть. Одним из приоритетных направлений государственной демографической и семейной политики в нашей стране является поддержка молодой семьи, являющейся важным социальным институтом.

Студенческая семья – особый тип современной молодой семьи. Отметим, что студенческий возраст является ответственным с точки зрения и социальной адаптации, и социально-психологической зрелости личности. Именно на время обучения в вузе приходится наибольшее число заключаемых молодыми людьми браков. Не случайно, по мнению большинства учёных, именно в студенческой семье сконцентрирован репродуктивный потенциал российского общества.

Практика показывает, что эффективность социальной поддержки молодой семьи напрямую зависит от знания насущных проблем и понимания конкретных потребностей семьи в тех или иных формах социальной поддержки на разных этапах её жизнеобеспечения.

Студенческая семья – достаточно сложный и ещё малоизученный объект исследований. Соответственно литературы по данной теме немного, работы, как правило, относятся к концу 1980-х – началу 1990-х годов прошлого века. Исследованиям различных аспектов жизнедеятельности молодой российской семьи, а также проблем и путей их решения посвящены работы педагогов, психологов, социологов, экономистов, юристов и др. [9; 11].

Перечислим некоторые исследования, результаты которых составили теоретико-методологическую базу нашего исследования. Это труды таких исследователей, как:

– И. А. Герасимовой и В. Л. Ружже, предложивших демографическую типологию семей и типологию семейных групп [1; 4];

– Л. А. Гордона, Э. В. Клопова, Т. Ж. Гурко и А. Г. Волкова, проанализировавших жизненный цикл семьи и продолжительность брака [2; 3; 5];

– И. П. Лотовой, О. В. Кучмаевой, Т. К. Ростовской, изучавших семейные ценности молодой семьи [6; 10];

– С. С. Сидельникова, представившего классификацию основных мотивов и причин семейных разводов [12];

– Н. В. Маляровой и Л. Н. Толстого, посвящённые исследованию причин, проявлений, этапов развития и профилактике супружеских конфликтов [8; 13] и др.

Вместе с тем отметим, что, несмотря на огромную научную базу, включающую разнообразный теоретико-методологический и методический материалы по исследуемой проблеме, остаются недостаточно изученными характеристики современного портрета и проблем студенческой семьи, а также вопросы минимизации трудностей молодой семьи и оптимизации её внутренних ресурсов в разрешении внутрисемейных проблем.

В исследовании, проведённом под руководством и при участии автора, участвовали студенческие семьи, брак которых зарегистрирован, стаж семейной жизни не превышает 5 лет. Оба супруга – студенты дневных отделений Московского государственного областного университета и Московского городского педагогического университета в возрасте от 18 до 28 лет. Общая выборка – 100 студентов. Детей имеют 60 % обследованных семей (1 ребёнка – 90 %, двух детей – 10 % семей). Дети в студенческих семьях, как правило, дошкольного возраста.

Целью исследования являлось определение специфики студенческой семьи и её проблем, а также изучение факторов, влияющих на успешность студенческого брака.

Методология и методы исследования. Для изучения представлений молодых людей о семье, брачно-семейных отношениях и семейных ролях использованы опросники. В качестве дополнительных методов исследования использованы анкетирование и наблюдение.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование позволило выявить, что в освоении студентами семейных ценностей можно выделить 2 этапа: добрачный и брачный.

Добрачный этап, условно обозначенный как подготовка к семейной жизни, характеризуется тем, что у студентов под влиянием традиций семей, где они выросли, воспитывались, а также социума формируются определенные знания и установки в отношении семьи.

Одновременно брачный этап разделён условно на два периода: период первичной адаптации (до рождения ребёнка) и период вторичной адаптации (после рождения ребёнка).

Отметим, что период первичной адаптации обычно длился 2–3 года. Однако в последние 10 лет студенты откладывают решение о рождении ребёнка на более поздний период («после окончания вуза»), и продолжительность периода увеличилась до 5–6 лет.

В период первичной адаптации брачного этапа осуществляется более глубокое познание супругами друг друга («притирка» характеров).

Именно в этот период молодые супруги (40 %) сталкиваются с первыми проблемами семейных отношений, когда обнаруживается несоответствие между имевшимися представлениями, ожиданиями и реальностью совместной жизни.

В период вторичной адаптации (после рождения ребёнка) происходит накопление определённого опыта супружеских отношений, разрешение межличностных проблем и проблем во взаимоотношениях с родственниками, в решении материально-бытовых проблем, а также проблем, связанных с воспитанием детей.

Большинство обследованных студенческих пар (90 %) воспитывались в полных семьях; 70 % воспитывались в семьях с братьями и сёстрами, а 10 % студенческих семей проживали с бабушками и дедушками. Таким образом, семейное воспитание большинства молодых супругов студенческих семей осуществлялось в полном объёме родственных связей, что положительно повлияло на формирование у них в последующем модели будущей семьи, формирование отношений к семье и способов разрешения семейных проблем.

Анализ результатов исследования показал, что в студенческой среде широко распространены добрачные интимные связи. Так, среди обследованных студенческих семей 95 % имели интимные отношения с будущим супругом до брака.

Мотивационная составляющая характеризуется тем, что основным мотивом заключения брака у студентов является любовь (90 % опрошенных).

Наряду с этим 65 % опрошенных студентов видят назначение семьи и заключён-

ного брака в рождении детей; 35 % – в достижении высоких жизненных и карьерных целей, а также в материальном благополучии. Интересным фактом является то, что 10 % опрошенных (и это девушки) основным мотивом вступления в брак назвали желание иметь детей.

Ценностная составляющая студенческого брака характеризуется важностью наличия в семье взаимопонимания между супругами. Это отметили 90 % опрошенных студентов.

Анализ характеристик социального самочувствия в студенческих семьях показал, что 85 % опрошенных «в основном удовлетворены» и «полностью удовлетворены» тем, как складывается их семейная жизнь.

При этом 36,5 % опрошенных отметили, что у них недостаточно знаний и умений, необходимых для построения успешной семьи. В частности, не хватает знаний и умений ведения совместного хозяйства, распределения зон ответственности супругов и разрешения семейных конфликтов, а также знаний, необходимых для воспитания ребёнка. Эти данные свидетельствуют о том, что до заключения брака не все молодые люди в достаточной мере осознавали важность приобретения определённых педагогических, психологических, экономических и юридических знаний и умений, столь необходимых для построения семьи, обеспечения и жизнеспособности.

Данные нашего исследования свидетельствуют о том, что 36 % опрошенных студентов обращались в психологическую консультацию, из них 25 % – многократно. В числе проблем, являющихся наиболее частыми поводами для обращения в психологическую консультацию, студенты назвали конфликты, связанные:

- с различиями во взглядах на семейную жизнь и распределением супружеских ролей и обязанностей, в том числе в вопросах воспитания ребёнка;

- со сложностями в межличностных взаимоотношениях и взаимоотношениях супругов с родителями студентов, а также неумением разрешать внутрисемейные конфликты.

Можно сделать вывод о том, что изучение представлений о семейных конфликтах является весьма важной задачей, так как данные исследования могут помочь предвидеть, каких событий следует ожидать и с

какими проблемами придётся столкнуться во время консультирования молодой студенческой семьи. По нашему мнению, следует задуматься над созданием специализированных центров при учебных заведениях, которые бы консультировали студентов по вопросам создания, сохранения и укрепления семьи, а также при проведении различных мероприятий в виде тематических семинаров, тренингов в целях ознакомления с предстоящими трудностями и конфликтами в процессе семейной жизни.

Среди наиболее острых социальных проблем, с которыми столкнулись студенческие семьи, названы жилищные (75,0 %) и материальные (62,3 %).

Наличие практически во всех высших учебных заведениях страны студенческих общежитий позволяет определённым образом решать жилищные проблемы молодых семей.

Отметим, что из 25 % студенческих семей, не проживающих в студенческих общежитиях, 20 % или «снимают» жильё, или проживают совместно с родителями одного из супругов, и только у 5 % опрошенных семейных студентов есть собственное жильё. На наш взгляд, жилищную проблему семейных студентов смогли бы решить семейные общежития учебных заведений, однако в настоящее время не все вузы страны ими располагают.

Исследование показало, что основным источником дохода у 90 % студенческих семей является подработка, остальные молодые семьи пользуются финансовой помощью родителей или ближайших родственников. Семейные студенты нередко на последних курсах обучения переходят на вечернюю, очно-заочную и индивидуальную формы обучения, совмещая работу и учёбу.

Особенно это является распространённым в семьях после рождения второго ребёнка. В целом, характеризуя помощь родителей, студенты отмечали следующие её виды: финансовая, материальная и помощь в воспитании детей.

Заключение. Таким образом, характеризуя потребности студенческих семей в социальной защите и ожидания внешней помощи, отметим, что студенческие семьи нуждаются в обеспечении жильём (75 % опрошенных); психологической помощи (37 %); помощи в трудоустройстве (30,9 %);

юридической помощи (22,7 %); дошкольных образовательных организациях (19,5 %) и льготах на оплату коммунальных услуг (16,8 %).

В качестве показателей благополучия студенческой семьи как социального института нами выделены следующие:

- полноценное выполнение семьёй таких социальных функций, как обеспечение воспроизводства физически здорового и психически полноценного потомства;

- надлежащее осуществление воспитания и социализации подрастающего поколения; формирование у детей национального самосознания, гражданственности и преемственности социокультурных ценностей;

- разрешение семейных конфликтов своими силами;

- обеспечение развития личности и реализации личных интересов каждого члена семьи; обеспечение условий для укрепления здоровья и полноценного отдыха всех членов семьи;

- равномерное распределение семейных обязанностей между членами семьи.

При этом важно отметить, что при определении уровня благополучия студенческой семьи все показатели должны быть достигнуты комплексно и в равной степени, поскольку низкий уровень выполнения любого из них создаёт возможность нестабильности функционирования студенческой семьи, и её уже нельзя будет считать благополучной.

Анализ опыта субъектов Российской Федерации по социальной поддержке молодых семей показывает, что отсутствует единая правовая база социальной политики в отношении студенческой семьи. Разрозненность в формах поддержки и помощи семейных студентов, а также низкая эффективность социальных программ по поддержке студенческой семьи обусловлена в регионах, на наш взгляд, прежде всего, непониманием специфики проблем студенческих семей и тем, что до сих пор на федеральном уровне студенческая семья, как особая категория молодой семьи, не выделена. На наш взгляд, укрепление студенческой семьи должно рассматриваться как одно из приоритетных направлений не только молодёжной и семейной политики, но и государственной социальной политики на всех уровнях законодательной и исполнительной ветвей власти.

Опыт субъектов Российской Федерации по социальной поддержке студенческой семьи показал, что она будет эффективной, если будет носить комплексный, системный характер и включать следующие основные компоненты:

- мониторинг социально-экономического положения студенческих семей с последующим анализом социального портрета современной российской студенческой семьи, определением её основных проблем и подготовкой региональных комплексных программ поддержки и укрепления данной категории молодой семьи;

- совершенствование системы медицинских, социальных, юридических, психологических и других служб в целях расширения сферы медико-социальных, социально-правовых, психолого-педагогических, информационных, консультационных и иных услуг студенческим семьям;

- объединение усилий государственных структур и гражданского общества, в том числе общественных некоммерческих организаций, по поиску и реализации в субъектах Российской Федерации современных форм поддержки студенческой семьи.

Особое место в системе поддержки студенческой семьи, на наш взгляд, должно быть отведено формированию и реализации в образовательных организациях современной модели социально-педагогического и психологического сопровождения студенческой семьи, которая должна реализовываться на системной основе, носить комплексный характер и включать следующие основные компоненты:

- создание семейных вузовских (межвузовских) студенческих семейных комплексов, включающих полный набор социально-бытовых услуг, а кроме того, семейных детских комнат;

- предоставление в центрах по трудоустройству студентов, созданных при учебных заведениях, полной и постоянно обновляющейся информации о возможностях трудоустройства для семейных студентов;

- организация студенческих кооперативов, студенческих строительных отрядов, временной и сезонной работы семейных студентов на условиях неполного рабочего дня как в самом учебном заведении, так на профильных предприятиях, где студенты проходят практику, стажировку;

– создание семейных клубов, где студенты и семенные пары могли бы пройти диагностику, получить психологические консультации по семейным проблемам, принять участие в просветительских и образовательных программах, спортивно-оздоровительных мероприятиях;

– создание для студенток-матерей условий для совмещения учёбы и семейных обязанностей, в том числе путём предоставления возможности учёбы по

индивидуальному графику со свободным посещением занятий, консультаций по различным учебным предметам, а также сдачи экзаменов и зачётов в удобное для них время.

Вышеперечисленные мероприятия, на наш взгляд, будут способствовать не только повышению эффективности социальной поддержки молодой семьи, но и укреплению такого социального института, как студенческая семья.

Список литературы

1. Вишневский А. Г. Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. 2008. № 88. С. 4–9.
2. Волков А. Г. Проблемы супружеского благополучия: пер. с чеш. / общ. ред. и предисл. М. С. Маковского. М.: Прогресс, 2008. 144 с.
3. Гурко Т. Ж. Студенческая семья / редкол.: Э. К. Васильева [и др.]. М.: Мысль, 1988. С. 9–11.
4. Герасимова И. А. Основы семейной жизни. М.: Просвещение, 2005. 450 с.
5. Ключев Э. В. Социология: 100 вопросов – 100 ответов. М.: Владос, 2007. 190 с.
6. Лотова И. П. Системный подход к изучению семейных ценностей в современном российском обществе // Экономика, статистика и информатика: вестн. УМО. 2015. № 5. С. 62–67.
7. Лотова И. П. Психологическое сопровождение образовательного процесса // Вестник МГОУ. Сер. Психологические науки. 2014. № 1. С. 66–72.
8. Малярова Н. В. Бомба депопуляции: опыт России – итоги и уроки // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2000. № 4. С. 5–7.
9. Молодёжь новой России: ценностные приоритеты: сайт ФГБУН Института социологии РАН [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_1_1.html?&printmode (дата обращения: 15.12.2016).
10. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Семья в системе социальных институтов общества. М.: ВАКО: Галлея-Принт, 2015. 372 с.
11. Социально-демографический портрет студента: сб. ст. / редкол.: Э. К. Васильев [и др.]. М.: Мысль, 1986. 94 с.
12. Социология семьи / под ред. М. Стукалова. М.: Инфра-М, 2007. 640 с.
13. Толстой Л. Н. Супружеские конфликты. М.: Мысль, 2007. 173 с.

Статья поступила в редакцию 01.02.2017; принята к публикации 31.03.2017

Библиографическое описание статьи

Лотова И. П. Студенческая семья: современный портрет, характеристика основных проблем и пути разрешения // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 129–134.

Irina P. Lotova,

Doctor of Psychology, Professor,

Institute for the Study of Childhood, Family and Education

of the Russian Academy of Sciences

(5/16 Makarenko st., Moscow, 105062, Russia),

e-mail: Lotovaip@mail.ru

Student Family: A Modern Portrait, Characteristics of the Main Problems and Ways to Solve Them

The article presents the results of a study of a contemporary portrait of a student family. It characterizes the motivation and value constituents of student marriage; young people's ideas about marital relations and their mastering of family roles; emotional conditions of married couples. The article describes the factors affecting the success of student marriage and gives an essential characteristic of the difficulties (housing, material, psychological, etc.) faced by the student family. Among the problems that are the most frequent reasons for appealing to psychological

counseling, the students named: conflicts related to differences in views on family life and the distribution of spousal roles and responsibilities, including in matters of child upbringing; conflicts caused by difficulties in interpersonal relationships and mutual relations of spouses with students' parents, as well as inability to resolve internal family conflicts. The article distinguishes the well-being indicators of the student family and suggests the measures to support student families at the state (federal, regional) levels and at the level of a higher educational institution. In particular, the article describes the measures of socio-pedagogical and psychological support of the student family: creation of university and interuniversity complexes for student families, including a complete set of social and every day services, as well as children's rooms; organization of family clubs within the framework of student self-government and establishment of the optimal mode of work of educational institutions for student mothers – studies on an individual schedule with free attendance of classes, consultations on different subjects, passing exams and tests during the whole semester at a convenient time for them, etc.

Keywords: student family, social institution, family values, marital relations, socio-pedagogical and psychological support

References

1. Vishnevskii A. G. Evolyutsiya rossiiskoi sem'i // *Ekologiya i zhizn'*. 2008. № 88. S. 4–9.
2. Volkov A. G. Problemy supruzheskogo blagopoluchiya: per. s chesh. / obshch. red. i predisl. M. S. Matskovskogo. M.: Progress, 2008. 144 s.
3. Gurko T. Zh. Studencheskaya sem'ya / redkol.: E. K. Vasil'eva [i dr.]. M.: Mysl', 1988. S. 9–11.
4. Gerasimova I. A. Osnovy semeinoi zhizni. M.: Prosveshchenie, 2005. 450 s.
5. Klyuev E. V. Sotsiologiya: 100 voprosov – 100 otvetov. M.: Vlos, 2007. 190 s.
6. Lotova I. P. Sistemnyi podkhod k izucheniyu semeinykh tsennostei v sovremennom rossiiskom obshchestve // *Ekonomika, statistika i informatika: vestn. UMO*. 2015. № 5. S. 62–67.
7. Lotova I. P. Psikhologicheskoe soprovozhdenie obrazovatel'nogo protsessa // *Vestnik MGOU. Ser. Psikhologicheskie nauki*. 2014. № 1. S. 66–72.
8. Malyarova N. V. Bomba depopulyatsii: opyt Rossii – itogi i uroki // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.18. Sotsiologiya i politologiya*. 2000. № 4. S. 5–7.
9. Molodezh' novoi Rossii: tsennostnye priority: sait FGBUN Instituta sotsiologii RAN [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_1_1.html?&printmode (data obrashcheniya: 15.12.2016).
10. Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V. Sem'ya v sisteme sotsial'nykh institutov obshchestva. M.: VAKO: Galleya-Print, 2015. 372 s.
11. Sotsial'no-demograficheskii portret studenta: sb. st. / redkol.: E. K. Vasil'ev [i dr.]. M.: Mysl', 1986. 94 s.
12. Sotsiologiya sem'i / pod red.M. Stukalova. M.: Infra-M, 2007. 640 s.
13. Tolstoy L. N. Supruzheskie konflikty. M.: Mysl', 2007. 173 s.

Received: February 01, 2017; accepted for publication: March 31, 2017

Reference to the article

Lotova I. P. Student Family: A Modern Portrait, Characteristics of the Main Problems and Ways to Solve Them // *Scholarly Notes of Transbaikals State University. Social Sciences Series*. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 129–134.

УДК 316.3

DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-135-140

Анна Викторовна Шапиева,
кандидат социологических наук,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: anna_color@mail.ru

Социологическая информация в управлении молодёжной политикой

Получение оперативных сведений о состоянии системы государственного управления, а также внешней по отношению к ней среды, принято называть информацией обратной связи. Представления о текущем положении и тенденциях развития как управляемой системы в целом, так и отдельных её компонентов, позволяют получить собранные в рамках информации обратной связи данные, на основе которых возможно осуществление контроля принятых управленческих решений. Качественным и объективным элементом информации обратной связи в системе управления являются социологические данные, полученные в ходе эмпирического исследования. Однако разнообразие методов получения социологической информации не находит должного применения в измерении показателей эффективности управленческой деятельности государственных органов. На примере сферы государственной молодёжной политики автор приводит доказательства в пользу необходимости применения социологической информации в процессе государственного управления. Это, по мнению автора, способствует развитию как сферы в целом, так и отдельных её элементов, в частности, осуществлению анализа социальной действительности для конкретного поколения молодёжи; прогнозированию развития ситуации для молодёжи в различных сферах её жизнедеятельности; контролю управленческих решений, принимаемых государственными органами, и др. Автор указывает на противоречия в настоящей практике оценки эффективности и результативности управленческой деятельности кадрового обеспечения сферы государственной молодёжной политики и предлагает некоторые корректировки в соответствии с новыми запросами общества. Кроме прочего, автором описаны перспективы социологического обеспечения региональной управленческой деятельности специалистов по молодёжной политике, которые способствуют выстраиванию эффективной системы управления молодёжной политикой.

Ключевые слова: социологическое обеспечение управленческой деятельности, государственная молодёжная политика, социологическая информация, молодёжь

Вводная часть. Для современной цивилизации характерна тенденция представления информации в качестве ведущего фактора общественного развития. Значение и роль информации в жизни каждого человека и общества в целом неуклонно растёт. Неслучайно в последние десятилетия всё настойчивее говорят о переходе общества от «индустриального» к «информационному». Информация стала важнейшим стратегическим ресурсом, наряду с человеческим или материальным.

Производство и потребление информации в современном обществе составляет основу развития и функционирования всех сфер жизнедеятельности человека, особенно ярко такая тенденция прослеживается в сфере управленческой деятельности. В XX веке управление сформировалось в социальный институт, а в XXI веке существует в виде социальной страты управлен-

цев, для которых информация выступает по сути единственным предметом труда. Особую актуальность такое положение приобретает в свете государственного управления [4]. Органы государственного управления, представляющие собой организационную структуру, больше других нуждаются в информированности о содержании актуальных проблем и специфики функционирования и развития общества [1].

Статистические данные, находящиеся в распоряжении органов государственного управления, долгое время были единственным источником получения информации об объекте их управленческой деятельности. Использование количественных показателей основывалось на предположении линейной зависимости между полученными статистическими данными и уровнем жизни: предполагалось, например, что увеличение числа детских центров, кружков неизменно

ведёт к улучшению условий существования молодёжи, её самочувствия, активизации её потенциала.

Однако сложная структура общественного устройства не позволяет статистическим данным адекватно отражать специфику и последствия происходящих социальных процессов. Развитие российского государства предполагает принципиально новый уровень развития информационно-обеспечения управленческой деятельности – «население-государство». Особое значение такое развитие приобретает в условиях реализации стратегий по повышению качества жизни населения.

В соответствии с теорией качество жизни состоит из двух условий. Первым условием становятся условия жизни, вторым – удовлетворённость этими условиями [2]. Таким образом, подтверждена значимость взаимодействия управленческой системы с человеком, который теперь выступает не только представителем какой-либо структуры общества, но и носителем определённого типа сознания.

Следовательно, статистическая картина в большинстве случаев не соответствует реальной ситуации жизнедеятельности социума, что приводит к принятию ошибочных, а зачастую ведущих к провалам, управленческих решений. Сгладить такое несоответствие позволяет социологическая информация [12].

Одним из важнейших источников получения объективной, достоверной информации о реальном состоянии явлений и процессов, происходящих в любой сфере жизни человека, является информация, полученная в ходе социологического исследования. В то же время, данные социологического исследования необходимы для качественного прогнозирования социальных ситуаций, процессов и отношений. Выработка обоснованно-верных прогнозов позволяет осуществлять действенный контроль, а как следствие – эффективное управление, в том числе государственное [9].

Методология и методы исследования. Социологическую информацию принято рассматривать как один из видов социальной информации, исследование которой было популярным для отечественной социологии 1960–1980 годов. Данный феномен детально рассмотрен в работах В. Г. Афанасьева, Б. Е. Евладова, А. Н. Аве-

рина, М. Ю. Тихонова, В. С. Рапопорта и др. Исследовательская проблематика была связана с основаниями для классификации социальной информации, включала вопросы определения сущности и базовых характеристик данной категории.

Учёными, занятыми данной проблематикой, были подробно проанализированы критерии качества получаемой эмпирическим путём информации. Была выявлена взаимосвязь методических характеристик исследования и качества социологической информации. К числу таких исследователей можно отнести И. А. Бутенко, Н. Н. Чурилова, Б. З. Докторов, Г. А. Погосьяна, А. П. Куряна, В. Е. Семенова, Г. И. Саганенко, О. М. Масловой и др.

В последнее время в социологической науке актуализировались исследования, связанные с выявлением её роли и места в системе органов государственной власти. Так, социологи единогласны в своих заключениях о несомненной пользе социологической информации в решении практических вопросов государственного управления. Они убеждены в более широком их вовлечении в этот процесс и объективную потребность применения социологической информации в процессе управления, наряду с другими, традиционными способами получения информации. К примеру, Н. В. Романовский считает, что государственная служба должна включать «постоянный социологизм государства, отслеживание импульсов, идущих от общества, их концептуализацию» [7].

В широком смысле под категорией «социологическая информация» принято понимать всю совокупность теоретических концепций, содержательных выводов и рекомендаций, полученных как на общесоциологическом уровне, так и на уровне частных социологических наук. Более узкая трактовка активно применяется в управленческой деятельности и понимает только часть результатов, относящихся к конкретной проблемной ситуации. Рассматривая данную категорию с точки зрения социологии управления, первый (более широкий) подход представляется нам более детальным и конструктивным.

Е. П. Тавокин предлагает различать два вида социологической информации. От уровня обобщения она может быть концептуально-теоретической и конкретно-при-

кладной. Первый вид информации включает знания и сведения в формулировках научных теорий и законов. Концептуально-теоретический вид социологической информации соответствует теоретическому уровню в структуре социологического знания. Второй вид социологической информации объединяет результаты прикладных социологических исследований в виде знаний и сведений в формулировках описания фактов. Конкретно-прикладной вид – соответствует эмпирическому уровню социологического знания [11]. В управленческой деятельности как правило применяют именно второй вид социологической информации.

Несмотря на наличие исследований различных аспектов информационного обеспечения государственного управления, в том числе проблем социологического обеспечения, на сегодняшний день вопрос о месте социологической информации в государственном управлении, её влиянии на эффективность управленческой практики, а также вопрос исследования социологической информации как канала обратной связи с объектом управления остаётся открытым.

В свете вышеизложенного обозначим необходимость применения социологической информации в управленческой практике сферы государственной молодежной политики.

Молодёжная политика является одним из основных элементов социальной политики, а значит включена в систему государственного управления.

В научной литературе существует ряд определений государственной молодежной политики (далее ГМП), в том числе авторских. Мы остановимся на общепринятом определении, закреплённом в нормативных документах федерального значения, на которое опираются в своей управленческой практике все государственные служащие сферы ГМП.

«Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» трактуют ГМП как «систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного межведомственного взаимодей-

ствия, что направлено на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодёжи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодёжи и повышение уровня её потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения её лидерских позиций на мировой арене»¹.

В соответствии со спецификой функционирования молодежной политики её управленческий ресурс реализуется на федеральном уровне, на уровне субъектов Российской Федерации, а также в рамках органов местного самоуправления.

Субъектами управления государственной молодежной политики на федеральном уровне являются структурное подразделение Министерства образования и науки РФ – Департамент государственной политики в сфере воспитания детей и молодёжи, а также Федеральное агентство по делам молодёжи (Росмолодёжь) [8], в структуре которого свою деятельность реализуют пять федеральных государственных бюджетных учреждений: Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодёжи» (ФГБУ «Роспатриотцентр»); Федеральное государственное бюджетное учреждение «Международный молодежный центр» (ФГБУ «ММЦ»); Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский центр содействия молодёжному предпринимательству» (ФГБУ «Роспредприниматель»); Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский детско-юношеский центр»; Федеральное государственное бюджетное учреждение «Центр поддержки молодых творческих инициатив» (ФГБУ «Роскультцентр»).

На региональном уровне субъектами управления ГМП являются государственные органы по делам молодёжи. Статус и структура органов государственной власти в различных субъектах отличны [6]. Лишь в 23 субъектах РФ региональные органы,

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 50. – Ст. 7185.

реализующие ГМП, выделены в отдельные ведомственные структуры. В 62 субъектах – субъекты управления молодежной политики входят в состав различных структур и подразделений (Министерство образования и науки, Министерство спорта и молодежной политики, Министерство культуры и др.) [5].

Сложнее ситуация с кадровым обеспечением обстоит на уровне органов местного самоуправления. Управлением ГМП заняты отдельные служащие, подведомственно, как правило, относящиеся к различным структурам местных органов власти [3].

Итак, можно констатировать, что система управления ГМП сегодня выстроена, имеет свои достоинства и, к сожалению, не лишена недостатков. Однако в работе мы поднимаем проблему иного характера: как социологическое обеспечение процесса управления ГМП позволит максимально облегчить и качественно улучшить эффективность планирования и реализации молодежной политики.

Результаты исследования. Сегодня практика социологического сопровождения управления ГМП существует. Так, на проведенные социологические исследования, а следовательно на социологическую информацию, в узком понимании данной категории, ссылаются при разработке нормативно-правовых документов, при подготовке государственных докладов о положении молодежи и реализации молодежной политики в Российской Федерации, информационно-аналитических материалов по вопросам молодежной политики (за разные периоды).

Однако в системе государственного управления молодежной политикой не предполагаются систематические, комплексные исследования, которые позволят говорить о текущих и прогнозируемых состояниях сферы, характере поведения объектов управления (молодежи, молодежных объединений), отсутствует агрегированная информация требуемого качества по результатам социологического исследования.

Комплексные исследования положения молодежи РФ – это безусловно объемное дело, сложный процесс как организации, проведения, так и анализа эмпирических данных.

Проводя сегодня эмпирические исследования (как всероссийского, так и регио-

нального масштаба), различные ученые, научные коллективы определяют критерии, индикаторы оценки, тематику исследования на своё усмотрение, в зависимости от тех целей и задач, которые они ставят перед собой. Подобный подход не позволяет говорить о целостности изучения молодежной политики и главного её объекта управления молодежи.

Подчеркнём, что исследования, которые проводились и будут проводиться в большей степени отвечают на вопрос положения, самочувствия молодежи и отдельных вопросов реализации молодежной политики, но нет социологического обеспечения конкретно управленческой деятельности кадрового обеспечения органов государственного управления. При опоре на упомянутую нами теорию качества жизни сегодня измерение эффективности органов государственного управления должно строиться в том числе и на индикаторе удовлетворённости объекта управления, относительно результатов управления.

Обсуждение результатов исследования. Сегодня эффективность органов государственного управления оценивается в соответствии с выполнением «плана»: обеспечение участия молодежи в формальной программе, конкурсах и других мероприятиях, создание или реализация деятельности подведомственных учреждений, ведущих работу с молодежью (на уровне субъекта или местного самоуправления), реализация федеральных программ, ведение реестра молодежных объединений и т. д. Установленные показатели, безусловно, отвечают некоторым требованиям оценки эффективности управленческой деятельности, но не отвечают на главный вопрос: насколько молодежь (объект управления) удовлетворена той деятельностью, которую проводят органы государственной власти. Насколько принимаемые меры соответствуют потребностям молодежи конкретного региона, насколько они отражают социальное самочувствие молодого поколения – как правило, нет оценки запросов молодежи конкретного региона или местности и оценки их активности в решении актуальных проблем.

Ответы на поставленные вопросы может дать эмпирическая информация, полученная в ходе социологического исследования, обусловленная природой своих характеристик. Взаимодействие социоло-

гических структур (центров), зарекомендовавших себя в профессиональном сообществе и поставляющих социологическую информацию, с управленцами сферы ГМП, потребителями этой информации, позволит выстроить целенаправленный процесс организации данного канала информации.

На наш взгляд, проведение социологических исследований должно осуществляться по заказу федеральных органов государственного управления молодёжной политикой, специализированными центрами и исследовательскими лабораториями в субъектах РФ, по единой методике. Разработка методики эмпирического исследования должна быть поручена исследователям-социологам (центрам, изучающим общественное мнение), доказавшим свой профессионализм. В таком порядке возможно получение качественной информации, отражающей общие направления реализации ГМП с учётом специфики каждого региона.

Заключение. Для современной практики государственного управления необходимо применение социологической информации для разработки, реализации и контроля молодёжной политики. Перспективы социологической поддержки ГМП достаточно многообещающие: новые подходы к интерпретации управленческой практики отдельных субъектов Федерации; выработка нового вектора развития молодого поколения; обоснование эффективности молодёжной политики для конкретного региона, местности и др.

Применение социологической информации в управленческой деятельности ГМП позволит создать необходимые предпосылки для выстраивания оптимальной системы управления региональной политикой в отношении молодого поколения российского социума, позволит создать экспериментальную площадку эффективного взаимодействия государства, молодёжи и российской науки.

Список литературы

1. Бейдина Т. Е. Государственная информационная политика в Забайкальском крае // Власть. 2014. № 7. С. 36–39.
2. Лига М. Б., Щеткина И. А. Качество жизни. Организационно-управленческий аспект / М-во образования и науки Российской Федерации; ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского; отв. ред. М. И. Гомбоева. Новосибирск: Наука, 2011. 226 с.
3. Лига М. Б., Шапиева А. В. Проблема кадрового обеспечения сферы государственной молодёжной политики (на материалах Забайкальского края) // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2015. № 4. С. 143–149.
4. Мумладзе Р. Г., Афонин И. Д., Смирнов В. А. Социально-трудовые отношения: сущность и реализация в процессе управленческой деятельности. М.: Русайн, 2016. 132 с.
5. Ростовская Т. К. «Три кита» управления государственной молодёжной политики в современной России. М., 2016. 274 с.
6. Ростовская Т. К., Фомина С. Н. Методологические подходы к оценке и прогнозированию кадрового потенциала молодёжной политики // Вопросы управления. 2016. № 4. С. 106–110.
7. Романовский Н. В. Социология и институт государственной службы // Социс. 1999. № 2.
8. Русанова А. А., Шапиева А. В. Кадровый резерв как элемент инфраструктуры государственной молодёжной политики // Общественные науки. 2015. № 6. С. 144–153.
9. Русанова А. А., Номоконов М. В. Социологическое сопровождение исполнения нормативно-правовых актов как фактор результативности региональной власти // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2016. Т. 11, № 3. С. 142–154.
10. Таскаева А. В. Кадровое обеспечение в сфере государственной молодёжной политики в Забайкальском крае: социологический анализ // Теория и практика общественного развития. 2012. № 8. С. 79–81.
11. Тавокин Е. П. Социологическая информация в структуре информационного обеспечения социального управления // Социология власти. 2008. № 5. С. 26–32.
12. Харченко К. В. Социологическая аналитика и принятие управленческих решений // Проблемы теории и практики управления. 2010. № 8. С. 39–49.

Статья поступила в редакцию 10.02.2017; принята к публикации 20.03.2017

Библиографическое описание статьи

Шапиева А. В. Социологическая информация в управлении молодёжной политикой // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 135–140. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-135-140.

Anna V. Shapieva,
Candidate of Sociology,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: anna_color@mail.ru

Sociological information in the Management of Youth Policy

Obtaining operational information about the state of the public administration system, as well as external environment in relation to it, is usually called feedback information. Ideas about the current situation and development tendencies of both the managed system as a whole and its individual components allow obtaining the data collected within the feedback information on the basis of which it is possible to monitor management decisions. A qualitative and objective element of feedback information in the management system is the sociological data obtained during the empirical study. However, a variety of methods for obtaining sociological information does not find proper application in measuring the performance indicators of the administrative activities of state bodies. On the example of the sphere of state youth policy, the author proves the need to apply sociological information in the process of public administration. According to the author, it contributes to the development of both the sphere as a whole and its individual elements, in particular: the implementation of analysis of social reality for a particular generation of young people; forecasting the development of the situation for young people in various spheres of their life; control of managerial decisions taken by the state bodies, etc. The author points out the contradictions in the present practice of evaluating the effectiveness and efficiency of managerial activity of staffing in the sphere of state youth policy, and suggests some adjustments, in accordance with the new demands of society. The author also describes the perspectives of sociological support for regional managerial activity of specialists in youth policy that contribute to building an effective system of youth policy management.

Keywords: sociological support of administrative activity, national youth policy, sociological information, youth

References

1. Beidina T. E. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v Zabaikal'skom krae // *Vlast'*. 2014. № 7. S. 36–39.
2. Liga M. B., Shchetkina I. A. Kachestvo zhizni. Organizatsionno-upravlencheskii aspekt / M-vo obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii; ZabGGPU im. N. G. Chernyshevskogo; otv. red. M. I. Gomboeva. Novosibirsk: Nauka, 2011. 226 s.
3. Liga M. B., Shapieva A. V. Problema kadrovogo obespecheniya sfery gosudarstvennoi molodezhnoi politiki (na materialakh Zabaikal'skogo kraya) // *Uchenye zapiski ZabGU. Ser. Sotsiologicheskie nauki*. 2015. № 4. S. 143–149.
4. Mumladze R. G., Afonin I. D., Smirnov V. A. Sotsial'no-trudovye otnosheniya: sushchnost' i realizatsiya v protsesse upravlencheskoi deyatel'nosti. M.: Rusain, 2016. 132 s.
5. Rostovskaya T. K. «Tri kita» upravleniya gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v sovremennoi Rossii. M., 2016. 274 s.
6. Rostovskaya T. K., Fomina S. N. Metodologicheskie podkhody k otsenke i prognozirovaniyu kadrovogo potentsiala molodezhnoi politiki // *Voprosy upravleniya*. 2016. № 4. S. 106–110.
7. Romanovskii N. V. Sotsiologiya i institut gosudarstvennoi sluzhby // *Sotsis*. 1999. № 2.
8. Rusanova A. A., Shapieva A. V. Kadrovyy rezerv kak element infrastruktury gosudarstvennoi molodezhnoi politiki // *Obshchestvennye nauki*. 2015. № 6. S. 144–153.
9. Rusanova A. A., Nomokonov M. V. Sotsiologicheskoe soprovozhdenie ispolneniya normativno-pravovykh aktov kak faktor rezul'tativnosti regional'noi vlasti // *Uchenye zapiski ZabGU. Ser. Sotsiologicheskie nauki*. 2016. T. 11, № 3. S. 142–154.
10. Taskaeva A. V. Kadrovoe obespechenie v sfere gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Zabaikal'skom krae: sotsiologicheskii analiz // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2012. № 8. S. 79–81.
11. Tavokin E. P. Sotsiologicheskaya informatsiya v strukture informatsionnogo obespecheniya sotsial'nogo upravleniya // *Sotsiologiya vlasti*. 2008. № 5. S. 26–32.
12. Kharchenko K. V. Sotsiologicheskaya analitika i prinyatie upravlencheskikh reshenii // *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2010. № 8. S. 39–49.

Received: February 10, 2017; accepted for publication: March 20, 2017

Reference to the article

Shapieva A. V. Sociological information in the Management of Youth Policy // *Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series*. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 135–140. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-135-140.

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ SOCIOLOGY OF RELIGION

УДК 24-1

DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-141-153

*Анатолий Сергеевич Колесников,
доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9),
e-mail: kolesnikov1940@yandex.ru*

Проблемы природы ума и сознания в решениях традиционной и современной буддистской мысли

Распространение буддизма в мире сопровождается и растущим интересом к буддийской мысли как потенциальному источнику альтернативы концепции природы сознания, как отношению между ментальным и физическим. При рассмотрении традиционных моделей современной философии сознания выявляется возможность не только сравнения с буддийской философией, но и рецепции её отдельных сторон в философии сознания, соотносимой с физикализмом (натурализованным буддизмом) и феноменологическим подходом. Феноменологический подход воспринимает от буддизма недуалистическое отношение между умственным и физическим. Для философов сознания, склонных к материализму, буддизм выступает религией без монотеистического Бога-создателя, а в некоторых его формах – и божества в целом. В философии сознания возродился интерес к альтернативам материализму, и здесь тоже источник привлекательности буддистской мысли. Самая видная традиционная альтернатива материализму в западной философии сознания – тип субстанционального дуализма, предложенный Декартом. Философы, привлечённые нематериалистическими представлениями сознания, отклоняют двойственность из-за традиционно связанных проблем. Буддистские теории сознания привлекают тем, что они сопротивляются прямому материализму, но также и отклоняют представление, что ум – несущественное вещество, так как они аннулируют понятие, что есть вещества вообще – или ментальное, или материальное. Модели современной философии сознания, сталкиваясь с существенными трудностями при объяснении взаимодействия ментального и физического, по мнению исследователей, отчасти разрешимы в модели буддистского философа Нагарджуны. Нейтральная недвойственность в отличие от физикализма, дуализма и основанных на сознании представлений не порождает онтологические обязательства, которые несовместимы с этими фактами.

Ключевые слова: буддистская философия сознания, ментальное и физическое, физикализм, феноменологический подход, недуалистическая модель, Нагарджуна

Вводная часть. В последние годы наблюдается растущий интерес к буддистской мысли как потенциальному источнику альтернативной концепции природы сознания и отношения между ментальным и физическим. Так, рассматривая три различные модели современной философии сознания, можно найти возможность учиться у буддистской мысли. Согласно защищаемой Аланом Уоллесом модели, мы можем учиться у буддистской концепции тому, что и отдельное сознание, и сам материальный мир появляются от более глубокого (примордиального), «исконного» сознания. Оуэн Фланаган полагает, что мы должны принять от буддистской мысли только то, что совместимо с физикализмом, и таким образом взять от буддизма способность проникновения в суть моральной психологии и духовности. Эван Томпсон предлагает феноменологический подход, в котором воспринимает от буддизма недуалистическое отношение между умственным и физическим, расторгая «объяснительный провал» между ними. Все эти модели сталкиваются с существенными трудностями современных теорий сознания, которые отчасти разрешимы в модели буддистского философа Нагарджуны.

Методология и методы исследования. Приведём примеры ряда логических схем, которые демонстрирует нам философия буддизма. Это доказательства несуществования души, принадлежащие Будде Шакьямуни и Нагасене; доказательства всеобщей причинной обусловленности – один из главных онтологических принципов буддизма; буддийское колесо причинности, составляющая Вторую благородную истину (пратитья самутпада); отрицание возможности существования и движения, принадлежащие Нагарджуне (школа мадхьямики) и др. Так, несуществование души и «Я», основополагающее для буддизма с его теорией освобождения от колеса сансары, раскрывается несколькими способами. Рассмотрим, например, что именуется душой человека, или «Я»: нет как таковой сущности человека, нет неизменной души, имеющей ценность, ибо существует только поток случайных состояний его психики, каждое из которых несубстанционально и обусловлено предшествующим состоянием. Также показательно подтверждение несуществования души через обоснование несводимости целого к частям.

У растущего внимания к традиционной и современной буддистской мысли как потенциальному источнику новых взглядов на природу ума и сознания есть несколько причин. Для философов сознания, склонных к материализму, буддизм выступает религией, у которой нет никакого места для монотеистического Бога-создателя, а в некоторых его формах сторонится божества в целом. Он может предложить проницательный источник вхождения в этические и духовные проблемы сознания, совместимые с материализмом. Оуэн Фланаган недавно заявил, что «буддизм, являющийся интеллектуально глубоким, нравственно и духовно серьёзным, но нетеистическим и не относящимся к доктрине ... может хорошо выполнять роль аттрактора для духовно склонных натуралистов» [10, с. 64].

В недавней философии сознания возродился интерес к альтернативам материализму, и здесь находится другой источник современной привлекательности буддистской мысли. Самая видная традиционная альтернатива материализму в западной философии сознания – тип субстанционального дуализма, предложенный Декартом. Но многие современные философы, привлечённые нематериалистическими представлениями сознания, отклоняют двойственность из-за ряда проблем, традиционно связанных с ней. Буддистские теории сознания привлекают тем, что они сопротивляются прямому материализму. К тому же отклоняют представление, что ум – несущественное вещество, так как они аннулируют понятие, что есть вещества вообще, или ментальное, или материальное. Буддизм может, следовательно, также представить источник для нематериалистического представления сознания, отличающегося от тех, которые преобладали на Западе.

Модели сознания

Рассмотрим несколько заметных теорий, в которых современные философы обратились к буддистской мысли в надежде обеспечить новые модели отношения к миру. Цель моделей не только в том, чтобы восстановить истинный характер любой из традиционных буддистских концепций сознания, а скорее рассмотреть то, что может быть изучено из традиционной буддистской мысли, чтобы лучше всего представлять сознание и его отношение к физическому.

Также стоит выделить, что эти модели ведут свои представления о сознании от многих различных граней разнообразной буддистской традиции.

Первая модель, основанная на интерпретации отношения между сознанием и материей, представляется родственной, если не идентичной некоторым формам западного идеализма. Вторая – модель Фланагана, полагает, что от буддистской мысли можно принять только то, что совместимо с материализмом, но находит в этом ценную способность проникновения в суть моральной психологии и духовности. Наконец, есть вдохновлённое буддистами феноменологически истолкованное отношение между умственным и физическим. Каждая из этих моделей имеет различные заимствования из буддистской мысли, у которой есть потенциал для решения некоторых проблем.

Прежде несколько слов о некоторых базовых представлениях о сознании и теле (*mind-body problem*), которые будут касаться нашей темы. В отличие от субстанционального дуализма, дуализм собственно утверждает, что, хотя все субстанции (если есть кто-либо) являются физическими свойствами, тем не менее, ментальные свойства непреодолимы для свойств материальных. Материалистические представления, как правило, объявляют, что ментальное просто идентично физическому, но распространено различать два главных вида теории идентичности. Тип идентичности теории поддерживает то, что психическое состояние идентично типам событий или физическому состоянию. Более широко известны в настоящее время символические теории идентичности, которые не берут на себя обязательств относительно идентичности типов сознания с физическими типами, но считают, что каждый символ психического состояния или случая данного типа идентичен психическому состоянию или символу событий некоторого типа.

Модель сознания «научного материализма»

Первая модель развита в последние годы А. Уоллесом, основана на определённых традициях в пределах тибетского буддизма и имеет близкие сходства с представлениями, выраженными Далай-ламой (2005). Уоллес характеризует свой взгляд

как отклоняющий все традиционные западные доктрины материализма, субстанциональный дуализм и идеализм [34, с. 20]. Но подобно некоторым формам идеализма, по его мнению, фундаментальная природа мира не отлична от определённого типа сознания. Его представление, кажется, отступает от идеализма, поскольку природа зависима от сознания.

Уоллес развивает своё понимание сознания в контексте глубокого критического анализа, который он называет «научный материализм». «Научный материализм» содержит ряд верований, включая физикализм, представление, что «вселенная состоит исключительно из конфигураций материи и энергии в пределах пространства и времени» [Там же, с. 33]; редукционизм, требование, что все явления (включая умственную деятельность) объяснимы с точки зрения физических явлений; и объективизм, требование, что с научной точки зрения приемлемые факты могут быть опытным путём тестируемы и поддаются проверке с точки зрения третьего лица. Каждый из этих принципов он расценивает как необоснованный и неспособный к предоставлению достаточного внимания сознанию. Уоллеса не устраивают два аргумента. Первый касается известного философского требования, что есть «объяснительный провал» между умственным и физическим, согласно которому умственные события и процессы никогда не могут быть удовлетворительно объяснены с точки зрения нервных событий и процессов [19]. Уоллес утверждает, что физические процессы могут быть поняты с точки зрения научного запроса третьего лица; но природа умственной деятельности может быть известна сначала только с точки зрения человека; таким образом, между двумя состояниями есть объяснительный провал.

Согласно Уоллесу, существование объяснительного провала прямо демонстрирует ошибочность редукционистского требования. Далее, если умственная деятельность может только быть понята с точки зрения субъективной перспективы, требование объективности третьего лица не учтёт многое из наших психических состояний. И, что наиболее важно, объяснительный провал против физикализма говорит – умственная деятельность и физические процессы не могут быть идентичны

ми. По мнению учёного, «если определённые нейронные процессы равнялись бы их конкурентным ментальным процессам, тогда они имеют двойную природу» [34, с. 15]. Поскольку описания третьего лица не могут показать нам глубокую природу сознания, открывается возможность использования медитативного опыта.

Природа сознания школы Великого Совершенства и проблема «исключения»

Медитативные методы способствуют культивированию глубокой природы сознания, и, согласно Уоллесу, они воплощены в представлениях школы Великого Совершенства (*Dzogchen*) тибетского буддизма.

Сообразно этой доктрине, есть трёхстороннее подразделение уровней сознания. Первый уровень – обычное сознание, или «душа» каждодневного опыта, это ментальные образы, мысли, восприятия, эмоции и тому подобное, специфичные для каждого человека. Почва, из которой это сознание появляется в каждом человеке, однако, – «сознание всеобщей основы» (*alaya*-виджняна). Хотя определённое умственное содержание души причинно обусловлено мозгом, телом и окружающей средой, они не идентичны чему-либо физическому; их фундаментальный характер – базовый характер сознания, из которого они появляются. Объект этого – сознание всеобщей основы, о чём оно знает, основание (*alaya*), которое Уоллес описывает как несущественное, «объективное, пустое пространство сознания» [Там же, с. 18]. Это сознание основы не должно быть смешано с западной идеей души, так как это не вещество, но «поток возникновения и мимолетные моменты понимания». *Алая-виджняна* – некое единое и всеобщее «подсознание» всех существ и универсальный проектор иллюзорных феноменов сансары с присущей им субъектно-объектной действительностью.

Сознание всеобщей основы представляет, однако, только «относительную» базу сознания, основу каждого отдельного потока сознания. Абсолютная база сознания – третьего уровня – является исконным сознанием, которое полностью недифференцированное, без качеств или концептуализаций. Объект этой формы сознания – абсолютное пространство явлений

(*dharmadhatu*). Но на этом уровне предмет и объект полностью переступают пределы, таким образом, это единство абсолютно пространства и исконной формы сознания. От исконного сознания появляются не только явления отдельного сознательного опыта, но также и все явления, которые составляют внешний мир пространства, время и материю.

Так, в концепции Уоллеса все явления во вселенной являются результатом этого источника: у всех явлений есть природа исконного сознания. Но он подчёркивает, что на относительном уровне процессы отдельной души не есть символ, идентичный неврологическим процессам. Поэтому это представление восприимчиво к некоторым, хотя не всем трудностям, которые стоят перед Декартовским субстанциальным дуализмом. Наиболее заметны возражения, касающиеся каузальных отношений между умственной деятельностью и физическими процессами. Основная проблема здесь часто упоминается как проблема каузального взаимодействия. Если ментальные процессы имматериальны, трудно видеть, какой механизм мог позволить им взаимодействовать причинно с материальными процессами тела.

Более фундаментальная каузальная проблема, стоящая перед представлениями Уоллеса, состоит в том, что называют проблемой «исключения» (см.: Kim J. *Physicalism, or something near enough*. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 2005). Эта проблема воспроизводит требование, что ментальные события отличны от физических явлений, которые Уоллес принимает вместе с двумя другими широко принятыми принципами – принципом каузального завершения физического и принципом не-сверхопределения. Принцип каузального завершения – то, что у каждого физического явления есть ряд физических достаточных причин вызвать это. Например, если я касаюсь горячего и резко отдёргиваю руку, можно предположить, что есть последовательность неврологических причин, которые заставляют меня отдёрнуть руку. Если это верно и если умственный случай моего чувства боли в этом факте является символом, отличным от любых физических причин, тогда похоже, что сама боль не может сделать никакой причинной работы в том, чтобы заставлять меня

двигать моей рукой – это «исключено» из каузальной уместности. Этот факт подтверждает принцип не-сверхопределения, что у физических явлений вообще нет больше чем одной достаточной причины. И этот принцип широко подтверждён опытом [16].

Ответ Уоллеса на эту проблему должен отрицать принцип причинного завершения. Этот принцип, по его мнению, самостоятельно не поддержан никакими экспериментальными данными, и поэтому, как и сам «научный материализм», просто «метафизическое» предположение [34, с. 32–37]. Трудность с этим принципом метафизического предположения в том, что он рационально не обоснован, а скорее, является общим теоретическим соображением. Объяснения с точки зрения физической причинной обусловленности преуспели в том, чтобы понять великое разнообразие явлений, включая многие, которые, как когда-то широко думали, не были физически объяснимыми. Этот успех, возможно, даёт нам серьёзное основание принять принцип как рабочую гипотезу.

Натурализованный буддизм

В резком контрасте с представлениями о сознании несколько современных философов предложили присвоение буддистской мысли, толкуемой как физикалистская [9; 10; 27]. Из множества различных соображений этого вида рассмотрим концепцию Фланагана. Он приводит доводы в пользу взгляда, который берёт из буддистских представлений сознания только то, что совместимо с физикализмом, называемое им «натурализованным буддизмом». Фланаган отклоняет не-физикалистские буддистские представления сознания, исходя из нескольких источников. Что наиболее важно в наших целях, он обращается к каузально-объяснительному аргументу исключения [10, с. 65]. Но он также отклоняет оба главных аргумента, которые предлагает Уоллес, аргументы объяснительного провала и медитативного опыта. Учёный воскрешает сомнения на эпистемологических основаниях о привлекательности медитативного опыта как источника знания о сознании [10, ч. 3]. Относительно объяснительного провала, работа Фланагана воплощает перспективу, которая появилась в последние годы и о которой Уоллес, кажется, не ведает. Фланаган называет свой взгляд

«субъективным реализмом» [9; 10], но общий подход наиболее широко известен под баннером «феноменальной стратегии понятий».

Феноменальная стратегия понятий стремится отклонить аргумент объяснительного провала против физикализма наряду со связанными аргументами, объясняя, как объяснительный провал может возникнуть в пути, совместимом с физикализмом. Так объясняется, почему есть объяснительный провал между сознанием и физическим, с этой точки зрения, мы обладаем двумя непреодолимо различными способами знания сознательного состояния, которые Дэвид Папино [25] называет материальными и феноменальными концептами. Материальные концепты – понятия сознательных состояний как пункты, узнаваемые с точки зрения третьего лица, например, как бесспорные психологические или функциональные состояния нервной системы. Феноменальные понятия, в отличие от этого, то, что мы используем, когда мы проявляем внимание к тому, на что это походит, чтобы быть в сознательном состоянии с точки зрения первого лица. Эти два типа понятий, однако, – просто два различных способа доступа к физическим состояниям, состояниям нервной системы. Феноменальное понятие болезненности и материальное понятие возбуждения нервных волокон – два способа доступа к соответствующему состоянию нервной системы. Но потому, что два вида понятия изолированы друг от друга, мы не можем вывести то, на что походит чувство боли от знания, что боль – возбуждение нервных волокон, или наоборот, есть объяснительный провал между болью и возбуждением нервных волокон. Так как оба вида понятий относятся к физическим состояниям, и присущее этим понятиям физикалистически объяснимо, то нет ничего об объяснительном провале, который несовместим с физикализмом.

Учитывая эту физикалистскую ориентацию, которую Фланаган стремится копировать из буддистских теорий сознания, видим, что это не альтернатива материализму, он рассматривает её как сложную психологию морали и пронизательный счёт условий для человеческого процветания. Говоря об уместности буддистских идей о проблеме сознания и тела, мы не будем останавливаться на этических требовани-

ях, которые развивает Фланаган. Но есть вопрос, разрешает ли понятие натурализованного буддизма современные трудности при истолковании сознания.

Проблемы были подняты многими философами в ответ на феноменальные понятия в защиту физикализма. В частности, выделим здесь две из них. Первая из них, развитая Левином [20] и Чалмерсом [7], вопрошает, может ли теоретик феноменальных понятий действительно считать объяснительный провал в некоторой степени совместимым с физикализмом. Проблема, по сути, в том, смогут ли феноменальные понятия объяснить вид знания, если оно не будет физически объяснимым. Таким образом, новый объяснительный провал возникает между физическими состояниями и самими феноменальными понятиями. Чалмерс поднимает эту проблему, спрашивая, в действительности, возможно ли, что могли быть зомби – существа, физически идентичные людям, но ни с кем феноменально сознательным опытом вообще не схожие. Это ведёт к дилемме стратегии феноменальных понятий. Если теоретик отвечает «да», то феноменальные понятия сами не будут физически объяснимы, ибо факт, что мы имеем феноменальные понятия, и зомби не объяснили бы любую физическую разницу между нами. Если теоретик отвечает «нет», то феноменальные понятия не могут составить, что отличает нашу эпистемическую ситуацию в отношении сознания, ибо зомби имел бы наши феноменальные понятия, но испытал бы недостаток в феноменальном опыте. Его конститутивный панпсихизм предполагает, что феноменальный опыт создаётся полностью протофеноменальными свойствами, которые выступают сортом определяющих внутренних свойств, характерных физической реальности и исполняющих установленную каузальную работу, но не показывающихся феноменальными.

Вторая проблема для защитников стратегии феноменальных понятий касается ответа, который они, как правило, дают другому типу антифизикалистского аргумента, что часто называют пониманием аргументов. Согласно одному такому аргументу, по Чалмерсу, мыслимо, что могло быть существо, которое было физически идентично мне, но чей цветовой опыт систематически инвертировался от моего так, что-

бы то, что принималось мной за красное, для него было зелёным, и так же для всех других цветов. Если такое существо мыслимо, аргумент утверждает, это метафизически возможно. Но если это метафизически возможно, тогда сознательный опыт метафизически не следует за физическим, так как мы имеем здесь случай двух физически идентичных существ с различными сознательными событиями. Принимая это условие, физикализм требует метафизического характера сознания о физическом, тогда, физикализм ложен. Обычный ответ на такие аргументы среди стратегии феноменальных понятий должен признать, что перевёрнутый сценарий спектра является мыслимым, но отрицать это метафизически возможно [25]. Идея состоит в том, что мы можем апеллировать к дедуктивной изоляции феноменальных концептов и материальных понятий, чтобы объяснить, почему такие сценарии возможны – почему мы можем вообразить их – таким образом, освободить нас от любой потребности предполагать, что такие вещи действительно существуют.

Этот ответ, конечно, не предлагает положительного аргумента за физикализм, но только предлагает отклонить понимание аргументов против него. Этот спор физикализм не выиграл. Мы не принимаем эти трудности феноменальных понятий для защиты физикализма, чтобы быть убедительными; конечно, было множество физикалистских ответов. Но их следует рассматривать, чтобы видеть трудные проблемы физикализма и мотивировать поиск альтернатив, способствующих избежанию некоторых проблем.

Феноменологический подход

Различный способ привлечь буддистскую мысль на свою сторону предлагается философами, которые принимают феноменологический подход к пониманию сознания [23; 31; 32]. Возможно, наиболее полное представление этого вида представляется в книге «Воплощённое мышление» (1991) (*The Embodied Mind, Thompson, Francisco Varela, and Eleanor Rosch*), в которой обращаются к буддистской мысли для того, чтобы обойти Декартовскую дихотомию между материализмом и дуализмом. Грань буддистской мысли, из которой они берут вдохновение, – например, индийская школа

Madhyamaka, основанная во втором столетии до н. э. Нагарджуной, который подчёркивает взаимозависимость и недUALность всех явлений. Согласно Нагарджуне, так как любое явление причинно определено, оно лишается самобытия и становится бессущностно, будучи некоего рода выражением той совокупности оснований и обстоятельств, которые её породили. Эти учения они расценивают как наличие важных параллелей с феноменологической традицией Гуссерля и Мерло-Понти. С этой точки зрения, ошибки материализма находятся в мышлении, что объекты в мире совершенно независимы от ментальной конструкции; параллельная ошибка идеализма состоит в том, что предполагается существование сознания или ума независимо от мира. Скорее, ум и мир возникают в зависимости друг от друга, в каузальных процессах буддисты видят зависимое со-возникновение. Улучшенный подход разрешения проблемы авторы развивают, вовлекая несколько различных требований. Самое важное требование в наших целях – идея, что «познание – не представление предварительно данного мира предварительно данным умом, но скорее введение в действие мира и сознания на основе истории разнообразных действий, которые существуют в мировых свершениях» [32, с. 9].

Этот подход был достаточно развит в последние годы Томпсоном, который рассматривает его как способ обойти «тяжёлую проблему» Чалмерса [4] – как сознание может явиться результатом физического мира [31, ч. 8]. «Сознающий ум» Чалмерса – любопытное философское повествование о серьёзных парадоксах и секретах сознания. Это инспирирующая работа, предлагающая экспериментальное обоснование «натуралистического дуализма», опирающееся на утверждение автора о нефизической природе сознания и его подчинённости функциональным схемам в мозге. Чалмерс уверен, что его концепция выявляет новые перспективы для трактовки квантовой механики и позволяет говорить о вероятности сознательных роботов. Даётся понятие непреодолимого объяснительного провала на этой картине, побочном продукте Декартовского осмысления сознания и жизни тела как обязательно исключаящих друг друга, сознания как внутреннего опыта, доступно только для рефлексии от первого лица

и жизни как внешней, механической функции. Томпсон утверждает, что в отличие от этого живое существо всегда воплощает своего рода недра этой собственной «постоянной целеустремлённости», и из этих недр такое сознание продуцируется. Сознание – эмерджентный процесс, который появляется из самоорганизации взаимодействий мозга, тела и окружающей среды. Имеется определённый вид «объяснительного провала» в сопоставлении, как «живущее тело» с чувством и интенциональной активностью зарождается из «живого организма», но это больше не абсолютный, непреодолимый объяснительный провал, который занимал многих философов [31, с. 236].

Улучшение подхода было спорно в ряде различных сфер. Томпсон, как и Дж. Сёрл, исходит из идеи, что сознание – эмерджентный процесс, передающий определённый вид «нисходящей каузальности», хотя ряд философов, особенно Джэвон Ким, скептически относились к идее нисходящей каузальности. Можно ли подвергнуть сомнению перспективу Томпсона и избежать непреодолимого объяснительного провала так легко, как он предлагает. Если вся жизнь вовлекает своего рода интериорность, по крайней мере, элементарный смысл физического «Я», который создаёт окружающую среду местом значимости для организма, то мы могли бы спросить, нет ли объяснительного провала между этим основным понятием интериорности и физическим миром [Там же, с. 158]. Есть ли что-то, на что походит для организма этот вид интериорности, или нет? Если есть, это могло бы быть подвергнуто сомнению, возможно ли объяснить, на что это походит для данного организма, чтобы иметь его вид интериорности полностью с точки зрения физических и функциональных характеристик организма и его взаимодействий с окружающей средой. Если нет, тогда не ясно, почему не было бы непреодолимого объяснительного провала между интериорностью сознательного опыта и интериорностью низшего уровня. Обратным предположению Томпсона считается, что проблема объяснительного провала не возникает, если мы принимаем Декартовскую концепцию феноменального сознания как внутреннюю собственность ментальных состояний только со случайными логическими и концептуальными связями

ми с телом и миром. Даже в этом случае парадигматический сторонник объяснительного провала, как Чалмерс, считает, что сознание скорее представительно, а не свойственно, и что познание и ментальные состояния простираются в мир важным путём. По мнению Томпсона, объяснительный провал, возможно, не столь легко отклонить.

Нейтральная недвойственность

Представленные три возможности того, чему мы можем научиться у буддизма в объяснении отношений сознания и мира, имеют свои трудности. Правда, есть другая модель этого отношения, которая может быть привлечена из буддистской мысли со своим потенциалом решения многих проблем. Эту концепцию отношения умственного и физического называют нейтральной недвойственностью (*neutral non-dualism*). Она напоминает «нейтральный монизм» Бертрана Рассела и других авторов, которые поддерживают эту теорию, утверждающую, что подлинная природа не является должным образом поддающейся описанию, ни как умственная, ни как физическая. Но нейтральная недвойственность отличается от нейтрального монизма в важных отношениях. набросок её общих особенностей таков.

Буддистская мысль, которую этот взгляд отображает, – школа Madhyamaka, особенно работа Нагарджуны, но тип интерпретации Нагарджуны, от которого это зависит, несколько отличается от развитого авторами “The Embodied Mind” (1991). Есть несколько разновидностей этого стиля интерпретации, но, в общем, оно таково. В его главной работе, *Mulamadhyamakakarika*, Нагарджуна представляет важное различие между двумя уровнями истины, *paramarthasatya*, или окончательная истина, и *samvrtisatya*, или общепринятая истина. Окончательная истина для Нагарджуны – то, что все явления есть пустые свахва, что переведём как собственная природа, которой она обладала независимо от других сущностей, причин, частей и т. д. Свойства и события также пусты. Окончательная истина об этих вещах в нехватке подлинной природы, т. е. они не могут быть соответственно осмыслены или положительно описаны, хотя могут быть известны через опыт. Никакие положительные заявления

вообще не могут утверждаться о действительности в окончательном уровне. Чтобы сделать утверждения на этом уровне, следует характеризовать вещи с точки зрения их природы как свахва (самобытие), и таким образом, никакие положительные утверждения не могут быть сделаны на этом уровне, что вещи существуют или что они также не существуют. Эта перспектива родственна монистическому рассмотрению в обоих смыслах, в которых этот термин обычно используется, как значение реальности содержит только один тип вещи, и как то, чтобы подразумевать, что действительность не дифференцирована. Но в обоих смыслах взгляд Нагарджуны лучше описан как недualiстический: по сути, мы не можем утверждать, что действительность одна, только что их не две, и в то же время мы не можем утверждать, что она дифференцирована, и при этом мы не можем утверждать, что она не дифференцирована.

В отличие от этого на уровне обычной истины мы можем подтвердить, что вещи существуют, определённы как зависящие от их частей, причин и, согласно Нагарджуны, от концептуализации также. Обычная истина включает все закономерности нашего каждодневного опыта, что трава зелена, снег является белым и т. д. По существующей интерпретации, однако, заявления на обычном уровне рассматриваются как содержащие прагматический элемент, хотя их приемлемость ограничена основанной на опыте регулярностью, потому что они не могут быть основаны ни в какой существующей независимой реальности, их приемлемость также будет частично функцией наших контекстно-зависимых интересов и целей.

То, что предполагает нейтральная недualiстическая модель, мы можем взять из Нагарджуны, так как на окончательном уровне отношение между умственным и физическим не может быть должным образом характеризуемым или с точки зрения материализма, двойственности, или с точки зрения идеализма (или с точки зрения базирующегося на сознании). Заметим, что центральные аргументы первых двух точек зрения, представленные Уоллесом и Фланаганом, были фактически аргументами против антагонистических взглядов. Фланаган утверждает, что субстанциальный дуализм, собственно дуализм, и идеализм не

могут быть правильными, потому что они не могут объяснить ментальную каузальность; следовательно, он приходит к заключению, что физикализм должен быть верным. Уоллес утверждает, что физикализм не может быть правым, потому что он не может дать отчёт объяснительному провалу и связанным феноменам; на этой основе вместе с доказательствами медитативного опыта он принимает основанное на сознании представление. Нейтральная недвойственность предлагает принять отрицательные части обоих этих аргументов, но отклонить их положительные заключения. Таким образом, мы можем знать и эту двойственность, и основанные на сознании представления, они ложны из-за их трудностей в примирении ментальной каузальности, и что физикализм ложен из-за трудности в примирении объяснительного провала. Предложение состоит в том, что мы оставляем это состояние и признаём, что реальность не может быть характеризована с точки зрения ни одного из этих представлений. Действительно, в её самой сильной форме нейтральная недвойственность считала бы, что отношения между сознанием и материей просто непонятны, а что-то не может осмысляться вообще. Нейтральная недвойственность может таким образом приспособить и факты ментальной каузальности, и объяснительный провал, поскольку в отличие от физикализма, дуализма и основанных на сознании представлений она не порождает онтологические обязательства, которые несовместимы с этими фактами.

Нейтральная недвойственность, однако, предполагает, что окончательное отношение между сознанием и материей не может быть рассмотрено с точки зрения материализма, двойственности или любого основанного на сознании представления. По этой причине все такие соображения предполагают определённые вещи, которые являются свабхава, имеют истинную природу, и с тех пор фактически никакие явления не являются свабхава, все эти представления не в состоянии схватить действительность. Можно подвергнуть сомнению, обязательно ли материализм посвящает себя представлению, что физические свойства, в том числе и свойства нервов, имеют «истинную природу» в любом смысле. Но даже если это не так, вероятно, что материализм

должен или признать, что некоторые элементарные частицы или свойства имеют истинную природу, или отказаться от идеи, что действительность дифференцирована, и двинутся к некоторой форме монизма или недвойственности. Похожим способом широко идеалистические представления могли бы быть замечены как установка, которую ментальные субстанции, свойства или события имеют как истинную природу. Уоллес, хотя он из всех сил старается отклонить представление, что есть вещества которые являются свабхава, тем не менее, говорит о *dharmadhatu*, которые идентично исконному сознанию как бесконечное и внутренне недифференцированное, и он таким образом ясно видит, почему это не должно квалифицироваться как сущность с истинной природой [34, с. 20].

Мы говорили об отношениях между ментальным и физическим на уровне окончательной истины, но важно подчеркнуть, что нейтральная недвойственность признала бы, что на обычном уровне возможно сказать многое об этом отношении, что когнитивистика и нейробиология действительно стремятся делать. Однако заявления на этом уровне должны быть взяты в качестве прагматического элемента.

Нейтральная недвойственность до некоторой степени напоминает о «Новой тайнственности», предложенной К. Макджинном, и всё же она значительно отличается [24]. Обе точки зрения таковы, что мы не можем схватить окончательную природу отношения между сознанием и материей. Для Макджинна причина этой неспособности – ограничение наших познавательных полномочий. Есть фактически ответ на вопрос: идентичны ли ментальные события и физические явления или отличны, этот факт лежит за пределами наших познавательных способностей. Соответственно нейтральной недвойственности отношение между умственным и физическим не только непостижимо для нас, но и непонятно. Мы не можем ответить на вышеупомянутый вопрос, отметим только, что у некоторых явлений есть истинная природа.

Заключение. Хотя нейтральная недвойственность может, как мы видели, приспособить и ментальную каузальность, и объяснительный провал, в силу того, что в отличие от физикализма, дуализма и основанных на сознании представлений

она не порождает онтологические обязательства, которые несовместимы с этими фактами, у неё существенные недостатки. Больше всего очевидно, что она оставляет окончательную природу отношения между сознанием и материей необъяснённой и возможно необъяснимой. Но стоит подчеркнуть существование современных споров об истинных свойствах мира [2; 3; 14]. Дэвид Чалмерс [4] вслед за Расселом (1927) утверждает, что даже физика не говорит нам об истинных свойствах вещей, начиная с таких свойств, как масса. Джеквон Ким (Kim J. *Mind in a Physical World: An Essay on the Mind-Body Problem and Mental Causation*. Cambridge, 1998) предлагает свою физикалистскую модель как идею структурно-видовых законов или локальной (функциональной) редукции, ко-

торая может представить, почему ментальное, несмотря на доказанную каузальную релевантность, является частью физического мира. Этот факт им объясняется через понятие супервентности («ковариация свойств»), совместимое с различными формами двойственности. Аргумент супервентности демонстрирует, что невозможно уйти от метафизической стороны проблемы как её существенной части. Проблема ментальной каузальности, тождества, нейтральности умственного и физического и прочие проблемы философии сознания показывают перспективу развития новой метафизики сознания. С учётом способности нейтрального недуалистического отношения можно избежать многих проблем, стоящих перед другими соображениями, что послужит достойной альтернативой.

Список литературы

1. Balog Katalin. In Defense of the Phenomenal Concept Strategy // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2012. No. 84. P. 1–23.
2. Blackburn Simon. Filling in Space // *Analysis*. 1990. No. 59. P. 62–65.
3. Cameron Ross. Turtles All the Way Down: Regress, Priority and Fundamentality // *Philosophical Quarterly*. 2008. No. 58. P. 1–14.
4. Chalmers David. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Oxford: Oxford University Press, 1996. 405 p.
5. Chalmers David. Consciousness and Its Place in Nature. In *Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Readings* / ed. D. Chalmers. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 247–272.
6. Chalmers David. The Representational Character of Experience. In *The Future for Philosophy* / ed. B. Leiter. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 153–181.
7. Chalmers David. Phenomenal Concepts and the Explanatory Gap. In *Phenomenal Concepts and Phenomenal Knowledge: New Essays on Consciousness and Physicalism* / eds. T. Alter, S. Walter. New York: Oxford University Press, 2007. P. 167–194.
8. Clark Andy, David Chalmers. The Extended Mind // *Analysis*. 1998. No. 58. P. 10–23.
9. Flanagan Owen. *The Problem of the Soul: Two Visions of Mind and How to Reconcile Them*. New York: Basic Books, 2002. 382 p.
10. Flanagan Owen. *The Bodhisattva's Brain: Buddhism Naturalized*. Cambridge: MA; London: MIT Press, 2011. 249 p.
11. Garfield Jay. *The Fundamental Wisdom of the Middle Way: Nagarjuna's Mulamadhyamakakarika*. Oxford: Oxford University Press, 1995. 367 p.
12. Garfield Jay. Ask Not What Buddhism Can Do for Cognitive Science, Ask What Cognitive Science Can Do for Buddhism // *Bulletin of Tibetology (Gangtok)*. 2011. No. 47. P. 15–30.
13. Garfield Jay, Graham Priest. Nagarjuna and the Limits of Thought. In Jay Garfield, *Empty Words: Buddhist Philosophy and Cross-Cultural Interpretation*. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 86–105.
14. Heil John. *From an Ontological Point of View*. New York; Oxford: Oxford University Press, 2003. 267 p.
15. Heil John. *Philosophy of Mind: A Contemporary Introduction*. London: Routledge, 2004. 280 p.
16. Kim Jaegwon. *Supervenience and Mind: Selected Philosophical Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 377 p.
17. Heil John. Making Sense of Emergence // *Philosophical Studies*. 1999. No. 95. P. 3–36.
18. Heil John. *Physicalism, Or Something Near Enough*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2005. 237 p.
19. Levine Joseph. Materialism and Qualia: The Explanatory Gap // *Pacific Philosophical Quarterly*. 1983. No. 64. P. 354–361.
20. Levine Joseph. Phenomenal Concepts and the Materialist Constraint. In *Phenomenal Concepts and Phenomenal Knowledge: New Essays on Consciousness and Physicalism* / eds. T. Alter, S. Walter. New York: Oxford University Press, 2007. P. 145–166.

21. Loar Brian. Phenomenal Concepts. In *The Nature of Consciousness* / eds. N. Block, O. Flanagan, G. Guzeldere. Cambridge: MA: MIT Press, 1997. P. 597–616.
22. Lockwood Michael. *Mind, Brain, and Quantum*. Oxford: Basil Blackwell, 1989. 302 p.
23. Lutz Antoine, Evan Thompson. Neurophenomenology: Integrating Subjective Experience and Brain Dynamics in the Neuroscience of Consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 2003. No. 10. P. 31–52.
24. McGinn Colin. *The Mysterious Flame: Conscious Minds in a Material World*. New York: Basic Books, 2000. 256 p.
25. Papineau David. *Thinking About Consciousness*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 280 p.
26. Papineau David. Phenomenal and Perceptual Concepts. In *Phenomenal Concepts and Phenomenal Knowledge: New Essays on Consciousness and Physicalism* / eds. T. Alter, S. Walter. New York: Oxford University Press, 2007. P. 111–144.
27. Siderits Mark. Buddhism and Techno-Physicalism: Is the Eightfold Path a Program? // *Philosophy East and West*. 2001. No. 51. P. 307–314.
28. Spackman John. Between Nihilism and Anti-Essentialism: A Conceptualist Interpretation of Nagarjuna // *Philosophy East and West*. 2014. No. 64. P. 1.
29. Sundstrom Par. 'Phenomenal Concepts.' *Philosophy Compass*. 2011. No. 6. P. 267–281.
30. The Dalai Lama. *The Universe in a Single Atom: The Convergence of Science and Spirituality*. New York: Broadway Books, 2005. 254 p.
31. Thompson Evan. *Mind in Life: Biology, Phenomenology, and the Sciences of the Mind*. Cambridge: MA; London: Harvard University Press, 2007. 543 p.
32. Thompson Evan, Francisco Valera, Rosch Eleanor. *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge: MA; London: MIT Press, 1991. 321 p.
33. Wallace Alan. *The Taboo of Subjectivity: Toward a New Science of Consciousness*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 232 p.
34. Wallace Alan. *Contemplative Science*. New York: Columbia University Press, 2007. 342 p.

Статья поступила в редакцию 29.03.2017; принята к публикации 25.04.2017

Библиографическое описание статьи

Колесников А. С. Проблемы природы ума и сознания в решениях традиционной и современной буддистской мысли // *Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки*. 2017. Т. 12, № 3. С. 141–153. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-141-153.

Anatoliy S. Kolesnikov,
Doctor of Philosophy, Professor,
St. Petersburg State University
(7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia),
e-mail: kolesnikov1940@yandex.ru

**The Problems of the Nature of Mind and Consciousness
in the Decisions of the Traditional and Modern Buddhist Thought**

The spread of Buddhism in the world is accompanied by a growing interest in Buddhist thought as a potential source of the alternative of the concept of consciousness nature as a relationship between the mental and the physical. When considering traditional models of modern philosophy of consciousness, there is a possibility of not only comparing it with Buddhist philosophy but also the reception of its individual aspects in the philosophy of consciousness correlated with Physicalism (naturalized Buddhism) and the phenomenological approach. The phenomenological approach perceives from Buddhism a non-dualistic relationship between the mental and the physical. For philosophers of consciousness prone to materialism, Buddhism is a religion without the monotheistic God of the creator, and in some of its forms and deities in general. In the philosophy of consciousness, interest in alternatives to materialism has revived, and here too, it is a source of the attractiveness of Buddhist thought. The most prominent traditional alternative to materialism in the Western philosophy of consciousness is the type of substantial dualism proposed by Descartes. The philosophers, attracted by non-materialistic representations of consciousness, reject duality because of the traditionally related problems. Buddhist theories of consciousness are attracted by the fact that they resist direct materialism, but also reject the notion that the mind is an

irrelevant matter, since they annul the concept that there are substances in general, either mental or material. The Models of the modern philosophy of consciousness, faced with significant difficulties in explaining the interaction of the mental and physical, in the opinion of the researchers, are partly solvable in the model of the Buddhist philosopher Nagarjuna. Neutral non-duality, unlike physicalism, dualism, and consciousness-based representations, does not generate ontological obligations that are incompatible with these facts.

Keywords: Buddhist consciousness philosophy, mental and physical, Physicalism, phenomenological approach, not-dualistic model, Nagarjuna

References

1. Balog Katalin. In Defense of the Phenomenal Concept Strategy // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2012. No. 84. P. 1–23.
2. Blackburn Simon. Filling in Space // *Analysis*. 1990. No. 59. P. 62–65.
3. Cameron Ross. Turtles All the Way Down: Regress, Priority and Fundamentality // *Philosophical Quarterly*. 2008. No. 58. P. 1–14.
4. Chalmers David. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Oxford: Oxford University Press, 1996. 405 p.
5. Chalmers David. Consciousness and Its Place in Nature. In *Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Readings* / ed. D. Chalmers. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 247–272.
6. Chalmers David. The Representational Character of Experience. In *The Future for Philosophy* / ed. B. Leiter. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 153–181.
7. Chalmers David. Phenomenal Concepts and the Explanatory Gap. In *Phenomenal Concepts and Phenomenal Knowledge: New Essays on Consciousness and Physicalism* / eds. T. Alter, S. Walter. New York: Oxford University Press, 2007. P. 167–194.
8. Clark Andy, David Chalmers. The Extended Mind // *Analysis*. 1998. No. 58. P. 10–23.
9. Flanagan Owen. *The Problem of the Soul: Two Visions of Mind and How to Reconcile Them*. New York: Basic Books, 2002. 382 p.
10. Flanagan Owen. *The Bodhisattva's Brain: Buddhism Naturalized*. Cambridge: MA; London: MIT Press, 2011. 249 p.
11. Garfield Jay. *The Fundamental Wisdom of the Middle Way: Nagarjuna's Mulamadhyamakakarika*. Oxford: Oxford University Press, 1995. 367 p.
12. Garfield Jay. Ask Not What Buddhism Can Do for Cognitive Science, Ask What Cognitive Science Can Do for Buddhism // *Bulletin of Tibetology (Gangtok)*. 2011. No. 47. P. 15–30.
13. Garfield Jay, Graham Priest. Nagarjuna and the Limits of Thought. In Jay Garfield, Empty Words: Buddhist Philosophy and Cross-Cultural Interpretation. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 86–105.
14. Heil John. *From an Ontological Point of View*. New York; Oxford: Oxford University Press, 2003. 267 p.
15. Heil John. *Philosophy of Mind: A Contemporary Introduction*. London: Routledge, 2004. 280 p.
16. Kim Jaegwon. *Supervenience and Mind: Selected Philosophical Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 377 p.
17. Heil John. Making Sense of Emergence // *Philosophical Studies*. 1999. No. 95. P. 3–36.
18. Heil John. *Physicalism, Or Something Near Enough*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2005. 237 p.
19. Levine Joseph. Materialism and Qualia: The Explanatory Gap // *Pacific Philosophical Quarterly*. 1983. No. 64. P. 354–361.
20. Levine Joseph. Phenomenal Concepts and the Materialist Constraint. In *Phenomenal Concepts and Phenomenal Knowledge: New Essays on Consciousness and Physicalism* / eds. T. Alter, S. Walter. New York: Oxford University Press, 2007. P. 145–166.
21. Loar Brian. Phenomenal Concepts. In *The Nature of Consciousness* / eds. N. Block, O. Flanagan, G. Guzeldere. Cambridge: MA: MIT Press, 1997. P. 597–616.
22. Lockwood Michael. *Mind, Brain, and Quantum*. Oxford: Basil Blackwell, 1989. 302 p.
23. Lutz Antoine, Evan Thompson. Neurophenomenology: Integrating Subjective Experience and Brain Dynamics in the Neuroscience of Consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 2003. No. 10. P. 31–52.
24. McGinn Colin. *The Mysterious Flame: Conscious Minds in a Material World*. New York: Basic Books, 2000. 256 p.
25. Papineau David. *Thinking About Consciousness*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 280 p.
26. Papineau David. Phenomenal and Perceptual Concepts. In *Phenomenal Concepts and Phenomenal Knowledge: New Essays on Consciousness and Physicalism* / eds. T. Alter, S. Walter. New York: Oxford University Press, 2007. P. 111–144.

27. Siderits Mark. Buddhism and Techno-Physicalism: Is the Eightfold Path a Program? // Philosophy East and West. 2001. No. 51. P. 307–314.
28. Spackman John. Between Nihilism and Anti-Essentialism: A Conceptualist Interpretation of Nagarjuna // Philosophy East and West. 2014. No. 64. P. 1.
29. Sundstrom Par. 'Phenomenal Concepts.' Philosophy Compass. 2011. No. 6. P. 267–281.
30. The Dalai Lama. The Universe in a Single Atom: The Convergence of Science and Spirituality. New York: Broadway Books, 2005. 254 p.
31. Thompson Evan. Mind in Life: Biology, Phenomenology, and the Sciences of the Mind. Cambridge: MA; London: Harvard University Press, 2007. 543 p.
32. Thompson Evan, Francisco Valera, Rosch Eleanor. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge: MA; London: MIT Press, 1991. 321 p.
33. Wallace Alan. The Taboo of Subjectivity: Toward a New Science of Consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2000. 232 p.
34. Wallace Alan. Contemplative Science. New York: Columbia University Press, 2007. 342 p.

Received: March 29, 2017; accepted for publication: April 25, 2017

Reference to the article

Kolesnikov A. S. The Problems of the Nature of Mind and Consciousness in the Decisions of the Traditional and Modern Buddhist Thought // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 141–153. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-141-153.

Чэ Тунбо¹,

кандидат философских наук,
Хулунбуирский институт
(021008, АРВМ КНР, р-н Хайлар, в. Хулунбуир),
e-mail: chetongbo@126.com

Цзоу Хун²,

кандидат философских наук,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: zouhong@mail.ru

Влияние постулатов даосизма на развитие китайского общества

В статье проанализированы основные постулаты даосского верования, их влияние на развитие научной мысли, искусство, политику, мораль и этические установки, принятые в обществе, образ жизни. На основе изучения древнекитайского трактата «Дао дэ цзин» («Канон Пути и Благодати») проанализированы основные законы, выведенные Лао-цзы, о силе и слабости; внешнем и внутреннем проявлении вещей; смелости и трусости, торопливости и умении ждать, желании идти напролом и умении выжидать; учёте уровня развития любого процесса и явления. Исследованные Лао-цзы сложные внешние непрерывно изменяющиеся формы вещей, обобщённые в законы развития вещей, были положены в основу всякой деятельности. В статье описано влияние соблюдения законов на повседневную жизнь людей, развитие отдельных направлений общественно-политической жизни Китая, мировой бизнес. Рассмотрено значение следования постулатам даосского верования в воинском деле на протяжении ряда столетий, а также во внешней и внутренней политике Китая. Особое внимание уделено слиянию даосских практик и традиционной китайской медицины, которая оценивает человека как единство силы, воздействующей на тело.

Ключевые слова: даосизм, постулаты даосского верования, Лао-цзы, Дао дэ цзин, даосские практики, китайское общество

Вводная часть. Даосизм – традиционная религия Китая, формирование и развитие данной религии происходило на его территории, оказывая влияние на науку, культуру, быт китайцев [2].

Большое влияние даосизм оказал на уже сформировавшиеся представления китайцев о мире, раскрытые в конфуцианстве, а позднее в буддизме [1]. В результате длительной борьбы данных направлений, а затем взаимопроникновения направлений даосизма, конфуцианства и буддизма друг в друга формировались новые научные идеи и школы.

Немаловажное влияние даосизм оказал на литературу и искусство, что проявилось в использовании идеала даосской веры – быть нестареющим и бессмертным. Мысль о бессмертии стала одной из главных тем китайской традиционной литературы. Она выражалась в поэзии, песнях, драмах, романах и т. д. Кроме того, даосизм

влиял на китайскую музыку, каллиграфию, живопись, скульптуру, каменный барельеф, архитектуру.

Развивая теорию бессмертия, сторонники даосизма утверждали, что бессмертие достигается с помощью дыхательной гимнастики, скоординированного питания, алхимии и т. д. «Занятия алхимией способствовали накоплению богатого эмпирического материала в области химии, традиционной медицины, фармакологии» [5].

Даосизм оказал влияние на внутреннюю политику Китая. Многие последователи даосизма участвовали в политической борьбе правящих классов, давая советы в политических и военных делах. Руководители крестьянских восстаний использовали идеи даосизма для объединения людей против власти правящих классов.

Принцип, введённый отшельниками и последователями даосизма – спокойно мириться с бедностью и довольствоваться

¹ Чэ Тунбо – основной автор, собирает, анализирует, систематизирует материал исследования, оформляет статью, работает с архивными источниками.

² Цзоу Хун собирает и анализирует материал исследования, оформляет статью.

тем, что есть – длительное время распространялся в обществе и играл важную роль в формировании психологического восприятия мира и характера китайцев. Принцип «дорожить жизнью и любить настоящую жизнь» также наложил отпечаток на характер китайцев [8]. Принципы даосизма о формировании добропорядочного общества оказали влияние на образ жизни и ценности китайцев [2].

Цель исследования – выявить особенности влияния основных постулатов даосского верования на жизнь современного китайского общества на основе изучения древнекитайского трактата «Дао дэ цзин» («Канон Пути и Благодати»). Достижение цели предполагает решение следующих задач: проанализировать законы Лао-цзы о силе и слабости – «Мягкое и слабое одолевают твёрдое и сильное»; внешнем и внутреннем проявлении вещей – «Прибегать к помощи внешних сил, следуя законам Неба и Пределу древности»; смелости и трусости, торопливости и умении ждать, желании идти напролом и умении выждать – «Я не дерзну шагнуть и на цунь вперёд, но отступлю на чи назад»; учёта уровня развития любого процесса и явления – «Намеревайся свершить трудное, пока оно легко. Осуществляй большое, пока оно мало»; рассмотреть использование даосских практик в воинском деле, внешней и внутренней политике, традиционной китайской медицине.

Материалы и выводы статьи расширяют представления о культуре Китая, могут быть использованы при изучении китайского общества, в современной социокультурной практике.

Методология и методы исследования. В статье использован анализ постулатов даосского верования, изложенных в труде «Дао дэ цзин», автор которого – Лао-цзы. Этот трактат не является собранием отвлечённых афоризмов или философских идей, равно как и не может являться просто изложением взглядов некоего Лао-цзы. Поэтому предполагается, что «Дао дэ цзин» в своей основной части был набором посвячительных формул и речитативов, которые активно использовались в ритуалах VII–V веков до н. э. [4].

Результаты исследования и их обсуждение. Каждая вещь имеет свой закон развития, что выражается через сложные внешние непрерывно изменяющиеся фор-

мы. Лао-цзы исследовал эти формы, выявил и обобщил законы развития вещей и превратил их в основу всякой деятельности [3]. Лао-цзы признавал существование закона, который выражался в том, что мягкое и слабое одолевают твёрдое и сильное.

В детстве Учитель Лао-цзы на примере объяснил ему одну из основ деятельности – Дао. Открыв рот, учитель спросил: «Существует ли мой язык?» Лао-цзы ответил: «Да». Учитель спросил: «Существуют ли мои зубы?» Ученик ответил: «Нет». Учитель спросил: «Ты понимаешь значение моих вопросов?» Лао-цзы ответил: «Да. Язык существует из-за его податливости. А зубы не существуют из-за их твёрдости». Так была объяснена основа всего сущего.

Закон нашёл широкое применение в различных видах деятельности. В борьбе с враждебной силой использовался следующий принцип: поставь себя на более низкое место и проявляй мягкие и слабые черты, только тогда ты будешь развиваться и крепнуть, в результате победишь врага. Лао-цзы писал: «Ослабление – это использование Дао». Примером может выступить вода: «В Поднебесной нет ничего податливее и слабее воды. Но в противостоянии твёрдому и сильному ничто не сравнится с ней. И в использовании ничто не может заменить её. Слабое одолеет сильное, податливое одолеет твёрдое» [7].

Лао-цзы на основании данного закона предложил использовать в деятельности следующую тактику: «Познав мужское, сохраняй и женское, становясь ложиной Поднебесной. Будь ложиной Поднебесной, – тогда постоянная Благодать не покинет тебя, и вернёшься в состояние новорождённого» [Там же]. Таким образом, Лао-цзы в своих трудах обратил особое внимание на скромность, которая представлена в сохранении женского.

Отметим, что философ в контексте рассматриваемого закона делал акцент на том, что в мире существует такое развитие событий, когда тело падает после взлёта, и сравнивал это с высокомерием и самодовольством. Лао-цзы отмечал: «Умелый достигает цели и на этом останавливается. Он достигает цели и не восхваляет себя; достигает цели и не кичится этим; достигает цели и не проявляет высокомерия; достигает цели лишь тогда, когда у него нет другого выбора; достигает цели, но не принуждает» [Там же].

Существует противоречащее Дао, которое выражается в том, что вещи, накапливая силу, стареют. Отсюда следует вывод, что человек не должен бравировать своей силой, иначе в конечном результате наступит поражение. Это связано с тем, что человек, достигший успеха, восхваляя себя за заслуги, теряет возможность объективно наблюдать происходящие процессы, в результате чего возникает переоценка себя и недооценка объективных трудностей, что неизбежно приведёт к поражению.

Таким образом, следование закону «Мягкое и слабое одолевают твёрдое и сильное» предполагает скромное и предусмотрительное отношение к себе и другим, отсутствие высокомерия и самодовольства. Соблюдение данного принципа важно для развития личности и процветания государства.

Лао-цзы считал, что одному человеку присуща ограниченная сила, объективному миру – неисчерпаемые вещи, что явилось основным принципом закона «Прибегать к помощи внешних сил, следуя законам Неба и Пределу древности».

Данный закон предполагает, что один человек не может справиться с неисчерпаемыми вещами своей ограниченной силой, но может сделать это с помощью силы естественности. Интерпретировать эту мысль можно следующим образом: человек для передвижения по земле использует машину. При этом он вполне может по земле идти пешком, но не так быстро и далеко, особенно если он это делает с тяжёлыми вещами. Используя машину, человек может передвигаться в пространстве быстрее и дальше, везя с собой много тяжёлых вещей.

Лао-цзы отмечал: «Умелый полководец не воинственен, умелый в сражении не гневлив, умеющий побеждать врага не вступает с ним в поединок, умеющий использовать людей, ставит себя ниже их. Это является Благодатью без противостояния, способностью использовать людей, следованием Небу и Пределу древности» [7]. Полководец, обязанность которого заключается в командовании войском, не должен идти в атаку, так как он имеет лишь ограниченную силу. Его задача – эффективно командовать войском, используя слабость врагов, а не только собственную смелость.

В 70-х годах XX века одна из самых больших американских компаний «Кока-

кола» попала в трудное финансовое положение из-за конкуренции с компанией «Пепси-кола». Положение изменилось после того, как Р. Госут встал во главе правления [12]. На основе анализа деятельности компании он пришёл к выводу, что компания не справляется с возникшей ситуацией в связи с тем, что опирается лишь на силу председателя правления, в то время как должна опираться на руководящую команду, в которой каждый будет заниматься соответствующим видом деятельности. В связи с этим, им была проведена реформа – организация эффективно работающей команды, смена более десяти директоров, работающих неэффективно. При этом Р. Госут только осуществлял руководство основными направлениями деятельности компании, следуя тактике Лао-цзы.

Таким образом, согласно закону «Прибегать к помощи внешних сил, следуя законам Неба и Пределу древности», успеха в деятельности можно достичь только тогда, когда будет использована общественная и естественная силы.

Ещё один закон, который выявил Лао-цзы, выражается в следующем: «Я не дерзну шагнуть и на цунь вперёд, но отступлю на чи назад».

Лао-цзы писал: «У стратегов есть поговорка: «Я не посмею быть хозяином, буду лишь гостем. Я не дерзну шагнуть и на цунь (около 3,2 см) вперёд, но отступлю на чи (около 0,3 см) назад» [7]. Это называется продвижением вне движения, закатыванием рукавов, не имея рук, противостоянием врагу, не имея противников, победой без оружия.

Тактика, определяемая данным законом, заключается в следующем: в бою не надо идти в атаку по своей инициативе, надо ждать изменения обстановки. Это обусловлено тем, что сторона, которая идёт в атаку по своей инициативе, легче обнаруживает слабость, так как использует только свою силу. Сторона, которая ждёт изменения обстановки, помимо своей силы может использовать слабость и силу соперника. Это можно сравнить с тем, как если бы человек направил вниз тяжёлую булаву, движение которой он уже не может изменить и остановить. Посторонний же человек, особенно владеющий мастерством, сможет направить эту булаву в другую сторону, в том числе и на её владельца. В китайской

традиционной гимнастике тайцзинцюань есть движения, которые основаны на этом принципе [11].

Лао-цзы указывал на то, что важным фактором победы в боях является смелость. Сторона, которая идёт в атаку по своей инициативе, имеет тенденцию к снижению смелости, сторона, которая ждёт изменения обстановки, – к увеличению смелости. В атаке зачастую смелость достигает апогея, и если не встречает сопротивления, то возникают две психологические реакции на происходящее: «закидать шапками» и нерадивость, которые приводят к уменьшению силы. У стороны, которая ждёт изменений, не принимая атаку соперника, также возникают две психологические реакции: унижение и негодование, которые приводят к умножению силы. Лао-цзы говорил: «Когда две враждующие стороны вступают в поединок, побеждает преисполненный справедливого негодования» [7].

Описанная выше тактика, часто используется в переговорах. Переговоры, в которых одна сторона не уступает в пользу другой, не приводят к успешному взаимодействию. Например, когда китайское правительство вело переговоры с американским правительством о вступлении в ВТО, возникла сложная ситуация – расхождения двух сторон по семи статьям договора. После перерыва, когда две стороны вернулись за стол переговоров, представитель Китая Джу Жонзи (бывший премьер) подтвердил согласие по трём пунктам, на которых настаивала Америка. Потом он сказал: «Мы уже уступили в первых трёх статьях, в остальных вы должны уступить» [12]. В результате две стороны заключили взаимовыгодную сделку.

Мао Цзэдун часто использовал данную тактику во время войны. Когда войска Гоминьдана атаковали Яньань, многие командиры Компартии встали на защиту этой святыни. Мао Цзэдун предложил отказаться от места, где находился центр Компартии, сделав его обременительным для войска Гоминьдана. Впоследствии Мао Цзэдун сравнил это со сном и отдыхом: сон и отдых тратят наше время, но одновременно дают энергию для работы в последующем.

Лао-цзы, считая, что развитие вещей происходит по направлению от лёгкого к трудному, от малого к большому, сформулировал ещё один закон: «Намеревайся свер-

шить трудное, пока оно легко. Осуществляй большое, пока оно мало». Он писал: «Легко сохранить то, что умиротворено. Легко спланировать то, что ещё не получило развития. Легко разломать то, что ещё хрупко. Легко рассеять то, что ещё мало. Действуй тогда, когда ещё ничего нет. Правь там, где ещё нет смуты. Полнокровное дерево вырастает из мельчайшего ничто. Башня в девять уступов поднимается из просеянной земли» [7]. Поэтому при осуществлении деятельности важно учитывать уровень развития любого процесса и явления.

Для того чтобы развитие событий происходило согласно воле человека, необходимо принимать соответственные меры тогда, когда вещь только «даёт ростки». Если данный период развития упущен, то развитие событий сложно взять под контроль. Этот принцип отражает фразеологизм «пресекать зло в самом зародыше».

Данный принцип широко используется в традиционной китайской медицине, что представлено следующим примером. В Древнем Китае жил известный врач Бенцью. Наблюдая короля, Бенцью констатировал, что тот заболел. Врач сообщил, что на данном этапе болезнь излечима, но если её не лечить, то состояние будет ухудшаться. Король не отреагировал на слова врача. Через 10 дней Бенцью опять увидел короля, отметив, что болезнь прогрессирует, однако реакции со стороны короля опять не последовало. Через 10 дней Бенцью специально посетил короля, констатировав, что вскоре болезнь перейдёт в неизлечимую форму. Король рассердился, но по-прежнему не принял слова врача во внимание. Через 10 дней Бенцью, встретив короля, отвернулся и убежал, объяснив впоследствии причину: «...Я не в состоянии помочь, поэтому побежал». Через пять дней король умер [10].

Таким образом, не принимая во внимание незначительные, на наш взгляд, отрицательно влияющие на нас факторы и явления, мы можем приблизиться к катастрофе [6]. Поэтому, согласно закону «Намеревайся свершить трудное, пока оно легко. Осуществляй большое, пока оно мало» при осуществлении деятельности важно учитывать уровень развития любого процесса и явления.

Заключение. Таким образом, Лао-Цзы в трактате «Дао дэ цзин» («Канон Пути

и Благодати»), изучив сложные внешние непрерывно изменяющиеся формы вещей, вывел законы развития вещей, имеющие ценность вне времени.

Закон о силе и слабости «Мягкое и слабое одолевают твёрдое и сильное» предполагает скромное и предусмотрительное отношение к себе и другим, отсутствие высокомерия и самодовольства. Закон «Прибегать к помощи внешних сил, следуя законам Неба и Пределу древности» основан на следующем принципе: успеха в деятельности можно достичь только тогда, когда будут использованы общественная и естественная силы. Закон «Я не дерзну

шагнуть и на цунь вперёд, но отступлю на чи назад» выражается в проявлении смелости и трусости, торопливости и умения ждать, желании идти напролом и умения выждать. Закон «Намеревайся свершить трудное, пока оно легко. Осуществляй большое, пока оно мало» указывает на то, что при осуществлении деятельности важно учитывать уровень развития любого процесса и явления.

Законы были положены в основу всякой деятельности, начиная с древности и до современного этапа. Соблюдение постулатов даосского верования важно для развития личности и процветания государства.

Список литературы

1. Абрамова Н. А. Традиционная культура Китая и межкультурное взаимодействие. Чита: ЧитГУ, 1998. 258 с.
2. Ермаков М. Е. Магия Китая. Введение в традиционные науки и практики. СПб.: Азбука-классика: Петербургское востоковедение, 2003. 208 с.
3. Лукьянов А. Е. Лао-цзы и Конфуций: Философия Дао. М.: Вост. лит. РАН, 2000. 384 с.
4. Маслов. А. А. Встретить дракона: толкование изначального смысла «Лао-цзы». М.: Логос, 2003. 358 с.
5. Ван Дэюй. Основные мысли Лао-цзы и Джуан-цзы и современная жизнь. Пекин: Китайское радиотелевидение, 1998. 290 с.
6. Го Юйхуа. Сыдэ куньжао юй шэндэ чжичжо: чжунго миньцзянь санцзан или юй чуаньтун шэнсыгуань. = Мучение от смерти и стремление к жизни: китайский традиционный похоронный ритуал и традиционные представления о жизни и смерти. Пекин: Чжунго жэньминь дасюе чубаньшэ, 1992. 251 с.
7. Лао-цзы. Дао дэ цзин. Пекин: Обучение и исследование иностранных языков, 1998. 171 с.
8. Лю Дэлуи. Мисинь хэ миньцзянь вэньхуа. = Народное суеверие и народная культура. Цзинань: Шандун цзяюй чубаньшэ, 2002. 215 с.
9. Лю Чжуньюй. Даоцзяо фашу. Даосская магия. Шанхай: Шанхай вэньхуа чубаньшэ, 2002. 215 с.
10. Чжан Сюйтун. Хуанлао чжихуай. = Мудрости Хуанди и Лаоцзы. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2005. 359 с.
11. Янь Хуачуань. Мацзу синьяндэ чиюань цзичи цзай шаньдун дицзюй чуаньбоши яньцзюй. = Исследование генезиса верований в Мацзу и истории их распространения в местности Шаньдун. Цзинань, 2006. 364 с.
12. Янь Цанмин. Политика коммерции и Лао-цзы. Ухань: Хубэй народное изд-во, 2003. 219 с.

Статья поступила в редакцию 21.03.2017; принята к публикации 18.04.2017

Библиографическое описание статьи

Чэ Тунбо, Цзоу Хун. Влияние постулатов даосизма на развитие китайского общества // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 154–159.

Che Tongbo¹,

*Candidate of Philosophy,
Hulunbuir University*

*(021008, The Inner Mongolia Autonomous Region, China,
Hailar District, Hulunbuir City),
e-mail: chetongbo@126.com*

Zou Hong²,

*Candidate of Philosophy,
Transbaikal State University*

*(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: zouhong@mail.ru*

The Influence of Taoism Postulates on the Development of Chinese Society

The paper analyzes the main postulates of Taoism, their influence on the development of scientific thought, art, politics, morals and ethical attitudes, accepted in society, as well as on the way of life. On the basis of the study of the ancient Chinese treatise "Tao Te Ching" ("Canon of the Way and Grace"), the article analyzes the main laws derived by Lao Tzu on strength and weakness; the external and internal manifestations of things; courage and cowardice, haste and the ability to wait, the desire to go ahead and the ability to wait; the ability to take into account the level of development of any process and phenomenon. The complex external, continuously changing forms of things, investigated by Lao Tzu and generalized into the laws of the development of things, were put into the basis of all activity. The article describes the influence of the laws observance on people's everyday life, the development of certain areas of China's social and political life, and global business. It considers the importance of following the postulates of the Taoist belief in military affairs for a number of centuries, as well as in China's foreign and domestic policy. Particular attention is paid to the fusion of Taoist practices and traditional Chinese medicine, which assesses a person as the unity of the forces that affect the body.

Keywords: Taoism, postulates of Taoist beliefs, Lao Tzu, Tao Te Ching, Taoist practices, Chinese society

References

1. Abramova N. A. Tradicionnaja kul'tura Kitaja i mezhkul'turnoe vzaimodejstvie. Chita: ChitGU, 1998. 258 s.
2. Ermakov M. E. Magija Kitaja. Vvedenie v tradicionnye nauki i praktiki. SPb.: Azbuka-klassika: Peterburgskoe vostokovedenie, 2003. 208 s.
3. Luk'janov A. E. Lao-czy i Konfucij: Filosofija Dao. M.: Vost. lit. RAN, 2000. 384 s.
4. Maslov. A. A. Vstretit' drakona: tolkovanie iznacha'nogo smysla «Lao-czy». M.: Logos, 2003. 358 s.
5. Van Djejuj. Osnovnye mysli Lao-czy i Dzhuan-czy i sovremennaja zhizn'. Pekin: Kitajskoe ra-
6. diotelevidenie, 1998. 290 s.
7. Go Jujhua. Sydje kun'zhao juj shjendje chzhichzho: chzhungo min'czjan' sanczan ili juj chuan'tun shjensyguan'. = Muchenie ot smerti i stremlenie k zhizni: kitajskij tradicionnyj pohoronnyj ritual i tradicionnye predstavlenija o zhizni i smerti. Pekin: Chzhungo zhjen'min' dasje chuban'shje, 1992. 251 s.
8. Lao-czy. Dao dje czin. Pekin: Obuchenie i issledovanie inostrannyh jazykov, 1998. 171 s.
9. Lju Djelun. Misin' hje min'czjan' vjen'hua. = Narodnoe sueverie i narodnaja kul'tura. Czinan': Shand-un czjaouj chuban'shje, 2002. 215 s.
10. Lju Chzhun#juj. Daoczjao fashu. Daoskaja magija. Shanhaj: Shanhaj vjen'hua chuban'shje, 2002. 215 s.
11. Chzhan Sjujtun. Huanlao chzhihuaj. = Mudrosti Huandi i Laoczy. Pekin: Zhjen'min' chuban'shje, 2005. 359 s.
12. Jan' Huachuan'. Maczu sin'jandje chijuan' czichi czaj shan'dun dicjuj chuan'boshi jan'cjuj. = Issledovanie genezisa verovanij v Maczu i istorii ih rasprostranenija v mestnosti Shan'dun. Czinan', 2006. 364 s.
13. Jan' Canmin. Politika komercii i Lao-czy. Uhan': Hubfej narodnoe izd-vo, 2003. 219 s.

Received: March 21, 2017; accepted for publication: April 18, 2017

Reference to the article

Che Tongbo, Zou Hong. The Influence of Taoism Postulates on the Development of Chinese Society // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 154–159.

¹ Che Tongbo, the main author, collects, analyzes, organizes the research material, draws up an article, works with archival sources.

² Zou Hong collects and analyzes the research material, draws up an article.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ SOCIOLOGY OF CULTURE

УДК 338.482

DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-160-168

*Ольга Александровна Лях¹,
старший преподаватель,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: olga-lyakh@mail.ru*

*Виктория Валерьевна Лиханова²,
кандидат педагогических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: vika_likhanova@mail.ru*

Инновации в экскурсионной деятельности

Мир, в котором мы сегодня живём, становится всё более зависимым от информационных технологий. Они широко, интенсивно и эффективно используются человеком во всех сферах деятельности. Исключением не стала и экскурсионная деятельность: внедрение различных инновационных технологий и интегрирование их с уже ставшей привычной экскурсионной деятельностью носят необратимый характер. Экскурсионный туризм – один из основных видов туризма, который на сегодняшний день не теряет своей востребованности и развивается во многих странах мира, а экскурсия является одной из популярных туристических услуг. Цель данной статьи заключается в обобщении и представлении наиболее востребованных инноваций в экскурсионной деятельности. Во-первых, в статье авторами рассмотрены инновационные формы экскурсионной деятельности с точки зрения их внедрения в городе Чите. Во-вторых, систематизированы экскурсионные продукты, предлагаемые туристическими фирмами и музеями города, а также проанализированы уже имеющиеся и разработанные инновационные экскурсионные продукты. В-третьих, предложены варианты использования инноваций в экскурсионной деятельности. Делается вывод о том, что наиболее перспективными инновациями являются радиогид, QR-код, квест-экскурсии, экскурсии с элементами анимации.

Ключевые слова: экскурсионная деятельность, инновация, экскурсионный туристический продукт, радиогид, QR-код, квест, конкурентоспособность

---

¹ О. А. Лях – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

² В. В. Лиханова осуществляет сбор материала, систематизирует материал исследования, оформляет статью.

Вводная часть. Для того чтобы оставаться востребованными в условиях конкуренции, предприятия туристической индустрии должны постоянно развиваться. Сегодня роль инноваций в туризме невозможно переоценить, прежде всего, потому, что они представляют собой метод конкуренции. Инновационные процессы имеют специфические особенности, хотя и подчиняются общим закономерностям экономического развития. Это касается и туристского бизнеса, и его составной части – экскурсионной деятельности. Инновации в экскурсионной деятельности способствуют успешному продвижению экскурсионных услуг на туристском рынке, они дают преимущество одной экскурсии над другой. Важная роль при этом отводится как подготовке экскурсоводов, так и качественной разработке самой экскурсии, освоению методики и техники её проведения.

Огромный историко-культурный потенциал нашей страны даёт неограниченные возможности для туристско-экскурсионной деятельности. Предприятия, создающие экскурсионный продукт, должны иметь свою оригинальную марку, учитывать потребительский спрос и дифференциацию обслуживания. Рождение новых маршрутов ведёт к появлению новых экскурсионных объектов, разнообразию продукта и разным формам его подачи. Экскурсии прошли длительный путь эволюции – от примитивных рассказов экскурсовода до современных необычайных театрализованных и 3D-экскурсий. Инновационные процессы в экскурсионной деятельности могут выступать в самых различных формах, они имеют свои особенности, оказывающие влияние на её развитие и, в конечном счёте, на конкурентоспособность и востребованность продукта.

Цель данной статьи заключается в обобщении и представлении наиболее востребованных инноваций в экскурсионной деятельности, в выявлении наиболее перспективных инноваций для повышения конкурентоспособности экскурсионных услуг на туристическом рынке г. Читы.

Методология и методы исследования. Основным методом исследования стал анализ научной, методической, информационной, технической, статистической литературы по проблеме исследования. В ходе исследования авторы ставили перед собой следующие задачи: выявить инновационные формы и методы проведе-

ния экскурсий; провести анализ проводимых экскурсионных услуг туристическими предприятиями города; выявить наиболее перспективные и конкурентоспособные инновационные формы экскурсионных услуг.

Теоретико-методологическую основу статьи составили работы таких учёных, как В. И. Азара, Л. А. Ильиной, В. А. Квартальнова, А. Д. Чудновского, исследующих инновации в туристских системах. Вопросы инновационного развития также нашли отражение в трудах зарубежных учёных Дж. Л. Гибсона, П. Ф. Дракера, М. Робсона. В описании проблем, присущих экскурсионной составляющей туристских комплексов, были использованы труды Б. В. Емельянова, А. В. Святославского, Н. А. Седовой, Г. В. Яковенко.

Результаты исследования. Инновации в экскурсионной деятельности понимаются как новые по тематике и качеству маршруты и экскурсионные разработки. Инновационными могут быть и усовершенствованные классические, и внедрённые новые экскурсии и услуги [7].

Экскурсионный продукт можно назвать инновационным при условии использования новейших технологий, конструктивно новых приёмов и методов создания и внедрения продукта. В разработке инновационного продукта в экскурсоведении участвуют маркетологи, специалисты по рекламе, методисты, профессиональные экскурсоводы, представители науки и культуры.

Инновации в экскурсионной деятельности могут быть:

- инновациями экскурсионного продукта;
- инновациями в технологии разработки и проведения экскурсии;
- техническими инновациями в экскурсии;
- инновациями в маркетинге и управлении;
- персональными инновациями (внешний вид, стиль экскурсовода) [8, с. 36].

В настоящее время тематика экскурсий, предлагаемых потребителям, поражает воображение. Ещё два десятилетия назад такие экскурсии вызвали бы шок у туристов. Сейчас же туристы уже не удовлетворены традиционными обзорными или тематическими экскурсиями. Инновации экскурсионного продукта включают экскурсии по мистическим местам, по местам великих убийств и казней, по районам природных и техногенных катастроф, по крышам и подвалам, подземельям, заброшенным

зданиям и бомбоубежищам, в военные части с возможностью использования техники и оружия, романтические экскурсии, музеи под открытым небом (скансены), военно-исторические реконструкции и многое другое [6; 10; 11].

Очень популярны в настоящее время интерактивные и анимационные методы ведения экскурсии, когда экскурсанты не только слушают экскурсовода, но и принимают активное участие в мероприятии.

Большая часть инноваций касается форм и методов проведения экскурсий – экскурсии с мастер-классами, костюмированные экскурсии, экскурсии с игровыми элементами, приём театрализации и анимации, экскурсии-пробежки, экскурсии на велосипедах и сигвеях, квест-экскурсии, виртуальные экскурсии и показ 3D-объектов¹.

Инновации в техническом обеспечении экскурсий включают радиогид, аудиогид, автоматический GPS-экскурсовод на одном языке. В ряду технических инноваций отдельно следует упомянуть инновации, позволяющие изучать экскурсионные объекты самостоятельно. Сюда включаются: QR-код, мобильные путеводители и справочники, онлайн-сервисы, на которых размещены мобильные путеводители и справочники.

Таким образом, в настоящее время существует достаточное количество инноваций, которые можно применять в экскурсионной деятельности. Являясь одной из основных услуг, входящих в туристский продукт, экскурсия выполняет познавательные и воспитательные функции, а экскурсионная деятельность играет огромную роль в сфере образования населения. Кроме того, экскурсия может являться как составной частью тура, так и самостоятельной услугой. Поэтому экскурсионная деятельность всегда будет востребована.

Анализируя рынок туристических услуг в г. Чите, можно прийти к выводу о том, что данная сфера обеспечена достаточным количеством туристических агентств,

осуществляющих свою деятельность как по внутренним, так и по внешним направлениям. Сегодня в г. Чите действует более 60 многопрофильных туристических компаний, которые реализуют туры за границу, оказывают туристические услуги внутри края и по России, а также предоставляют экскурсионные услуги.

Данные компании предлагают широкий спектр туристских и экскурсионных услуг по Забайкальскому краю. Помимо отдыха, лечения и получения разного вида туристических услуг в Забайкальском крае большой популярностью пользуются экскурсионные программы по г. Чите. Существует более 18 турагентств, предоставляющих городские экскурсии разного направления туристам и жителям г. Читы («Надежда», «Вокруг света», «Ланта», «Страны мира», «Фламинго», «Дартс», «Риц-Н», «Гид», «Читатурист», «Читинское городское бюро путешествий и экскурсий» и др.).

Опытные экскурсоводы этих турфирм раскрывают страницы истории Читы, предлагают увлекательные обзорные и тематические экскурсии по родному городу для широкой аудитории (дошкольники, школьники, студенты, коллектив организаций, туристы). Данные компании организуют экскурсии разного вида, касающиеся истории, культуры, религии, природы, экологии и иных интересных и познавательных тем. Помимо тематических экскурсий туристические агентства г. Читы предоставляют и обзорные экскурсии по городу, которые пользуются наибольшей популярностью как среди гостей города, так и среди местных жителей.

Проанализировав экскурсионную деятельность турфирм, можно выделить основные типы экскурсий и их тематику, что представлено в таблице. Стоимость экскурсии зависит от её вида, продолжительности, количества экскурсантов и транспорта, используемого при проведении экскурсии. Средняя стоимость колеблется от 150 до 230 р. с человека.

Экскурсионные программы, предлагаемые в г. Чите

<i>Тип экскурсии</i>	<i>Особенности экскурсии</i>
Природоведческая (экологическая)	Посещение Забайкальского ботанического сада
	Экскурсия на Титовскую сопку, на Сохотино

¹ Инновационные технологии в туризме и в экскурсионном деле [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.expromir.ru/book/presentation_files/publication.pdf (дата обращения: 22.03.2017).

	Посещение Читинского зоопарка, знакомство с животными
	Экскурсия на ипподром, на страусиную ферму
	Экскурсия на минеральный источник «Молоковка»
	Экскурсия на Кадалинские дворцы, на Смоленские скалы
	Экскурсия с рассказом о сезонных изменениях природы в черте города и в живописных местах за городом
Историческая (этнографическая)	«Становление Забайкальского края и города Читы»
	«Исследователи Забайкалья». Именами людей от казаков-первопроходцев, от ссыльных до краеведов, учёных наших дней
	«Боевая слава Забайкальцев». Посещение Музея боевой славы СибВО, Музея ОДОРА
	«Первенцы свободы в Забайкалье». Декабристы и их женщины
	«По историческим местам г. Читы»
	«Никто не забыт, ничто не забыто». События в годы Великой Отечественной войны и забайкальцы, сложившие голову во имя великой Победы. «Машины, ставшие памятниками», «Их помнит мир спасённый» – военно-патриотические экскурсии; «На чём город стоит и чем город знаменит». Экскурсия + игровая программа. Экскурсия на Мемориал и к памятнику пограничникам
	«Шёлковый путь XXI века». История самого длинного на планете Земля железнодорожного пути. Музей железных дорог
	«Культура народов Забайкалья». Буряты, семейские, эвенки, тунгусы
«Площади старой Читы», «Взгляд сквозь столетия»	
Архитектурно-градостроительная	«Архитектура Читы»
	«Чита узорчатая». Достопримечательности города и его архитектурный облик
	«Сказка старого дома». Старые деревянные постройки г. Читы
	«Урбанистическая история Читы»
	«Гордись своим именем, улица!». Дом купцов Шумовых, особняк архитектора Никитина, пассаж Второва
Религиозная	«Мировые религии в столице Забайкальского края». История некоторых культовых сооружений в г. Чите и люди, которые служат в этих конфессиях. Мусульманская мечеть, буддийский дацан, кафедральный православный храм
	«Забайкалье православное». История храмов, православия в Забайкалье; рассказы об иконах и святых
Спортивно-оздоровительная	«Твоё здоровье». Беседа и консультации специалистов иммунологического центра, экскурсия с показом святой святых лабораторий по исследованию крови, показ увлекательного фильма о здоровье человека
	«На страже нашего здоровья». Посещение Музея краевой клинической больницы и Музея медицинской академии
	«Особая лаборатория и её тайны». Посещение Музея Читинской противочумной станции
Искусствоведческая, культурная	«Страницы культурной жизни Читы». Места, где был первый кинотеатр, филармония, драмтеатр, Дом пионеров и жили выдающиеся люди (почётные граждане города, знаменитые читинцы), имена которых известны не только в Чите, но и далеко за её пределами
	«Сказочный мир героев». «Дружите с книгой». Посещение детской библиотеки, театрализованное представление
Археологическая	«Археология Забайкалья». Посещение Геологического и Палеонтологического музеев
	Экскурсия на археологический объект Титовская сопка Экскурсия на археологический объект «Красная горка»

Примечание. Составлено О. А. Лях.

Однако все вышеназванные туристические предприятия предоставляют экскурсии в традиционной форме. С целью выявления факта использования инновационных форм и методов проведения экскурсий был проведён опрос менеджеров по туризму и директоров следующих предприятий: «Надежда», «Вокруг света», «Ланта», «Страны мира», «Фламинго», «Дартс», «Риц-Н», «Гид», «Читинское городское бюро путешествий и экскурсий». Все указали следующие основные причины отсутствия инновационных форм проведения экскурсий:

– дороговизна разработки и внедрения нововведений и, как следствие, увеличение продажной стоимости услуги;

– отсутствие большого туристского потока в крае и городе и, как следствие, невысокий спрос на экскурсионные услуги.

В Чите существуют и другие организации, оказывающие экскурсионные услуги населению и туристам. К ним относятся: Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, Забайкальский детско-юношеский центр, Музейно-выставочный центр Забайкальского края.

Краеведческий музей реализует обзорные экскурсии в черте города, а также экскурсии исторической и архитектурной направленности. Музейно-выставочный центр предоставляет экскурсии по выставкам, тематика которых определяется темой самих выставок, представлены необычные экскурсии по ночной Чите и другие тематические экскурсии по городу.

Забайкальский детско-юношеский центр предлагает экскурсантам учебно-тематические экскурсии, такие как «Путешествие в древность», «Чита – столица Забайкалья», «Культурные здания города», природоведческие экскурсии на источник «Молоковка», Ивано-Арахлейские озёра и многие другие экскурсионные программы для детей и молодёжи. По желанию группы сотрудники центра составляют экскурсию согласно предметному учебному плану и организуют дневные походы в окрестностях города.

Рассмотрим также музеи г. Читы, которые предоставляют экскурсионные услуги. Согласно списку музеев на территории городского округа «Город Чита», опубликованному на официальном сайте адми-

нистрации городского округа, в Чите работают 27 различных по величине и доступу музеев¹.

Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, бесспорно, – один из самых богатых экспонатами музеев Забайкалья, к тому же, один из старейших. Краеведческий музей, помимо стационарных выставок, представляет различные уникальные персональные и тематические выставки. Это один из первых музеев города, который широко использует инновационные формы организации экскурсионной деятельности. В музее предлагаются интерактивные игровые экскурсии «Аты-баты, шли солдаты, или Как в старину родину защищали», «Плачет хлебушко, когда ест его лентяй...», «В гости к народам Забайкалья». Проводятся разнообразные музейные праздники: календарные, народные праздники (Святки, Масленица, Сагаалган, День домового), экологические праздники (День тигра, День кота манула, День птиц), событийные праздники с включением в программу элементов театрализации и игры².

Обсуждение результатов исследования. Рассмотрим способы внедрения некоторых из вышеупомянутых инноваций в экскурсионную деятельность г. Читы.

Радиогид может быть использован в любых обзорных и тематических экскурсиях, которые, как правило, являются комбинированными. Устройство можно использовать во время движения автобуса, а также при выходе из автобуса и во время движения к объекту показа³. Например, в обзорной экскурсии по г. Чите предусмотрена прогулка по главной площади Читы – площади им. Ленина. Для удобства экскурсантов рекомендуется использовать радиогид, т. к. во-первых, на улице достаточно шумно, во-вторых, всегда есть в группе те, кто отвлекается и невнимательно слушает экскурсовода. Кроме того, при переходе от одной ростральной колонны к другой экскурсовод

¹ Список музеев на территории городского округа «Город Чита» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.admin.chita.ru/our_city/history/?id=1785 (дата обращения: 30.01.2017).

² Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museums75.ru> (дата обращения: 20.02.2017).

³ Радиогиды TourAudio – оборудование для улучшения качества экскурсий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tour-audio.ru/radioguide> (дата обращения: 20.02.2017).

продолжает рассказ, но слышать его могут только те экскурсанты, которые находятся рядом с ним, а радиогид сделает информацию доступной для всех членов группы. Последняя проблема будет решена и при организации пешеходных экскурсий, которые проводятся по ул. Анохина и Амурская. Если ул. Анохина тихая, то ул. Амурская является одной из главных автомагистралей г. Читы, она достаточно шумная для проведения подобных экскурсий.

В качестве усиления эмоционального восприятия экскурсии радиогид можно также использовать практически в любой обзорной или тематической экскурсии. К примеру, в экскурсию по Мемориалу боевой и трудовой славы Забайкальского края можно включить соответствующий музыкальный фон, отрывок из литературного произведения или стихотворение, воспоминания ветеранов. В экскурсию «В гостях у леса», проводимую для младших школьников, можно включить запись голосов птиц и зверей, обитающих в лесах Забайкалья. Большого эффекта возможно добиться, если использовать наряду со звуковым сопровождением и визуальный ряд, применяя наглядные пособия из портфеля экскурсовода (фото птиц и зверей). Этот же приём рекомендуется использовать и при проведении природной экскурсии в краеведческом музее – рассказ об экспонатах музея сопроводить звуком.

С экономической точки зрения внедрение радиогидов требует однократных вложений. Полный комплект на 20 человек может стоить от 60 до 150 тыс. р.¹ Систему можно сдавать в аренду. Систему может приобрести как туристское предприятие, в таком случае именно его экскурсионные услуги будут наиболее конкурентоспособны, так и экскурсовод, который может таким образом повысить свой профессионализм и востребованность на рынке экскурсионных услуг города.

Применение QR-кода в экскурсионной деятельности является поистине безграничным². На наш взгляд, данной инновацией нужно оснастить, прежде всего, достопримечательности и архитектурные

памятники города (дворец братьев Шумовых, здание почтамта, Музей «Церковь декабристов», весь Полутовский квартал и т. д.), также данную инновацию можно использовать в любом музее города. Интересной представляется идея разместить таблички с QR-кодами, например, в парке ОДОРА и на стадионе СибВО. Эти места – одни из любимейших мест отдыха горожан, однако мало кто задумывается об истории создания и развития этих объектов, которая заслуживает внимания. QR-коды можно разместить и на природных объектах, таких как скальный комплекс Кадалинские «Дворцы», Смоленские скалы. Также такая инновация подойдёт для удалённых объектов. Например, Мемориал жертвам политических репрессий, находящийся на федеральной трассе Чита-Хабаровск, или Поклонный крест на Яблоновом хребте по дороге на оз. Арахлей. Информация, размещённая с помощью QR-кода, была бы уместна в таких местах.

QR-код также возможно использовать и в разработке квест-экскурсии, так как подобная экскурсия предполагает соревновательность и самостоятельный поиск информации, и QR-код в данном случае был бы самым простым способом её получения.

Необходимо отметить, что разработка и внедрение QR-кодов в городское пространство находится в компетенции городских властей, а консолидированное желание туристских предприятий, экскурсоводов и заинтересованной общественности города является, скорее, дополнительной движущей силой для осуществления подобных замыслов. В настоящее время краевые власти обращают пристальное внимание на сферу туризма в Забайкальском крае, считая её одним из приоритетных направлений в экономическом развитии края³. На наш взгляд, оснащение самых популярных объектов туристского интереса QR-кодами должно быть на русском, английском, китайском и японском языках. Это повысит интерес не только туристов и гостей города, но и вызовет интерес и у жителей краевой столицы; наличие QR-кодов будет являться также и имиджевым фактором.

¹ Экспомир. Инновации в экскурсионной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.expromir.ru/cms/pages/view/TOUR-GUIDE> (дата обращения: 15.02.2017).

² Что такое QR-код? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.qrcoder.ru/> (дата обращения: 15.02.2017).

³ Государственная программа Забайкальского края «Развитие международной, внешнеэкономической деятельности и туризма в Забайкальском крае (2014–2020 годы)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.docs.cntd.ru/document/430608116> (дата обращения: 16.02.2017).

Квест-экскурсии можно разрабатывать в г. Чите следующим образом:

- традиционная обзорная экскурсия в форме квеста;
- экскурсия по истории одной улицы (Анохина, Амурская, Бутина);
- экскурсия по истории определённого исторического района города (парк ОДОРА, привокзальная площадь, Полутовский квартал, район музея «Церковь декабристов», откуда берёт начало город);
- событийный квест, приуроченный к какому-либо празднику, событию, мероприятию (День города, День Победы, Масленица);
- экскурсия по определённым архитектурным памятникам (деревянное зодчество, купеческие дома, дома одного архитектора);
- квесты в организациях, на предприятиях, исторических зданиях, интересных объектах показа (Краевая библиотека им. А. С. Пушкина, детско-юношеская краевая библиотека им. Г. Р. Граубина, квест по стадиону СибВО).

В отличие от театрализованных или анимированных экскурсий разработка и внедрение квест-экскурсий требуют минимальных денежных затрат, поскольку наличие костюмов и привлечение дополнительных людских ресурсов не являются

обязательным условием при их создании. На базе кафедры социокультурного туризма Забайкальского государственного университета преподавателями и студентами ведётся научно-практическая работа по изучению инновационных форм проведения экскурсий, разработка подобных экскурсий и их практическое применение. Так, в 2014 году совместно с Музеем «Церковь декабристов» была разработана виртуальная экскурсия по музею, которая в настоящее время используется краевыми школами в факультативном курсе «Краеведение Забайкалья». За последние 2 года были разработаны квест-экскурсии для школьников и студентов по ул. Анохина, по Мемориалу боевой и трудовой славы забайкальцев. Для последней экскурсии также подготовлен проект QR-кодов.

Заключение. Таким образом, в последние годы прослеживается тенденция появления инновационных форм организации экскурсионной деятельности. В связи с этим целесообразным является использование в г. Чите таких форм инноваций, как радиогид, QR-код, квест-экскурсия. Применение таких инноваций позволит повысить качество и конкурентоспособность экскурсионных услуг, а также обеспечить получение дополнительной прибыли на туристском рынке города и края.

Список литературы

1. Алексеева Н. Д. Квест-экскурсия как инновационная форма экскурсионной деятельности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Педагогика, психология. 2015. № 1. С. 14–17.
2. Балабанова Е. Д., Захарова Е. О., Лаврушина Е. Г. Использование инновационных технологий в экскурсионной деятельности [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 10. Режим доступа: <http://www.web.snauka.ru/issues/2014/10/39703> (дата обращения: 25.02.2017).
3. Дашкова Е. В. К вопросу об инновациях в экскурсионном обслуживании // Индустрия туризма и сервиса: состояние, проблемы, эффективность, инновации: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2015. С. 11–16.
4. Ермаков Б. А., Лакербая К. А. Основные направления инновационного развития экскурсионной деятельности в Республике Абхазия // Вестник Национальной академии туризма. 2016. № 2. С. 54–58.
5. Засимович Е. С., Волобуева И. И. Новый язык туризма – анимация // Современные проблемы сервиса и туризма. Черкизово: РГУТиС, 2010. № 4. С. 41–48.
6. Малюта Л. Е., Шевцова Е. А. Инновационные подходы к классификации экскурсий по форме проведения на примере экскурсионного обслуживания в городе Сочи // Sochi Journal of Economy. 2009. № 3. С. 137–143.
7. Матюхина Ю. А., Мигунова Е. Ю. Экскурсионная деятельность. М.: Альфа-М: Инфра-М, 2011. 224 с.
8. Новиков В. С. Инновации в туризме. М.: Академия, 2007. 208 с.
9. Черных М. Б. Как совместить игру, экскурсию и поход? // Курорты. Сервис. Туризм. 2015. № 3–4. С. 165–168.
10. Coldwell Will. 10 of the best alternative city tours in Europe // The Guardian. 2016. December.

11. Kotíková Halina; Schwartzhoffová Eva; Jirouš Luděk. City running tours as a new product in sports tourism // *Tourism Research in a Changing World*. Portugal: Tourism Research Group of Polytechnic Institute of Leiriain, 2014. P. 284–298.

Статья поступила в редакцию 14.03.2017; принята к публикации 23.04.2017

Библиографическое описание статьи

Лях О. А., Лиханова В. В. Инновации в экскурсионной деятельности // *Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки*. 2017. Т. 12, № 3. С. 160–168. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-160-168.

Olga A. Lyakh,¹

Senior Lecturer,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: olga-lyakh@mail.ru

Victoria V. Likhanova,²

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, 672039, Russia),
e-mail: vika_likhanova@mail.ru

Innovations in Excursion Activities

The world in which we live today is becoming increasingly dependent on information technologies. They are widely, intensively and effectively used by man in all spheres of activity. Excursion activity is not an exception: the introduction of various innovative technologies and their integration with the already familiar excursion activity is irreversible. Excursion tourism is one of the main types of tourism, which today does not lose its demand and is developing in many countries of the world, and the excursion is one of the popular tourist services. This paper aims to examine, summarize and present the most popular innovations in excursion activities. First, in the article the authors consider innovative forms of excursion activity from the point of view of their implementation in the city of Chita. Second, excursion products offered by tourist firms and museums of the city are systematized, as well as the available innovative excursion products are analyzed. Third, options for using innovations in excursion activities are proposed. The article concludes that the most promising innovations are the radio guide, QR code, quest excursions and excursions with animation elements.

Keywords: excursion activity, innovation, excursion tourist product, radio guide, QR code, quest, competitiveness

References

1. Alekseeva N. D. Kvest-jekskursija kak innovacionnaja forma jekskursionnoj dejatel'nosti // *Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pedagogika, psihologija*. 2015. № 1. S. 14–17.
2. Balabanova E. D., Zaharova E. O., Lavrushina E. G. Ispol'zovanie innovacionnyh tehnologij v jekskursionnoj dejatel'nosti [Jelektronnyj resurs] // *Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii*. 2014. № 10. Rezhim dostupa: <http://www.web.snauka.ru/issues/2014/10/39703> (data obrashhenija: 25.02.2017).
3. Dashkova E. V. K voprosu ob innovacijah v jekskursionnom obsluzhivanii // *Industrija turizma i servisa: sostojanie, problemy, jeffektivnost', innovacii: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. N. Novgorod*, 2015. S. 11–16.
4. Ermakov B. A., Lakerbaja K. A. Osnovnye napravlenija innovacionnogo razvitija jekskursionnoj dejatel'nosti v Respublike Abhazija // *Vestnik Nacional'noj akademii turizma*. 2016. № 2. S. 54–58.
5. Zasimovich E. S., Volobueva I. I. Novyj jazyk turizma – animacija // *Sovremennye problemy servisa i turizma. Cherkizovo: RGUTiS*, 2010. № 4. S. 41–48.

¹ O. A. Lyakh is the main author, the organizer of the study; she formulates conclusions and summarizes the results of the collective project implementation.

² V. V. Likhanova collects the material, systematizes the research material, and prepares the article.

6. Maljuta L. E., Shevcova E. A. Innovacionnye podhody k klassifikacii jekskursij po forme provedenija na primere jekskursionnogo obsluzhivanija v gorode Sochi // Sochi Journal of Economy. 2009. № 3. S. 137–143.
7. Matjuhina Ju. A., Migunova E. Ju. Jekskursionnaja dejatel'nost'. M.: Al'fa-M: Infra-M, 2011. 224 s.
8. Novikov V. S. Innovacii v turizme. M.: Akademija, 2007. 208 s.
9. Chernyh M. B. Kak sovместit' igru, jekskursiju i pohod? // Kurorty. Servis. Turizm. 2015. № 3–4. S. 165–168.
10. Coldwell Will. 10 of the best alternative city tours in Europe // The Guardian. 2016. December.
11. Kotíková Halina; Schwartzhoffová Eva; Jirouš Luděk. City running tours as a new product in sports tourism // Tourism Research in a Changing World. Portugal: Tourism Research Group of Polytechnic Institute of Leiria, 2014. P. 284–298.

Received: March 14, 2017; accepted for publication: April 23, 2017

Reference to the article

Lyakh O. A., Likhanova V. V. Innovations in Excursion Activities // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 160–168. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-160-168.

Сергей Викторович Олейников,
кандидат политических наук, доцент,
Приднестровский государственный университет
им. Т. Г. Шевченко
(MD-3300, Приднестровье, г. Тирасполь, ул. Мира, 18),
e-mail: olen_sergh@inbox.ru

Информационные институты в контексте социокультурного развития государства

Теоретические исследования в области семантико-семиологических смыслов массовой коммуникации и проблемы их интерпретации в массовом сознании активно обсуждаются научным сообществом. За рамками этих исследований до последнего времени оставались социокультурные процессы, протекающие в государствах с отложенным политическим статусом. Специфика политической, экономической и культурной ситуации в таких государствах, помноженная на определённую степень кризисности и мобилизации сознания населения, создаёт уникальные условия развития общественных и государственных институтов, которые, безусловно, являются актуальными для анализа и изучения современной гуманитарной наукой. В статье рассмотрены предпосылки и следствия мобилизации массового сознания в самоопределившихся государствах. Отражён алгоритм восприятия информационных потоков аудиторией в этих государствах в системе координат: от эмоциональности к рациональности. Описана специфика социальных и государственных институтов, а также устойчивость их функционирования не столько благодаря высокой степени доверия местной власти, сколько благодаря отсутствию реальных информационных усилий оппонентов. Показано, что со временем степень мобилизованности и кризисности сознания населения снижается, но ставшая традиционной журналистская эйфория о высокой степени собственной авторитетности может сформировать своеобразный иммунитет у аудитории к политической ситуации и государственному развитию в целом.

Ключевые слова: семантика информационного потока, контент, социокультурный процесс, инфокоммуникационная сфера, проблема достоверности распространяемой информации

Вводная часть. Информационная политика современных государств, ориентированная на внешнего потребителя информации, в большинстве случаев всё же вентилируется на внутреннем информационном рынке, многократно тиражируясь региональными СМИ и создавая тем самым нежелательный эффект. Регулярно обращаясь к идеологическому, патристическому, культурно-историческому контенту, государственные средства массовой информации обеспечивают поддержку государству по стабилизации и укреплению общественной ситуации, однако мобилизационная составляющая информационных потоков на определённом этапе перестаёт адекватно восприниматься большинством населения, что может свидетельствовать о сформированности определённых устойчивых аутостереотипов.

Акцентируя внимание на очевидных и тривиальных для большинства населения темах, СМИ, будучи автономными от внеш-

него потребителя, могут создать эффект раздражительности, что негативно отразится на уровне востребованности и доверия у массовой аудитории. В такой ситуации возможно формирование у политической элиты иллюзии удержания населения в орбите своих информационных предпочтений, в то время как большинство потребителей активно исследуют альтернативные информационные источники, имплицитно преследующие иные идеологические цели. Подобное развитие событий может привести к ослаблению информационной безопасности государства, которая в современном мире всё больше ассоциируется с понятием национальной безопасности, причём с развитием инфокоммуникационной сферы данные категории всё чаще уравниваются.

Результаты исследования и их обсуждение. Сегодня несколько изменилось понятие безопасности, поскольку довольно трудно представить непосредственную

опасность государству, связанную с военными действиями из-за территориальных притязаний. Информационные технологии позволяют маскировать за благими намерениями и демократическими принципами истинные причины большинства межгосударственных конфликтов, скрывая в информационной плоскости желания получить экономическую выгоду и расширить сферу своего политического влияния.

Изыскания современных политтехнологов с учётом двойственности коммуникативных и коммуникационных процессов давно перетекли из технологической плоскости в гуманитарную, а отсутствие технических новинок и новшеств всё чаще компенсируется инновационными подходами в манипулировании общественным сознанием. Такое положение удваивает влияние информационной сферы на протекание международных процессов и межгосударственное взаимодействие. Необходимо отметить, что в перспективе это влияние будет только усиливаться, равно как и роль информационных институтов в процессе достижения тех или иных политических, экономических и культурных целей, что в свою очередь будет сказываться на уязвимости и устойчивости общественно-политической системы и национальной безопасности в целом. Причём следует учитывать, что в современной международной практике уже определены основные «болевые» рычаги, активизация которых может радикальным образом изменить отношение к тому или иному субъекту международного права. К примеру, по отношению к государствам с отложенным политическим статусом прочно закрепились такие гетеростереотипы, как сепаратизм, незаконное производство оружия; страны арабского мира ассоциируются с терроризмом; страны Центральной Америки – с наркоторговлей и криминалом и т. д.

Для массовой аудитории проблема достоверности распространяемой информации, провоцирующей изменения в геополитическом раскладе сил, остаётся на втором плане. Многочисленные опровержения и комментарии, демонстрирующие необоснованность и бездоказательность, а иногда и абсурдность отдельных заявлений, как правило, не в состоянии исключить первоначальный негативный эффект, а инициаторы, «раздражители» общественного сознания в большинстве случаев остаются на лидирующих позициях в информационном противостоянии.

Существующий расклад сил в современной геополитической системе координат предопределяет влияние и авторитетность тех или иных информационных каналов, занимающих своими репортажами всю международную сетку вещания и, как следствие, национальных СМИ. Создавая определённый информационный повод, находясь в информационном авангарде, СМИ отрабатывают амбиции своих учредителей, которые получают гарантированные политические, экономические дивиденды, привлекая внимание к отдельным регионам или развивая фобии по отношению к ним [9].

Деятельность общественных институтов современных государств до последнего времени во многом определялась государственными структурами и была в прямой зависимости от интересов национальной политики, находя своё отражение в прямом или скрытом контроле, определённых предпочтениях и/или ограничениях. В настоящее время ситуация начинает меняться в сторону либерализации деятельности общественных организаций, в том числе и средств массовой информации, хотя до сих пор в большинстве случаев официально зарегистрированное независимое СМИ на практике является информационным проектом, санкционированным государством. В этой связи, с одной стороны, семантические поля информационных потоков, тиражируемых СМИ самоопределившихся государств, при их внешней альтернативности имеют в результате единые семиотические коды в массовом сознании аудитории. С другой – любое информационное сообщение интерпретируется аудиторией в контексте набора сформированных стереотипов, манипулирование которыми может в значительной степени упростить процесс продвижения той или иной государственной идеи.

Одной из основных проблем развития современных государств является отсутствие функциональной дифференциации социальной и политической систем. Согласно Т. Парсонсу основное содержание общественного развития состоит в повышении адаптивной способности социальной системы при условии её функциональной дифференциации и усложнении организации. Принято разделять четыре уровня общественной организации:

1) первичный (технический), где акторы взаимодействуют друг с другом непосредственно;

2) управленческий, регулирующий процессы обмена, происходящие на первом уровне;

3) институциональный, закрепляющий функции управления в различных социальных практиках;

4) социетальный, который «недвусмысленно концентрируется в современных обществах в политических сферах».

Каждый уровень выполняет контролируемые и регулируемые функции по отношению к нижестоящему уровню. Смысл регулирования состоит в сохранении состояния равновесия во всём обществе [5].

Доминирование же государственных СМИ и отсутствие альтернативных каналов в культурно-информационном пространстве государства способствуют объединению социальных и политических институтов, повышению степени обособленности политической и управленческой элиты, формированию в элитарном сознании идеализированной социокультурной ситуации. Кроме того, в условиях полностью контролируемого государством культурно-информационного пространства создаётся иллюзия взаимодействия социальных и политических институтов, что затрудняет их «прогрессивную» эволюцию к более высоким системным уровням и снижает адаптивную способность массовой аудитории к включению и генерализации ценностей [4, с. 43].

Подобные проблемы испытывают практически все государства с отложенным политическим статусом на территории бывшего СССР. В процессе своего развития политические системы современных государств, сталкиваясь с проблемами информационной изоляции и коммуникативного вакуума с внешним миром, будучи обременёнными историческими традициями предшествующих политических режимов и характеризующиеся повышенной реактивностью государственной машины в процессе модернизации культурно-информационного пространства, акцентируя внимание на технических и технологических основах информационной безопасности, могут оказаться бессильными перед проблемами дисбаланса в обществе, проявляющегося в разобщённости населения, политической и управленческой элиты.

Рассматривая информационное взаимодействие в контексте социокультурного развития государства, следует признать, что независимо от природы информационной системы (государственные и социальные институты) её воздействие всегда направлено на массовую аудиторию. В данном отношении институциональные образования в процессе взаимодействия с населением являются не столько конкурентами, сколько партнёрами. В случае оппозиции государственных и социальных систем любое информационное воздействие негативно для культурного континуума и может спровоцировать трансформацию культурно-информационного пространства государства. В зависимости от доминирующей стороны это может привести как к смене государственного строя революционным путём, так и к усилению роли государства в общественных процессах, граничащей с нарушением прав и свобод граждан. Согласованная, взаимодополняющая деятельность государственных и социальных институтов призвана ускорить формирование основ гражданского общества, и катализатором в этом процессе может выступить система средств массовой информации и коммуникации.

Индикатором реального состояния культурно-информационного пространства в данной ситуации может выступить модель функционирования СМИ, определяемая как социально активная при условии конвергенции моделей социальной действительности, предлагаемой СМИ и ожидаемой аудиторией. При условии дивергенции сущность культурно-информационного пространства характеризуется активностью государственного регулирования процессов его формирования.

С одной стороны, государственное регулирование коммуникативных процессов в условиях современного мира способствует интеграции в глобальное пространство (при отсутствии информационных ограничений) и, как следствие, единению (консолидации) культурного пространства государства. С другой – ограничение доступа к внешнему миру эмулирует (имитирует) процессы глобальной интеграции, усиливая дифференциацию культурного пространства государства [8, с. 350–368].

Данная тенденция при детальном рассмотрении становится более очевидной,

поскольку степень социальной стратификации, а следовательно, и неоднородности культурно-информационного пространства (кроме указанных факторов), возрастает соответственно типологическому разнообразию функционирующих в обществе информационных институтов (СМИ), предельность которого определяется сменой их конструктивного влияния на деструктивное.

В контексте дисфункциональности бытия глобального сообщества, основанного на сетевой коммуникации, обусловленной произволом ризоморфного номадологического сознания современного человека, актуальным, на наш взгляд, является высказывание М. Кастельса о том, что в подобных условиях нестабильности, бесконтрольности и непредсказуемости развития современного общества «люди склонны группироваться вокруг первичных источников идентичности: религиозных, этнических, территориальных, национальных... В мире, пронизанном глобальными потоками богатств, власти и образов, поиск идентичности, коллективной или индивидуальной, приписанной или сконструированной, становится фундаментальным источником социальных значений. Это не новый тренд, ибо идентичность, особенно религиозная и этническая идентичность, лежала у корней значения с начала человеческого общества. Однако в исторический период, характеризующийся широко распространённым деструктурированием организаций, делегитимизацией институтов, угасанием крупных общественных движений и эфемерностью культурных проявлений, идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов» [3, с. 20].

В русле этих рассуждений можно констатировать, что модернизация культурно-информационного пространства современного общества в большинстве случаев является следствием целенаправленной актуализации маргинальной идентичности. Результатом необдуманной экстраполяции типовых демократических норм в странах нового зарубежья, официальная идеология которых зиждилась на идеях этноцентризма, стали многочисленные этнополитические конфликты на постсоветском пространстве. Политика, проводимая элитой стран нового зарубежья, необоснованно нивелирующая существующие принципы регионализма и

игнорирующая концепции формирования полиэтничных культурно-информационных пространств, спровоцировала образование государств с отложенным политическим статусом. В то же время именно игнорирование феномена региональной идентичности на фоне активных этноцентристских процессов способствовало сохранению культурно-информационного пространства отдельных регионов и даже возникновению новых государственных образований.

Проблемы культурно-информационного развития государства являются перманентными для обсуждения на всех уровнях политической и общественной власти, поскольку реальная потребность в переоценке существующих концепций подачи информации диктуется постоянно изменяющимися как внешними, так и внутренними факторами. Принимая во внимание трансграничную культурную ориентацию большинства современных обществ, которая определяет не только коммуникативную вариативность активизации процессов рефлексии культурно-информационного пространства каждой конкретной страны, но и формирование адекватной картины мира с объективным контентом, дальнейшее развитие её культурно-информационного пространства может быть гарантировано при условии соответствующей культурной интеграции социальных институтов в глобальное информационное пространство.

В то же время специфика культурно-информационного пространства большинства современных государств в той или иной степени заключается в полиэтничности общества. Следуя логике наших рассуждений, особенность их развития может быть сформулирована следующим образом: одноранговость пространств культур в культурно-информационном пространстве полиэтничного государства, гарантируя паритетное их взаимодействие, обеспечивает в синхронии как ассимиляционные, так и стратификационные процессы. Интенсивность данных процессов в диахронии определяет не только пространственную многомерность культур, обусловленную степенью информационной активности внутри- и межкультурного взаимодействия, но и паритетность или приоритетность их развития.

Заключение. Таким образом, устойчивость государственного развития и со-

ответственно культурно-информационного пространства во многом определяется степенью приверженности базовой национальной модели развития, основанной на традиционной для общества ценностной и идеологической основе, культивируемой государственной образовательной и информационной политикой. Попытки резкого изменения аксиологической шкалы общества путём насаждения альтернативной системы ценностей, предпринятые в конце 1990-х годов прошлого столетия политическими и культурными элитами бывших союзных республик, привели к расколу в обществе, а усилия СМИ спровоцировали политические конфликты, кризисность массового сознания, повлёкшие трансформацию культурно-информационного пространства республик вплоть до его дробления и появления новых государственных образований.

В свою очередь, кризисность и, как следствие, мобилизация массового сознания в самоопределившихся государствах повлияли на алгоритм восприятия информационных потоков СМИ аудиторией: если эмоциональная составляющая доминирует над рациональной, то большая часть информации считается населением истинной не бла-

годаря высокой степени доверия местной власти, а вопреки информационным усилиям оппонентов, при этом нет необходимости в особых доказательствах объективности собственной позиции. С другой стороны, со временем степень мобилизованности и кризисности сознания снижается, но ставшая традиционной журналистская практика провоцирует эйфорию у СМИ о высокой степени собственной авторитетности, и усиленное обсуждение ими отдельных политических вопросов может привести к их выпадению из ранга актуальных для массовой аудитории и сформировать своеобразный иммунитет у населения к политической ситуации. В результате культурное сообщество становится более подготовленным к возможным провокациям со стороны как официальных, так и оппозиционных СМИ, что в перспективе приведёт к затуханию эмоциональности и постепенному формированию рационального восприятия информационных потоков. При подобном сценарии средства массовой информации могут оказаться в ситуации, когда население станет не только эмоционально равнодушным к информационному продукту, тиражируемому такими СМИ, но и критично настроенным вследствие их несостоятельности.

Список литературы

1. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М.: Вильямс, 2004. 419 с.
2. Иванов А. В. Место и роль СМИ в современной политической жизни общества [Электронный ресурс] // Эксперты для гражданского общества. Режим доступа: <http://www.4cs.ru/materials/publications/> (дата обращения: 12.01.2017).
3. Кастельс М. Информационная эпоха (экономика, общество и культура). М.: ГУ ВШЭ, 2000. 458 с.
4. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Современная западная теоретическая социология. М.: ИНИОН РАН, 1994. 184 с.
5. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1997. 270 с.
6. Becker J. Communication and peace: The empirical and theoretical relation between two categories in social sciences // Journal of Peace Research. 1982. No 19. P. 227–240.
7. DeFleur M., Ball-Rokeach S. J. Theories of Mass Communication // 5th ed. White Plains. New York: Longman, 1989. 580 p.
8. Deutsch K. Social Mobilization and Political Development // Comparative Politics. A Reader / ed. by H. Eckstein, D. E. Apter. Toronto, 1964. 679 p.
9. Galtung J. Peace Journalism as an Ethical Challenge [Электронный ресурс] // Global Media Journal: Mediterranean Edition. 2006. No 1. Режим доступа: <http://www.globalmedia.emu.edu.tr> (дата обращения: 15.12.2016).
10. Hanitzsch T. Deconstructing Journalism Culture: Toward a Universal Theory // Communication Theory. 2007. No 17. P. 367–385.

Статья поступила в редакцию 31.01.2017; принята к публикации 28.03.2017

Библиографическое описание статьи

Олейников С. В. Информационные институты в контексте социокультурного развития государства // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 169–174. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-169-174.

Sergey V. Oleynikov,

Candidate of Political Sciences, Associate Professor,

T.G. Shevchenko State University of Pridnestrovye

(18 Mir st., MD-3300, Tiraspol),

e-mail: olen_serg@inbox.ru

Information Institutions in the Context of Socio-cultural Development of the State

Theoretical research in the field of semantic and semiological meanings of mass communication and the problems of their interpretation in mass consciousness are actively discussed by the scientific community. Until recently, beyond the scope of these studies there have been socio-cultural processes taking place in the states with the postponed political status. The specificity of the political, economic and cultural situation in these states multiplied by a certain degree of the crisis and mobilization of the population's consciousness creates unique conditions for the development of public and state institutions, which, of course, are relevant for the analysis and study by modern humanitarian science. The article considers the prerequisites and consequences of the mobilization of mass consciousness in self-determined states. The algorithm of perceiving information flows by the audience in these states is reflected in the system of coordinates: from emotionality to rationality. The article describes the peculiarities of social and state institutions, as well as the sustainability of their functioning, not so much due to the high degree of confidence in local authorities, but because of the lack of real information efforts by the opponents. It is shown that with time the degree of mobilization and crisis of the population's consciousness is decreasing, but the traditional journalistic euphoria about a high degree of its own authority can form a kind of immunity in the audience to the political situation and state development in general.

Keywords: semantics of information flow, content, social and cultural process, infocommunication sphere, reliability problem of disseminated information

References

1. Brajant D., Tompson S. *Osnovy vozdeystviya SMI*. M.: Vil'jams, 2004. 419 s.
2. Ivanov A. V. Mesto i rol' SMI v sovremennoj politicheskoj zhizni obshhestva [Elektronnyj resurs] // Jeksperty dlja grazhdanskogo obshhestva. Rezhim dostupa: <http://www.4cs.ru/materials/publications/> (data obrashhenija: 12.01.2017).
3. Kastel's M. *Informacionnaja jepoha (jekonomika, obshhestvo i kul'tura)*. M.: GU VShJe, 2000. 458 s.
4. Parsons T. Ponjatje obshhestva: komponenty i ih vzaimootnoshenija // *Sovremennaja zapadnaja teoreticheskaja sociologija*. M.: INION RAN, 1994. 184 c.
5. Parsons T. *Sistema sovremennyh obshhestv*. M.: Aspekt-Press, 1997. 270 c.
6. Becker J. Communication and peace: The empirical and theoretical relation between two categories in social sciences // *Journal of Peace Research*. 1982. No 19. P. 227–240.
7. DeFleur M., Ball-Rokeach S. J. *Theories of Mass Communication* // 5th ed. White Plains. New York: Longman, 1989. 580 p.
8. Deutsch K. Social Mobilization and Political Development // *Comparative Politics. A Reader* / ed. by H. Eckstein, D. E. Apter. Toronto, 1964. 679 p.
9. Galtung J. Peace Journalism as an Ethical Challenge [Elektronnyj resurs] // *Global Media Journal: Mediterranean Edition*. 2006. No 1. Rezhim dostupa: <http://www.globalmedia.emu.edu.tr> (data obrashcheniya: 15.12.2016).
10. Hanitzsch T. Deconstructing Journalism Culture: Toward a Universal Theory // *Communication Theory*. 2007. No 17. P. 367–385.

Received: January 31, 2017; accepted for publication: March 28, 2017

Reference to the article

Oleynikov S. V. Information Institutions in the Context of Socio-cultural Development of the State // *Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series*. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 169–174. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-169-174.

Татьяна Александровна Сметанина,
кандидат философских наук, доцент,
Нижегородский государственный педагогический
университет им. К. Минина
(603000, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1),
e-mail: TanSmetan@yandex.ru

Опыт традиционной культуры в становлении новой экологической этики

В статье даётся анализ перспектив традиционной экологической культуры. Исследуются разнообразные формы трансформации её опыта в современных социокультурных практиках, а также оценки её мировоззренческих оснований в научном дискурсе. Традиционное общество мыслило себя частью единого вселенского организма и строило свои отношения с миром природы на принципах взаимности. Этот этический аспект традиционного природопользования находит широкий отклик в массовом сознании современных постиндустриальных обществ. Экологическая культура традиционных обществ начинает рассматриваться более широко – как некая альтернатива существующей социокультурной организации, а также как форма индивидуального духовного самосовершенствования. Это проявляется в экофильских установках антиглобалистов, различных молодёжных субкультур, традиционных и нетрадиционных религиозных течений. Магическое отношение к миру и синкретизм, характерный для традиционных культур, присутствуют и в современном массовом сознании. Таким образом, архаический опыт трансформируется и приобретает футуристическое измерение. В современной философии существует широкий спектр оценок потенциала традиционной культуры. В статье анализируются теории глобализации и культурной унификации, коэволюции и устойчивого развития. Отмечается тенденция к преодолению антропоцентризма и дуализма субъекта и объекта во взаимоотношениях человека и природы, отказ от европоцентризма в пользу идеи множественности, неоднородности и ценности различных способов жизнедеятельности, освоенных человечеством. Процесс формирования новой экологической этики происходит путём сложного синтеза ценностных установок разных культур, в том числе, выработанных традиционными обществами.

Ключевые слова: природа, общество, традиционная культура, экологическая культура, субкультура, коэволюция, антропоцентризм

Вводная часть. Попытки осмыслить окружающий мир, сконструировать некую целостную его картину – извечная задача философствования. История культуры демонстрирует различные, часто весьма экзотические, на взгляд современного человека, результаты такой рефлексии. Специфическая картина мира определяла те социальные и хозяйственные механизмы, ценностные установки, которые включали членов традиционных сообществ в сложную систему взаимодействия с окружающим их миром.

Трансформация же социокультурных реалий, в свою очередь, меняет как направление самой философской рефлексии, так и отношение к ней со стороны общества. Осознание глобального характера современных экологических проблем, пришедшее в конце минувшего XX века, поиск путей устойчивого развития, новых оснований экологической этики способствова-

ли актуализации проблематики, связанной с традиционной экологической культурой, в научном сообществе, а также росту интереса к её опыту в массовом сознании индустриально развитых стран. Междисциплинарный характер исследований этого феномена свидетельствует о назревшей необходимости систематизации и теоретического осмысления накопленного опыта.

Целью данного исследования является анализ перспектив традиционной экологической культуры в современных реалиях и разнообразных форм трансформации её опыта в современных социокультурных практиках. В связи с этим необходимо осмысление мировоззренческих оснований самой традиционной культуры, а также спектра её оценок, представленных в научном дискурсе.

Методология и методы исследования. Междисциплинарный ракурс рассмотрения специфики экологической культуры

традиционных сообществ, вариантов её адаптации и модификации в условиях современного общества позволяет систематизировать разнообразные точки зрения на эту проблему. Исходя из многофакторности процесса становления современной экологической культуры, мы рассматриваем экофильские установки различных молодёжных субкультур, общественных движений, традиционных и нетрадиционных религиозных течений. Историко-генетический и сравнительный методы используются для выявления в них элементов и ценностных установок, близких к мировосприятию и экологической этике традиционных культур. Исследование опирается на концепции глобализации и культурной унификации, коэволюции и устойчивого развития.

Результаты исследования. Традиционное общество мыслило себя частью единого вселенского организма и строило свои отношения с миром природы на принципах взаимности. Этот этический аспект традиционного природопользования позитивно осмысливается в современных философских концепциях, стремящихся преодолеть жёсткий дуализм субъекта и объекта во взаимоотношениях человека и природы и строить их на основе диалога. Он также находит широкий отклик в массовом сознании современных постиндустриальных обществ.

Формы трансформации опыта традиционной экологической культуры в современных социокультурных практиках весьма разнообразны. Противники глобализации в её либерально-рыночной форме подчеркивают, что общество потребления, «презубая явным фактом экологической перегрузки нашей планеты, решительно отвергает всякие принципы аскетизма, этики, самоограничения, трудовой аскезы» и культивирует воспроизводство «ориентированных на гедонизм, телесные удовольствия эгоистических индивидов-потребителей» [3]. Таким образом, экологическая культура традиционных обществ начинает рассматриваться более широко – как некая альтернатива существующей социокультурной организации, а также как форма индивидуального духовного самосовершенствования, приобретающая футуристическое измерение.

В массовом сознании эта линия получила мощную поддержку благодаря романтизированным экофильским установкам раз-

личных субкультур. Это многочисленные вариации на тему защиты живой природы – вегетарианство, экологические поселения, объединения «зелёных»; молодёжные контркультурные течения, отрицающие идеал техногенной, урбанизированной культуры (от хиппи до толкиенистов); нетрадиционные религиозные движения неоязычников и других носителей сознания “Newage”, псевдоиндуистские течения и отечественные по происхождению последователи Порфирия Иванова, Виссариона, Анастасии.

В постсоветской России заметной тенденцией стала популяризация христианских ценностей, включающих в себя установку на самоограничение, регламентацию потребностей, идеал соборной гармонии на разных уровнях не только социального, но и вселенского бытия. В программный документ «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятый на Архиерейском Соборе в Москве в 2000 году, включён специальный раздел «Церковь и проблемы экологии». Там в качестве основополагающего для церкви принципа выступает цельность мироздания, взаимосвязь мира природного и человеческого, подчёркивается, что природа не может рассматриваться обособленно, как замкнутая структура. Отсюда – понимание несправедности эгоистически-потребительского к ней отношения: «С христианской точки зрения природа есть не вместительница ресурсов, предназначенных для эгоистического и безответственного потребления, но дом, где человек является не хозяином, а домоправителем, а также храм, где он – священник, служащий, впрочем, не природе, а единому Творцу» [9, с. 161]. Экологические проблемы, с точки зрения православия, носят антропологический характер, так как порождены они человеком, а не природой. Идея тесной взаимосвязи между духовным развитием, либо деградацией человека и состоянием окружающего его природного мира лежит в основе миропонимания любой традиционной культуры, и русской в том числе. Таким образом, возросший интерес к христианским ценностям актуализирует мировоззренческие установки, казалось бы, совсем вытесненные индустриальной, техногенной, урбанистической цивилизацией.

Обращение к православной традиции инициирует и возрождение обрядовых

форм, ценностных установок «народного христианства», являющегося, синтезом христианского вероучения с архаическими языческими верованиями. «Народное христианство», или «народное православие», сформировалось в недрах аграрного общества, существенную роль в нём играла аграрная магия. Ещё в XIX веке Россия оставалась страной, где преобладало сельское население, остававшееся во многом носителем традиционной крестьянской культуры. Её адаптация к современной урбанизированной культуре приводит к расстановке иных акцентов, переосмыслению крестьянской традиции. Календарные земледельческие праздники утрачивают свою тесную связь с хозяйственным циклом и приобретают функцию маркера, подчёркивающего принадлежность человека или сообщества к конкретной этнокультурной традиции, формируя культурную самоидентификацию. Религиозно-магическая функция, некогда присущая обрядам любого традиционного праздника, уступает место игровому началу, активно трансформируется под влиянием массовой культуры.

Но так ли отличается мышление носителя традиционной культуры и нашего современника? Магическое отношение к миру предполагало возможность человека направленно воздействовать на естественные и сверхъестественные силы. Обладая сакральными знаниями, используя определённую «технология» (обрядовые действия), человек рассчитывал на получение нужного результата. Как этот результат будет достигнут – оставалось для него тайной. Разве не так сегодня воспринимает массовый человек чудеса новых технологий? Чем дальше – тем менее он в состоянии осознать механизм их действия. В его жизненное пространство вторгаются иные реальности – виртуальные миры, цифровые, нанотехнологии. Пространство и время теряют привычные очертания. Мир одновременно сужается до «глобальной деревни» и расширяется до бесконечности на микро- и макроуровне. Место естественных природных сил занимает урбанизированное, техногенное пространство, которое формирует новую среду обитания, новые потребности и угрозы. Стремление управлять природными процессами и одновременно – ощущение беспомощности и полной зависимости от них, как это ни странно,

сближает психологию древнего язычника и современного человека. С этим во многом и связана та мифологизация, архаизация массового сознания, которую мы наблюдаем сегодня. Место леших, кикимор, водяных и русалок прочно занимают «барабашки», пришельцы, «хорошие» и «плохие» энергетические зоны и другие порождения техногенной жизненной среды мегаполиса [11, с. 26].

Синкретизм – ещё одна характерная для народной культуры черта, нашедшая вторую жизнь в культуре постмодерна. Для традиционной культуры новое не отменяет старого, а наслаивается на него, причудливо переплетаясь и уживаясь с, казалось бы, несовместимым наследием. Для народного христианства библейское представление о мире как творении божьем мирно уживалось с мифологическим одушевлением и персонификацией природных стихий. Антропоцентристская установка на господство человека, единственного наделённого душой, над остальным тварным миром ограничивалась и мирно сосуществовала с языческим мироощущением всеобщей взаимосвязи и родства.

Мозаичность постмодерна, умноженная на всеядность массовой культуры, которая тиражирует самые разные культурные модели, способствует утверждению синкретичности как важной черты и современного массового сознания. Разнообразные религиозные и этнические традиции, философские, научные, эзотерические концепции выступают для массового человека как равнозначные и равноценные. В сознании современного горожанина одновременно уживаются православие, гороскопы, знахари, экстрасенсы, фэн-шуй и программа общеобразовательной школы.

Обсуждение результатов исследования. Сегодня существует широкий спектр оценок потенциала и перспектив бытования традиционной культуры. Есть крайне пессимистичный взгляд на будущее локальных традиционных культур в мире глобализации. С этой точки зрения им остаётся мемориально-образовательная функция, роль «этнографической экзотики» или объекта экологического туризма. Данный подход исходит из объективных тенденций, определяющих развитие мировой экономики. По своему происхождению экологическая культура традиционных обществ – результат хо-

зяйственного освоения конкретной природной среды. Поэтому её жизнеспособность, перспективы дальнейшего существования на этой территории связаны с проблемой сохранения традиционной системы использования природных ресурсов. А это весьма проблематично, поскольку сегодня в мире активно формируется система глобально-природопользования. Эта тенденция заставляет исследователей ставить «вопрос о специфической форме этнического бытия, когда этнос существует генетически, но его культурная составляющая исчезающе мала» [2, с. 81].

Тем не менее, исследователи подчёркивают, что современная стадия социально-экономического развития «характеризуется бинарностью процессов в системе “человек – окружающая среда”: с одной стороны, и формы хозяйствования, и виды природопользования в мире характеризуются общими чертами развития, направленностью на унификацию и общую структурированность, т. е. налицо все характеристики глобализационных процессов; с другой – вряд ли где в мире можно найти регионы..., которые можно было бы назвать идентичными по структуре своего природопользования, т. е. процессы глобализации в природопользовании всё равно сохраняют региональную специфичность, обусловленную историческими процессами их развития» [1]. Для местного населения сохранение исторически сложившихся хозяйственных форм и народных промыслов имеет огромное и экономическое, и культурное значение. Вместе с тем, традиционные хозяйственные технологии и продукция, некогда игравшие важную роль в структуре жизнеобеспечения, сегодня часто меняют свою функцию. Например, они могут становиться брендами, определяющими туристическую привлекательность данной территории.

В современной оценке потенциала и перспектив традиционной культуры можно проследить и «руссоистскую» линию противопоставления естественного и цивилизованного человека, с тенденцией к идеализации традиционной культуры. На уровне философской рефлексии она отражается в позитивных оценках опыта и потенциала таких культур: «традиционные культуры были устойчивыми и экологически приемлемыми, не превышающими допустимую нагрузку на природу» [5]. В целом с такой

оценкой можно согласиться. Хотя историки и приводят отдельные примеры того, как экстенсивное земледелие и скотоводство уже в древности могли наносить непоправимый ущерб природной среде.

Уже в конце XX века в научном дискурсе формируются социально-экологические подходы, ориентированные на поиск баланса между обществом и природной средой: «зелёный капитализм», «устойчивое развитие», «экологическая модернизация». Д. Хубер в Германии, Г. Спаарген и А. Мол в Голландии, А. Вил в Великобритании разрабатывают концепцию перехода от «роста» к устойчивому развитию. Американские социологи Р. Данлэп, У. Каттон предлагают переход от старой (антропоцентрической) к «новой (экологической) парадигме», подчёркивая фундаментальную зависимость человека и общества от природной среды.

Новые стратегии взаимодействия общества и природы разрабатываются и отечественной философией. Одной из наиболее перспективных стала коэволюционная парадигма, рассматривающая это взаимодействие как совместное, сопряжённое развитие систем с взаимными селективными требованиями. Н. В. Тимофеев-Ресовский, Р. С. Карпинская, А. П. Огурцов, И. К. Лисеев, В. В. Мантатов, С. Н. Родин, В. В. Мангасарян, Н. Н. Моисеев и другие её сторонники намечают новые контуры экологической этики. Они исходят из того, что природа – не пассивный объект человеческой деятельности, а полноправный субъект коэволюции общества и природы. Открывается перспектива «онтологического диалога с природой, с действительностью вообще», а также возможность осмыслить «единство естественнонаучного и социогуманитарного знания, многообразных форм и видов культуры» [7, с. 5].

Такой подход задаёт новые ориентиры в формировании регулятивов культуры. Они не предполагают возврата к доминированию традиционности и корпоративности, свойственных архаическим культурам. Но во многом оказываются созвучны установкам традиционной экологической этики. И. К. Лисеев отмечает: «Происходит переход от установок на неограниченный прогресс, беспредельный экономический рост к представлениям о пределах роста, гармонизации экономической экспансии в природу с принципами экологического сдержи-

вания и запрета. Ориентации на прогресс и инновационность заменяются установками на стабильность, равновесность, устойчивое развитие с учётом пределов роста. От отношений господства, конкуренции, соревновательности намечается движение к идеалам сотрудничества, кооперации, сосуществования» [4, с. 143–144].

Преимущество с традиционной культурой акцентируют и сами авторы, разрабатывающие основания современной экоэтики: «В основе экологической этики лежит особая философская мудрость, выражением которой является, в частности, даосская концепция недеяния» [6, с. 37]. В качестве альтернативы европейскому антропоцентризму актуализируется проблематика древней восточной философии. Разнообразные её варианты базируются, в свою очередь, на идеалах гармонизации социального и природного начал, самоограничения потребностей человека, присущих традиционной культуре. Идеи взаимности, диалогичности, этической обусловленности осмысляются как важнейшие регулятивы социоприродного взаимодействия. «Именно в диалоге различных культур становится возможным синтез культурных традиций и инноваций, соответствующих требованиям коэволюционной парадигмы», – отмечает В. Н. Мангасарян, и «одним из условий этого процесса является распространение нравственных требований на отношения человека к природе» [7, с. 11–12].

Позиция, предлагающая концептуальный и этический отказ от антропоцентризма в качестве утилитарной поведенческой реакции, получает сегодня широкое распространение. В научном сообществе она классифицируется как биоцентризм, в противоположность социоцентризму, предполагающему переход к более высокой, просвещённой форме антропоцентризма [7, с. 9, 12]¹. Таким образом, критика разрушительных последствий существующей ныне стратегии природопользования выходит на уровень поиска новых ценностных оснований современной цивилизации. Ю. Г. Марков в аналитическом обзоре мировой научной литературы по экологии отмечает: «В социально-философской литературе уже

начинает просматриваться глубокая связь самой сущности нравственных отношений с экологическими основами бытия», – что позволяет размышлять о формировании «духовно-нравственной цивилизации, имеющей достаточно оснований называться экологической» [8, с. 3].

Выводы. Традиционная культура – локальна. Она являет собой традицию, органически и неразрывно связанную с конкретной территорией, с её неповторимым ландшафтом, климатом, фауной и флорой. Она делает этот природный мир неотъемлемой частью культуры, а человека – укоренённым в этом мире. Для современного жителя мегаполиса, да и сельского обитателя, это чувство почти утраченное. Традиционная культура содержит ценнейший для современного человека опыт контроля и сознательного самоограничения потребностей, опыт ответственности перед предками и потомками, перед всеми живыми существами, населяющими этот мир вместе с ним.

Конечно, суть современного экологического образования состоит не в возрождении культуры древних земледельцев и не в музеефикации их опыта. Даже заучив наизусть весь уклад жизни крестьянина, современный человек не станет носителем традиционной культуры. Задача состоит в адаптации её опыта к новым социокультурным условиям. Пока, к сожалению, этот процесс чаще идёт стихийно, на уровне мифологизации и архаизации обыденного сознания.

Философская рефлексия, дискуссии относительно ценностных оснований новой экологической культуры далеко не завершены. Важным достижением можно считать отказ от европоцентристских установок в пользу идеи множественности, неоднородности и ценности различных способов жизнедеятельности, освоенных человечеством. В пространство диалога включаются и социокультурные практики, выработанные традиционными сообществами. В условиях осознания нестабильности, неравновесности мироздания этот опыт вызывает всё больший интерес. Как отмечал И. Р. Пригожин, «нет... ничего удивительного в том, что новые вопросы, вливающие в науку свежие силы, часто исходят из традиций вопрошания, коренящихся в совсем иных культурах. А тот факт, что сегодня самые разные

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.azbyka.ru/osnovy-socialnoj-konceptcii-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi> (дата обращения: 09.01.2017).

культурные образования принимают участие в развитии научной культуры, является для нас источником новых надежд» [9, с. 49]. Процесс формирования новой эко-

логической этики происходит путём синтеза ценностных установок различных культур, в том числе, выработанных традиционными обществами.

Список литературы

1. Афанасьев О. Е. Глобализационные процессы в исследованиях истории регионального природопользования // Глобалистика – 2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления: материалы II Междунар. науч. конгресса. М.: МГУ, 2011. Т. 2. С. 42.
2. Брачун Т. А., Сахибгоряев В. Х. Глобализация и реликтовый этнос: к вопросу о генезисе чукотской культуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 3. С. 81–85.
3. Кирвель Ч. С. Глобализационный проект унификации мира как эпохальная иллюзия // Россия: многообразие культур и глобализация. М.: Канон+: Реабилитация, 2010. С. 134–135.
4. Лисеев И. К. Новый образ природы и новые ценности цивилизации сотрудничества и ненасилия // Философия. Биология. Культура (работы разных лет). М.: ИФРАН, 2011. С. 128–148.
5. Мамыев Д. И. Священные земли коренных народов и духовная экология // Материалы V Рос. филос. конгресса. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 523.
6. Мантатов В. В., Мантатова Л. В. Экологическая этика как философский проект жизни // Гуманитарный вектор. Т. 11, № 1. 2016. С. 36–40.
7. Мангасарян В. Н. Природа – общество – культура: основания коэволюции (философско-методологический анализ). СПб.: Изд-во РХГА, 2011. 252 с.
8. Марков Ю. Г. Экология и этика: ориентиры цивилизационных перемен // Экология. Серия аналитических обзоров мировой литературы. 2011. № 96. С. 1–255.
9. Пригожин И. Р. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.
10. Сметанина Т. А. Религия и наука в контексте ремифологизации современного массового сознания // Вестник Мининского университета. 2016. № 3. С. 26.
11. Thiele L. P. Nature and freedom: A Heideggerian critique of biocentric and sociocentric environmentalism // Environmental Ethics. 1995. Vol. 17. № 2.

Статья поступила в редакцию 21.01.2017; принята к публикации 18.03.2017

Библиографическое описание статьи

Сметанина Т. А. Опыт традиционной культуры в становлении новой экологической этики // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 175–181.

Tatyana A. Smetanina,

*Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Kozma Minin State Pedagogical University of Nizhny Novgorod
(1 Ulyanov st., Nizhny Novgorod, 603000, Russia),
e-mail: TanSmetan@yandex.ru*

Experience of Traditional Culture in the Development of New Environmental Ethics

This article analyzes the prospects for traditional ecological culture, studies various transformation forms of its experience in contemporary socio-cultural practices and assesses its philosophical basis in scientific discourse. Traditional society considered itself as part of the Ecumenical body and built its relationships with nature on the principles of reciprocity. The ethical aspect of traditional nature use resonates in popular consciousness of modern postindustrial societies. Ecological culture of traditional societies is considered as an alternative to the existing socio-cultural organization and a form of individual spiritual self-improvement. This is evident in ecophyll directives of anti-globalists, youth subcultures, traditional and non-traditional religious movements. The magical attitude to the world and syncretism, characteristic of traditional cultures, are present in the contemporary mass consciousness. Archaic experience is transformed and acquires a futuristic dimension. In modern philosophy there is a wide range of assessments of the traditional culture capacity. The article analyzes the theories of globalization, cultural unification, co-evolution and sustainable development. There is a tendency to overcome anthropocentrism, the duality of the subject and object in the relationship of man and nature as well as to reject

Eurocentrism in favor of the idea of multiplicity, heterogeneity, and the value of different ways of life created by mankind. The process of forming a new environmental ethic involves a complex synthesis of value orientations of different cultures, including the values developed by traditional societies.

Keywords: nature, society, traditional culture, environmental culture, subculture, CoEvolution, anthropocentrism

References

1. Afanas'ev O. E. Globalizacionnye processy v issledovanijah istorii regional'nogo prirodopol'zovanija // Globalistika – 2011: puti k strategicheskoj stabil'nosti i problema global'nogo upravlenija: materialy II Mezhdunar. nauch. kongressa. M.: MGU, 2011. T. 2. S. 42.
2. Brachun T. A., Sahibgorjaev V. H. Globalizacija i reliktovyj jetnos: k voprosu o genezise chukotskoj kul'tury // Gumanitarnye i social'no-jekonomicheskie nauki. 2010. № 3. S. 81–85.
3. Kirvel' Ch. S. Globalizacionnyj proekt unifikacii mira kak jepohal'naja illjuzija // Rossija: mnogoobrazie kul'tur i globalizacija. M.: Kanon+: Reabilitacija, 2010. S. 134–135.
4. Liseev I. K. Novyj obraz prirody i novye cennosti civilizacii sotrudnichestva i nenasilija // Filosofija. Biologija. Kul'tura (raboty raznyh let). M.: IFRAN, 2011. S. 128–148.
5. Mamyev D. I. Svjashhennye zemli korennyh narodov i duhovnaja jekologija // Materialy V Ros. filos. kongressa. Novosibirsk, 2009. T. 2. S. 523.
6. Mantatov V. V., Mantatova L. V. Jekologicheskaja jetika kak filosofskij proekt zhizni // Gumanitarnyj vektor. T. 11, № 1. 2016. S. 36–40.
7. Mangasarjan V. N. Priroda – obshhestvo – kul'tura: osnovanija kojevoljucii (filosofsko-metodologicheskij analiz). SPb.: Izd-vo RHGA, 2011. 252 s.
8. Markov Ju. G. Jekologija i jetika: orientiry civilizacionnyh peremen // Jekologija. Serija analiticheskikh obzorov mirovoj literatury. 2011. № 96. S. 1–255.
9. Prigozhin I. R. Filosofija nestabil'nosti // Voprosy filosofii. 1991. № 6.
10. Smetanina T. A. Religija i nauka v kontekste remifologizacii sovremennogo massovogo soznaniya // Vestnik Mininskogo universiteta. 2016. № 3. S. 26.
11. Thiele L. P. Nature and freedom: A Heideggerian critique of biocentric and sociocentric environmentalism // Environmental Ethics. 1995. Vol. 17. № 2.

Received: January 21, 2017; accepted for publication: March 18, 2017

Reference to the article

Smetanina T. A. Experience of Traditional Culture in the Development of New Environmental Ethics // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 175–181.

УДК 304

DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-182-188

Ирина Анатольевна Щеткина,
кандидат социологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30),
e-mail: irinasocio@mail.ru

Социокультурные детерминанты качества жизни

Возрастание интереса к исследованию проблемы качества жизни обусловлено изменением ориентиров развития цивилизации, повышением внимания к нуждам и потребностям человека, формированием типа потребления, включающего культурные блага. Культура в современном обществе выступает определяющим условием реализации потребностей человека. Для анализа места культуры в концепции качества жизни социальное познание использует результаты исследований аксиосферы культуры как системы взглядов, отражающих насущные интересы человеческого сообщества, выступающие, в свою очередь, основой социальной жизни. Ценностные отношения и связи обуславливают особенности социокультурного развития общества и служат основанием для деятельности человека по обеспечению качества жизни. В статье выявлен аксиологический аспект качества жизни, сделан акцент на связь качества жизни с духовностью, определены его культурные составляющие. Предпринята попытка определить роль аксиосферы качества жизни в современном обществе. Автор характеризует культурные универсалии, определяющие качество жизни человека, позволяющие удовлетворять биологические, психологические и социальные потребности. Рассмотрение социокультурных детерминант качества жизни имеет прикладное значение, поскольку позволяет осуществлять поиск и реализацию инновационных механизмов обеспечения качества жизни. В современном обществе культура выступает важным механизмом человеческого взаимодействия, способствующим обеспечению определенного качества жизни, сохранению единства и целостности сообщества.

Ключевые слова: качество жизни, культура, аксиосфера культуры, ценности, потребности человека

Вводная часть. В современной России формируется цивилизация, важнейшими характеристиками которой выступают гуманизация основных сфер жизни, становление и развитие ценностей постиндустриального общества, возрастание роли образования и культуры в обществе. Эти процессы оказывают влияние на повышение роли человеческого капитала, способствуют актуализации проблемы качества жизни.

Отдельные учёные (Э. Дюркгейм, М. Вебер и др.) давно ставят под сомнение доминирующее значение материальных факторов в жизни общества, отдавая главенствующую роль культурного фактора социально-экономическому развитию общества. Важнейшее значение в социальном развитии приобретает ориентация на духовные потребности человека. Главной задачей мирового сообщества является обеспечение социокультурных условий социальной безопасности, достижение социального равенства населения.

Сегодня учёные отстаивают идею, согласно которой высокое качество жизни яв-

ляется главным условием культурного развития отдельных стран и мирового сообщества в целом (Т. Г. Богатырева, С. А. Шачнев и др.). Качество жизни повышает способности человека изменять собственное будущее, создавать предпосылки для приобщения к культурным ценностям. С другой стороны, сама культура служит механизмом достижения достойного качества жизни. В современном обществе культура выступает основой качества жизни, что подтверждается ростом расходов на усвоение знаний, приобретение культурных ценностей; повышением уровня образования граждан. Именно культурный капитал позволяет индивиду приобретать новый статус, повышать своё благополучие. О значимой роли культуры в обеспечении качества жизни говорил в своё время Д. С. Лихачёв: «Культура является определяющим условием реализации созидательного потенциала личности общества, формой утверждения самобытности народа и основой духовного здоровья нации, гуманистическим ориентиром критерием развития человека и цивилизаций» [7].

Таким образом, существует взаимообусловленность культуры и качества жизни, что актуализирует необходимость проведения дальнейшего изучения этого вопроса. В данной статье рассмотрены взаимосвязи культуры и качества жизни в контексте оценки влияния социокультурных механизмов на обеспечение качества жизни человека и общества. Результаты проведённого исследования могут стать основой разработки, корректировки и реализации мероприятий социальной политики, в том числе в сфере культуры, а также органами государственного управления в процессе мониторинга качества жизни населения и его социокультурных составляющих.

Методология и методы исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составляют концепции качества жизни (С. А. Айвазян, М. Б. Лига, А. И. Субетто), теории культурного капитала (П. Бурдьё, Л. Харрисон и др.), концепции аксиосферы культуры (М. С. Каган, Л. А. Микешина, М. Б. Туровский и др.).

Результаты исследования и их обсуждение. С эпохи Античности и Возрождения философы связывали качество жизни с развитием добродетелей в человеке, его духовной свободой и моральным совершенством. Так, ещё Эпикур и Лукреций предлагали свой конструкт оптимального качества жизни и связывали его с понятием «атараксия». Атараксия при этом понималась как состояние невозмутимости и удовлетворённости собой и жизнью, а также способность рационального наслаждения жизнью. Однако достижение состояния атараксии возможно лишь мудрецами [12].

Поиск и обеспечение социокультурных условий достойного качества жизни актуализировался в работах русских философов. Ещё в начале XX века Н. К. Рерих говорил: «Не помышляющий о качестве, пусть и не помышляет о культуре» [11, с. 26]. По мнению Н. К. Рериха «...каждый, устремлённый к Культуре, иначе говоря, к качеству, находит в себе неиссякаемый источник сил и противостояние всему злобному и разрушительному...» [Там же, с. 13]. Культура России неизменно была направлена на формирование качества человека с учётом идеалов духовности и нравственности, этики, соборности, православной морали, созданных за всю историю России и историю русской культуры.

Иная точка зрения на взаимосвязь культуры и качества жизни прослеживается в работах известного русского философа И. А. Ильина, который считал, что будущее России неразрывно связано с качеством. Он полагал, что условиями благополучного социального развития России являются природные ресурсы страны, «духовная гениальность русского народа, его природная даровитость» [3]. Учёный отождествлял «русское качество жизни» с русской культурой, а также с жизненной философией и идеалами русского человека. Основой кардинальных изменений, происходящих в обществе, по его мнению, выступает идея качества жизни [Там же].

Качественному развитию культуры как сферы общественной жизни традиционно придавалось большое значение. Н. А. Бердяев связывал качество бытия народов с их творчеством, а также с так называемым «творческим сознанием» [Там же]. Исследователь считал, что общество должно учитывать особое значение высочайших ценностей человека, ценностей его жизни, право каждого человека постичь все стороны его жизни. Немаловажным является содействие развитию творческих способностей людей, их активности в целях изменения условий бытия. Рассуждая о будущем общества, Н. А. Бердяев отмечал, что культура есть выражение качества жизни [1]. Его идеи актуальны и для современной России.

Русские учёные сыграли большую роль в развитии представлений о качестве жизни, культурных его составляющих: приобрёл значимость аксиологический аспект качества; сделан акцент на связь качества жизни с духовностью; сформированы предпосылки формирования новой цивилизационной парадигмы – парадигмы качества. Однако исторические события XX века нарушили процесс продвижения идей качества жизни в нашей стране, а идеи качества жизни стали объектом пристального внимания учёных, практиков в России лишь в конце XX века.

В современном обществе культура выступает важным механизмом человеческого взаимодействия, помогающим людям обеспечить определённое качество жизни, сохранить единство и целостность сообществ при взаимодействии друг с другом.

Современная наука чаще всего трактует культуру как систему совместно под-

держиваемых взглядов, ценностей, правил и норм поведения, свойственных определённой группе людей. Голландский учёный Г. Хофстед под культурой понимает «коллективную ментальную запрограммированность, часть предопределённости нашего восприятия мира, общую с другими представителями нашей нации, региона или группы и отличающую нас от представителей других наций, регионов и групп» [15, с. 500]. Мы рассматриваем культуру как совокупность созданных человечеством ценностей материального, духовного и социального характера, функционирующих в качестве искусственных средств человеческой жизнедеятельности и позволяющих удовлетворять разнообразные потребности человека как биопсихосоциокультурного существа.

Современная культура формируется как сложная динамичная система, имеющая социальную природу и выражающаяся во взаимоотношениях между людьми. Эти взаимоотношения направлены на формирование, хранение и распространение ценностных представлений и идей, позволяющих обеспечить понимание друг с другом в разных жизненных ситуациях и определяющих показатели качества жизни людей.

Современная культура посредством культурных универсалий формирует целостный образ человеческого мира, закрепляет и транслирует социально-исторический опыт. Культурные универсалии представляют собой обобщённую систему мировоззренческих представлений. Американский исследователь Дж. Мёрдок выделил различные культурные универсалии, свойственные всем без исключения сообществам, среди которых язык, символы, религия, способы создания и применения орудий труда, правила сексуальных взаимодействий, обычаи, спорт, украшения и т. д. [9]. Эти универсалии определяют качество жизни человека, удовлетворяя биологические, психологические и социальные потребности человека.

Особое значение среди культурных универсалий, влияющих на качество жизни, имеют ценности как составляющие культуры. Учёные отмечают, что ценности создаются в процессе осознания человеком своих потребностей в соотношении их с предметами окружающего мира. Чаще всего ценности рассматривают как свойства отдельного общественного предмета,

явления удовлетворять интересы и потребности человека, способствуя, тем самым, достижению нового качества жизни. Немаловажное значение ценности имеют для формирования идеальных представлений о потребностях и интересах человека.

Одним из социокультурных механизмов достижения достойного качества жизни в современном обществе выступает аксиосфера культуры. М. С. Каган даёт наиболее полное определение понятия «аксиосфера»: «это общественная система взглядов, мировоззрений, идеологий и т. д., которая объединяет многообразные идеалы как эталоны человеческого представления и понимания функционирования культуры и природного мира и тем самым позволяет выразить ценностное отношение к предметам, вещам и явлениям. Именно аксиосфера является фундаментом культуры общества и социальной жизни в целом. Она составляет базовую основу общества, благодаря чему последнее сохраняет стабильность, несмотря на присущие ему конфликты. Особенность аксиосферы – высокая устойчивость, не позволяющая изменять её произвольно, по чьему-либо желанию» [4, с. 136]. Аксиосфера качества жизни отражает субъект-субъектные и субъект-объектные отношения человека к миру, выступая основой социальной жизни.

В систему ценностей человека современные исследователи включают различные ценности [5]. Аксиосфера качества жизни включает разнообразные ценности: витальные, смысложизненные, интеракционистские и социализационные.

С качеством жизни человека и стратегиями его обеспечения напрямую связаны витальные ценности жизни, личной безопасности, семьи, здоровья, благосостояния, образования и др. Эта группа ценностей основана на потребностях человека как живого существа. Ценности жизни (пища, вода, жилище, безопасность и т. п.) направлены на обеспечение выживания человека и представляются первостепенными. Удовлетворение/неудовлетворение потребностей, в свою очередь, обуславливает качество жизни человека. Ещё в XIX веке в идеях философии прагматизма, а именно в работах У. Джеймса и Д. Дьюи, качество жизни индивида связывается с вопросом удовлетворения и неудовлетворения его личных потребностей и нужд. Благо (ка-

чество жизни) возникает только с учётом требований самого человека, на основе удовлетворения его потребностей или разочарования в существующих условиях жизни (У. Джеймс) [2]. Обеспечение достойного качества жизни зависит от уровня развития культуры в государстве. Такой же позиции придерживается А. Маслоу, связывая качество жизни с удовлетворением потребностей. Так, основой существования А. Маслоу называет «Б-ценности», другими словами, ценности жизни или бытия, среди которых божественность и красота, целостность и уникальность, жизненность и совершенство. Эти «Б-ценности» имеют свойство наполнять жизнь человека особым смыслом. Примером может служить смысл жизни, который давали религии в древние времена. Согласно А. Маслоу, можно утверждать, что качество жизни изменяется при удовлетворении потребностей более высокого порядка. Он говорил, что «хорошая культура должна позволять удовлетворение высших потребностей, равно как и низших» [8].

В концепции У. Телли, названной «конкурирующей пирамидой потребностей», отвергается единственный вектор развития – вверх по лестнице удовлетворения потребностей. У. Телли считает иначе: взаимозаменяемость, особая эластичность всех потребностей создаёт всевозможное разнообразие направлений развития качества жизни [14].

Различное отношение к витальным ценностям, разное восприятие своей жизни иллюстрирует в своей работе Р. Альперт, американской психолог. Он писал: «...В храмах моего гуру в Гималаях жизнь моя была очень проста. Я спал на подстилке, умывался из ведра, ел один раз в день, сидел, часами глядя в окно или изучая Гиту. Однажды, сидя так, я припомнил статью из журнала “Лайф” о военнопленных американских лётчиках. Было там и несколько фотографий, показывающих их быт. Я вспомнил одно описание жизни военнопленного: “весь день сижу в комнате. Сплю на подстилке, омываюсь из ведра и ем один раз в день”. Целью статьи было показать ужас его жизни в таких жутких условиях. Я посмотрел на свою собственную жизнь: я добровольно выбрал такие же условия и при этом часто пребывал в экстазе» [6, с. 4–5.].

Смысложизненные ценности выступают как представления о добре и зле, цели

и смысле жизни, счастье. Смысл жизни имеет в обеспечении культуры качества жизни, что обусловлено стратегией жизни человека, принятыми решениями и действиями, которые формируют его духовное состояние (С. Л. Франк, Э. Фромм и др.). Осознание смысла собственной жизни позволяет человеку перешагнуть на следующий уровень бытия, который характеризуется удовлетворением высшего уровня пирамиды потребностей (по А. Маслоу), а именно, самореализации и самоактуализации (Э. Фромм). Стремление к достижению нового смысла жизни позволяет нам более продуктивно использовать возможности, повышать свой интеллектуальный уровень, развивать свои особенности, заниматься творчеством, что в итоге обеспечивает повышение качества жизни.

Особое место в системе аксиосферы качества жизни занимает счастье как конечная цель деятельности любого индивида. Согласно последним исследованиям ВЦИОМа, основными факторами, способствующими образованию высокой доли счастливых людей среди жителей России, остаётся благополучная личная и семейная жизнь. «Основными генераторами счастья продолжают оставаться факторы личной жизни. Это говорит о том, что люди продолжают уходить во внутренний мир семьи, в меру сил отвлекаясь от проблем внешнего мира, которые продолжают восприниматься ими как весьма болезненные»¹, – отметил эксперт ВЦИОМ О. Чернозуб. Доля счастливых людей среди жителей России выросла до максимального уровня за всю историю наблюдений, начавшегося в 1990 году. «Уровень счастья россиян, по субъективным ощущениям, достиг 85 % – максимальный показатель за все годы измерений. Этот процент высок во всех социально-демографических группах, однако можно отметить, что молодёжь (95 % среди 18–24-летних) и люди с высоким, по их оценкам, достатком (94 %) более оптимистичны, в сравнении с людьми преклонного возраста (82 % среди 60-летних и старше) и жалующимися на своё материальное положение (63 %)»².

¹ Счастье есть!: пресс-выпуск ВЦИОМ [Электронный ресурс]. 2017. – № – 3362. – Режим доступа: <https://www.wciom.ru/index.php?id=236&uid=116179> (дата обращения: 18.02.2017).

² Там же.

В концепции утилитаризма, представителями которого являются И. Бентам, Дж. Милль и другие, мораль становится основой счастья, благо рассматривается как удовольствие, а порок отождествляется со страданием. Авторы концепции утилитаризма стремятся отстоять возможность человека жить так, как ему нравится. «Каждый из нас самодостаточен относительно собственного здоровья, как телесного, так и умственного, и духовного» [10, с. 305]. Мораль рассматривается во взаимосвязи с культурой, которая способствует гармонизации личных интересов с общественными. Среди задач, которые следует реализовать в первую очередь, учёные отмечают обеспечение изобилия, поддержание существования человека, что, в свою очередь, приводит к достижению им счастья (И. Бентам). Значение философии утилитаризма заключается также в том, что она обращает внимание на качество, а не на количество удовольствия.

В. Татаркевич в своей работе «О счастье и совершенстве человека» определяет следующие аспекты счастья человека: счастливая судьба и удача, сильные радости и положительные переживания, приобретение наивысших благ, а также удовлетворённость жизнью [13]. С другой стороны, несчастья также значимы для жизни человека и несут положительную ценность. Ещё в Античности обращали внимание на то, как несчастья в жизни человека способствуют укреплению его духовной силы и воли к жизни [12]. Таким образом, речь идёт о субъективной стороне качества жизни, которая выражается в таких категориях, как «счастье», «несчастье», «успех», «неуспех», «удача», «неудача» и др. Качество жизни при этом понимается как ощущение личностью благополучия, её удовлетворённость или неудовлетворённость жизнью.

При обсуждении вопроса о роли ценностей в обеспечении качества жизни человека необходимо обратить внимание на так называемые интеракционистские ценности,

обуславливающие потребность взаимодействия человека с другими людьми, межличностное и групповое общение. Интерес человека к общению обусловлен самой сущностью человека как биопсихосоциокультурного существа (согласно социологии витализма) и формируется из его стремления к сотрудничеству с другими людьми и социальными группами. Однако причины, детерминирующие такое желание, могут быть разными: как эгоистичными (желание произвести впечатление, стремление к доминированию), так и альтруистичными (дружеские отношения, стремление к взаимопомощи). В любом случае осознание интеракционистских ценностей способствует удовлетворению потребности человека в общении и повышает качество его жизни.

Заключение. Таким образом, выполнение культурой своей регулирующей функции обеспечивает определённое качество жизни, стандарты которого утверждены обществом. Как уже отмечалось, примеры поведения и социальные нормы, а также ценности являются важной составляющей самосознания личности, поскольку создают основу регуляции поведения человека. Другими словами, культура в целом определяет границы, в которых осуществляет свою деятельность человек. Так, культура определяет поведение человека в таких сферах, как семья, школа, производство, быт, прежде всего, с помощью социальных стандартов. Немаловажное значение имеет система предписаний и запретов, нарушение которых приводит в действие определённые санкции, установленные обществом и поддерживаемые общественным мнением. При этом аксиосфера качества жизни позволяет выработать ценностное отношение к жизни, предметам, вещам и явлениям, тем самым найти смысл жизни, определить цели самого существования человека. Исходя из вышесказанного, становится очевидным, что культура играет значительную роль в жизни общества, выступая важным условием обеспечения достойного качества жизни.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1998. 296 с.
2. Джеймс У. Воля к вере / пер. с англ. С. И. Церетели [и др.]; сост. Л. В. Блинников, А. П. Поляков. М., 1997. 431 с.
3. Ильин И. А. Спасение в качестве // Антология русского качества / сост. Б. В. Бойцов [и др.]. М.: Стандарты и качество, 2000. С. 10–14.
4. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 205 с.

5. Лапин Н. И. Ценности в кризисном социуме // Ценности социальных групп и кризис общества / отв. ред. Н. И. Лапин. М.: ИФАН, 1991. 152 с.
6. Лига М. Б. Качество жизни как основа социальной безопасности. М.: Гардарики, 2006. 223 с.
7. Лихачёв Д. С. Декларация прав культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sbiblioteka.blogspot.ru/2013/04/blog-post_28.html?m=1 (дата обращения: 12.03.2017).
8. Маслоу А. Г. Мотивация и личность / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. СПб., 1999. 479 с.
9. Мердок Дж. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1. С. 52–53.
10. Милль Дж. Основы политической экономии. М.: Прогресс, 1980. 495 с.
11. Рерих Н. К. О культуре. Новосибирск: РОССАЗИЯ, 2009. 40 с.
12. Спекторский Е. Понятие общества в античном мире. Этюды по семантике обществоведения. Варшава: Тип. Варш. учеб. округа, 1911. 134 с.
13. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека / пер. с пол. Л. В. Коноваловой. М.: Прогресс, 1981. 368 с.
14. Ценев В. Теория человеческих потребностей Уильяма Телли [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.psyberia.ru/mindterritory/tally00> (дата обращения: 02.03.2017).
15. Hofstede G.H. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. Pp. 500–502.

Статья поступила в редакцию 19.03.2017; принята к публикации 15.04.2017

Библиографическое описание статьи

Щеткина И. А. Социокультурные детерминанты качества жизни // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 182–188. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-182-188.

Irina A. Shchetkina,

*Candidate of Sociology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: irinasocio@mail.ru*

Sociocultural Determinants of the Quality of Life

The growing interest in the study of the quality of life problem is due to a change in the orientations of the civilization development, increased attention to the needs of people, the formation of a consumption type that includes cultural goods. Culture in modern society is the determining condition for the realization of human needs. To analyze the place of culture in the concept of the quality of life, social cognition uses the results of the studies of the axiosphere of culture as a system of views reflecting the vital interests of the human community, which in turn act as the basis of social life. Value relations and relationships determine the characteristics of the sociocultural development of society and serve as the basis for human activities to ensure the life quality. The article reveals the axiological aspect of life quality, emphasizes the connection between the quality of life and spirituality, and determines its cultural components. The article attempts to determine the axiosphere role of the quality of life in modern society. The author characterizes cultural universals that determine the quality of human life, allowing to satisfy biological, psychological and social needs. The consideration of the sociocultural determinants of the quality of life is of practical importance, since it allows us to search for and implement innovative mechanisms for ensuring the quality of life. In modern society, culture is an important mechanism of human interaction, contributing to the provision of a certain life quality, preserving the unity and integrity of the community.

Keywords: quality of life, culture, axiosphere of culture, values, human needs

References

1. Berdjajev N. A. Smysl tvorčestva. M.: JeKSMO-PRESS, 1998. 296 s.
2. Dzhejms U. Volja k vere / per. s angl. S. I. Cereteli [i dr.]; sost. L. V. Blinnikov, A. P. Poljakov. M., 1997. 431 s.
3. Il'in I. A. Spasenie v kachestve // Antologija russkogo kachestva / sost. B. V. Bojcov [i dr.]. M.: Standarty i kachestvo, 2000. S. 10–14.

4. Kagan M. S. Filosofskaja teorija cennosti. SPb.: Petropolis, 205 s.
5. Lapin N. I. Cennosti v krizisnom sociume // Cennosti social'nyh grupp i krizis obshhestva / otv. red. N. I. Lapin. M.: IFAN, 1991. 152 s.
6. Liga M. B. Kachestvo zhizni kak osnova social'noj bezopasnosti. M.: Gardariki, 2006. 223 s.
7. Lihachjov D. S. Deklaracija prav kul'tury [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.sbiblioteka.blogspot.ru/2013/04/blog-post_28.html?m=1 (data obrashhenija: 12.03.2017).
8. Maslou A. G. Motivacija i lichnost' / per. s angl. A. M. Tatlybaevoj. SPb., 1999. 479 s.
9. Merdok Dzh. Fundamental'nye harakteristiki kul'tury // Antologija issledovanij kul'tury. SPb., 1997. T. 1. S. 52–53.
10. Mill' Dzh. Osnovy politicheskoy jekonomii. M.: Progress, 1980. 495 s.
11. Rerih N. K. O kul'ture. Novosibirsk: ROSSAZIJa, 2009. 40 s.
12. Spektorskij E. Ponjatje obshhestva v antichnom mire. Jetjud po semantike obshhestvovedenija. Varshava: Tip. Varsh. ucheb. okruga, 1911. 134 s.
13. Tatarkevich V. O schast'e i sovershenstve cheloveka / per. s pol. L. V. Konovalovoj. M.: Progress, 1981. 368 s.
14. Cenev V. Teorija chelovecheskih potrebnostej Uil'jama Telli [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.psyberia.ru/mindterritory/tally00> (data obrashhenija: 02.03.2017).
15. Hofstede G.H. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. Pp. 500–502.

Received: March 19, 2017; accepted for publication: April 15, 2017

Reference to the article

Shchetkina I. A. Sociocultural Determinants of the Quality of Life // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 182–188. DOI: 10.21209/2500-171X-2017-12-3-182-188.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объёмом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в следующих жанрах:

Жанр	Минимальный объём
Статья (теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором)	0, 5 п. л. (20 000 знаков)
Научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (12 000 знаков)
Научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного лицензионного договора.
3. Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, если автор статьи – аспирант.
4. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК.

Имя, отчество, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Источники финансирования статьи (при их наличии) – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация: 150–200 слов на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи: актуальность, методы, выводы исследования. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи, содержащий следующие блоки: вводная часть, методология и методика исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

Список литературы указывается в алфавитном порядке и должен включать не менее 15 источников. Желательно, чтобы в нём были представлены зарубежные источники. Литература на иностранных языках должна следовать за литературой на русском языке.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются источниками, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Самоцитирование допускается в объёме не более 20 % от общего количества источников в списке литературы.

Объём цитирования в статье должен составлять не более 40 % от общего объёма статьи.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СТАТЬИ

Рабочие языки: русский и английский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2 см; левое и правое – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию.

При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и Ф.И.О. автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170 × 240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисуночные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют 200 р.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отправляется по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Адрес редакции:

672007, Россия, г. Чита, ул. Бабушкина, 129. Забайкальский государственный университет. Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь:

Седина Елена Витальевна,
Блажевская Ирина Николаевна.

Тел. 8 (3022) 35-24-79, e-mail: zab-nauka@mail.ru